

А. В. ИГНАТЬЕВ

Русско-
английские
отношения
накануне
Октябрьской
революции

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНОЙ ПРОБЛЕМЕ
«ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

А. В. ИГНАТЬЕВ

Русско-
английские
отношения
накануне
Октябрьской
революции

(февраль — октябрь 1917 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1966

*Ответственный редактор
академик И. И. МИНЦ*

ВВЕДЕНИЕ

В жизни народов и государств бывают переломные моменты, когда люди находят ответ на давно волновавшие вопросы и направление дальнейшего развития определяется на много лет вперед. Среди них особое место занимает всемирно-исторический поворот человечества от капитализма к социализму, начатый Октябрьской революцией.

Вспомним обстановку, в которой наступил 1917 г. Мировая война тянулась почти тридцать месяцев, а конца все не было видно. К миллионам убитых и искалеченных ежедневно прибавлялись новые и новые жертвы. Уделом трудящихся в тылу был военный режим, чрезмерный труд, необеспеченность и голод. Жаждавшие мира народы изверились в способности правительств и дипломатов договориться об окончании бойни. Недовольство и возмущение рабочих и крестьян росло, но еще нигде не приняло формы массовых революционных действий, не принесло ощутимых результатов. Международная солидарность пролетариата была, казалось, погребена под обломками II Интернационала.

В этой безысходной, душной атмосфере живительной грозой пронеслась Февральская революция. Рабочие и солдаты России на практике начали осуществлять революционный лозунг партии большевиков о превращении империалистической войны в гражданскую. Свергнув самодержавие, они создали органы народной власти — Советы депутатов, во всеуслышание провозгласили лозунг мира без аннексий и контрибуций на базе самоопределения народов и присоединили свой веский голос к призывам восстановить единство мирового пролетариата. Русская армия на несколько месяцев перестала сражаться, и по огромному восточному фронту прокатилась волна братания.

Пример рабочих и крестьян России оказал сильное воздействие на народы других стран. Оно проявилось в активизации антивоенного движения и требованиях демократического мира, в подъеме революционной стачечной борьбы, попытках создавать Советы по русскому образцу и добиваться демократизации общественной жизни, в выступлениях за созыв международной социалистической конференции и солдатских волнениях на фронте.

Тем не менее империалистическая война продолжалась и расширялась. Этому способствовали вступление в схватку нового претендента на мировую гегмонию — США, оттеснявших соперников, — а также борьба международной буржуазии с назревавшей пролетарской революцией. Наибольшую опасность для себя империалисты видели в развитии революции в России, грозившей превратиться в непосредственное выступление против войны и капитализма и увлечь за собой пролетариат других стран. Какие только средства не были применены мировой буржуазией, чтобы отвести от себя эту угрозу и одновременно расчленить Россию и превратить ее в полуколонии более сильных держав.)

Происки империалистов были сорваны Октябрьской революцией. Российский пролетариат, под руководством партии большевиков свергнув господство буржуазии, спас страну от национальной катастрофы, повел действенную борьбу за всеобщий демократический мир и проложил новые пути общественного прогресса — превратил Советы депутатов трудящихся в аппарат государственной власти, радикально решил остававшиеся неразрешенными задачи буржуазно-демократического переворота и приступил к осуществлению первых социалистических преобразований. Так Великий Октябрь показал человечеству выход из тупика, в который завел общество империализм.

Февральская и тем более Октябрьская *социалистическая* революции сыграли кардинальную роль в судьбах народов мира, а сами эти революции протекали под чрезвычайно сильным воздействием международной обстановки.

В силу экономических и политических закономерностей периода империализма пролетариат России в борьбе за власть неизбежно сталкивался с сопротивлением не

только русской, но и международной буржуазии. С другой стороны, российская пролетарская революция получила поддержку мирового рабочего класса.

Империалистическая война выдвинула на первый план политической борьбы в России вопрос о мире. Активно участвовали в его решении народные массы. Достаточно вспомнить пронесшийся над всей страной ураган возмущения апрельской «нотой Милюкова» или участие солдат в заключении перемирия на фронте в ноябре 1917 г.

Вот почему не будет преувеличением сказать, что ни Февральская, ни Октябрьская революции вообще не могут быть до конца осмыслены без учета внешнеполитической стороны событий. Перед историками стоит задача осветить взаимодействие международных и внутривнутриполитических факторов не в общих чертах, что давно сделано, а проследить их день за днем на протяжении всего хода революции.

Важной стороной международного положения России являлись ее отношения с Англией. Последняя, как лидер Антанты, в значительной мере определяла направление политики союзников в русском вопросе.

Существенным представляется и то обстоятельство, что именно от Англии в наибольшей мере зависела в 1916—1917 гг. царская, а затем буржуазная Россия. Эта зависимость не ограничивалась экономической областью. Используя нужду союзника в займах, военных поставках и перевозках, Англия совместно с Францией стали оказывать давление на русскую стратегию и даже вмешиваться во внутренние дела России.

Своеобразие русско-английских отношений состояло также в том, что антагонизм российского империализма с Англией в области дележа мира был острее, чем его противоречия с любой другой союзной державой.

Наконец (и это, пожалуй, главное для интересующихся международной обстановкой Февральской и Октябрьской революций), империалистическая Англия оказалась в числе активных врагов буржуазно-демократического Февраля и социалистического Октября. Подобная контрреволюционная роль Англии объяснялась многими причинами, начиная с того, что она была одной из главных твердынь капиталистического мира, разрушению которого положила начало инициатива трудящихся России, и

кончая ее историческими традициями как организатора борьбы с революциями в других странах.

Если буржуазная Англия закономерно оказалась смертельным врагом трудящихся России в их борьбе за мир и свободу, за хлеб и землю, за социализм, то в лице британского пролетариата русская революция нашла друга и союзника. Достаточно сказать, что в 1917 г. были периоды, когда английское правительство и буржуазия опасались революции в собственной стране, что именно в Англии получила в тот момент наибольший отклик идея создания Советов. Все это, а также ярко выраженное сочувствие английских рабочих к революционной России увеличивало ненависть к ней господствующих классов Великобритании, но не могло не охлаждать их пыла при разработке и реализации планов тушения русского «пожара».

Значимость темы о русско-английских отношениях бурного 1917 г. еще больше возрастает благодаря тому, что ни в советской, ни в зарубежной исторической литературе она специально не рассматривалась, а в общих трудах буржуазных авторов подвергалась серьезным извращениям.

Для работ реакционного официозного направления, примером которых могут служить книга Р. Вильтона «Агония России»¹, а из более новых изданий — книги С. Смита² и С. Граубарда³, характерны неприкрыто враждебное отношение к Февральской и особенно Октябрьской революции, оправдание и приукрашивание политики Англии в отношении России, упреки России в нарушении обязательств и измене Антанте, принижение международного влияния русской революции. Вина за провал британской дипломатии в России возлагается в них на «продавшихся немцам» большевиков, а также на Временное правительство, не проявившее решимости в борьбе с «анархией».

Более многочисленно буржуазно-критическое течение, представители которого, претендуя на объективную оцен-

¹ R. Wilton. Russia's Agony. N. Y., 1919.

² C. J. Smith. The Russian Struggle for Power, 1914—1917. A Study of Russian Foreign Policy during the First World War. N. Y., 1956.

³ S. R. Graubard. British Labour and the Russian Revolution, 1917—1924. Cambridge, 1956.

ку событий, уделяют значительное внимание ошибкам союзной политики в России. В этом духе трактует международные вопросы, в частности, Э. Карр — автор наиболее фундаментального в буржуазной историографии труда об Октябрьской революции¹. К указанному течению примыкает и праволейбористская историография².

Работы критического направления получили особенно заметное преобладание в 50—60-е годы. Остановимся лишь на тех из них, авторы которых больше других акцентируют внимание на русско-английских отношениях. В 1954 г. в США вышла в свет монография Р. Ворфа «Союзники и русская революция»³, которая до сих пор рассматривается буржуазными историками как наиболее обстоятельное и аргументированное исследование в своей области. Действительно, Ворф привлек большой и разнообразный фактический материал, позволивший ему довольно подробно осветить отношение держав Антанты и США к Февральской революции и дальнейшей политической борьбе в России. Многие оценки Ворфа подкупают видимой объективностью. Так, он отмечает, что Англия использовала свое географическое положение и контроль над морскими коммуникациями, чтобы препятствовать возвращению в Россию тех политэмигрантов, которые были настроены против войны (р. 38). Ворф со всей категоричностью пишет о давлении Англии в пользу неудавшегося июньского наступления (р. 6), о замешанности ее в корниловском мятеже (р. 123—124). Он осуждает политику Англии и других союзников в отношении к России, но не за ее враждебность к русской революции, а за недостаточную дальновидность и гибкость. «Союзная политика и дипломатия в рассматриваемый период, — утверждает историк, — основывались на почти полном непонимании сил и событий Русской революции» (р. V). Ворф критически относится и к дипломатии Временного правительства, иронизирует над нерешительными фразерами и

¹ E. H. Carr. The Bolshevich Revolution, 1917—1923. London, 1950, v. 1, p. 90—91; v. 3, p. 8.

² М. М. Карлинер. Лейбористская историография Великой Октябрьской социалистической революции. В сб. «Зарубежная литература об Октябрьской революции». М., 1961, стр. 176, 185.

³ R. D. Warth. The Allies and the Russian Revolution. Durham, 1954.

политическими простачками-соглашателями. Он старается подвести читателя к выводу, будто успех большевиков объясняется не тем, что они верно оценивали обстановку и выражали интересы народа, а лишь ошибками или слабостью их противников. Обнаружь союзники России больше ума и гибкости, предоставь они ей возможность заключить мир, и Октябрьской революции можно было бы избежать (р. 188).

Русско-английские отношения при Временном правительстве прослежены в первой главе книги Р. Уллмана об участии Великобритании в интервенции против Советской России¹. Уллман утверждает, что Англия руководствовалась в своей русской политике не враждебностью к революции, а главным образом военными соображениями. По его мнению, ошибка правительства Ллойд Джорджа, как и правительств других союзных держав, состояла в том, что оно не поняло неспособности России продолжать войну и пацифистских настроений среднего русского человека (р. 4). Временное правительство с самого начала оказалось между молотом и наковальней, которые раздавили самодержавный строй, — стремлением народа к миру и убеждением союзников, что для победы на западе требуется продолжение «давления» России на противника с востока. «Настояния союзников на возобновлении военных усилий неизбежно увеличивали разрыв между Временным правительством и массой русского населения» (р. 7). Этому способствовал и ряд тактических ошибок английской дипломатии — активное участие в срыве Стокгольмской конференции, инициатива «бестактного» тройственного демарша перед Керенским осенью 1917 г. и др. Дискредитация Временного правительства и умеренно-социалистических партий привела к успеху большевиков.

Как видим, в основе буржуазно-критических концепций лежит идеалистическое отрицание социальной обусловленности внешней политики Англии и Временного правительства, которые якобы могли проводить иной курс, способный предотвратить торжество Октябрьской революции.

¹ R. H. Ullman. *Intervention and the War. Anglo-Soviet Relations, 1917—1921.* Princeton, 1961.

Частью реакционной буржуазной историографии являются писания белоэмигрантских авторов. Потерпевшие фиаско политические деятели, как правило, занимались самооправданием. Они яростно атаковали большевиков, без стеснения ругали инакомыслящих в контрреволюционном лагере и обычно лакействовали перед союзниками¹. Не выходят за рамки буржуазно-критического направления и книги А. Ф. Керенского, хотя он и жалуется на неблагожелательное отношение союзников к Временному правительству².

Особняком в буржуазной историографии стоит сравнительно немногочисленная литература демократического характера. Яркий образец ее — книга либерального журналиста М. Фарбмана «Россия и борьба за мир», написанная по горячим следам событий³. Намеченная им линия нашла свое продолжение в работах Ф. Прайса⁴, П. Арнота⁵, впоследствии коммуниста, левого лейбориста К. Зиллиакуса⁶. Авторы этих книг сочувственно относятся к революционным событиям в России, осуждают политику Англии (союзников) в русском вопросе за «эгоизм» и контрреволюционность, критикуют антинародную внешнеполитическую линию Временного правительства и нерешительность соглашательских партий. В то же время представители рассматриваемого направления не понимают особой роли, выпавшей в борьбе против империалистической войны на долю рабочего класса и его партии, не видят, что путь к демократическому миру в тех условиях лежал через пролетарскую революцию. Преодолеть

¹ См., например: П. Н. М и л ю к о в. История второй русской революции, т. 1, вып. 1 и 2. София, 1921; К. Д. Н а б о к о в. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921, стр. 97—100, 139—140; М. В. Р о д з я н к о. Государственная дума в Февральской 1917 года революции. «Архив русской революции», т. 6. Берлин, 1922, стр. 35.

² А. Ф. К е р е н с к и. The Catastrophe. New York—London, 1927; «The Crucifixion of Liberty». N. Y., 1934.

³ М. S. F a r b m a n. Russia and the Struggle for Peace. London, 1918.

⁴ Ph. P r i c e. War and Revolution in Asiatic Russia. London, 1918.

⁵ Page R. A r n o t. The Russian Revolution. A Narrative and Guide for Reading. London, 1923.

⁶ K. Z i l l i a k u s. The Mirror of the Past Lest It Reflect the Future. London, 1944.

эту ограниченность, не позволявшую буржуазным демократам до конца разобраться в отношениях России с союзниками в 1917 г., оказалось по плечу только авторам-марксистам.

Марксистская историческая литература в капиталистических странах по понятным причинам во много раз малочисленней буржуазной. Ее представители касаются интересующего нас сюжета попутно в общих работах, посвященных Октябрьской революции и ее международному значению или истории английского рабочего движения. У истоков указанного направления стоят первые отклики на Великий Октябрь (статьи, выступления) левых социалистов Англии, многие из которых стали затем коммунистами — Э. Бэрнса, У. Галлахера, А. Инкпина, А. Макмануса, Дж. Файнберга и др.

Одну из ранних книг об Октябрьской революции, где уделялось серьезное внимание ее международному аспекту, написал американский коммунист Джон Рид¹. Он сумел ярко показать, что внешнеполитическая программа большевиков отвечала горячему стремлению народа к демократическому миру и что победа Октября спасла страну от сговора империалистов за ее счет. Господствующие классы России занимали накануне социалистической революции антинациональную, предательскую позицию, возлагали надежды на иностранное «хирургическое вмешательство». Мирные маневры соглашателей терпели жалкое фиаско. Внешняя политика Временного правительства никого не удовлетворяла. Англия выступала в это время как активная контрреволюционная сила. «Во время битвы в Рижском заливе не только большевики, но и сами министры Временного правительства считали, что британский флот покинул Балтийское море с определенным умыслом...» (стр. 270). Английские представители в России поддерживали связи с казачьей контрреволюцией.

Из позднейших книг, брошюр и статей, написанных авторами-марксистами, остановимся здесь на исследовании английских историков А. Л. Мортон и Дж. Тейта о британском рабочем движении в 1770—1920 гг. Специальный раздел их труда посвящен влиянию русской рево-

¹ Джон Рид. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1957.

люции. Наиболее интересны в нем попытки вскрыть воздействие борьбы большевиков на международной арене в годы войны на усиление интернационалистских настроений в Англии, показ отношения к революционным событиям 1917 г. в России Британской социалистической партии, оценка конгресса в Лидсе и анализ причин неудачи Советского движения в Англии. При всем значении труда Мортон и Тейта в борьбе с праволейбористской и реакционной буржуазной историографией он не свободен от некоторых преувеличений в оценке понимания Британской социалистической партией перспектив революции в России и правильности позиции большевиков¹.

Советские исследователи внешней политики России 1917 г. опирались и опираются на глубокий анализ международной обстановки Февральской и Октябрьской революций, содержащийся в произведениях В. И. Ленина.

В работах 20-х — начала 30-х годов главное внимание уделялось разоблачению империалистического характера внешней политики царского и Временного правительств, а также других держав — участниц мировой войны². Широко разрабатывалась и тема зависимости России от главных союзных стран³. В статьях Ц. Фридланд⁴ и

¹ А. Л. Мортон и Дж. Тейт. История английского рабочего движения, 1770—1920. Перев. с англ. М., 1959.

² М. Н. Покровский. Внешняя политика. Сб. статей (1914—1917). М., 1918; В. Керженцев. Союзники и Россия. М., 1918; М. Левилов. К истории союзной интервенции в России, т. 1. Дипломатическая подготовка. Л., 1925; И. И. Минц. Английская интервенция и северная контрреволюция. М.—Л., 1931; А. И. Гукровский. Антанта и Октябрьская революция (Популярные очерки). М.—Л., 1931.

³ К. Скерский. Военно-экономическая эксплуатация России союзниками в империалистическую войну. «Война и революция», 1926, кн. 11; «Кто должник? (К вопросу о франко-советских отношениях)». Сборник. М., 1926; А. А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Изд. 2. Т. 1—3. М.—Л., 1931. Ряд брошюр и статей (Н. Н. Любимова, Ю. В. Готье, И. И. Чубакова и др.) касался внешней задолженности помещичье-буржуазной России. Наконец, довольно обширная историко-экономическая литература сложилась вокруг проблемы взаимоотношения русского и иностранного капитала в хозяйстве России при империализме. См. об этом: К. Н. Тарновский. Советская историография российского империализма. М., 1964, стр. 5—52.

⁴ Ц. Фридланд. Февральская революция 1917 г. и европейская социал-демократия. «Пролетарская революция», 1927, № 2-3 (61-62).

А. Г. Шляпникова¹ затрагивались некоторые аспекты международного влияния революционных событий 1917 г. в России. Отношения с Англией почти не выделялись из общего комплекса вопросов русской внешней политики.

Одно из направлений в трактовке связей России с союзниками получило законченное выражение в трудах академика М. Н. Покровского. Он многое сделал для раскрытия грабительского характера секретных договоров между странами Согласия, лицемерия империалистической тайной дипломатии. В то же время Покровский неправильно оценивал характер зависимости России от Англии (Антанты), формы этой зависимости и этапы ее роста. У него выходило, что российский империализм уже накануне войны «рабски... слушался своих «старших»», т. е. Англию и Францию². «Во время войны зависимость от Антанты превратилась в иго. Английский посланник в Петербурге был вторым императором, и когда первый император его не послушался, второй принял меры к тому, чтобы его ссадить... А избавившись от императора, Антанта начала возводить и низводить министров»³. Такая трактовка явно упрощала существовавшие отношения.

В противоположность Покровскому и его единомышленникам группа других историков и экономистов (Е. Л. Грановский, И. Ф. Гиндин, А. Л. Сидоров, И. И. Минц) подходила к более правильному пониманию зависимости российского империализма от союзников, хотя главным образом в экономическом аспекте проблемы⁴.

Самой значительной работой этих лет, где затрагивались русско-английские отношения 1917 г., являлся раздел о внешней политике Временного правительства в двухтомных «Очерках по истории Октябрьской революции» (автор раздела Н. Л. Рубинштейн, 1927 г.). Это исследование базировалось преимущественно на архивных источниках. Н. Л. Рубинштейн первым из советских историков сделал в основном удачную попытку периодизации внешней политики Временного правительства, рас-

¹ А. Г. Шляпников. Февральская революция и европейские социалисты. «Красный архив», 1926, т. 15 и 16.

² М. Н. Покровский. Империалистская война. Сб. статей. М., 1934, стр. 339.

³ Там же, стр. 340—341.

⁴ См.: К. Н. Тарновский. Указ. соч., стр. 22—23, 26—27, 39.

ширил круг аспектов ее изучения и, что особенно важно для нас, попробовал показать специфику отношений России с различными союзными державами. Он не только установил в целом проанглийскую ориентацию Временного правительства в международных делах, но и проследил безрезультатную попытку буржуазных министров летом 1917 г. «переменить хозяина» и взять курс на Вашингтон. Автор отметил в качестве метода, специфического для Англии, экономическое давление на русского партнера, показал роль британской дипломатии в исходе апрельского кризиса в России. Однако в вопросах о характере зависимости России и мотивах русской политики держав Антанты Рубинштейн во многом шел за Покровским.

В 30—40-е годы и самом начале 50-х годов в связи с культом личности И. В. Сталина условия для прогресса исторической науки в нашей стране были сравнительно менее благоприятны. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» появился ставший непререкаемой догмой тезис о полуколониальной зависимости России от Франции и Англии уже ко времени первой мировой войны¹.

Подчиненное положение России в Антанте было проиллюстрировано в ряде работ и статей историко-экономического характера², а также во 2-м томе «Истории дипломатии»³.

Заметным вкладом в изучение международного положения России в период Февральской и Октябрьской революций послужил большой коллективный труд «История гражданской войны в СССР» (1 и 2 тома). Положительную роль сыграла постановка авторами вопроса о «двух заговорах» против народной революции в России накануне Февраля. Она способствовала пониманию отношений с Англией в конце 1916 — начале 1917 г. Принципиальное

¹ «История Всесоюзной Коммунистической партии (большеиков). Краткий курс». М., 1946, стр. 156.

² См., например: П. И. Л я щ е н к о. История народного хозяйства СССР. Изд. 3. Т. 2. М., 1952, стр. 363—366, 377—382, 645—647; П. А. Х р о м о в. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. 1800—1917. М., 1950, стр. 384—387; В. Б л я х е р и Д. Г р и н е р. Займы дореволюционной России в годы первой мировой войны. «Советские финансы», 1947, № 5.

³ «История дипломатии», т. 2. Дипломатия в новое время (1872—1919 гг.). М., 1945, стр. 302.

значение имело также выдвижение на первый план политики союзников в отношении России после Февраля их контрреволюционных устремлений. Все же трактовка международных сюжетов в «Истории гражданской войны в СССР» не свободна от известного схематизма и односторонности, что связано с общим состоянием советской исторической науки в те годы.

В 30—40-е годы появились переработанные издания некоторых трудов, созданных в предшествующий период. Среди них отметим брошюру Н. Л. Рубинштейна «Внешняя политика Временного правительства» (1946 г.).

Большой материал о военно-экономических связях России с союзниками в годы мировой войны содержали статьи А. Л. Сидорова¹. Частному, но непосредственно касающемуся нашей темы вопросу о поездке в Россию в апреле 1917 г. лейбористской делегации посвятил интересную статью А. Лозовский².

Исторические решения XX съезда КПСС, борьба с последствиями культа личности И. В. Сталина способствовали творческому подъему советской науки. Это сказалось и на изучении международной обстановки периода Октябрьской революции. Преодоление догматического подхода к исследованию событий прошлого явилось не легким делом и давалось не сразу. Новые творческие идеи должны были победить некоторые устоявшиеся неверные представления методом научных доказательств. Отсюда характерная черта исторической литературы второй половины 50—60-х годов — вовлечение в научный оборот обширного нового фактического материала.

Возвращаясь к интересующей нас проблеме, отметим, что наибольшие успехи были достигнуты в изучении экономических отношений России с союзниками и международного влияния русской революции.

¹ А. Л. Сидоров. Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны 1914—1917 гг. «Исторические записки», т. 15; о н ж е. Значение Великой Октябрьской социалистической революции в экономических судьбах нашей родины. «Исторические записки», т. 25; о н ж е. Борьба с кризисом вооружения русской армии в 1915—1916 гг. «Исторический журнал», 1944, № 10—11.

² А. Лозовский. Лейбористская партия и Февральская революция. «Вопросы истории», 1948, № 2.

В 1956—1958 гг. Д. С. Бабичев опубликовал несколько статей об экономических отношениях России с Англией во время первой мировой войны¹. Они охватывали вопросы военных поставок, финансовых связей и морских перевозок. Автор привлек значительный архивный материал и ярко показал тяжесть зависимости от британского союзника царского, а затем и Временного правительств. При этом он, однако, не избег преувеличения, не уловил качественного изменения зависимости в 1917 г. Статьи Бабичева не решали основных вопросов, стоящих перед исследователем русско-английских экономических отношений в 1917 г. как из-за неполноты их диапазона, так и потому, что в центре внимания ученого лежал период до февраля 1917 г., а о месяцах пребывания Временного правительства у власти говорилось лишь бегло.

Заметным событием в изучении русско-английских финансовых связей можно считать выход монографии А. Л. Сидорова «Финансовое положение России в годы первой мировой войны» (1960 г.). Автор на огромном архивном и ином материале воссоздает картину финансирования союзниками царского и Временного правительств, зависимости последних от более богатых партнеров. Сидоров устанавливает, что роль главного ростовщика царизма уже в 1915 г. перешла от Франции к Англии — основной экономической и финансовой силе коалиции; при Временном правительстве Англия, несмотря на некоторое увеличение роли США, осталась главным кредитором России. Он делает чрезвычайно важные выводы о сокращении кредитования Временного правительства союзниками по сравнению с их займами царизму, об изменении самих целей финансовой политики Англии по отношению к Временному правительству, о качественно новой ступени зависимости Временного правительства от союзных держав. К выводам и оценкам Сидорова нам предстоит неоднократно обращаться в дальнейшем.

¹ Д. С. Б а б и ч е в. Деятельность Русского Правительственного комитета в Лондоне в годы первой мировой войны. «Исторические записки», т. 57; о н ж е. К вопросу о финансовых отношениях России с Англией во время мировой империалистической войны. «Ученые записки Ростовского-на-Дону университета», т. 63, Ереван, 1958; о н ж е. Русско-английские соглашения о морских перевозках. «Ученые записки Ростовского-на-Дону университета», т. 45, 1958.

Главный недостаток очень ценной монографии Сидорова состоит, по нашему мнению, в том, что финансовые отношения России с союзниками в ней не всегда тесно связываются с политическими событиями.

Финансовых отношений России с Англией в 1917 г. касается в фундаментальном исследовании об экономической политике Временного правительства П. В. Волобуев. Он соглашается с основными выводами своего предшественника и делает дальнейший шаг вперед, определяя примерную сумму английских займов Временному правительству и сравнивая ее с кредитами других держав¹.

Проблему влияния революционных событий 1917 г. в России на английский рабочий класс затрагивают авторы нескольких работ². Шире и глубже других сумел раскрыть эту тему М. М. Карлинер в монографии «Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны» (1961 г.).

Сильное воздействие Февральской и в особенности Октябрьской революций явилось, по заключению автора, одной из важных причин перелома, происшедшего в 1917 г. в британском рабочем движении. М. М. Карлинер показывает отношение к революционным событиям в России пролетарских масс Англии, различных рабочих партий и течений внутри них. Его работа ценна и в другом отношении. Настроение и борьба пролетарских масс, как показано в ней, заставляли английскую буржуазию маневрировать, в том числе и в области внешней политики. Вот почему книга Карлинера позволяет в ряде случаев лучше понять мотивы русской политики кабинета Ллойд Джорджа и тактику Форин Оффис.

Меньше других посчастливилось внешнеполитическому аспекту русско-английских связей. Этой темы попутно касается А. Е. Иоффе в интересной монографии о русско-французских отношениях 1917 г.³ Отдельные ее сюжеты

¹ П. В. Волобуев. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962, стр. 372, 378.

² П. В. Гурович. Подъем рабочего движения в Англии в 1918—1921 гг. М., 1956; К. Л. Селезнев. Международное рабочее движение накануне Октябрьской революции. «Вопросы истории КПСС», 1960, № 5.

³ А. Е. Иоффе. Русско-французские отношения в 1917 г. М., 1958.

получили то или иное освещение в научных статьях М. М. Карлинера ¹, В. С. Васюкова ², Н. И. Голованова ³, А. Е. Иоффе ⁴, Ф. К. Видясова ⁵, совместной статье А. В. Игнатьева и А. Е. Иоффе ⁶. Но фрагментарные работы, не говоря уже о том, что они далеко не охватывают всей основной проблематики, не могут заменить систематического анализа целого.

Таким образом, краткий экскурс в историографию проблемы подтверждает правомерность выбора ее в качестве объекта специального исследования.

* * *

Предлагаемая вниманию читателя книга рассказывает об отношениях между Россией и Англией в период Февральской революции и в месяцы подготовки Великого Октября.

Исследование заканчивается победой Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, вслед за которой открывается новая глава в истории внешней политики России, да и в международных отношениях.

Значение темы не исчерпывается конкретным анализом русско-английских связей за указанный период. Она позволяет раскрыть некоторые типичные черты взаимоотношений участников империалистических блоков и приемы буржуазной дипломатии той эпохи.

Проблематика книги отчасти уже намечена выше. Важно показать русско-английский союз во всей сложности его разноречивых тенденций. Империалистов России

¹ М. М. Карлинер. Англия и Петроградская конференция Антанты 1917 года. В сб. «Международные отношения. Политика. Дипломатия (к 80-летию академика И. М. Майского)». М., 1964.

² В. С. Васюков. Крах военно-политической авантюры Временного правительства летом 1917 г. «История СССР», 1965, №5.

³ Н. И. Голованов. О роли империалистов США и Антанты в июньском наступлении русской армии в 1917 году. «История СССР», 1960, № 4.

⁴ А. Е. Иоффе. Отношение Франции, Англии и США к сапожнику Корнилова. «Доклады и сообщения Института истории», вып. 10. М., 1956.

⁵ Ф. К. Видясов. Контрреволюционные замыслы иностранных империалистов и корниловщина. «Вопросы истории», 1963, № 5.

⁶ А. В. Игнатьев и А. Е. Иоффе. Международная обстановка накануне Октября. «Вопросы истории», 1962, № 11.

и Англии объединяли договора о переделе мира, необходимость согласования военных усилий, борьба против революционного и национально-освободительного движений. Но сами эти объединяющие факторы были внутренне противоречивы и могли превратиться в свою противоположность. Война временно отодвинула на второй план, но не устранила соперничества двух держав. Экспансионистские программы России и Англии в некоторых существенных частях остались несогласованными. Реализация тайных соглашений зависела от соотношения сил к концу войны. Даже в области борьбы против русской революции, где империалистов двух стран, казалось, спаивало единство классовых интересов, была заложена возможность раскола в виде соблазна для российской реакции сыграть на выходе из войны, либо использовать против «внутреннего врага» вооруженную помощь Германии.]

Существенное место в работе отводится русско-английским экономическим отношениям, которые тесно связаны с вопросами военного сотрудничества, с контрреволюционной политикой Великобритании в России и в то же время являются важнейшей составной частью особой проблемы — роста зависимости царского и Временного правительств от союзников. Автор сознательно не выделял экономические отношения в особый раздел монографии, а старался вскрывать влияние этого фактора и переплетение его с другими на протяжении всего хода рассматриваемых событий.

В книге сделана попытка показать, как формировалась и изменялась внешняя политика России и Англии под воздействием борьбы классов и партий в этих странах. В частности, довольно значительное внимание уделяется характеристике «дипломатии» меньшевистско-эсеровских лидеров Петроградского Совета и ЦИК Советов, бесплодности их потуг добиться демократического мира путем соглашения с русской и антантовской буржуазией.

Предметом исследования служили не только отношения между правительствами и господствующими классами, но и трудящимися двух стран.

Влияние русской революции на рабочее и общедемократическое движение в Англии, проявления солидарности английского пролетариата с рабочими и сол-

датами России заняли в монографии соответствующее место.

Русско-английские отношения рассматриваются в работе под углом зрения влияния на них определяющего в 1917 г. комплекса взаимосвязанных вопросов войны, мира и революции.

Коротко об источниках. Единой фундаментальной и разносторонней публикации документов типа «Международных отношений в эпоху империализма» для рассматриваемого периода нет. Имеется несколько довольно солидных сборников документов по частным вопросам темы (например, о закулисной борьбе держав Антанты вокруг «раздела» Турции) и большое количество сравнительно мелких подборок материалов и отдельных документов, разбросанных по журналам и книгам. В целом они представляют неплохую основу для предварительного ознакомления с вопросом в начальной стадии исследования, но собрать их воедино — нелегкая задача: ведь изучающего внешнюю политику интересуют не только чисто дипломатические сюжеты, но и экономические, военные и внутривнутриполитические, поскольку последние связаны с международными отношениями. Чтобы отобрать нужное, приходится просеивать огромную массу документов, изданных в нашей стране по истории Февральской и Октябрьской революций и первой мировой войны.

В советских публикациях, характеризующих внешнюю политику царского и Временного правительств, большинство документов исходит из лагерей стоявших в то время у власти эксплуататорских классов. Но их составители стремились также привести материалы, характеризующие позиции пролетариата и крестьянства, их политических партий в международных вопросах. Наиболее полно представлены резолюции по внешнеполитическим вопросам, обращения, статьи и листовки РСДРП(б).

Документальные издания нашей страны, само собой разумеется, в большей мере раскрывают русскую внешнюю политику, чем английскую. Политика союзника освещается в русских документах главным образом косвенно и в значительно меньшей степени в форме нот и памятных записок, полученных от Англии Министерством иностранных дел. Есть, впрочем, одна советская публикация зарубежных документов, имеющая до сих пор уникальное

значение — я имею в виду публикацию А. Попова «Иностранные дипломаты о революции 1917 г.»¹. Это попавшая в руки Министерства иностранных дел России часть шифрованной переписки союзных и нейтральных миссий в Петрограде со своими правительствами за период с 24 февраля (9 марта) по 26 октября (8 ноября) 1917 г. Для исследователя русско-английских отношений она особенно важна потому, что в Великобритании документы 1916—1917 гг., касающиеся внешней политики, не считая текстов договоров и соглашений и парламентских заявлений, до сих пор не изданы, а архивы Форин Оффис и других ведомств, связанных с иностранными делами, согласно действующему правилу о 50-летнем сроке давности, все еще закрыты для научного использования.

Некоторый свет на британскую политику в России от Февраля к Октябрю проливают публикации союзников Англии — американские («Бумаги, относящиеся к внешней политике Соединенных Штатов» и «Бумаги Лансинга») и французские (документальные приложения к многотомному изданию «Французские армии в великой войне»). Это тоже преимущественно косвенные свидетельства — английская дипломатия чужими глазами. К тому же они страдают обычными пороками буржуазных внешнеполитических публикаций — узостью круга используемых фондов, неполнотой и тенденциозностью подбора документов.

Состояние печатных источников по теме — разрозненность советских изданий, почти полное отсутствие английских публикаций и недостатки собраний документов США и Франции — не позволяло воспроизвести достаточно полную картину русско-английских отношений накануне Февральской и Октябрьской революций. На помощь пришли архивы дипломатического ведомства и других связанных с внешней политикой учреждений царской и буржуазной России.

Больше всего дали материалы Архива внешней политики России, где сосредоточены документы Министерства иностранных дел царского и Временного правительств. Среди фондов этого хранилища выделяется огромный фонд Канцелярии министерства, целый архив внутри

¹ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 108—163.

архива, в котором отложилась переписка высших чинов ведомства с русскими миссиями в зарубежных странах, иностранными посольствами в Петрограде, со Ставкой, другими министерствами и доклады царю. Интересен фонд секретного архива министра, содержащий тематически подобранные материалы по важнейшим внешнеполитическим вопросам. Ценным оказался фонд Посольства в Лондоне. Он хранит переписку лондонского представительства с английскими учреждениями, организациями и частными лицами, с русскими миссиями в других странах и некоторые важные материалы отчетного характера о деятельности посольства. Здесь имеется, в частности, текст июльского соглашения Англии, Франции и Италии о разграничении «сфер помощи» России (в том виде, в каком он был сообщен правительству США)¹ и отчетная ведомость посольства об обязательствах Государственного казначейства, выпущенных на лондонском денежном рынке до 13 октября 1916 г., которая позволяет уточнить размер английских займов России в наименее ясный период — до сентябрьского финансового соглашения 1915 г.²

Фонд Отдела печати и осведомления, помимо разнообразных подборок и обзоров русской и иностранной прессы по вопросам внешней политики, включает телеграммы, задержанные дипломатической и военной цензурой, доклады о настроениях общественности в союзных и нейтральных государствах, материалы об иностранных корреспондентах в России, резюме их сообщений на русском языке за май — октябрь 1917 г.³ Документы АВПР характеризуют различные стороны русско-английских отношений, но преимущественно касаются областей дипломатии и финансов.

Существенным дополнением к ним в освещении военно-политических вопросов, проблем английских поставок и перевозок служат материалы архивов военного и морского ведомств. В Центральном государственном военно-историческом архиве наиболее интересны с этой точки зрения фонды Штаба верховного главнокомандующего,

¹ АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 1730, л. 259.

² Там же, д. 1542, л. 45—46.

³ АВПР, ф. Отдел печати и осведомления, д. 552 (в дальнейшем — ф. Отдел печати).

Кабинета военного министра и Главного управления Генерального Штаба. Здесь сохранилась, хотя и не без досадных пропусков, переписка с командованием английской армии и британским военным агентом при Ставке, материалы совещаний в Ставке с участием представителей союзников, донесения русских военных агентов в Англии и других странах Согласия, отчеты о поездках за границу военных миссий, сводки сведений о союзных и враждебных государствах, записки и справки о военно-политической обстановке и целях войны. В фондах ГУГША, Особого совещания по обороне и ряде других содержится переписка о русских заказах за границей, их кредитовании и транспортировке.

Сходный по характеру материал, но применительно к войне на море сосредоточен в фондах ЦГАВМФ — Морского генерального штаба, Главного морского штаба, Канцелярии морского министерства. В первом из них были, в частности, почерпнуты сведения о попытках русского командования наладить взаимодействие с английским флотом, о революционном движении на русских военных кораблях в Англии. В фонде Штаба командующего флотом Балтийского моря имеются подробные данные о боевых действиях английских подводных лодок на Балтике¹. Фонд Флотилии Ледовитого океана включает документы об английской эскадре в Белом море.

Интересные материалы найдены в Центральном государственном историческом архиве СССР. Наиболее богат здесь фонд Главного управления пограничному снабжению. В бумагах этого учреждения содержатся разнообразные сведения об английских заказах, займах и перевозках для России. Здесь сохранились также документы, характеризующие вмешательство англичан в вопросы военной экономики России: записки иностранцев о состоянии русских железных дорог, журналы заседаний Междусоюзнического комитета по снабжению (в Петрограде), переписка русских учреждений с английской военной миссией снабжения и др. Особняком стоит отчет о поездке в Россию в апреле-мае 1917 г. лейбористской делегации².

¹ ЦГАВМФ, ф. 479, оп. 1, д. 983, л. 188—194.

² ЦГИА, ф. 1525, оп. 2, д. 927, л. 25—33.

Дела фондов Комиссии по учету и распределению иностранной валюты, Общей канцелярии министра финансов и Особенной канцелярии по кредитной части касаются главным образом финансовых отношений двух держав. В первом из них имеется, в частности, ценнейшая помесечная отчетность об исполнении сметы по английскому кредиту с ноября 1915 по конец 1917 г.¹ Дела фонда Министерства торговли и промышленности важны для характеристики внешнеторговой политики двух держав. Некоторые из них посвящены экономической конференции стран Антанты в Париже в июле 1916 г.

Глубже раскрыть политические отношения России с Англией позволяют фонды Государственной Думы (документы о связях Думы с английским Парламентом, приветствия из-за рубежа в адрес Временного комитета Думы по поводу Февральской революции), Совета министров, Петроградского телеграфного агентства. Последний, в частности, содержит неопубликованные телеграммы внешнеполитического характера.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР хранятся журналы заседаний Временного правительства и представления отдельных министерств Совету министров, частично посвященные вопросам международных отношений (фонд Канцелярии Временного правительства). Фонд ВЦИК 1-го созыва содержит документы, характеризующие «дипломатию» соглашателей и прежде всего их борьбу за созыв Стокгольмской социалистической конференции.

Интересующие нас материалы по крупницам разбросаны и во многих других фондах, включая группу личных. Так, в фонде Канцелярии министра-председателя оказался ответ князя Г. Е. Львова на послание английского военного кабинета о наступательных приготовлениях немцев и состоянии Балтийского флота (от 11 апреля 1917 г.)², в фонде Николая II хранятся письма к последнему царю английского короля Георга V, в фонде Милюкова — материалы о поездке в Европу в 1916 г. депутатов Государственной Думы и Государственного Совета,

¹ ЦГИА, ф. 1524, оп. 1, д. 6, л. 2—42.

² ЦГАОР, ф. 3, оп. 1, д. 315, л. 141—142.

резолюции кадетской партии по внешнеполитическим вопросам и т. д.

Последнее хранилище документов, которое должно быть здесь упомянуто, это — Государственный архив Октябрьской революции Ленинградской области. Здесь использованы бумаги фонда Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и прежде всего его Отдела международных сношений, характеризующие формирование и первые шаги «дипломатии» соглашателей. Фонд содержит, в частности, переписку Исполкома Петроградского Совета с руководством английских рабочих и социалистических партий и организаций и некоторые материалы о поездке в Россию министра-лейбориста А. Гендерсона.

Документы советских архивов разносторонне характеризуют политику Временного правительства в отношении Англии. К сожалению, то же нельзя сказать о линии в русском вопросе сентджемского кабинета. Не достает не столько английских нот и памятных записок, обращенных к Временному правительству, сколько закулисной стороны, так сказать дипломатической кухни, в которой эти документы рождались. К счастью, на помощь исследователю британской внешней политики приходит обширная мемуарная литература.

Воспоминаний английских политических деятелей той эпохи, имевших отношение к русским делам, издано так много, что давать им здесь индивидуальную оценку не представляется возможным. За редкими исключениями они принадлежат перу представителей буржуазии, стоящих на крайне реакционных позициях. Ценность этих мемуаров определяется главным образом содержащимся в них фактическим материалом. Для воспоминаний английских государственных деятелей характерно широкое использование и воспроизведение частично или полностью различных документов, которые, таким образом, вводятся в научный оборот. Разумеется, документы эти требуют к себе особенно осторожного, критического подхода, и все же в условиях недоступности британских архивов они имеют большое, иногда уникальное значение.

Помимо собственно английских мемуаров, известный интерес представляют воспоминания дипломатических и военных представителей других союзных стран в России, а также государственных деятелей этих стран, занимав-

шихся вопросами внешней политики. Коалиционный характер войны и общая заинтересованность союзников в удушении русской революции предопределяли согласованность, а иногда и коллективность их средств воздействия на Временное правительство.

Наконец, в распоряжении автора находилась довольно значительная группа воспоминаний русских политиков и дипломатов, в том числе министра иностранных дел первого Временного правительства П. Н. Милюкова, поверенного в делах России в Лондоне К. Д. Набокова, русского представителя при английском флоте Г. Шульца и др. Большинство из них принадлежит перу белоэмигрантов, что сказалось не только на идейном содержании, но и крайней бедности привлеченных документальных материалов. Тем не менее и эти мемуары небесполезны, ибо помогают восстановить дух времени и показать борьбу партий и групп вокруг вопросов внешней политики.

Той же цели служит еще одна разновидность привлеченных источников — пресса. Использованы комплекты большевистской «Правды», кадетской «Речи», экономической «Торгово-промышленной газеты», а из английских изданий — газеты Британской социалистической партии «Колл», консервативной «Таймс» и либерального журнала «Экономист». Использовать периодические органы иных направлений помогли многочисленные подборки и обзоры русской и иностранной печати, содержащиеся в архивных фондах.

Хотелось бы надеяться, что из обширнейшего круга источников, прямо или косвенно связанных с внешнеполитической обстановкой Февральской и Октябрьской революций, удалось отобрать те основные или малоиспользованные, которые позволяют с достаточной глубиной и новизной раскрыть избранную тему.

В работе над книгой мне много помогли советы коллег по Институту истории АН СССР, которым приношу искреннюю благодарность. В. А. Емец, А. Е. Иоффе, М. М. Карлинер, Г. А. Трукан и В. В. Лебедев ознакомились с монографией в рукописи и высказали ценные замечания. Нельзя не вспомнить с признательностью также тружеников архивов и библиотек, содействовавших в поисках нужных материалов.

Глава первая
РУССКО-АНГЛИЙСКИЙ СОЮЗ
К КОНЦУ 1916 г.

ПЕРВЫЕ ТРЕЩИНЫ В ФУНДАМЕНТЕ СОЮЗА

Вечером 6 июля 1916 г.¹ английский посол в Петрограде Джордж Бьюкенен, возвратившись с прогулки по Летнему саду, неожиданно застал у себя в приемной товарища министра иностранных дел А. А. Нератова. Важный посетитель был тотчас приглашен в кабинет сэра Бьюкенена, где конфиденциально сообщил хозяину новость, повергшую того в тяжкое и напряженное раздумье. Наконец, решившись, посол сел к столу и, тщательно взвешивая каждое слово, составил телеграмму в Ставку царю. В ней посол вежливо, но настойчиво просил Николая II в интересах союзных правительств и будущего англо-русских отношений отказаться от мысли о замене министра иностранных дел С. Д. Сазонова². На следующий день Бьюкенен вместе с французским послом М. Палеологом посетили Министерство иностранных дел и сделали официальное представление в том же смысле. Оно было доложено царю, но, как и телеграмма Бьюкенена, не возымело действия. Николай лишь повелел объяснить послам, что кто бы ни был преемником Сазонова, «политика России ни в чем не изменится»³.

Почему уход министра в чужой стране вызвал такую озабоченность Англии, что заставил британскую дипломатию вмешаться с риском навлечь недовольство самодержца и его окружения? Английское правительство не прибегло бы к такому беспримерному в отношениях

¹ Даты в книге везде, где это специально не оговорено, приведены по старому стилю. Исключение представляют сноски на английские газеты, которые, естественно, датированы по новому стилю.

² В. П. Семеновиков. Монархия перед крушением. 1914—1917 гг. Бумаги Николая II и другие документы. М.—Л., 1927, стр. 14.

³ «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», № 3. Изд. 2. Пг., 1917; № 45, стр. 114.

между великими державами шагу, если бы на карте не стояло слишком многое: в Лондоне рассматривали случившееся как успех крайне правых и серьезно опасались, что отставка Сазонова может послужить прологом к изменению внешнеполитического курса царизма.

Русско-английские противоречия. Своеобразие англо-русского союза заключалось в том, что его участники являлись одновременно злейшими соперниками в дележе мира. И хотя антагонизм двух держав временно отступил на второй план перед общими интересами партнеров по коалиции, он отнюдь не исчез, а лишь стал проявляться в иных формах или областях.

Союзный договор 23 августа 1914 г. обязывал обе державы к согласованию планов будущего передела мира, что представляло очень сложную проблему. Царское правительство еще в самом начале войны сообщило союзникам «набросок» своей завоевательной программы, включавшей сокрушение могущества Германии, присоединение к России нижнего течения Немана и восточной Галиции, а к Польскому королевству под русским суверенитетом — также восточной Познани, Силезии и Западной Галиции, территориальные уступки со стороны Германии в пользу Франции, Бельгии, Дании, восстановление Ганноверского королевства, создание Чешского королевства и превращение Австрии в Триединую монархию, уплату Германией и Австрией контрибуции, присоединение к Сербии юго-славянских земель Австрии и некоторых других территорий, получение Болгарией компенсаций в Македонии¹. После вступления в войну Турции эта программа была дополнена притязаниями на Черноморские проливы с прилегающим районом и турецкую Армению. Царское правительство в свою очередь соглашалось на раздел германских колоний между Англией, Францией и Японией, удовлетворение притязаний союзников к Германии и Австрии в Европе и переход к ним большей части турецких владений. Это было предложение сделки на основе взаимного согласия со всеми претензиями партнеров к противнику. Естественной предпосылкой ее реализации являлась победа Антанты.

¹ «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств», серия 3, т. VI, ч. I, № 256. М.—Л., 1935 (в дальнейшем — МОЭИ).

Этот предложенный Сазоновым подход к урегулированию англо-русских разногласий в области раздела мира не получил, однако, одобрения Великобритании, которая опасалась значительного усиления своих союзников после войны. К тому же либеральному правительству Г. Асквита, вовлекшему страну в войну под лозунгами защиты малых стран и святости договоров, приходилось проявлять осторожность в отношении международных обязательств о переделе мира. В ответ на русский зондаж английская дипломатия дала понять, что ее страна видит главную цель в разгроме военной и морской мощи Германии, претендует на известную долю германских колоний и турецких владений, рассчитывает возложить на Германию главную тяжесть контрибуции и имеет свои планы в Европе, далеко не во всем совпадающие с расчетами Франции и России. Вместо широкой общей договоренности Форин Оффис предлагало путь частных соглашений, заключаемых по мере необходимости ¹.

Первое такое соглашение было оформлено в февралемарте 1915 г. Добиваясь от царского правительства, понесшего тяжелое поражение на германском фронте и соблазненного предложениями сепаратного мира, продолжения войны, Англия и Франция официально обещали ему обладание Босфором и Дарданеллами. Царизм, в свою очередь, не только примирился с необходимостью пересмотра конвенции 1907 г. о Персии в пользу Англии, но и авансом согласился на осуществление будущих пожеланий союзников, «как в Оттоманской империи, так и в других местах» ².

Реализуя эту часть сделки, Англия и Франция повели переговоры о разделе азиатских владений Турции. После того, как две державы предварительно договорились между собой, они предъявили результаты договоренности русскому партнеру. В мае 1916 г. переговоры в основном завершились. Хотя Сазонову и удалось, опираясь на успехи Кавказского фронта, внести в англо-французский проект серьезные поправки, соглашение не вполне удовлетворяло царизм: будущие британские владения закрывали России выход к Персидскому заливу; между зонами

¹ МОЭИ, серия 3, т. 6, ч. 1. М., 1938, № 329.

² «Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917». М., 1952, № 70, стр. 432.

трех держав не оставалось какого-либо буферного государства; дальнейшее отторжение части чисто турецких областей ставило под вопрос жизнеспособность Турции, которая, по расчетам царской дипломатии, должна была прикрывать подходы к проливам. Окончательное оформление англо-русской части сделки затянулось до августа 1916 г.¹

Соглашение Сайкс—Пико (так оно называлось по именам подготовивших его английского и французского дипломатов) лишней раз напоминало, что союзники не хотели бы дать России прочно овладеть проливами. В том же плане беспокоили царизм некоторые тенденции в греческой политике Франции и Англии. В случае вступления Греции в войну и прихода к власти партии Венизелоса, выдвигавшей великогреческую программу, эту страну могли превратить в преграду на пути России в Средиземное море.

Недоверие правящего класса к намерениям союзников в отношении проливов выразил лидер черносотенцев в Государственной Думе Н. Е. Марков 2-й. В речи 14 марта он потребовал опубликовать соглашение 1915 г. о проливах², что явилось бы формой подтверждения его со стороны Англии и Франции.

В Персии политика совместного грабежа и удушения страны³ не ликвидировала соперничества царизма и Англии. Согласие Лондона на переход проливов к России было куплено, между прочим, ценой уступки Англии большей части «нейтральной зоны» в Персии⁴. Фактиче-

¹ «Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917», № 73.

² «Европейские державы и Турция во время мировой войны. Константинополь и проливы», т. 1. М., 1925, стр. 412, примеч. 2 (в дальнейшем — «Константинополь и проливы»).

³ Царская Россия и Англия навязали 23 июля 1916 г. персидскому правительству новое кабальное соглашение, передававшее под их безраздельный контроль финансы и вооруженные силы страны. Но кабинет Сепехсалара, утвердивший соглашение, вскоре пал, а его преемники, вынужденные считаться с требованиями национально-освободительного движения, пытались добиться смягчения условий. Россия и Англия добивались признания договора в полном объеме.

⁴ Еще по конвенции 1907 г. Персия была разделена на зоны влияния — «русскую», «английскую» и лежавшую между ними «нейтральную», где две державы могли свободно конкурировать.

ское осуществление этой сделки после войны зависело, разумеется, от реального соотношения сил. В 1916 г. Северная Персия и часть «нейтральной зоны» были оккупированы русскими войсками, вступившими сюда в связи с войной с Турцией. В остальной части страны хозяйничали англичане, опиравшиеся, помимо собственных войск, на «корпус южноперсидских стрелков» под командованием британских офицеров. Преимущество в вооруженной силе было на стороне царизма. Но последний не справился с проблемой финансирования своих войск: британский Шахиншахский банк, выполнявший функции государственного банка Персии, втайне способствовал подрыву русской валюты. Уже в мае 1916 г. рубль обесценился в Персии более чем вдвое¹. Приходилось искать финансовой поддержки у Англии, что ослабляло позиции царизма.

На Дальнем Востоке изменившееся соотношение сил империалистических держав имело одним из следствий их перегруппировку в пользу царской России и в ущерб Англии. 20 июня Сазонов и японский посол Мотона подписали новое соглашение о взаимной помощи при охране захваченной добычи от покушений других держав; оно имело характер союзного договора. Еще в 1914 г. царская дипломатия выдвинула идею соглашения между Россией, Англией и Японией о взаимной гарантии их владений в Азии. Англия отклонила русский проект, не желая расставаться с преимуществами своего положения на Дальнем Востоке, которые создавал союз с Японией². Новый договор наносил удар по позициям Англии и США, выступавших после оттеснения Германии с китайского рынка главными конкурентами Японии и России.

Усилившиеся в годы войны японские империалисты осторожно подготавливали, как прозорливо увидел В. И. Ленин, «возможность при помощи России побить Англию»³. Царское правительство стремилось сгладить обострившиеся противоречия с Японией и получить от нее более

вать. Теперь «нейтральная зона» переходила к Англии, за исключением районов Исфагана, Иезда и части клина между зонами у Зульфагара, которые присоединялись к «русской» зоне.

¹ «Russian Public Finance during the War. Revenue and Expenditure». London, 1928, p. 436.

² МОЭИ, серия 3, т. VI, ч. 1, № 23, 102.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 188.

широкую военно-экономическую помощь. Но и оно не чуждо было мысли о совместном с Японией выступлении против Англии в будущем¹.

Япония и Россия информировали о новых конвенциях парижский и лондонский кабинеты. Царские дипломаты оправдывали перед союзниками необходимость нового соглашения с Японией стремлением помешать враждебным Антанте державам сделать Китай орудием своей политики и желанием обеспечить мир на Дальнем Востоке, чтобы Россия могла до конца войны сосредоточить свои силы на Западе². Но в Лондоне понимали, что это сообщение содержит лишь часть правды, и видели потенциальную угрозу, которую таил русско-японский союз для британского владычества в Азии. Отзвук этого мы находим в конфиденциальном разговоре министра иностранных дел Э. Грея с царским послом А. К. Бенкендорфом. Грей дал понять, что, с точки зрения Англии, договор создает новое положение вещей на Дальнем Востоке, и его страна намерена искать обеспечения своих интересов в отдельных переговорах с каждым из новых союзников³.

Хотя главной ареной соперничества Англии и царской России служила Азия, столкновение их интересов распространялось и на европейские дела. Царское правительство сформулировало в феврале 1916 г. притязания на полную свободу определения границ с Германией и Австрией в обмен на предоставление аналогичного права Франции и Англии в отношении западногерманской границы. Сазонову было, однако, ясно, что попытка заключить соответствующее соглашение была бы преждевременной⁴. Если с Францией какие-то перспективы в этом плане намечались, то об Англии было известно, что она согласна

¹ Возможность такого поворота учитывалась, например, в разработанном в конце 1913— начале 1914 г. новом перспективном плане войны на море. В нем говорилось, что в случае обнаружения двойной игры британского союзника в отношении русских притязаний в Малой Азии Россия «получила бы нравственное право и реальную возможность немедленно же вступить в соглашение с Германией, а может быть, и с Японией против Великобритании» (ЦГА ВМФ, ф. 418, оп. 5, д. 377, л. 12).

² АВПР, ф. Канцелярия Министерства иностранных дел. 1916 г., д. 78, т. 2, л. 820 (в дальнейшем — ф. Канцелярия).

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1916 г., д. 83, т. 2, л. 8 с об.

⁴ МОЭИ, серия 3, т. X, № 325.

на передачу России лишь польских земель, входивших в состав Германии и Австрии, да и то при условии обещанной царизмом автономии Польши. Английские политики втайне рассчитывали, что неизбежная после войны революция в России приведет к полному отделению польского государства ¹.

В 1916 г. вопрос о Польше все более приобретал международный характер. От его решения зависело, на чьей стороне — Центральных держав или Антанты — будут сражаться поляки. Англия и Франция стремились побудить царское правительство опередить противника в обещаниях польскому народу.

Весной и летом в правящих кругах царской России разгорелась борьба вокруг польской политики. Сазонов считал, что «отрицать международное значение польского вопроса значило бы лишь закрывать глаза на действительность». Он предлагал не допустить *формально* международной постановки вопроса путем нового самостоятельного акта России, который, удовлетворяя поляков и союзников, сохранил бы что можно для российской короны ². Группировка Штюмерера, тесно связанная с распутинской кликой, с негодованием отвергала мысль о международном характере польского вопроса. Штюмерер допускал возможность обмена мнений с союзниками, когда русская армия перейдет границы, разделявшие земли бывшего польского государства, но не раньше ³. Двор стал на сторону Штюмерера против Сазонова.

Последний навлек на себя недовольство и «уступчивостью» союзникам в Аландском вопросе. После Крымской войны Англия и Франция навязали России обязательство не укреплять Аландских островов на Балтийском море. Такое положение сохранялось до 1914 г. В годы мировой войны укрепления на островах были возведены в явочном порядке. Но в мае 1916 г. царская дипломатия, по просьбе Англии и Франции и через их посредство, дала Швеции заверения, что это лишь временная

¹ В. Е. D u g d a l e. Arthur James Balfour, first earl of Balfour. 1906—1930. N. Y., 1937 (Appendix II).

² В. П. Семеновиков. Монархия перед крушением. 1914—1917, стр. 183—185; цит. стр. 184.

³ Там же, стр. 193.

военная мера ¹. Тогда же в английской печати был поднят вопрос о заключении Россией договора со Швецией, содержащего пункт о демилитаризации островов. Это выступление, раскрывавшее замыслы Англии, вызвало раздражение в Петербурге ².

Таким образом, осуществление захватнических планов царизма находилось в зависимости не только от военных успехов, но и от косвенного противодействия союзников, в особенности Англии. Причем, если победа в войне открывала известные перспективы сговора с британским партнером за счет противника, то в случае компромиссного мира шаткое здание секретных договоров грозило рухнуть, уступив место праву сильного. Недаром дворцово-распутинскую клику всегда страшила «Англия, какой она будет после войны, когда начнутся мирные переговоры» ³.

Царскому правительству приходилось поэтому решать двойную задачу: и добиться победы и сохранить достаточно сил для отстаивания своих планов перед союзниками. Подобную же цель преследовала Англия с той, впрочем, разницей, что царизм стоял на пути осуществления ее захватных планов почти исключительно в Азии. Но Англия и Россия уделяли отнюдь не одинаковое внимание двум сторонам сходных задач, стоявших перед ними.

Царское правительство, хотя и оглядывалось на союзников, но все усилия сосредоточило на достижении победы над общим врагом. В ходе войны русские армии не раз выручали Францию и Англию из критического положения. Британский военный агент А. Нокс с полным основанием восхищался «рыцарской» в отношении союзников стратегией русского верховного командования ⁴.

Напротив, Англия в течение первых двух лет войны стремилась преимущественно к накоплению сил и к захвату малой кровью германских и турецких колоний. Британское командование не раз отказывало союзникам

¹ АВПр, ф. Канцелярия, 1916 г., д. 78, т. 1, л. 424.

² Там же, л. 490.

³ «Переписка Николая и Александры Романовых», т. 4, М.—Л., 1926, стр. 289.

⁴ А. К п о х. With the Russian Army, 1914—1917, v. 2, N. Y., 1921, p. 549.

в помощи в самые тяжелые моменты. Неоднократные предложения России проложить путь к победе через разгром совместными усилиями Австро-Венгрии отклонялись западными стратегами, упрямо требовавшими искать решения на германских фронтах. На ближневосточном театре британское командование до 1917 г. срывало всякое взаимодействие. В итоге кампании 1916 г. у русской Ставки сложилось впечатление, что союзники умышленно «подводили ее» во вред общему делу¹.

Пассивной стратегии придерживался с начала войны и могущественный британский флот. Правда, организованная Англией морская блокада Германии сыграла свою роль в схватке Антанты с Центральными державами. Но все попытки русского морского командования склонить англичан к прорыву на Балтику с целью установления господства Антанты на этом театре встречали неизменный отказ со ссылками на трудность операции, возможность больших жертв и т. п. Между тем прямая морская связь России с союзниками через Балтику могла бы иметь неопределимые последствия для исхода войны. При сохранении же существующего положения возникала угроза захвата Рижского залива значительно более сильным на море врагом, обхода северного фланга русского фронта, овладения Финляндией и даже Петроградом.

На Средиземноморском театре английский флот бдительно стерег проливы, причем явно больше от России, чем от противника, подводные лодки и заградители которого ухитрялись проходить в Черное море. Английское морское командование держало на Средиземноморье и особенно в районе Дарданелл неоправданно большие силы², излишек которых очень пригодился бы, пожелай оно предпринять активные операции против германского флота на Северном и Балтийском морях.

Кроме противоречий в вопросах о дележе добычи и ведении коалиционной войны, все более серьезный отпечаток

¹ А. М. Зайончковский. Кампания 1917 г. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг., ч. 7. М., 1923, стр. 26.

² Только в районе Дарданелл, выделенном по соглашению между Англией и Францией в ведение британского адмирала, было сосредоточено осенью 1916 г. 206 боевых английских кораблей и 32 вспомогательных, в том числе 5 линейных кораблей, 13 крейсеров, 31 эсминец и миноносец и другие суда (ЦГАВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 207, л. 5).

на русско-английские отношения налагал рост экономической зависимости царизма от Англии. Мы специально остановимся на этом ниже. Здесь заметим лишь, что в 1916 г. указанный процесс ускорился, и британская дипломатия делала попытки использовать выгодное положение кредитора, организатора морских перевозок из-за границы и поставщика. Пока русская армия сохраняла высокие боевые качества, военная мощь царизма компенсировала экономическую слабость. Но царское правительство не питало иллюзий в отношении союзников в случае, если этот последний источник его международного влияния иссякнет.

Кризис доверия. В силу острого столкновения интересов России и Англии блок названных держав оказался не очень устойчивым сооружением. Это ощутимо проявилось еще в 1915 г., когда на Россию обрушился главный удар Германии, а партнеры не оказали ей серьезной поддержки, когда, пообещав царизму в секретном договоре Черноморские проливы, Англия и Франция попытались захватить их сами, когда определились крайне тяжелые условия британской финансовой помощи царизму, когда осенью наметился революционный кризис¹ и Центральные державы предприняли попытки склонить царизм к сепаратному миру.

Царское правительство не считало свои боевые ресурсы исчерпанными, а момент благоприятным для заключения мира. Но недовольство союзниками, особенно Англией, не внесшей заметного вклада в военные действия, приняло опасные для будущего Антанты размеры. Оно прорывалось в печати и царило в правительственных сферах. Из Ставки в Петербург сообщали «о накапливающем неприязненном отношении... военных кругов к союзникам, в особенности англичанам, за их бездействие»².

Правящая клика остро почувствовала и глубину расхождения своих планов передела мира с политикой Англии. Царица Александра Федоровна, которая в годы войны приобрела едва ли не большее влияние на управление страной, чем ее слабовольный супруг, писала ему

¹ См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 26—30.

² «Красный архив», 1928, т. 2 (27), стр. 39.

2 ноября: «Я предвижу ужасные осложнения по окончании войны, когда надо будет разрешать вопрос о балканских государствах, и опасаясь, что эгоистическая политика Англии резко столкнется с нашей»¹.

1916 год принес дальнейшее обострение англо-русских противоречий, сказавшееся на союзных отношениях двух стран.

1 марта крайний националист А. И. Савенко от лица группы правых депутатов Государственной Думы огласил резолюцию, которая призывала «полюбовно прийти к соглашению» с Германией, «если нет неоспоримых доказательств в близости исчерпывающей победы»². Изложенные в резолюции взгляды выражали чаяния одной из фракций правящего класса и перекликались с настроениями придворных кругов. Царица Александра Федоровна писала мужу, что мир необходимо заключить до осени³. Почувствовав новые веяния, Германия в марте-апреле предприняла в Стокгольме зондаж с целью выяснения возможности заключения сепаратной сделки с Японией и Россией⁴. Сигналы об этом доходили до Лондона, вызывая беспокойство.

Английское правительство решило повлиять на колеблющегося союзника путем посылки в Россию авторитетной миссии во главе с военным министром Китченером. Целью миссии было, как свидетельствует британский военный агент в России А. Нокс, объяснить с царским правительством «сильно и ясно» и убедить его «навести порядок в своем доме и умножить военные усилия...»⁵

После трагической гибели в пути Китченера и его спутников правительство Асквита ожидало приглашения послать новую миссию и даже наметило ее главу — влиятельного начальника генерального штаба В. Робертсона. Но приглашения так и не последовало. 5 июня императрица писала мужу: «По мнению нашего Друга (времен-

¹ «Переписка Николая и Александры Романовых», т. 3. М.—Л., 1923, стр. 424.

² В. П. Семенов. Политика Романовых накануне революции (от Антанты к Германии). По новым документам. М.—Л., 1926, стр. 52.

³ Там же, стр. 45.

⁴ М. Эрцбергер. Германия и Антанта. Перев. с нем. М.—Пг., 1923, стр. 201—202.

⁵ А. Кнох. With the Russian Army, v. 2, p. 417.

щика Г. Е. Распутина.— А. И.), для нас хорошо, что Китченер погиб, так как позже он мог бы причинить вред России... Видишь ли, Его (Распутина.— А. И.) всегда страшит Англия, какой она будет по окончании войны, когда начнутся мирные переговоры»¹. Уклонение царского правительства от конференции усилило беспокойство Великобритании.

После сказанного станет яснее, почему замена Сазонова — убежденного сторонника Антанты Б. В. Штюрмером, пользовавшимся и в России и за границей репутацией германфила, послужила толчком, который вызвал кризис доверия в отношениях между царизмом и Англией. Британский посол в Париже Ф. Берти, хорошо осведомленный в настроениях правящих кругов своей страны, записал в дневнике, что после перехода иностранной политики в руки Штюрмера «приходится опасаться, что мало-помалу иностранная политика России если и не изменится практически, то подвергнется иным веяниям»². Бьюкенен доносил в Лондон, что никогда не может «надеяться на установление отношений доверия с человеком, на слово которого отнюдь нельзя положиться...»³

За назначением Штюрмера последовала попытка заменить товарища министра иностранных дел Нератова известным германфилом Боткиным. Правда, вмешательство Бьюкенена на этот раз подействовало⁴, но само намерение не могло не произвести впечатления на союзников. Недаром Бенкендорф слал из Англии настойчивые советы официально подтвердить верность старому внешнеполитическому курсу⁵.

Отношения русских и английских дипломатов стали натянутыми и неискренними. Дошло до того, что Бьюкенен, ранее ежедневно посещавший Сазонова, стал избегать встреч со Штюрмером, а от Бенкендорфа в Форин Оффис начали припрятывать секретные бумаги. На

¹ «Переписка Николая и Александры Романовых», т. 4. М.—Л., 1926, стр. 289.

² Ф. Л. Б е р т и. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914—1919. Перев. с англ. М.—Л., 1927, стр. 109.

³ Дж. Б ь ю к е н е н. Мемуары дипломата. Изд. 2. М., [б. г.], стр. 165.

⁴ В. П. С е м е н н и к о в. Монархия перед крушением. 1914—1917, стр. 142, 149—150.

⁵ Там же, стр. 15—17.

вопрос шокированного посла о причине такой перемены ему разъяснили: «Знаете, мы не уверены теперь, что самые большие секреты не проникнут к нашим врагам. Напротив, мы имеем признаки, что каким-то способом эти секреты становятся известными неприятелю со времени назначения Штюмера»¹.

Но еще более показательное падение русского кредита в Лондоне. Как раз в июле царское правительство вплотную приступило к переговорам с англичанами о новом займе. Оказалось, что Англия не хочет кредитовать союзника более чем на 3—6 месяцев (предыдущее соглашение было заключено сроком на год), да и то лишь при условии вдвое большего, чем раньше, золотого обеспечения². У находившегося в Лондоне товарища председателя Государственной Думы А. Д. Протопопова, которого министр финансов просил помочь ведению переговоров, произошло в этой связи любопытное объяснение с Греем. «Неужели Россия лишилась кредита?» — воскликнул Протопопов. «Россия и русский народ имеют безграничный кредит, — возразил его собеседник, — кредита лишилось русское правительство»³.

Укреплению взаимного доверия отнюдь не способствовало такое получившее огласку событие, как июльская встреча Протопопова с агентом германского правительства Варбургом, который изложил немецкие условия сепаратного мира с Россией. Этот эпизод подробно освещен в исторической литературе⁴. Отметим здесь, что, по нашему мнению, первый летний тур германо-русских переговоров не представлял серьезной попытки царизма выйти из войны. Как раз в то время военное счастье как будто наконец улыбнулось России, возродив у царизма заманчивые мечты о перенесении войны в пределы врага и о реализации давних захватнических планов.

В самой организации контактов с Германией было

¹ «Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства», т. 6. М.—Л., 1926, стр. 343.

² А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960, стр. 348—349.

³ «Падение царского режима», т. 7. М.—Л., 1927, стр. 36 (беседа приводится в передаче А. И. Шингарева).

⁴ В. П. Семеновичев. Политика Романовых накануне революции, стр. 39—44.

много показного, явно рассчитанного на то, чтобы пошантажировать союзников.

О переговорах Протопопова с Варбургом и предложениях Германии почти сразу же стало известно думским лидерам, а через них, несомненно, и союзникам. Протопопов уже в то время был для правительства своим человеком¹. Если бы он просто разболтал государственную тайну, очевидно, что его карьера на этом закончилась бы. Между тем именно после встречи с Варбургом Протопопов быстро пошел в гору и в дальнейшем получил министерский пост. Следовательно, его «откровенность» соответствовала видам царского правительства.

Итак, главная цель летних контактов с Германией представляется нам в виде попытки припугнуть союзников, чтобы добиться от них определенных уступок. Полезно было также разведать мирные условия противника.

Претензии к союзникам были выдвинуты одновременно и в разной форме. Барк привез в Лондон на июльскую конференцию министров финансов Антанты предложение о новом большом займе в Англии на условиях, более благоприятных для России, чем в 1915 г. Обычным дипломатическим путем пытались заручиться содействием союзников в получении от Японии займа и военных поставок без уступки ей части КВЖД. Неофициально дали понять, что вмешательство союзников в польский вопрос нежелательно. А для выдвижения одного из главных требований, касающегося проливов, царское правительство выждало момент, когда встревоженные англичане сами запросили, чего же добивается Россия.

В конце августа Николай II получил письмо от короля Англии Георга V. Тот жаловался на активность германских агентов в России, стремящихся посеять рознь между двумя союзниками, и недвусмысленно намекал, что эта активность не встречает должного противодействия русского правительства. Георг заверял в верности Англии договору о передаче России Константинополя и проливов. Он предлагал, чтобы в случае каких-либо недоразумений по этому или иным вопросам русские министры входили

¹ Протопопов, являясь заместителем председателя Государственной думы, был в то же время секретным осведомителем Министерства внутренних дел («Падение царского режима», т. 5, стр. 265—266). Он прочился распутинской кликой на пост министра.

бы в откровенные объяснения с английским правительством или же царь писал бы непосредственно ему ¹.

Николай II воспользовался предложением. 30 августа он ответил королю посланием, прояснявшим цели маневров русского правительства. Заверяя царственного «собрата» в растущих чувствах глубокой дружбы к Англии в народе и армии, он в то же время не отрицал наличия течения, придерживающегося иных взглядов. С последним, конечно, нетрудно будет справиться при некотором содействии союзников. «Я убежден, — пояснял царь, — что краткое официальное сообщение моего правительства, устанавливающее, что Англия и Франция рассматривают обладание России Константинополем и проливами как неизменное условие мира, успокоило бы все умы и рассеяло всякое недоверие» ².

Шантаж царского правительства не принес, однако, быстрых результатов. Правда, от разговоров по польскому вопросу союзники на время воздержались. Но заключение финансового соглашения с Англией затянулось на месяцы. В отношении договора о проливах английское правительство сначала не хотело идти дальше заверений, данных в письме Георга V.

К счастью для Антанты, разведка германских мирных условий показала царизму, что договориться с противником было бы чрезвычайно трудно. Германские империалисты претендовали на Курляндию и протекторат над воссозданной из русской и австрийской частей Польшей. Правда, взамен царскому правительству обещали Галицию, Буковину и проливы, если русские армии сумеют овладеть этими районами. Но подобная условная уступка не компенсировала осязаемых потерь. Фактически, Германия говорила с Россией как с побежденной страной, а царизм не считал себя побежденным.

РУССКО-АНГЛИЙСКИЙ СОЮЗ И ПОВОРОТ К ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОМУ МИРУ

Хотя летний зондаж не дал благоприятных результатов, осенью 1916 г. секретные русско-германские переговоры возобновились, причем на этот раз правительство

¹ В. П. Семеновников. Монархия перед крушением. 1914—1917, стр. 12.

² Там же, стр. 12—13.

Николая II серьезно колебнулось в сторону сепаратного мира. Это колебание царизма было частью более широкого процесса в международных отношениях, который В. И. Ленин назвал «поворотом в мировой политике»¹. Внешне поворот выразился: в попытках лидеров обеих коалиций отколоть от враждебной группировки неосновных противников, чтобы расправиться с главным врагом, и в поисках общего мира, т. е. примирения главных соперников за счет более слабых участников войны и зависимых стран. Прежде чем перейти к анализу дипломатических маневров великих держав, необходимо кратко остановиться на глубинных процессах, определивших направление их махинаций.

В основе такого поворота лежало сильное истощение обеих коалиций, трудность сдирать с народов еще больше шкур в виде военных прибылей и страх господствующих классов перед революцией².

Продолжать ли войну? Из держав Антанты больше всех истощена была царская Россия. В 1914—1916 гг. она сражалась с предельным напряжением сил, причем не только выставила самую многочисленную армию, но и нанесла противнику бóльшие потери, чем Франция и Англия вместе взятые³. Это стоило ей человеческих жертв, превышавших общие потери остальных союзников, и финансовых затрат, оставивших позади военные расходы любой другой союзной страны, кроме Англии⁴.

С конца сентября 1916 г. военное счастье снова склонилось на сторону противника. Разгром румынской армии привел к огромному удлинению русского фронта. Тяжелые летние и осенние бои истощили материальные и моральные силы русской армии. Царское правительство не справилось с задачей военно-технического перевооружения армии, что явилось одним из главных факторов

¹ См. работы В. И. Ленина «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический» и «Поворот в мировой политике» (Полное собрание сочинений, т. 30).

² См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 241, 340—341.

³ «Мировая война в цифрах». М.—Л., 1934, стр. 22.

⁴ Г. Ф и с к. Междусоюзнические долги. Исследование о государственных финансах за военные и послевоенные годы. Перев. с англ. М., 1925, стр. 27, 30, 33, 35, 38.

падения ее боеспособности. Командование теряло веру в возможность решительной победы.

Еще более веским фактором в глазах господствующих классов был подъем революционного и прежде всего рабочего движения.

Когда вспыхнула война, помещики и буржуазия с их партиями от правых до кадетов горячо поддержали царское правительство. Они предвкушали выгоды и привилегии от передела мира, обогащение на военных поставках, широкие возможности сделать карьеру. Господствующие классы рассчитывали, что победоносная война поможет избежать новой революции. Буржуазия предполагала также, что царизм окажется вынужденным сделать ей политические уступки. Некоторые из этих надежд, во всяком случае на первых порах, стали осуществляться. Война прервала революционный подъем в стране и послужила для буржуазии и капиталистических помещиков источником невиданного обогащения. Союзные державы обещали не препятствовать осуществлению вековой мечты царизма об обладании Босфором и Дарданеллами. Довольно скоро, однако, в хоре наживавшихся на крови и страданиях народа началась разногласия. Царизм оказался банкротом в военном деле. Экономика отсталой России явно не выдерживала напряжения. Хозяйственные неурядицы начинали перерастать в разруху в промышленности и на транспорте, продовольственный кризис. И самое главное — страна снова шла навстречу революции.

Рабочий класс России оказался «в общем и целом» «иммунизированным в отношении шовинизма»¹, он не пошел на сотрудничество с буржуазией в деле «обороны» страны. Напротив, пролетариат России, для которого сверхприбыли капиталистов обернулись военной каторгой, вел нарастающую забастовочную борьбу. Размах ее в несколько раз превышал стачечное движение в Англии, Франции или Германии. В октябре 1916 г. забастовочная борьба в России приняла небывалые за всю войну размеры. Увеличивалось число политических выступлений. Борьбу рабочего класса возглавляла партия большевиков, призывавшая к превращению империалистической

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 331.

войны в гражданскую и заявлявшая, что поражение царского правительства облегчит задачу его свержения.

Среди крестьянства, мелкой буржуазии города царизму сначала удалось вызвать шовинистические настроения. Они охватили не только заинтересованную в империалистических захватах зажиточную верхушку, но и большинство средних слоев и очень значительную долю бедноты. Мелкобуржуазные партии (различные фракции меньшевиков, эсеры и другие народнические группы) стали на позиции «революционного шовинизма»¹. Они надеялись, что «война убьет царизм» и стремились к его свержению ради победы над Германией. Однако шовинистический угар масс быстро рассеивался под воздействием поражений, огромных людских жертв и обнищания большинства крестьян и ремесленников.

К концу 1916 г. резко усилились антивоенные настроения солдат. Правда, преобладали пока пассивные формы протеста — дезертирство, самострелы, сдача в плен, но участились случаи волнений, охватывавших иногда целые части. В тылу нарастали крестьянские выступления, голодные «бунты». Несколько месяцев пылало пламя восстания народов Средней Азии. Департамент полиции в сводке от 30 октября 1916 г. сообщал о наблюдаемом повсеместно и во всех слоях населения, включая крестьянство, утомлении войной и жажде скорейшего мира².

Осенью 1916 г. в России раньше, чем в любой другой воюющей стране, стала складываться непосредственно-революционная ситуация.

В этой обстановке буржуазия и капиталистические помещики полагали, что войну еще можно выиграть, а революции избежать, если царизм поделится с ними властью. Буржуазные круги, связанные с англо-французским капиталом общностью экономических интересов, особенно ревностно отстаивали верность союзникам.

Хотя экономическое могущество и политическая организованность буржуазии, влияние капиталистических помещиков в годы войны возросли, власть оставалась в руках крепостнического дворянства. По отношению к нему

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 50.

² «Буржуазия накануне Февральской революции». М.—Л., 1927, стр. 137.

либеральная буржуазия (кадеты, прогрессисты), а затем и другие капиталистические элементы (октябристы) оказались в роли оппозиции. К ним примкнула и часть крепостников-помещиков, которая не утратила надежды на победу при условии некоторых реформ и очищения самодержавия от распутинской скверны или опасалась, что сепаратный мир может приблизить революционный взрыв. Оппозиционные силы еще с лета 1915 г. оформились в виде «Прогрессивного блока», куда вошли партии от кадетов до черносотенного центра, составившие большинство в Государственной думе. Внутри этого объединения ведущей фракцией выступали кадеты, считавшие Великобританию «единственным реальным союзником»¹. Конституционные демократы защищали Англию от нападков правых. Съезд партии, собравшийся в октябре 1916 г., демонстративно послал приветственную телеграмму Бьюкенену².

Оппозиция «Прогрессивного блока» не распространялась на завоевательные планы царизма, которые пользовались поддержкой всех буржуазных и помещичьих партий России. Разница между черносотенцами и кадетами здесь заключалась главным образом в том, что крепостники требовали аннексий с грубой прямоотой, а либералы маскировали империализм софизмами и псевдодемократической фразой.

Буржуазия надеялась предотвратить революцию, но если бы этого не удалось достигнуть, допускала мысль о возможности предать союзников. Один из лидеров кадетов А. И. Шингарев говорил в конце августа 1916 г. на совещании с провинциальными деятелями партии: «Кадеты прекрасно сознают нелепость и недопустимость при нынешних обстоятельствах переговоров о мире, но что же они смогут сделать, если со всех сторон раздадутся грозные крики: «Долой войну или долой правительство!»³

В среде мелкобуржуазных партий наряду со старым направлением в пользу революции ради продолжения войны обозначалось и новое течение. Его сторонники ут-

¹ «Красный архив», 1933, т. 1 (56), стр. 107.

² «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 148.

³ «Красный архив», 1926, т. 4 (17), стр. 17—18.

верждали, что для спасения страны необходимо прежде всего окончить войну, ставшую бесперспективной. Не связывая достижение этой цели с революцией, а перенося последнюю на послевоенный период, они фактически готовы были оправдать империалистический мир.

Крепостники-помещики, как уже отмечалось, раскололись. Их крайне правое крыло (заскорузло-дворянского и гнилого чиновничьего типа) стало склоняться к сепаратному миру с немцами, чтобы направить все силы на борьбу против революции. Экономической подосновой такой линии служил урон, который несли в результате войны их полукрепостнические хозяйства. Как отмечалось в докладе Петроградского охранного отделения в октябре 1916 г., правые признавали теперь войну в коалиции с республиканской Францией и конституционной Англией против родственной по образу правления Германии ошибкой. Союз России с Англией, по их мнению, не оправдал себя: главная тяжесть борьбы выносится русскими силами, а победа достанется англичанам. «Если правительство хочет, чтобы в России вновь наступили порядок и тишина, то оно должно, прежде всего, разогнать «еврейский кагал» (так они называли теперь Государственную думу. — А. И.), заключить почетный мир с Германией и разорвать всякие договоры с Англией...»¹

Желая подготовить общественное мнение к повороту, правые критиковали правительство за недостаточную твердость в отстаивании интересов России перед союзниками; они начали открыто нападать на стратегию и политику Англии. Одна из таких вылазок, так называемый «инцидент Булацеля», даже вызвала в августе дипломатический конфликт с союзницей². В пользу сепаратного мира действовали и некоторые буржуазные круги, связанные интересами с германским капиталом

¹ «Красный архив», 1926, т. 4 (17), стр. 23—24, цит. стр. 24.

² В августе 1916 г. черносотенная газетка «Русский гражданин», получавшая правительственные субсидии, опубликовала статью, в которой с иронией писала о ничтожном вкладе английской армии в войну. Бьюкенен энергично протестовал и добился помещения своего опровержения в полуофициозном «Новом времени», принесения извинений автором англофобской статьи — Булацелю и учреждения предварительной цензуры над «Русским гражданином» (В. П. Семеников. Монархия перед крушением. 1914—1917 гг., стр. 149, 167—169).

в России, но не организованные в какую-либо политическую партию.

Сторонники перемены внешнеполитического курса возглавлялись могущественной придворной кликой царицы — Распутина и имели своих ставленников в правительстве (Штюрмер, Протопопов и др.).

Царизм колеблется. Второй тур русско-германских переговоров 1916 г. протекал в обстановке глубокой секретности, и это само по себе свидетельствует об ином подходе к ним царского правительства. Оно не только не допускало каких-либо демонстративных шагов, могущих вызвать тревогу союзников, но всячески опровергало «нелепые слухи» о сепаратных переговорах, приписывая их проискам врага ¹.

Если встречу Протопопова с Варбургом можно описать подробно, то о переговорах сентября — ноября 1916 г. имеются лишь отрывочные данные. Подготовка к ним началась еще летом и шла, в частности, через близкого к Штюрмеру Манасевича-Мануйлова. Немцы, неудовлетворенные результатами беседы Варбурга с Протопоповым, в июле просили представителя Мануйлова «как можно скорее» приехать «на лечение» в Германию. Ответ гласил: «Не ранее осени и в Скандинавии» ².

Несомненно, что переговоры велись в нескольких местах и по разным каналам. Одним из таких мест оказалась Швеция, которую Германия в 1916 г. неоднократно использовала в поисках сепаратного мира. 2 ноября Грей шифрованной телеграммой информировал Бьюкенена: «По сведениям из одного ответственного источника, недавно в Швеции, при посредничестве князя Вреде, начались переговоры между германским государственным деятелем и русским, возвращающимся из Лондона». Далее следовало изложение германских условий сепаратного мира с Россией ³.

¹ «Европейские державы и Турция во время мировой войны. Константинополь и проливы», т. 2. М., 1926, № 342; Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 169—171.

² Эти сведения были переданы Петроградской военно-цензурной комиссией начальнику штаба Петроградского военного округа отношением от 29.VIII 1916, № 5224 (АВПР, ф. Канцелярия, 1916 г., д. 125, л. 36—38 с об.).

³ «Константинополь и проливы», т. 2, № 340.

Следующим центром русско-германских встреч служила Швейцария. В сепаратных переговорах с немцами в Швейцарии уличали царизм как местная социалистическая печать, так и побывавший там П. Н. Милюков, получивший подтверждение этого факта из иных источников ¹.

Газеты нейтральных стран называли в то время и другие пункты, где шла скрытая дипломатическая работа по подготовке русско-германского мира,— Копенгаген и Ковно ².

Факт тайных переговоров о сепаратном мире с Россией подтвердили позднее в своих воспоминаниях политические деятели кайзеровской Германии ³.

Фамилии лиц, ведших переговоры со стороны России, во всех случаях отсутствуют. Еще меньше известно о содержании секретных бесед. Можно с большой долей уверенности предполагать, что условия, предложенные Германией, стали более тяжелыми по сравнению с летом, когда военное счастье было на стороне России. По данным буржуазной печати, Германия по-прежнему стремилась пересмотреть границу в Прибалтике и отторгнуть от России польские районы, Россия же получала лишь право свободно проводить военный флот через проливы ⁴. По английским сведениям, немцы предлагали России в виде компенсации Галицию и крупный заем; Турция теряла европейские владения, а проливы нейтрализовались. Наконец, после смерти Франца-Иосифа его империя подлежала раздроблению ⁵.

Камнем преткновения в переговорах стал, судя по всему, польский вопрос. Царское правительство не хотело терять выгодных позиций в Европе, которые были захвачены его предшественниками еще в XVIII — начале XIX в. Немцы упорствовали. Желая добиться уступки

¹ «Падение царского режима», т. 6, стр. 344.

² АВПР, ф. Отдел печати и осведомления, д. 343, л. 18—19 (в дальнейшем — ф. Отдел печати); ф. Секретный архив министра иностранных дел, д. 593/635, л. 43 (в дальнейшем — ф. Секретный архив).

³ См., например: А. Т и р п и ц. Воспоминания. Перев. с нем. М., 1957, стр. 324; М. Э р ц б е р г е р. Германия и Антанта. Перев. с нем. М.—Пг., 1923, стр. 150.

⁴ «Речь», 24. XII 1916.

⁵ «Константинополь и проливы», т. 2, № 340.

в этом вопросе, Германия 22 октября опубликовала совместную с Австро-Венгрией декларацию о намерении создать после войны «независимую» Польшу под своим протекторатом. Но этим шагом она лишь испортила себе большую игру, ставкой в которой был мир с Россией.

На пути к сепаратному миру царскому правительству приходилось преодолевать растущее сопротивление буржуазно-помещичьих кругов, сплоченных в «прогрессивном блоке» и пользовавшихся поддержкой союзников. При всем своем пренебрежении к общественному мнению царское правительство понимало, что не может предстать перед ним с договором о мире, который нельзя будет выдать за почетный, без риска оказаться на другой день свергнутым.

Союзники России тоже не сидели сложа руки в ожидании, пока русско-германский сговор станет фактом. Англия и Франция предприняли контрмеры по нескольким линиям. Прежде всего они сделали царскому правительству ряд серьезных предупреждений и предложили договориться в широком плане на специальной конференции.

На аудиенции у царя 25 октября Бьюкенен, по его словам, выступил с «настойчивым указанием на рост германского влияния и на антибританскую кампанию, а также на серьезность внутреннего положения в России»¹. Посол не постеснялся дать совет Николаю II заменить Штюмерера². В Лондоне Грей убеждал Бенкендорфа, что сепаратные маневры Германии свидетельствуют о безнадежности ее военного положения³. Несколько дней спустя после германо-австрийского заявления о Польше Англия выступила инициатором конференции союзников в Петрограде «для окончательного установления политических и военных мероприятий, связанных с продолжением войны»⁴.

Наряду с предупреждениями Англия и Франция пошли навстречу некоторым пожеланиям царизма, которые ранее удовлетворять не спешили. 27 октября было, на-

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 170.

² «Переписка Николая и Александры Романовых», т. 5. М.—Л., 1927, стр. 143.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1916 г., д. 83, т. II, л. 140 с об.

⁴ Там же, д. 80, т. I, л. 248.

конец, подписано финансовое соглашение между Россией и Англией на следующие полгода. Оно представляло собой компромисс между первоначальными запросами царского правительства и предложениями Англии.

В октябре же союзники России не только отказались от всякой оппозиции обнародованию соглашения о проливах, но сами стали настаивать на скорейшей реализации этого плана¹. Напротив, царское правительство вдруг охладело к проекту. Когда 5 октября Бенкендорф прислал донесение о ходе переговоров с англичанами по этому важному вопросу, царь наложил резолюцию: «Не нужно торопиться»². Чтобы понять эту любопытную перемену ролей, следует иметь в виду, что царское правительство намеревалось преподнести решение проблемы проливов как главное оправдание сепаратного мира с немцами. Союзники, со своей стороны, стремились лишить германофильскую «партию» в России столь большого козыря.

Отметим сразу, хотя это несколько отвлечет нас от хода главной мысли, что, согласившись публично подтвердить права России на проливы, Англия тотчас обратилась к мерам, с помощью которых можно было в будущем свести соглашение на нет. Она если не инспирировала, то не оказала отпора выступлению правительства Италии с притязаниями на часть Малой Азии, которые подрывали расчеты царизма иметь соседом зоны проливов слабую Турцию. Англия вместе с Францией помогли усилению позиций венизеллистов в Греции, т. е. опять-таки поддержали потенциального конкурента царизма на путях в восточное Средиземноморье.

Но вернемся к борьбе союзников против попыток русско-германского сговора. Кроме предупреждений и уступок царскому правительству, Англия и Франция подготавливали запасной ход: они установили более тесные связи с буржуазными кругами России. Пожелай царизм реализовать план сепаратного мира — можно было бы побудить буржуазию к организации переворота. Пока же

¹ «Раздел Азиатской Турции. По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел». М., 1924, № ССIV (в дальнейшем — «Раздел Азиатской Турции»); «Константинополь и проливы», т. I, № ССXXXIV и ССXXXVI.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1916 г., д. 83, т. III, л. 4.

контакты с ней служили предостережением царскому правительству.

Одним из таких предупреждений явилось публичное заседание созданного в России во время войны с целью сближения с Англией общества Англо-русского флага, состоявшееся 28 октября в помещении Петроградской городской думы. На нем присутствовали английские представители в России и лидеры Прогрессивного блока. Председатель Государственной думы М. В. Родзянко заверил Бьюкенена, что Россия «не позволит себе никогда предательской возможности сепаратного мира вне соглашения со своими соратниками»¹. В ответной речи посол сулил России щедрые вознаграждения за понесенные ею тяжелые жертвы. Но для этого мало выиграть войну на полях сражений. «Окончательная победа должна быть также одержана над еще более коварным врагом в нашем собственном доме»². Это звучало как открытый призыв мобилизовать силы против германофилов.

Разочаровавшись в возможности выторговать у немцев сносные условия мира и испытывая давление буржуазно-помещичьей оппозиции и союзников, царское правительство на короткое время сделало шаг в противоположном направлении. Штурмер получил отставку. Новый председатель Совета министров А. Ф. Трепов и министр иностранных дел Н. Н. Покровский считались твердыми приверженцами Антанты. 12 декабря Николай II издал приказ по армии и флоту, в котором писал, что время для заключения мира пока не наступило, ибо «обладание Царьградом и проливами, равно как создание свободной Польши из всех трех ее, ныне разрозненных, областей еще не обеспечено»³.

Англия и поворот в мировой политике. После неудачных попыток отколоть от Антанты Россию, а также Францию и Бельгию, Германия, положение которой, несмотря на видимые успехи, было очень тяжелым, попробовала договориться с Англией. Формально речь шла о всеобщем мире. В действительности вопрос заключался в том, смогут ли Германия и Англия, главные соперники и лидеры

¹ «Речь», 29. X 1916 г., стр. 4.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 173.

³ Е. И. Мартынов. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927, стр. 48.

коалиций, больше всех захватившие чужих территорий, достигнуть компромисса, хотя бы и за счет других участников схватки.

Вслед за предварительным зондажом Германия направила 29 ноября странам Антанты официальное предложение мира.

К этому времени в Англии почва для переговоров была в известной мере подготовлена. Хотя Англия страдала от войны меньше России и Франции, все же и ей пришлось пойти на серьезные жертвы. В качестве самой мощной в коалиции финансовой силы Великобритания стала главным кредитором всей Антанты. Вместе с собственными затратами Англии это потребовало очень крупных сумм и привело к ликвидации значительной части ее зарубежных капиталовложений. Владычица морей являлась для Антанты также главным «перевозчиком», что требовало от ее флота большого напряжения и было связано с опасными потерями. В 1916 г. германские подводные лодки действовали настолько эффективно, что в октябре морское командование, а затем и правительство Англии стали опасаться за успешный исход войны¹. Борьбу на суше не удалось переложить всей тяжестью на союзников. Пришлось создать собственную массовую армию. В апреле 1916 г. английское правительство вынуждено было ввести всеобщую воинскую повинность. В середине лета и поздней осенью 1916 г. британская армия понесла тяжелые потери в бесплодных наступательных боях на Сомме. По стране запестрели синие мундиры раненых и траурные одежды родственников погибших.

Английская буржуазия обогащалась на войне тем более, что эксплуатировала не только рабочий класс своей страны и народы империи, но и трудящихся тех союзных стран, которым Великобритания предоставляла займы или перевозила грузы. Для пролетариев Англии сверхприбыли буржуазии обращались военной каторгой. Не удивительно, что в официально запрещенной правительством на время войны забастовочной борьбе, несмотря на репрессии властей и отрицательное отношение руководства лейбористской партии и профсоюзных объединений, участвовали сотни тысяч человек. «Неофициальные»

¹ J. Corbett. Naval Operations, v. 4. London, 1929, p. 323.

стачки возглавило боевое движение шопстюардов, которое в ноябре 1916 г. оформилось в общенациональную организацию.

Рабочий класс Англии боролся не только за лучшие условия существования, но и против войны. «Недовольство быстро распространялось среди наших рабочих,— признает Д. Ллойд Джордж.— Пацифистское движение ширилось по всей стране. В городах и промышленных центрах происходили многолюдные митинги, участники которых требовали, чтобы войне был положен конец»¹. Наиболее распространенными формами антивоенной борьбы английского пролетариата, кроме митингов, были сбор подписей под обращением к правительству с призывом выяснить возможности мира путем переговоров, отказ от несения военной службы, принятие на профсоюзных и лейбористских конференциях резолюций, осуждавших обязательную воинскую повинность, а также требовавших от правительства заявления о готовности вступить в мирные переговоры.

Рабочие активно участвовали в демократическом движении за восстановление фактически ликвидированных в годы войны гражданских свобод. Борьба и здесь протекала главным образом в форме апелляций к правительству различных митингов и конференций.

Пролетарское движение в Англии при сравнительной многочисленности и организованности характеризовалось относительно низким уровнем понимания своих классовых задач. Его ослабляло отсутствие у рабочего класса партии нового типа, подобной большевистской в России. Руководство лейбористской партии стало во время войны на социал-шовинистские позиции и пошло на широкое сотрудничество с капиталистами вплоть до провозглашения классового перемирия и вхождения в буржуазное коалиционное правительство. Следующая по численности Независимая рабочая партия (НРП)² вела в отношении войны колеблющуюся линию. Считаясь социалистической, она не разделяла марксистского уче-

¹ Д. Ллойд Джордж. Правда о мирных договорах, т. 1. Перев. с англ. М., 1957, стр. 57.

² НРП входила в лейбористскую партию в качестве коллективного члена и была представлена в ее Исполкоме.

ния, а в практической деятельности зависела от буржуазных либералов. Марксистская Британская социалистическая партия (БСП), порвавшая в апреле 1916 г. со своим социал-шовинистским крылом, была малочисленна и не имела широких связей с массами. В демократических организациях, ведших борьбу за мир и политические свободы, как, например, в Союзе демократического контроля¹, руководство принадлежало блоку буржуазных либералов и независимцев.

При всем том активизация борьбы английского рабочего класса отражала, говоря словами В. И. Ленина, «нарастающий протест против войны, нарастающее смутное революционное настроение»². Непокойно было не только в метрополии, но и в колониях. Наиболее ярким проявлением кризиса на колониальном фронте в 1916 г. явилось восстание в Ирландии.

Страх перед революцией заставлял английских капиталистов задумываться о перспективах продолжения войны. В Англии уже в 1915 г. отчетливо обозначилось буржуазное течение сторонников скорейшего заключения мира, рупором которых служил либеральный журнал «Экономист» («The Economist»). Однако в коалиционном правительстве Г. Асквита преобладали либералы-империалисты и консерваторы, отстаивавшие войну до победного конца. К осени 1916 г. под влиянием очерченных выше причин течение сторонников компромиссного мира с Германией усилилось и расширилось. Выразителем его взглядов в правительстве стал один из лидеров консерваторов лорд Лендсдаун, выступивший в ноябре 1916 г. с меморандумом, в котором предлагал возможно скорей начать мирные переговоры. Внутри правящей группировки разгорелась борьба. По свидетельству Ллойд Джорджа, «очень авторитетные люди, чей патриотизм не подлежит сомнению, частным образом поддерживали перед правительством призыв Лендсдауна». Некоторые министры, занимавшие важнейшие посты, также считали, что

¹ Союз демократического контроля был основан в ноябре 1914 г. Организация добивалась мира, разоружения, самоопределения народов и демократического контроля над внешней политикой. Единственным средством борьбы она признавала организацию общественного мнения для давления на правительство.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 193.

Англия не сможет «продолжать войну дольше нескольких месяцев»¹. Асквит поручил Министерству иностранных дел подготовить меморандум о предполагаемых основах будущего мира. Авторы меморандума пришли к выводу, что в случае, если война закончится вничью, большинство уступок немцам пришлось бы сделать Англии за счет ее колоний². Такой вариант явно не устраивал британских империалистов. Кабинет Асквита принял решение, говорившее, что переговоры о мире недопустимы до уничтожения военного могущества Германии³. Однако разногласия в правительстве продолжались.

В противоположность сторонникам Лендсауна усилилось течение, требовавшее более активного и энергичного ведения войны. Его возглавил либерал-империалист военный министр Ллойд Джордж. Возник правительственный кризис. При поддержке военщины верх одержала группа Ллойда Джорджа, который в конце ноября 1916 г. стал премьером. В новом кабинете министров безраздельно заправляли консерваторы и либералы-империалисты, в качестве приказчиков которых выступали шесть лейбористских вожаков. Руководство внешней политикой было поручено одному из лидеров консерваторов, бывшему морскому министру А. Бальфуру. Кадетская «Речь» верно оценила результаты кризиса, когда писала, что «в лице Ллойда Джорджа одержала победу **военная Англия**»⁴. Победители ожидали от своего правительства лучшего использования в войне возможностей как собственной страны, так и всего Согласия путем объединения ресурсов союзников и более эффективной координации их усилий при ведущей роли Англии. Ллойд Джордж в программной речи провозгласил главной задачей в отношениях с союзниками дополнить единство целей единством действий, установить «единый фронт»⁵. Под последним английские генералы и политики понимали такую сделку, при которой русские и итальянские войска в обмен на

¹ Д. Л л о й д Д ж о р д ж. Правда о мирных переговорах, т. 1, стр. 57.

² Там же, стр. 38, 52—53.

³ Д. Л л о й д Д ж о р д ж. Военные мемуары, т. 4. М., 1936, стр. 100.

⁴ «Речь», 28. XI 1916.

⁵ «The Times», 20. XII 1915.

помощь вооружением должны «концентрироваться в местах, где они могут наилучшим образом помочь союзникам во Франции»¹. Особое место в стратегических расчетах английских империалистов по-прежнему отводилось русской армии. Сам премьер полагал, что «единственный шанс на подлинный успех кампании 1917 г. заключается в полном и эффективном сотрудничестве с Россией»².

Твердость намерений царизма и Англии не складывать оружия прошла в декабре известную проверку. За германским предложением о переговорах последовала инициатива В. Вильсона, который пригласил обе стороны сформулировать свои условия мира. Как Россия, так и Англия, по крайней мере с внешней стороны, не проявили никаких колебаний. Страны Антанты отвергли переговоры с противником, пока Центральные державы не изложат своих мирных предложений. В ответе Вильсону союзники набросали программу будущего мира, предусматривавшую аннексии германских, австро-венгерских и турецких владений под видом «реорганизации Европы на основе признания прав великих и малых народов» и контрибуции³. Если для царского правительства формулировка захватнических целей войны не представляла чего-либо нового, то английская дипломатия публично приоткрывала свои карты впервые. Уточняя претензии Англии, член правительства Г. Хиворт заявил, что ответ союзников Вильсону представляет лишь минимум их требований, а другой министр В. Лонг прямо указал, что его страна собирается сохранить за собой германские колонии⁴. Правительство Ллойд Джорджа с первых же шагов зарекомендовало себя во внешней политике как откровенно империалистическое.

Модус вивенди. Отказавшись, хотя бы и временно, от сделки с Германией, Россия и Англия должны были договориться между собой. Начало этому положило упоминавшееся финансовое соглашение 27 октября 1916 г. Затем Великобритания вместе с Францией и Италией

¹ «The Private Papers of Douglas Haig. 1914—1919». Ed. by R. Blake. London, 1952, p. 182.

² Д. Л л о й д Д ж о р д ж. Военные мемуары, т. 3. М., 1935, стр. 348.

³ «Константинополь и проливы», т. 1, стр. 303, примеч. 2.

⁴ «The Times», 14. I 1917; 1. II 1917.

публично поддержали протест царского правительства против австро-германского манифеста о Польше. Поддержка союзника прямо сочеталась в этом случае с собственной выгодой западных держав, ибо таким образом царизм косвенно признавал за ними право голоса в польском вопросе. 19 ноября, с общего одобрения, была предана гласности договоренность о Константинополе и проливах. Предварительно царское правительство, по настоянию Великобритании, дало заверения Румынии в предоставлении свободы для прохода ее судов через проливы¹. Тем самым пробивалась брешь в обещанном царизму монопольном праве на использование Черноморских проливов в военных целях.

Уже в этих первых согласованных шагах чувствуется слабость позиций России. Еще ярче проявилась она при разработке военных планов Антанты на 1917 г. Основные черты плана кампании 1917 г. были намечены союзниками на военной конференции в Шантильи 15 ноября 1916 г. и последовавшей сразу за ней политической конференции в Париже. Как и на предыдущих совещаниях, возобладала точка зрения Франции и Англии, что судьбы войны должны решаться на германских фронтах.

Важнейший недостаток шантильийских и парижских решений с точки зрения общесоюзнических интересов заключался в непосильности задач, возложенных на русскую армию. В то время, когда она нуждалась в длительной передышке и реорганизации, когда само сохранение восточного фронта в течение зимы стояло под вопросом, союзники требовали от России «продолжать и усилить начатые операции» против Болгарки и быть готовой принять участие в общем наступлении на Германию в феврале².

На Парижской конференции было уточнено, что предстоящей зимой именно восточный фронт должен стать главным участком военных операций³.

¹ «Константинополь и проливы», т. I, № CCLI, CCLVIII, CCLX, CCLXI.

² Э м и ш е н. Доктрина коалиционной войны. Опыт исследования. Ведение войны. Ноябрь 1914 г.— март 1917 г. Перев. с франц. М.—Л., 1928, стр. 137—143, цит. стр. 141.

³ Д. Л л о й д Д ж о р д ж. Военные мемуары, т. 1—2. М., 1934, стр. 617.

В дальнейшем русской армии также предстояло решать сразу две крупных наступательных задачи — против Германии и на Балканах.

По мнению генерала Гурко, исполнявшего обязанности начальника штаба царской Ставки, шантильийские решения свидетельствовали о том, что «союзники имели только очень смутное представление об условиях, в которых происходила борьба на русском фронте... Они не отдавали себе отчета в том, как многосторонни наши задачи, напротив того, как относительно незначительны были наши материальные средства»¹. Более откровенно характеризовали положение России на означенных конференциях ее военные представители. Один из них прямо писал, что с русскими там «привыкли не считаться»².

Чем объяснить такое резкое падение авторитета России в отношениях с союзниками? Мы видим разгадку прежде всего в том, что к концу 1916 г. была подточена основа международного влияния царизма — его военная мощь. Россия вынесла на себе главную тяжесть борьбы в 1914—1916 гг. и заложила в этих сражениях фундамент победы Антанты. Но отсталая страна надорвалась от этих беспрецедентных усилий. По компетентному свидетельству Ю. Данилова, огромные потери и вынужденное удлинение фронта еще на несколько сот километров «окончательно лишили» русскую армию «свободы дальнейших действий»³. Явственно обозначился процесс разложения армии. Ему способствовала хозяйственная разруха.

Необходимо принять во внимание и другую сторону дела. К концу 1916 г. развитие военной техники и военного производства в развитых воюющих странах привело к глубоким изменениям в области оснащения вооруженных сил. Царская Россия в силу экономической отсталости и недостаточной помощи союзников не справилась с задачей перевооружения армии. На рубеже 1916/17 гг. русский фронт был оснащен беднее западного (в расчете на одинаковую протяженность) тяжелой артиллерией —

¹ В. Г у р к о. *Memories and Impressions of War and Revolution in Russia, 1914—1917*. London, 1918, p. 241.

² Н. В а л е н т и н о в. *Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—1918 гг.*, ч. 1. М., 1920, стр. 127.

³ Ю. Н. Д а н и л о в. *Россия в мировой войне 1914—1915 гг.* Берлин, 1924, стр. 397.

в 9 раз, легкой — в $4\frac{2}{3}$ раза, пулеметами — в $4\frac{1}{3}$ раза¹. В результате происшедшего качественного скачка превосходство России в живой силе утратило прежнее значение.

Напротив, военные силы союзников России за прошедшие годы значительно выросли. Англия сумела создать к концу 1916 г. прекрасно оснащенную армию, которая только на французском фронте состояла из 56 пехотных и 5 кавалерийских дивизий (около 1,5 млн. человек)².

Кроме изменившегося соотношения военных сил, важную роль играл рост экономической зависимости России от союзников, особенно от Англии. На этой стороне дела следует остановиться специально.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ДВУХ СТРАН

Предвоенные годы были временем довольно быстрого расширения русско-английских экономических связей, к которым обе стороны проявляли значительный интерес. Британскую буржуазию привлекал прибыльный русский рынок сбыта товаров и помещения капиталов, сырьевые богатства России. Последняя, в свою очередь, нуждалась в иностранных займах и капиталовложениях, зарубежных поставках оборудования и сырья, причем господствующие классы стремились противопоставить английский капитал французскому и немецкому, зависимость от которых соответственно по линии займов и торговли становилась все более ощутимой. Русско-английские экономические отношения несмотря на отмеченную взаимную выгодность были типичными для империалистического мира отношениями между странами разного уровня развития, при которых более сильный партнер эксплуатировал более слабого.

Мировая империалистическая война явилась жестоким и могучим ускорителем общественного развития. Она привела к резкому, хотя и одностороннему, уродливому росту хозяйственных связей двух стран, одним из резуль-

¹ А. А. М а н и к о в с к и й. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Изд. 3. М., 1937, стр. 628.

² ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 105, л. 135.

татов которого явилось усиление экономической зависимости России от Англии. Последний процесс не могла компенсировать даже активность многомиллионной русской армии.

Смена главного ростовщика. Всего за несколько дней до начала мировой войны министр финансов Барк самоуверенно заверял правительство, что Россия «с учетом военных расходов» обеспечена «для заграничных платежей более чем на год»¹. Жизнь зло посмеялась над недалекновидностью царских сановников. Прошло немногим более месяца, и России пришлось просить союзников о финансовой помощи.

Традиционный ростовщик царизма — Франция — в течение нескольких месяцев не только отказывала в займах, но и наложила мораторий на золотую наличность русского правительства во французских банках. Англия согласилась предоставить союзнице просимые средства, но выдвинула крайне тяжелые условия. Царское правительство в октябре 1914 г. оказалось вынужденным в основном принять их. Заем в 20 млн. ф. ст. (около 200 млн. руб.) был на 40% обеспечен высылаемым из России золотом². Подобные условия сделки отчасти находят объяснение в чрезвычайно стесненном состоянии международного денежного рынка в начале войны и финансовых затруднениях самой Англии. В то же время Англия не считалась с героическими усилиями русской армии, наступательными действиями спасавшей союзников от разгрома, а царское правительство не сумело использовать этот фактор для отстаивания интересов России.

Важным этапом в англо-русских финансовых отношениях явилась парижская конференция министров финансов стран Антанты, состоявшаяся 20—23 января 1915 г. Ллойд Джордж, Барк и Рибо подписали соглашение об условиях взаимной финансовой помощи трех держав и поддержки ими малых союзных государств. Потребности России в заграничных кредитах на 1915 г. были определены, в соответствии с ее заявкой, в 100 млн. ф. ст., которые Англия и Франция предоставляли в равных долях.

¹ А. Л. Сидоров. Финансовое положение России..., стр. 208.

² МОЭИ, серия 3, т. VI, ч. 1, стр. 393, примеч. 1 и 2.

Царское правительство со своей стороны обязалось в случае необходимости помочь Английскому банку высылкой золота на сумму до 6 млн. ф. ст. и «всеми возможными средствами облегчить вывоз пшеницы и других продуктов, в коих могли бы нуждаться союзники». Помощь малым союзным государствам три державы договорились оказывать в равных долях ¹.

По январскому соглашению Англия официально признавалась равным Франции заимодавцем России. В действительности уже тогда английские кредиты имели для царизма большее значение, ибо шли в основном на оплату военных заказов в Англии и США, в то время как основную массу французских кредитов съедали платежи по старым займам.

Январское соглашение может служить образцом взаимопомощи по-империалистически. Его коммерческие условия были сравнительно благоприятны для России, хотя и они включали вывоз русского золота и торговые уступки союзникам. Главная выгода Англии и Франции заключалась в том, что они «покупали» усилия русской армии, рассчитывая сами заняться накоплением сил. Эту мысль откровенно высказал член английского парламента Уайттеккер, заявивший в прениях по докладу Ллойд Джорджа о конференции в Париже, что Англии выгодней помочь вооружить 3—5 млн. человек в России, чем воевать самой ².

Царское правительство, а вслед за ним его союзники, совершили грубый просчет в оценке потребностей России в заграничных займах на 1915 г. И хотя Англия открыла России до осени 1915 г. еще два малых кредита, это не могло исправить положения. Всего за год с небольшим царское правительство получило займы от Англии 90 млн. ф. ст., т. е. немного более 850 млн. руб.³ Между тем только заказов в счет английского кредита было роздано до 1 октября 1915 г. на 1,8 млрд. руб.⁴ Образовался

¹ «Красный архив», 1924, т. 5, стр. 50—63, цит. стр. 62.

² А. Л. Сидоров. Финансовое положение России..., стр. 258.

³ «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март — октябрь 1917 г.», ч. 2. М.—Л., 1957, № 657, стр. 545 (в дальнейшем — «Экономическое положение России»).

⁴ ЦГИА, ф. 1525, оп. 1, д. 196, л. 2.

огромный дефицит, для покрытия которого и производства дальнейших заказов требовалось новое финансовое соглашение с Англией.

Оно было подписано в Лондоне 17 (30) сентября 1915 г. почти одновременно с финансовым соглашением с Францией. Если в начале 1915 г. Англия и Франция договорились кредитовать Россию на равных началах, то теперь роль главного займодавца и формально перешла к Англии: она ежемесячно отпускала России в 5 раз больше средств, чем Франция.

Англо-русское соглашение было заключено в то время, когда царская армия потерпела тяжелые поражения на фронте, когда в России усилилось недовольство войной, и противник пытался склонить правительство Николая II к сепаратному миру. Англия пришла на помощь царизму, так как была кровно заинтересована в сохранении русского союзника с его многочисленной армией. В то же время она не преминула использовать тяжелое положение России при формулировке условий займа.

Английская финансовая помощь выражалась на этот раз в очень больших цифрах — 25 млн. ф. ст. в месяц, что составляло в расчете на год около 3 млрд. руб. Размеры английских кредитов возросли, по сравнению с январским соглашением 1915 г., в 6 раз. Особое место в соглашении занимал «специальный кредит» в 200 млн. ф.ст. для увеличения бумажной эмиссии русского Государственного банка. Выпуск бумажных денег в России подкреплялся авторитетом британского Казначейства.

Царское правительство расплачивалось за новый заем дорогой ценой. Англия получила право контролировать все заказы и платежи России, совершаемые в счет британского кредита. О мотивах английского правительства мы скажем немного ниже. Пока отметим, что речь шла о львиной доле заграничных заказов царизма, включавшей сделки в самой Англии, США, отчасти в Японии и в большинстве других стран, за исключением Франции. Царское правительство обязалось снабдить золотом Англию на сумму до 40 млн. ф. ст. для облегчения последней платежей в США. Кредит обходился России на 1% выше, чем другим клиентам английского правительства¹.

¹ МОЭИ, серия 3, т. VIII, ч. 2, № 823, 824, 834, 835.

Тяжесть условий финансового соглашения 17 сентября 1915 г. не осталась незамеченной современниками. Некоторые из них, особенно лица, непосредственно связанные с заказами в Америке, давали ему резко отрицательную оценку ¹.

Опасения, что союзники получают слишком широкие права контроля над русскими заказами, высказывались и в думских кругах. Но в целом Государственная дума отнеслась к соглашению положительно. Деньги для дальнейшего ведения войны были получены. Что же касается условий, то петроградские политики находили оправдание в неблагоприятной обстановке. А расплачиваться все равно предстояло народу. «Не беда, что потерпит мужик...»

Жизнь очень скоро показала, что соглашение не обеспечивает в должной мере главного, к чему стремилось царское правительство, — безотказного финансирования зарубежных заказов. Прежде всего соглашение не дало необходимых средств для производства новых заказов. По условиям сделки $\frac{4}{5}$ каждого месячного кредита предназначались на заказы, данные до 1 октября 1915 г., и лишь 4,5 млн. ф. ст. — на новые заказы. Фактически первая сумма никогда полностью не расходовалась вследствие невыполнения заказов в срок, а второй не хватало для покрытия быстро растущих потребностей. Переносить же средства из одной части кредита в другую Англия не разрешала. Далее, в распоряжении царского правительства не было никаких свободных сумм для поддержания курса рубля и иных нужд. Наконец, чрезвычайно стеснительным оказался английский контроль над заказами России. Дело дошло до того, что английское правительство само решало, какие заказы необходимы России, а какие нет. Так, оно в конце 1915—1916 гг. отклонило неоднократные ходатайства царского правительства о финансировании заказов на железнодорожное имущество, имевших огромное значение для всего народного хозяйства России ².

После борьбы, длившейся несколько месяцев, царскому правительству удалось внести в практику финансового соглашения 1915 г. частичные улучшения. Оно стреми-

¹ Г. К. Селезнев. Тень доллара над Россией. Из истории американо-русских отношений. М., 1957, стр. 26.

² Единственным исключением, да и то не сразу, стала Мурманская железная дорога.

лось закрепить и расширить их в новом соглашении. Необходимость последнего диктовалась затягиванием войны.

Переговоры о новом соглашении протекали в сложной обстановке лета и осени 1916 г., с которой читатель знаком по предыдущему разделу книги. Английское правительство первоначально соглашалось кредитовать Россию лишь на условиях, во много раз худших, чем осенью 1915 г. В этом проявлялось не только недоверие Англии к царизму, но и сознательное стремление экономически ослабить и закабалить Россию. С другой стороны, крайне правые в Думе и печати обвиняли англичан в скаредности и заявляли, что правительство должно потребовать от Англии и Франции безвозмездных субсидий на войну — пусть после победы их оплачивают немцы¹. Переговоры длились около полугода, принимая временами крайне острый характер. Один из участников переговоров, генерал М. А. Беляев, в позднейших показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства рассказал, например, о следующем эпизоде: «Мак-Кенна (министр финансов Англии.— А. И.) чрезвычайно горячился и говорил, что он не может из-за невыполнимых фактических данных облагать для нас крупным налогом английское население. «Вы все равно ничего не получите, у вас свыше ста судов зимовали, между тем наши англичане платят». Тогда Михельсон (председатель русской Комиссии по распределению иностранной валюты.— А. И.) сказал такую фразу: «В таком случае нечего говорить, что можно вести войну». Эта фраза произвела ужасное впечатление»². Все же при содействии думского большинства компромисс был в конце концов достигнут.

Новое финансовое соглашение от 14 октября 1916 г.³ считалось дополнительным к соглашению сентября 1915 г. Этим подчеркивалось сохранение в силе основ прежней договоренности. Между соглашениями была и прямая преемственность. Англия признала правомерность произведенных Россией в минувшем году расходов на новые заказы в сумме 97,5 млн. ф. ст. вместо предоставленных последней по соглашению 1915 г. 54 млн. ф. ст.

¹ АВПР, ф. Отдел печати, д. 928, л. 40 и д. 344, л. 109.

² «Падение царского режима», т. 2. М.—Л., 1925, стр. 206.

³ А. Л. Сидоров. Финансовое положение России..., прилож. № 5.

России пришлось отправить 20 млн. ф. ст. золота, недопоставленных по старому соглашению.

А. Л. Сидоров в труде о финансах России в годы мировой войны рассматривает соглашение октября 1916 г. как капитуляцию России перед союзниками¹. Такая оценка представляется нам не вполне правильной. Хотя условия соглашения 1916 г., несомненно, тяжелы для России, они несут печать компромисса между первоначальными предложениями царского правительства и Англии: срок, а следовательно, и сумма займа были сокращены вдвое по сравнению с сентябрем 1915 г., но размер кредита вдвое превышал тот, на который англичане соглашались первоначально. Оплата особо важной для русской армии тяжелой артиллерии и снарядов к ней должна была производиться английским Казначейством по мере выполнения заказов, независимо от ежемесячных кредитов. Это выражалось, по оценке генерала Беляева, в 30 млн. ф. ст. дополнительно к общей сумме займа.

Царскому правительству пришлось уступить по одному из кардинальных вопросов — о вывозе золота. Оно сумело, однако, добиться снижения запрошенной англичанами суммы с 40 до 20 млн. ф. ст., обусловленности вывоза состоянием золотых запасов Английского государственного банка и определенным сроком (не ранее 1 января 1917 г.).

Россия могла в счет соглашения заключить до конца 1916 г. новых заказов на 112 млн. ф. ст., т. е. значительно больше, чем по предыдущему соглашению. Правда, было оговорено, что производство заказов ограничивается возможностью сдачи их на пристань страны-поставщика не позднее 30 июня 1917 г. и наличием тоннажа, необходимого для их перевозки. Заказы могли делаться в странах Британской империи, США (не свыше половины новых заказов), Италии и в небольших размерах в Скандинавских странах.

Царское правительство получало свободный кредит в размере 4 млн. ф. ст. в месяц, из которых 1,5 млн. ф. ст. — на поддержание курса рубля. Условия выплаты процентов по займу были немного облегчены. Английское пра-

¹ А. Л. Сидоров. Финансовое положение России ..., стр. 342.

вительство обещало сделать все возможное, чтобы устранить ненужные промедления и формальности, особенно при заказе машин и станков. Мелкие заказы (до 5 тыс. ф. ст.) Россия могла делать без предварительного согласования с английским правительством, информируя его задним числом.

Соглашение давало возможность России еще некоторое время продолжать войну и укрепляло положение царского правительства перед лицом революционного подъема в стране. В то же время оно закрепляло финансовую зависимость России от Англии. Соглашение отражало неуверенность Англии в постоянстве внешнеполитического курса царизма.

Главный недостаток соглашения состоял в том, что оно было заключено на короткий срок, который не позволял осуществлять программу заказов в расчете на длительную войну. Уже в ноябре 1916 г. правительство Трепова возбудило перед Англией вопрос о необходимости либо продлить соглашение, либо заключить новое. Кабинет Ллойд Джорджа стал затягивать дело, явно выжидая, какой оборот примут события в России. Западные союзники намеревались предъявить крупный счет царизму на Петроградской конференции. Попытки царского правительства облегчить железную хватку тисков путем получения крупных займов в Америке успеха не имели.

Как видим, к концу 1916 г. финансовая зависимость России от Англии достигла таких размеров, что позволяла последней оказывать давление на царизм. А без английских займов царская Россия воевать не могла. Это откровенно признал Барк на совещании в Военном министерстве 21 декабря 1916 г., обсуждавшем положение с заграничными кредитами. На вопрос председателя Государственной думы М. В. Родзянко, можно ли рассчитывать на успех нового займа в Англии, министр ответил: «Да, я полагаю, что можем, ибо иначе нам пришлось бы идти на сепаратный мир, чего Англия, конечно, не допустит»¹.

Передача морских перевозок в английские руки. Не менее тяжелой оказалась зависимость от английских перевозок.

¹ А. Л. Сидоров. Финансовое положение России..., стр. 558.

Заграничные заказы надо было не только оплатить, но и доставить в Россию. Война превратила их транспортировку в сложную проблему. Заказы оборонного значения приходилось доставлять почти исключительно по морю. Между тем два главных и наиболее удобных морских пути — через Балтийское и Черное моря — были перерезаны противником. Современники метко сравнивали Россию с домом, окна и двери которого заколочены, так что хозяевам приходится общаться с внешним миром через печную и водосточную трубы.

Слабый флот России не мог самостоятельно справиться с доставкой заграничных грузов. Приходилось фрахтовать пароходы в других странах и прежде всего в Англии, которая до войны занимала первое место в русских внешне-торговых перевозках по морю. В 1914—1915 гг. царское правительство через свои заграничные учреждения само заключало договоры на перевозку с крупными иностранными фирмами.

В навигацию 1916 г. предстояло доставить в Россию еще небывалое за время войны количество грузов. Силами русского флота можно было перевезти менее трети программы. Наем иностранных судов сталкивался со все большими трудностями. Особенно плохо были обеспечены тоннажем русские заказы в Америке. Царское правительство сначала рассчитывало выйти из положения путем приобретения большого количества судов за границей. Однако Англия отказалась финансировать эти закупки. Взамен она предложила в ноябре 1915 г. взять на себя организацию русских перевозок, обусловив это передачей русского торгового флота в ведение британского Адмиралтейства. Английское правительство, помимо соображений военной целесообразности, руководствовалось, вероятно, стремлением извлечь экономические выгоды и получить частичную гарантию своим займам.

Русская буржуазия встретила предложение Англии в штыки. Ее лидеры, совсем недавно спокойно принявшие тяжелейшее финансовое соглашение, вдруг вспомнили о национальном достоинстве и суверенитете России. «Патриотический» пыл Родзянко, А. Бубликова и К^о объяснялся довольно просто: буржуазия защищала свои прибыли. Капиталисты развили такую энергию, что склонили на свою сторону Особое совещание по обороне и Министер-

ство торговли и промышленности. Царское правительство колебалось. Тогда Англия предъявила своего рода ультиматум: или ее предложение будет принято, или она совершенно отстраняется от дела русских перевозок¹. Это решило вопрос, так как без английской помощи Россия обойтись не могла. 26 апреля 1916 г. представители двух стран подписали в Лондоне соглашение «о необходимых мерах для перевозки военных грузов в Россию»².

Морское соглашение с Англией апреля 1916 г. было еще одной тяжелой по условиям сделкой, заключенной царским правительством. Правда, соглашение — и в этом был весь смысл его для России — давало надежду перевезти в порты Белого моря основную массу запланированных грузов, а именно — 2 млн. т из предполагавшихся 2,6 млн. т. Речь шла именно о надежде, так как британское Адмиралтейство, взявшись за доставку, не гарантировало ни полного выполнения программы, ни сохранности грузов. За ущерб пароходу или экипажу по причине свойств груза платила опять-таки Россия. Наконец, Адмиралтейство не приняло на себя каких-либо обязательств по охране судов, перевозящих грузы в Россию.

В обмен на английскую помощь Россия передавала свой торговый флот, точнее ту его часть, которая не была заперта в Балтийском и Черном морях, в распоряжение британского Адмиралтейства³. На практике русскими кораблями стало ведать объединенное учреждение из представителей английского Адмиралтейства и царского правительства — Адмирком. Добровольный флот сохранил свою администрацию, но подчинялся графику движения, установленному британским Адмиралтейством.

Царское правительство согласилось также на посылку в Архангельск английских офицеров, которые должны были наблюдать за движением британских судов в беломорских портах и ведать погрузкой и обратной отправкой прибывших пароходов. Фактически это означало допущение в главный порт важнейшего во время войны

¹ ЦГИА, ф. 1524, оп. 1, д. 12, л. 23—37.

² ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 2473, л. 37—39 об.

³ Передаче подлежало свыше 40 пароходов водоизмещением в 238 тыс. т (А. Л. Сидоров. Отношения России с союзниками и иностранные поставки во время первой мировой войны 1914—1917 гг. «Исторические записки», т. 15. М.—Л., 1945, стр.151—152).

беломорского пути наряду с русской и британской администрацией¹.

Соглашение подробно регламентировало обязательства России в отношении организации разгрузки и погрузки пароходов и перевозки доставленных в порты грузов в глубь страны. Английское правительство через своих офицеров получило возможность следить за тем, как порты и дороги России справляются с продвижением прибывших товаров.

Царское правительство обязалось запретить ввоз через беломорские порты всех «частных» грузов, т. е. товаров, не относящихся к нуждам обороны.

Правительство отказалось от самостоятельного фрахта иностранных пароходов, передав и эту функцию английскому Адмиралтейству. Последнее рассчитывалось с судовладельцами из кредитов, открытых Англией России по финансовому соглашению.

Условия оплаты были урегулированы дополнительными соглашениями. По оценке министра торговли и промышленности В. Н. Шаховского, передача перевозок в руки англичан повышала их стоимость для России более чем в 1,5 раза².

Таким образом, заключая морское соглашение с Англией, царское правительство допустило вмешательство союзницы в дела, подлежащие ведению русских властей, не сумело добиться, чтобы британское Адмиралтейство несло ответственность за взятые на себя функции, и подписалось под невыгодными коммерческими условиями.

Правда, благодаря соглашению, сокращенную программу перевозок на 1916 г. в основном удалось выполнить. В порты Белого моря было доставлено 1930 тыс. т грузов. Угля перевезли даже несколько больше, чем планировали, а боевых материалов — на 10% меньше³.

Подробнее об этом см.: М. А. Столяренко. Англо-русские соглашения о северных портах России в годы первой мировой войны. «Вестник ЛГУ», 1961, № 8.

² ЦГИА, ф. 1524, оп. 1, д. 12, л. 31 с об.

³ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 2473, л. 109.

В этой связи следует указать на ошибку Д. С. Бабичева, утверждающего, что в навигацию 1916 г. англичане перевезли в Россию вместо обещанных 2 млн. т лишь 800 тыс. т (см. его статью «К вопросу о финансовых отношениях царской России с Англией во время мировой империалистической войны 1914—1917 гг.». «Ученые записки

Царское правительство решило продлить соглашение с Англией на новый 1917 г. С этой целью оно в конце октября 1916 г. послало в Лондон адмирала Кербера. В результате переговоров Кербера с английским Адмиралтейством была принята программа перевозок в Россию в зимнюю навигацию 1916/17 г. и в главных чертах намечена летняя программа ¹.

Царское правительство пошло на дальнейшие уступки Англии в области контроля над перевозками. В ведение британского Адмиралтейства перешла доставка грузов не только в порты Белого моря, но и во Владивосток. Это сделало англичан уступчивей в отношении заявок России на тоннаж.

Объем зимней программы соответствовал пожеланиям царского правительства. Намеченный же русской стороной план летних перевозок британское Адмиралтейство приняло неполностью и условно. Англичане брались доставить в Россию 3,72 млн. т грузов ², из них 2,72 млн. т в порты Белого моря, при условии, что смогут получить там 30 млн. пуд. пшеницы. В противном случае предоставленный ими тоннаж сокращался не менее чем на 1 млн. т. Переговоры по этому вопросу решено было продолжить.

В январе 1917 г. Англия подтвердила свою готовность взяться за осуществление намеченной летней программы, но еще увеличила претензии к России ³. Кроме пшеницы, она хотела получить теперь 100 тыс. т льна, 250—300 тыс. гектолитров спирта, большое количество леса, а также различные другие товары — марганец, асбест, поташ, яйца, чечевицу, бобы и т. д. Словом, корабли не должны возвращаться из России пустыми. Помощь союзнику становилась коммерческим предприятием. В случае принятия этих предложений Россией Англия готова была оставить в силе основы морского соглашения апреля 1916 г., но считала нужным расширить функции английской администрации в Архангельске и послать британских

Ростовского-на-Дону университета», т. 63. Ереван, 1958, стр. 149). Очевидно, в руки Бабичева попали данные о перевозке только боевых материалов, да и то неполные.

¹ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 2473, л. 1—8.

² Царское правительство просило о доставке 4,12 млн. т грузов.

³ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 5, д. 216, л. 56, 58—61.

учреждениями, через которые он размещал заказы, — так называемой Международной комиссией снабжения и специальным комитетом при британском Военном министерстве. Все контракты подлежали утверждению руководителей этих английских учреждений. Инициатива Англии официально мотивировалась стремлением избежать конкуренции союзников на британском рынке и проистекавшего отсюда чрезмерного роста цен. На практике английские учреждения отстаивали прибыли отечественных монополий. Контроль позволял правительству Англии использовать производственные мощности страны прежде всего в интересах оснащения собственных вооруженных сил. Оно пользовалось правом в любое время аннулировать контракт, если продукция нужна была в Соединенном королевстве.

Кризис вооружения, который пережила русская армия в конце 1914—1915 гг., побудил Англию вмешаться в дело заграничного снабжения России. Английский военный министр Китченер предложил царскому правительству разместить при его личном посредничестве крупные заказы в Америке. Используя все средства давления, он добился принятия своей программы. В июне 1915 г. в Лондоне был создан комитет Военного министерства с участием русских представителей, но во главе с Китченером, ведавший заказами России в США¹. Царскому правительству приходилось платить за двойное посредничество, так как сами англичане заключали все контракты через американскую фирму «Морган и К°». Контроль русских представителей над выполнением этих заказов также был сильно затруднен.

Царское правительство попыталось ослабить английскую опеку и в августе 1915 г. учредило Русский заготовительный комитет в Америке. Однако в следующем же месяце, по условиям финансового соглашения с Англией, этот орган пришлось подчинить контролю Англо-русского комитета и связанных с ним британских учреждений. Все контракты, заключаемые через Русский заготовительный

¹ Комитет Китченера заключал контракты со сроком выполнения до апреля 1917 г. включительно. Стоимость заказов, помещенных через комитет, достигла на февраль 1916 г. огромной цифры — 94 млн. ф. ст., или свыше 900 млн. руб. (ЦГИА, ф. 1524, оп. 1, д. 85, л. 20).

комитет, предварительно рассматривались в Лондоне. Попытка России договориться о размещении заказов в США через фирму «Морган и К°», минуя англичан, успеха не имела. Англия на это не согласилась, а своего широкого кредита в США царское правительство не имело. Забегая вперед, скажем, что в 1916 г. России удалось немного ослабить контроль Англии над своими американскими заказами. Однако избавиться от английской опеки Россия не могла, так как все глубже увязала в трясине долговой зависимости от богатой союзницы.

Но вернемся к событиям осени 1915 г. Англия использовала финансовое соглашение с Россией сентября 1915 г., чтобы увеличить свое влияние на русские заказы. Теперь через Англо-русский комитет и британские учреждения должны были проходить все контракты, совершаемые в счет английского кредита, где бы они ни заключались — в самой Англии или США, скандинавских странах или Японии.

В октябре 1915 г. царское правительство провело реорганизацию Англо-русского комитета, который с тех пор стал называться Русским правительственным комитетом, сокращенно РУССКО. Одной из целей реорганизации было поднять роль русских учреждений в осуществлении заграничных заказов. Все же, несмотря на некоторые изменения, решающий голос остался за британскими учреждениями и представителем Англии в РУССКО. Не меняло дела и создание в Петрограде Особого совещания (затем Комиссии) по распределению иностранной валюты, так как отпуск средств по-прежнему зависел от английского Казначейства.

В ноябре 1915 г. в Лондоне, по инициативе Англии, состоялось совещание держав Антанты по вопросам военного снабжения.

Представители Англии, Франции, России и Италии на этом совещании подписали соглашение о создании Центрального статистического бюро союзников¹. Участники соглашения обязались ежемесячно представлять в бюро сведения о программе производства важнейших видов вооружения, заказах в своей стране и за границей, запасах сырья, наличии оборудования и рабочей силы.

¹ «Исторический архив», 1949, т. IV. М.—Л., стр. 371—372.

Ллойд Джордж успокаивал представителей России и Италии, что бюро будет иметь «чисто осведомительный характер»¹. В действительности это союзническое предприятие было не столь невинным, как могло показаться на первый взгляд. С его помощью Англия и Франция надеялись достичь своей давней цели — быть постоянно в курсе всего дела боевого снабжения России. Правда, формально Россия находилась в равном положении с союзниками, но на практике сильный всегда контролировал слабого.

Следующий шаг в том же направлении был сделан в конце октября 1916 г., опять-таки в момент, когда решался вопрос о материальной помощи России со стороны союзников к предстоящей кампании 1917 г. На этот раз совещание стран Антанты решило учредить в Лондоне общесоюзническое бюро по снабжению с некоторыми контрольными функциями².

Английское правительство использовало свое возраставшее влияние на заграничные заказы России прежде всего в интересах британских капиталистов. При определении условий контрактов английские учреждения, как правило, становились на сторону отечественных предпринимателей, а не союзной России. Цены на одни и те же предметы в Англии были выше, чем в Америке и Японии³.

Не менее, если не более важной целью британского контроля было оттеснение конкурентов Англии с мирового рынка. Английские учреждения утверждали заказы России в других странах только в том случае, если их нельзя было, хотя бы и на менее выгодных для русской стороны условиях, разместить в самой Англии. Когда же Великобритании пришлось согласиться с тем, что все большая часть русских заказов будет совершаться в Америке, английское правительство обусловило, по финансовому соглашению с Россией октября 1916 г., что в США может расходоваться не свыше $\frac{1}{2}$ английских кредитов.

Таким образом, мы снова видим, что Англия подходила к заказам России не как союзник в общей борьбе, а как расчетливый коммерсант. Но даже и на коммерческих условиях Англия, подобно Франции, удовлетворяла по-

¹ Исторический архив, 1949, т. IV. М.—Л., стр. 371.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1916 г., д. 80, т. 1, л. 230.

³ А. Л. Сидоров. Финансовое положение России..., стр. 539.

требности России крайне скупо. Не будет преувеличением сказать, что западные союзники держали Россию в области вооружений на голодном пайке, в то время как их собственные армии были богато оснащены военной техникой. Такая линия отчасти объяснялась близорукостью западной стратегии, считавшей русский фронт вспомогательным, а англо-французский главным. Кроме того, здесь проявлялась, нам кажется, боязнь Англии перед «чрезмерным» усилением союзника, который на другой день после войны мог стать ее противником.

Еще одна тенденция явственно видна в отношении Англии к военным поставкам для России — нежелание способствовать развитию русских производительных сил и особенно обрабатывающей промышленности. Англия крайне неохотно поставляла России промышленное оборудование, резко сокращала заявки на металлы, не желала финансировать железнодорожные заказы в США. Можно считать, что какая-то доля вины за экономическую разруху в России ложится на Англию. Последняя сознательно держала курс на экономическое ослабление России, чтобы тем вернее подчинить себе ее народное хозяйство. Это не составляло секрета для царских сановников. Известный читателю председатель Комиссии по распределению валюты А. Михельсон писал 9 августа 1916 г. военному министру, что в Англии «министр финансов Маккена и за ним большая партия финансистов с директором Английского банка во главе, а также торгово-промышленные круги, признавая необходимость помогать нам ради победы Англии над Германией, хотя ограничиться крайним минимумом помощи и воспользоваться нашим тяжелым положением, чтобы одновременно обеспечить себе наибольшие экономические выгоды на русском рынке как теперь, так и в будущем, поставят Россию в экономическую и финансовую зависимость от Англии»¹.

Английские фирмы, набрав при содействии правительства большое количество русских заказов, выполняли их крайне неаккуратно. Шеф артиллерии великий князь Сергей Михайлович в показаниях Следственной комиссии

¹ А. Л. Сидоров. Финансовое положение России..., стр. 547.

по делу о недостаточном снабжении армии предметами вооружения и боеприпасами характеризовал деятельность английских фирм как «сплошной злостный обман»¹. В кризисный 1915 г. Россия, несмотря на неоднократные жалобы и протесты царского правительства, получила от Англии ничтожно мало по сравнению с обещанным. Ответственность западных союзников за поражения России в 1915 г. и затягивание войны признал в своих мемуарах Ллойд Джордж². Военные заказы из Англии стали в больших количествах поступать в Россию только в 1916 г. Но и в кампанию 1916 г. заграничное вооружение играло лишь вспомогательную роль по сравнению с отечественным. Царское правительство и командование хотели добиться от союзников более эффективной помощи, возлагая преувеличенные надежды все на ту же Петроградскую конференцию.

Если Россия вывозила из Англии главным образом предметы военного снабжения, то Великобритания продолжала вывоз традиционных русских товаров, сумев занять среди государств-покупщиков первое место. Правда, резкое сокращение вывоза из России сказалось и на абсолютных размерах русско-английской торговли, но удельный вес Англии серьезно возрос и составил в 1915—1916 гг. около 40%. На следующую по значению в русском экспорте среди великих держав страну — Францию — приходилось лишь около 10%. Общие обороты русско-английской торговли и в 1916 г. превышали объем операций между Россией и США³. Насколько уверенно начинали чувствовать себя в России английские купцы, показывает следующий характерный эпизод. В самом конце 1916 г. британский консул в Омске обратился к местным властям по поводу проекта организации производства сельхозмашин и орудий одним из новых русских обществ в Томске, давая понять, что устройство «подобного завода излишне, так как сибирский рынок будет обеспечен машинами и орудиями из Англии»⁴.

¹ А. Л. Сидоров. Отношения России с союзниками..., стр. 136.

² Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 1—2, стр. 317.

³ «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, табл. LV, стр. 242.

⁴ АВПР, ф. Отдел печати, д. 345, л. 33.

Перспективы на послевоенный период. Англия стремилась использовать возросшую зависимость России не только для того, чтобы извлечь выгоды в данный момент, но и создать благоприятные условия для оживления русского рынка в послевоенный период, о чем уже упоминалось выше. Замыслы английских капиталистов получили яркое выражение в документах экономической конференции стран Антанты, которая состоялась в Париже в июле 1916 г.

Участники конференции обязались принять меры, имевшие целью прекратить торговлю с противником через нейтральные страны и не позволять подданным неприятеля эксплуатировать принадлежащие им в странах Антанты предприятия. Второе имело в виду главным образом германский капитал в России.

Решения Парижской конференции переносили методы экономической войны и на период после заключения мира. Державы Антанты обязались в течение определенного срока не предоставлять странам, входившим во враждебную коалицию, права наибольшего благоприятствования в торговле и договориться о мерах по ограничению товарообмена с ними. Союзники получали преимущественное перед всеми другими странами право на использование естественных богатств друг у друга. В решениях предусматривалось хозяйственное восстановление ограбленных противником стран (фактически ограбление под этим предлогом побежденного врага.— *А. И.*). Намечался также ряд мер по борьбе с германской системой государственного покровительства экспорту и с «немецким засильем» в экономике стран Согласия¹.

Парижские постановления давали Англии и Франции серьезные преимущества в борьбе за русский рынок перед Германией и отчасти США. И хотя инициатором конференции была Франция, наибольшие выгоды из ее результатов могла извлечь именно Англия, превосходившая французов экономической мощью, меньше их пострадавшая от войны и уже захватившая преобладающие позиции во внешнеэкономических связях России. Недаром большинство английской буржуазии приветствовало итоги конференции и выражало пожелание, чтобы ее программа

¹ ЦГИА, ф. 23, оп. 27, д. 794, л. 132—137.

сразу же была проведена в жизнь. Лишь часть либералов, по старинке придерживавшихся фритредерских позиций, оценивала достигнутые в Париже результаты сдержанно¹. Правительство Англии, несмотря на известные трудности в согласовании парижских резолюций с системой имперских преференций, сравнительно быстро утвердило документы конференции².

Английские капиталисты энергично готовились к тому, чтобы реализовать полученные преимущества. Осенью 1916 г. в Англии была основана Русско-британская торговая палата, в которую сразу же вступило около 240 фирм³. Почетным председателем палаты стал, с согласия царского правительства, русский посол Бенкендорф⁴. Одним из слабых мест англо-русской торговли до войны была проблема кредитования, на которую теперь было обращено специальное внимание. 31 августа 1916 г. был учрежден Британский торговый банк с капиталом 10 млн. ф. ст., который представлял долгосрочные кредиты английским фирмам, занимавшимся заморской торговлей⁵.

По сообщениям печати, главной целью банка являлось содействие успехам торгового обмена между Англией и союзными странами⁶. В октябре 1916 г. в Россию приезжал представитель английского Министерства торговли Артур Верден, выяснявший потребности русского рынка. Верден сообщил о предполагаемом «учреждении в России Английского банка со 100-миллионным капиталом для оказания кредита исключительно англо-русской торговле»⁷.

В целях завоевания русского рынка английская буржуазия прибегла к методам государственного покровительства торговле. В марте 1916 г. правительство Англии предоставило монополию на ввоз льна из России четырем крупным британским фирмам, которые выступали в ка-

¹ ЦГИА, ф. 23, оп. 8, д. 191, л. 12—39.

² Там же, л. 54.

³ АВПР, ф. Отдел печати, д. 779, л. 49.

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1916 г., д. 83, т. II, л. 129 с об.
⁵ N. B. D e a r l e. An Economic Chronicle of the Great War for Great Britain and Ireland, 1914—1919. London, 1929, p. 97.

⁶ АВПР, ф. Отдел печати, д. 779, л. 19.

⁷ ЦГИА, ф. 23, оп. 11, д. 1, л. 146.

честве государственного закупочного агентства¹. Эта торговая организация сделала заявку на весь предназначенный для вывоза русский лен². В том же 1916 г. английское правительство сообщило России, что Англия, Франция и Бельгия намерены после войны выступить единым покупателем русского леса, причем частные фирмы этих стран допущены к торговле не будут. Три державы рассчитывали на правах бывших союзников обеспечить за собой на три года вывоз из России бревен³.

Британская буржуазия готовилась и к тому, чтобы в широких масштабах возобновить после войны помещение капиталов в хозяйство России⁴: скупала новые месторождения полезных ископаемых, проводила реорганизации английских компаний в России. По сведениям немецкой печати, ревниво следившей за успехами конкурента на русском рынке, англичане за два года войны приобрели в России по низким ценам 355 золотых, платиновых, железных, медных и асбестовых приисков, а также 42 осмиевых и иридиевых рудника⁵. Трудно проверить, насколько эти данные точны, но тот факт, что скупка английскими капиталистами богатств недр носила массовый характер, подтверждают и русские газеты⁶. В захвате месторождений полезных ископаемых России приняло участие и английское правительство. В 1916 г. оно вело переговоры с царскими властями о приобретении марганцевых копей на Кавказе⁷. Своеобразная попытка внедрения в русское хозяйство была предпринята в том же 1916 г. группой английских и французских капиталистов во главе

¹ В. Я. Лаврычев. К вопросу об экспорте льна из России в 1916—1917 гг. «История СССР», 1958, № 1, стр. 131.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1916 г., д. 78, т. II, л. 737.

³ «Материалы по истории СССР», т. VI. Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959, стр. 625.

⁴ В годы войны вывоз частного капитала из воюющих стран был чрезвычайно затруднен как вследствие сложности общения, так и главным образом из-за стремления каждого правительства мобилизовать внутренние финансовые ресурсы. Например, английское правительство препятствовало размещению на частном рынке своей страны не только частных ценных бумаг, но и облигаций государственных русских займов (АВПР, ф. II Департамент, 1—5, «Война», д. 192, л. 238, 239).

⁵ АВПР, ф. Отдел печати, д. 779, л. 10.

⁶ «Деловая Сибирь», 18. VII 1916 и 26. XII 1916.

⁷ ЦГИА, ф. 1358, оп. I, д. 1940, л. 109.

с английским банкирским домом «Боултон Браверз» и французским банком «Пари э дё Пеи», предложившей царскому правительству 250—500 млн. руб. в иностранной валюте за передачу ей на 10—20 лет монополии на спичечную торговлю в России¹.

В 1914—1916 гг. соотношение сил соперничавших империалистических систем в области капиталовложений в русское хозяйство заметно изменилось в ущерб главному английскому конкуренту — Германии: значительная часть германских компаний в России и компаний с германским участием была ликвидирована или перешла в собственность государства и русских капиталистов. Кроме того, в России за это время начали действовать 23 иностранных компании с капиталом 40,95 млн. руб., из них около половины были английские с капиталом 34,86 млн. руб.² Британские капиталисты имели большие шансы закрепить успех и на этом участке.

Царское правительство в меру своих сил отстаивало интересы русских помещиков и крупной буржуазии, но ради получения военно-экономической помощи от союзников вынуждено было уступать Англии. Мы видели это на примере займов, перевозок и военных поставок. Ту же картину представляла торговля нестратегическими предметами. Царские власти дали согласие на деятельность английского льнозакупочного агентства в России, но одновременно помогли русским капиталистам противопоставить англичанам единую сбытовую организацию. Правительство Николая II не отклонило и английского проекта о лесной торговле, оговорив, однако, что в этом случае оно само выступит единым продавцом, т. е. введет государственную монополию на продажу льна. Не без влияния Англии Россия тянула с заключением нового торгового договора с США. Заинтересованные русские капиталисты считали, что царское правительство проявляет в вопросах торговли излишнюю уступчивость союзникам, и не были уверены, что оно сумеет оградить их интересы в будущем³.

¹ В. Р е й х а р д т. К проблеме монополистического капитализма в России. (Эволюция участия иностранного капитала в русском народном хозяйстве за годы империалистической войны 1914—1917 гг.) «Проблемы марксизма», 1931, № 5-6, стр. 211.

² «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, стр. 156.

³ «Материалы по истории СССР», т. VI, стр. 625, 636.

Правда, в борьбе против невыгодных постановлений Парижской экономической конференции царское правительство проявило значительное упорство. Изучив документы конференции, оно 8 августа пришло к выводу, что «надлежит проявить сугубую осторожность при принятии постановлений конференции, в видах соблюдения русских интересов». Министры решили, что, когда дело дойдет до ратификации парижских документов, а спешить с этим не следует, нужно будет определенно оговорить, что при осуществлении постановлений конференции «каждое государство будет соотносываться с особенностями экономических условий своей страны»¹. Английское правительство резонно возражало, что предложенная оговорка своей широтой уничтожает значение постановлений конференции². Однако сбить царизм с занятой позиции ему не удалось. Утверждение парижских решений затянулось, а затем свершилась Февральская революция. Упорство царизма в этом случае объясняется прежде всего нежеланием связать себя широкими обязательствами на послевоенный период, когда неизбежно должны были вскрыться острые англо-русские противоречия. Известную роль играл и поворот в политике в сторону сепаратного мира с Германией, о котором говорилось ранее.

Внешнеэкономическая политика царского правительства часто служила предметом критики буржуазной оппозиции. Но лидеры русской буржуазии — Родзянки и Гучковы, Милюковы и Шингаревы в своих суждениях не поднимались выше интересов капиталистической мощны. Они могли яростно нападать на деятельность Русского правительственного комитета в Лондоне, где миллионные заказы распределялись без участия представителей буржуазии, но не способны были даже по-настоящему поставить вопрос об экономической независимости России. Они, разумеется, понимали, что экономические интересы страны (читай — буржуазии) и ее западных союзников различны, если не сказать противоположны. России, считали они, лучше было бы после войны максимально сократить ввоз и форсировать вывоз, развив собственное производство ранее импортировавшихся товаров и

¹ ЦГИА, ф. 23, оп. 27, д. 794, л. 134 об.

² АВПр, ф. Канцелярия, 1916 г., д. 80, т. II, л. 329.

свободно выбирая себе контрагентов. Англия, напротив, будет стремиться завалить русский рынок изделиями британского производства, заняв место Германии и претендуя на права союзницы на особое положение. Выход, по мнению буржуазии, состоял в том, чтобы компенсировать торговые уступки союзникам прибыльным для русских капиталистов привлечением в Россию союзного капитала.

Там, где речь шла о совместной с англичанами наживе, представители русской и британской буржуазии говорили буквально одним языком. Бьюкенен, выступая в декабре 1916 г. на банкете перед членами английской колонии и представителями русского капитала, категорически опровергал наличие у Великобритании планов эксплуатации России. Цель англичан, уверял он, состоит в том, чтобы «помочь России расширить ее промышленность и развить ее огромные естественные богатства...»¹ Совершенно в том же духе выступал рупор кадетов — ярых защитников политики союза с Англией. «Иностранный капитал нам нужен,— твердила «Речь», — а английский капитал более культурен в своих приемах, чем германский, и, главное, не имеет в виду политического влияния... Слухи о том, будто английский капитал «стремится поработить Россию», или невежественны или злонамеренны...»² Блок русской буржуазии с союзниками в Февральской революции, о котором нам предстоит говорить, имел определенную экономическую основу.

¹ «Речь», 20. XII 1916.

² «Речь», 30. X 1916

Глава вторая

НАКАНУНЕ И В ДНИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПОПЫТКИ ПРЕДОТВРАТИТЬ РЕВОЛЮЦИЮ

В декабре 1916 г. забастовочная волна в России временно спала, чтобы с еще невиданной силой возродиться в следующем месяце. Господствующие классы чувствовали, что это — затишье перед бурей. Тревожные сигналы, поступавшие из армии, из деревни, из национальных районов, свидетельствовали о том, что народные движения могут слиться в единый революционный поток. «Наш Друг говорит, — передавала императрица Николаю II мнение всемогущего Распутина, — что пришла смута, которая должна была быть в России во время или после войны...»¹ «Мы переживаем теперь страшный момент, — вторил Распутину с трибуны Государственной думы Милюков. — На наших глазах общественная борьба выступает из рамок строгой законности и возрождаются явочные формы 1905 г.»² Царское правительство и господствующие классы лихорадочно искали способы, как предотвратить народную революцию. Цель у царского окружения и буржуазно-помещичьей оппозиции была единой, средства — разными.

Внешиполитический аспект замыслов царизма. Царизм все больше склонялся к варианту, который давно подсказывали ему крайне правые: заключить мир и железной рукой подавить народное движение, заодно покончив также со всякой оппозицией буржуазных кругов. К такому выбору толкал его не один страх перед революцией. Царские сановники видели, что если победа Антанты в 1917 г. вообще проблематична, то одно несомненно — Россия придет к концу войны истощенной и ослабленной,

¹ «Переписка Николая и Александры Романовых», т. 5. М.—Л., 1927, стр. 172—173.

² «Речь», 17. XII 1916.

а следовательно, не сможет извлечь выгод из ее продолжения. Если союзники, особенно Англия, и в более благоприятное для России время, даже в обещаниях не хотели и не хотят учитывать всех интересов России, то что же произойдет при окончательном расчете? Не лучше ли договориться с родственной по образу правления Германией, которая в печати и за кулисами предлагает Николаю II свою дружбу для сокрушения внутренней «крамолы» и выражает готовность компенсировать царизму потери в Прибалтике и Польше за счет Турции и Румынии?

Последний царский министр иностранных дел Н. Н. Покровский в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства откровенно признал: «Внутренняя политика вела нас к необходимости заключить в конце концов сепаратный мир...» По его словам, это понимали не только ушедшие в отставку Трепов и Игнатъев, но и новый председатель Совета министров Голицын¹. Еще определенной были настроения дворцовой камарильи. Личный адъютант министра внутренних дел жандармский полковник Пиранг — лицо весьма осведомленное в политике, — показал, что «в кругу тех лиц, которыми в последнее время был окружен Протопопов, с императрицей Александрой Федоровной в центре, постоянно приходилось слышать, что скоро будет заключен мир»². Этим влияниям поддался, по некоторым сведениям, и сам царь. Протопопов позднее утверждал, что в декабре 1916 г. Николай II одобрил план, по которому «Россия должна была известить союзников за несколько месяцев вперед, что, будучи не в силах вести войну, в назначенное время правительство прекращает эту войну. В течение этих месяцев союзники и Россия должны вести с Германией переговоры. В случае, если бы союзники отказались от ведения переговоров, Россия все же в указанный срок выходила из войны, заключая мир с Германией»³.

¹ «Падение царского режима», т. 5. М.—Л., 1926, стр. 360—361, цит. стр. 361.

² Е. И. Мартынов. Царская армия в февральском перевороте. Л., 1927, стр. 49.

³ «Голос минувшего на чужой стороне», 1926, № 2/XV, стр. 169 (эмигрантский журнал).

В соответствии с намечавшимся курсом осуществлялись мероприятия внутри страны и вовне. «Министерская чехарда» неуклонно вела к усилению в правительстве крайне реакционных элементов. А. Ф. Трепов в декабре 1916 г. уступил место более послушному дворцовой камерилье Н. Д. Голицыну, военного министра Д. С. Шубаева заменил близкий сотрудник В. А. Сухомлинова генерал М. А. Беляев, все больший вес приобретал распутинец А. Д. Протопопов. Н. Н. Покровский, если и сохранял еще свой министерский пост, то лишь вследствие нежелания царизма срывать союзническую конференцию в Петрограде. Царское правительство жестоко расправлялось с каждым выступлением рабочих, солдат и крестьян. В отношениях с буржуазно-помещичьей оппозицией лисий хвост снова заменила волчья пасть. Вызывающее поведение правительства было, по-видимому, рассчитано на то, чтобы спровоцировать волнения в Петрограде, к подавлению которых энергично готовились.

Дошедшие до нас сведения о возобновившихся контактах царизма с Центральными державами относятся к январю 1917 г. Речь идет прежде всего об известных встречах болгарского посланника в Берлине Ризова с русскими представителями в Швеции и Норвегии — А. В. Неклюдовым и К. Н. Гулькевичем. Царское правительство проявило явный интерес к заигрываниям противника. Покровский предписал Неклюдову и Гулькевичу в случае новых попыток со стороны Ризова постараться получить от него более точную формулировку условий Германии¹.

Переговоры с Ризовым стали известны союзникам России. Пришлось официально информировать их и согласовывать с ними линию дальнейшего поведения. Царское правительство представило дело таким образом, что переговоры касались лишь выхода из войны Болгарии. Тем не менее союзники были обеспокоены. Англия, не возражая против сговора с Болгарией в принципе, предлагала предварительно самым тщательным образом проверить, искренни ли сделанные предложения и не является ли Ризов эмиссаром Германии². Царские дипломаты

¹ «Константинополь и проливы», т. 2, № 344 и примеч. 1 на стр. 384.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 4, л. 49.

успокаивали англичан, что Россия лишь выслушивает от имени союзников предложения Болгарии, и что с Ризовым, личность которого вызывает подозрения, переговоры вестись не будут¹. Но их заверения были явно неискренними. Второе из них прямо противоречило инструкции Покровского Неклюдову и Гулькевичу.

Переговоры с болгарам были продолжены в нейтральной Швейцарии. Болгарский дипломат Радев не скрыл от русского осведомителя, что действует с ведома и благословения Германии, которая видит в примирении Болгарии с Россией «помощь не только самой Болгарии, но и... немцам»².

Сведения о заинтересованности Германии не были, разумеется, сообщены западным союзникам.

В январе же 1917 г. в Швейцарию приехал «на лечение» экс-канцлер и дипломат Бюлов. Мировая печать связывала его войяж с продолжавшимися сепаратными маневрами Германии, причем утверждалось, — со ссылкой на немецкий источник, — будто Берлин не намерен в случае мирных переговоров поддерживать претензии Австро-Венгрии и Болгарии на расширение территорий, что было явным реверансом в сторону России³. Германия сама открыто продемонстрировала, что стремится к сепаратному миру с Россией, когда, объявив с 1 февраля (н. ст.) неограниченную подводную войну, она не распространила блокаду на русское побережье⁴.

Царизм, со своей стороны, проявил инициативу в организации контактов с Германией, используя для этого недипломатические каналы, следить за которыми союзникам было гораздо труднее. В январе, по сообщениям шведской печати, в Стокгольм приезжал сын Штюмера — государственный чиновник высокого ранга, миссию которого газеты ставили в связь с попытками восстановить дружбу между Романовыми и Гогенцоллернами⁵. Новый фаворит двора Протопопов вел в феврале подозрительную переписку с находившимся в Стокгольме хиромантом

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 106, л. 45 с об.

² ЦГВИА, ф. 2003, оп. IV, д. 5, л. 86—87.

³ АВПР, ф. Отдел печати, д. 886, л. 8—9, 49.

⁴ «Речь», 22. I 1917.

⁵ АВПР, ф. Секретный архив, д. 662/693, л. 9—10.

Переном, в котором контрразведка Англии и Франции видела посредника Германии¹.

Царизм не без основания опасался, что разглашение сведений о контактах с врагом может привести к тому, что партнеры опередят его в сговоре с центральными империями или поощрят оппозицию совершить переворот. Поэтому царские министры и дипломаты не скупились на заверения союзникам в верности, разъясняли, обещали, успокаивали. Мы только что видели, как маскировались секретные переговоры с противником. Когда слухи о них проникли в иностранную печать, Покровский указал послам в Лондоне, Париже и Риме на желательность повлиять на газеты союзных стран с целью прекращения этих толков о мире².

Большое беспокойство в Англии вызывала внутренняя политика царизма, связь которой с перспективами участия России в войне там прекрасно понимали³. Царская цензура перестала пропускать за границу сообщения иностранных корреспондентов о внутреннем положении страны. Николаевские сановники, придерживаясь тактики успокоения союзников, не уклонялись от обсуждения с английскими дипломатами вопросов внутренней политики вплоть до состава правительства. Так, в декабре Бьюкенен, беседуя с председателем Совета министров Треповым, заметил, что в результате новых назначений «русское правительство заметно не улучшилось». Трепов согласился с этим, но обнадежил посла, что предполагает «позже удалить других министров»⁴ (имелся в виду в первую очередь Протопопов). Вместо обещанной реорганизации правительства Трепову пришлось уйти самому.

¹ «Красный архив», 1926, т. 1 (14). стр. 281—282; «Падение царского режима», т. 6. М.—Л., 1927, стр. 339—340.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 96, л. 204.

³ 30 декабря 1916 г. поверенный в делах в Лондоне К. Д. Набоков доверительно сообщал Н. Н. Покровскому: «Я не считаю себя вправе скрыть от Вас, что в здешних правительственных сферах царствует смущение, вызываемое известиями из Петрограда. Настроение это, само собой разумеется, не высказывается в официальных переговорах с нами, но закрывать глаза на него значило бы не учитывать вполне определенного фактора нынешнего политического положения» (А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917 г.). М., 1960, стр. 378).

⁴ В. Н. Сторожев. Дипломатия и революция. «Вестник НКВД», 1920, № 4-5, стр. 80.

Встревоженный министр иностранных дел Англии Бальфур запросил русского поверенного в делах, «не окажут ли последние перемены в составе... правительства влияния на ход предстоящих в Петрограде совещаний». Набоков уверил Бальфура, что «течение внутренней политики ни в коем случае не может поколебать провозглашенных государем императором основ нашей политики солидарности с союзниками или отразиться на общей цели...»¹

Стремясь усыпить подозрения англичан, царское правительство объявило, что место умершего посла в Лондоне Бенкендорфа займет популярный в союзных странах Сазонов².

Однако все маневры царизма не успокаивали британского кабинета, располагавшего собственной информацией о настроениях и действиях ненадежного союзника. Одним из источников этой информации служила буржуазно-помещичья оппозиция в России.

Прогрессивный блок и Англия. Лидеры оппозиции с негодованием и страхом наблюдали, как «кучка слепцов и безумцев» срывает попытки буржуазии ввести борьбу народных масс в «законное русло» и влечет страну к невыгодному сепаратному миру. Руководители Прогрессивного блока, которых поддерживала значительная часть военной верхушки, сходились на том, что необходимы более «радикальные» меры с целью... сторговаться с царизмом. Но вопрос, к каким крайним мерам можно обратиться, вызывал бесконечные споры. Самые решительные деятели во главе с А. И. Гучковым, М. И. Терещенко и А. И. Коноваловым стояли за дворцовый переворот, целью которого было отстранить от власти Николая II и императрицу, заменив их регентством великого князя Михаила Александровича, и сформировать угодное капиталистам правительство во главе с князем Г. Е. Льво-

¹ В. Н. Сторожев. Дипломатия и революция. «Вестник НКВД», 1920, № 4-5, стр. 70.

² Назначая Сазонова, царь думал убить сразу двух зайцев: и союзников успокоить, и избавиться от кандидата Прогрессивного блока на пост министра иностранных дел в «министерстве доверия». Но это назначение вызвало большое недовольство среди черносотенных кругов и при самом дворе. Поэтому правительство Николая II под разными предлогами оттягивало отъезд Сазонова в Англию.

вым. Идея переворота родилась еще в 1915 г., получила более широкое распространение зимой 1915—1916 гг. и приняла форму плана в конце 1916 г. Ей сочувствовали не входившие в думский блок трудовики. Другая и большая часть оппозиции не считала возможным выйти за рамки мирных средств борьбы — припугнуть правительство демонстрацией симпатий масс к Думе, повлиять на него через сильных союзников и т. п. Оба течения находились в тесной связи с союзниками, особенно с самым сильным из них — Англией. Проследим кратко историю этих связей.

Экономическая основа блока английской и русской буржуазии — заинтересованность первой в российском рынке, а второй в британском капитале — сложилась еще до войны; в 1914—1916 гг. она получила дальнейшее развитие, о чем говорилось в предыдущем разделе. То же в известной мере можно сказать о политической основе этого блока: общая цель — разгром Германии и ее сателлитов — была поставлена еще в 1908—1914 гг., а программа деятели добычи намечена рядом соглашений военного времени.

В годы войны связи между английской и русской буржуазией на политической почве расширились и укрепились. Это отвечало интересам обеих сторон. Заинтересованность Англии отчасти объяснялась ростом экономической силы и организованности русских капиталистов, стремившихся по мере укрепления оказывать все большее воздействие на внешнюю политику. Но еще важнее было другое обстоятельство: в Англии уже осенью 1915 г. стали сомневаться в способности и решимости царизма продолжать войну до победы Антанты. Английское правительство получало сведения о вероятности серьезных внутренних «беспорядков» в России, которые чреватые революцией, если царское правительство не изменит внутривнутриполитического курса. Вот почему Англия поддержала буржуазно-помещичью оппозицию в России как силу, способную совлечь массы с революционного пути, побудить царизм к уступкам «общественности», а при крайних обстоятельствах — и заменить его. 5 августа 1915 г. Ллойд Джордж, тогда министр вооружений, произнес речь, в которой высказал мысль, что немецкая артиллерия может разбить ржавые кандалы, сковывающие русский

народ, и тогда последний станет на борьбу с новой силой¹. В словах Ллойд Джорджа звучало чуть замаскированное предупреждение царизму и поощрение буржуазно-помещичьей оппозиции.

Со своей стороны русская буржуазия в борьбе за участие в мобилизации промышленности и за власть стремилась опереться на поддержку союзников. Лидеры русских капиталистов конфиденциально информировали союзных представителей в России о роли буржуазных организаций в подъеме военного производства и о стеснениях, чинимых им правительством.

После образования Прогрессивного блока обращения к союзникам все чаще касались политических вопросов. Весной 1916 г. в кругах московской буржуазии при активном участии А. И. Коновалова даже обсуждался вопрос об издании в Лондоне и Париже специального информационного органа, целью которого было бы: 1) знакомить правительства и общественные круги Англии и Франции с борьбой между правительством и «либеральными силами» в России; 2) предупредить возможность для царизма получить после войны крупные внешние займы, если он не пойдет на уступки либералам; 3) характеризовать деятелей русского «освободительного движения» на случай, если бы «при смене правительства они могли бы быть призваны к власти»². Этот план осуществлен не был, возможно потому, что он стал известен охранке. Но цели издания дают представление о том, к чему стремились и в каком духе обрабатывали союзников русские капиталисты.

Прогрессивный блок получил моральную поддержку Англии и Франции, которые при всяком удобном случае подчеркивали важность единения царя с «народом» в России, т. е. намекали царскому правительству на желательность полюбовного соглашения с думской оппозицией. Английское посольство вступило в контакт с лидерами правого крыла Прогрессивного блока. Британский Парламент и Дума стали обмениваться посланиями.

¹ И. И. Минц. Английская интервенция и северная контрреволюция. М.—Л., 1931, стр. 8.

² «Буржуазия накануне Февральской революции». М.—Л., 1927, стр. 119—120.

Весной 1916 г. правительство Асквита пригласило в Англию делегацию Государственной думы и Государственного совета и устроило ей торжественную встречу. Британские министры говорили с лидерами думцев как с вероятными кандидатами на правительственные посты. Они обсуждали с ними основные международные проблемы, вопросы стратегии, заграничного военного снабжения и финансирования России. Разговоры касались и внутреннего положения России, причем лидеры Прогрессивного блока не скрывали «опасности, грозящей династии и старому порядку»¹. На торжественном обеде, данном королевским правительством в честь русской делегации 9 мая, было впервые объявлено с английской стороны, что «Англия признает наличие жизненных интересов России на берегах Босфора и не только не препятствует их осуществлению, но готова этому содействовать...»² Английское правительство как бы подчеркивало, что Россия легче добьется своих целей, если ее будут представлять люди, пользующиеся «общественным» доверием.

Посылая делегацию, царизм думал укрепить свой престиж в глазах союзников, продемонстрировав перед ними «священное единение» монарха и народного представительства. Результат оказался прямо противоположным — оппозиционные силы получили подкрепление в виде европейского признания.

Связи между Англией и буржуазно-помещичьей оппозицией стали особенно тесными осенью 1916 г., когда борьба трудящихся России приняла невиданный за время войны размах и царизм колебнулся к сепаратному миру. Союзники нервничали; их послы в России, как информировал лидеров Прогрессивного блока Родзянко, высказывали ему «неприятные вещи»³, т. е. добивались от оппозиции большей активности. Как раз в это время английское посольство установило контакты с руководством левого крыла блока — партий кадетов и прогрессистов.

Оппозиция надеялась отвлечь массы от революционного движения с помощью думской деятельности. Ее

¹ П. Н. М и л ю к о в. Воспоминания (1859—1917), т. 2. Нью-Йорк, 1955, стр. 232—248, цит. стр. 242.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1916 г., д. 142, л. 27.

³ «Красный архив», 1933, т. 1 (56), стр. 90.

вожди сосредоточили огонь критики против Штюрмера и взяли союзников под защиту от нападков «германофильской» партии. В ноябрьской декларации Прогрессивного блока специально говорилось о симпатиях к великому английскому народу и подчеркивался вклад Великобритании в дело общей борьбы¹.

Замена Штюрмера Треповым и другие видимые уступки царизма были встречены английским посольством и прессой с большим оптимизмом, чем деятелями оппозиции. Оказалось, однако, что вожди русской буржуазии лучше знали свое правительство. К концу декабря 1916 г. определился воинствующе-реакционный курс царизма во внутренней политике, который мог привести к революции, либо к сепаратному миру. Обстановка требовала от Прогрессивного блока и союзников ответных шагов.

Цели и средства английской политики. В каком же направлении воздействовала в этих условиях Англия на буржуазно-помещичью оппозицию и на царизм?

Для понимания ее линии в русских делах чрезвычайно интересны донесения главы английской военно-разведывательной миссии в России С. Хора начальнику британской военной разведки, особенно одно из них, датированное 20(7) января 1917 г. Отмечая вызывающие действия русской реакции, Хор предсказывал три возможных исхода: 1) переворот, возглавляемый Думой, армией или одним из великих князей и приводящий к созданию временного правительства (этот вариант английский разведчик считал наименее вероятным, так как скептически относился к способности Думы пойти на решительные действия, а среди военных и великих князей не видел подходящего лидера); 2) уступки царя общественности наподобие того, как это было во время революции 1905—1907 гг.; 3) прогрессирующее ухудшение положения, могущее привести к тому, что как правительство, так и Дума будут сметены волной народного негодования². Таким образом, с точки зрения Хора, наиболее реальным выходом, обеспечивающим английские интересы, являлся компромисс между царизмом и Прогрессивным блоком.

¹ «Красный архив», 1933, т. 1 (56), стр. 95.

² S. H o r e. The Fourth Seal. The End of a Russian Chapter. London, 1930, p. 119—126.

Основная цель Англии состояла в том, чтобы любыми средствами не допустить выхода союзника из войны и предотвратить революционный взрыв в России. Революция пугала английскую буржуазию тем воздействием, которое она могла оказать как на пролетариат других стран, так и на русскую армию. Бьюкенен еще в ноябре 1916 г. доносил: «Если произойдут волнения, то, как мне передают, армия откажется сражаться»¹.

При выборе средств Англия исходила из тех же военных и консервативно-охранительных соображений. Бьюкенен довольно откровенно пишет об этом в своих мемуарах: «Я заодно с думскими вождями считал, что ходу военных операций нельзя наносить ущерба тяжким внутренним кризисом... Кроме того, и независимо от соображений чисто военного характера, я думал, что Россия может найти себе спасение в процессе постепенной эволюции, а не революции»². Посол в данном случае имеет в виду под революцией верхушечный переворот. Что касается народной революции, то, по авторитетному свидетельству Хора, Бьюкенен «делал все, что в его силах, чтобы остановить ее»³.

Если добавить к этому, что английские политики не очень верили в способность Думы справиться с «великим кризисом», станет понятно, почему Англия выступала за наименее резкую форму необходимого поворота во внутренней жизни России, за мирную сделку между царским правительством и думской оппозицией, дополненную союзным контролем. Последний был желателен как лишняя гарантия против сепаратного мира России с Германией. Дворцовый переворот британские политики считали нужным держать в резерве и до поры до времени использовать его лишь как пугало в переговорах с царизмом.

Англия поощряла любые попытки оппозиционных кругов господствующих классов побудить царизм к компромиссу. Показательно в этом отношении убийство Распутина, организованное некоторыми деятелями великокняжеской фронды и Прогрессивного блока с целью воздействовать на Николая II и спасти монархию.

¹ Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. Изд. 2. М., [б. г.], стр. 174.

² Там же, стр. 214.

³ S. Hoare. Op. cit., p. 243.

Британское посольство знало о подготавливавшемся убийстве из первых рук — от самого Пуришкевича — и надеялось, что оно приведет к немедленному падению Протопопова, а затем и других наиболее одиозных креатур «старца»¹. Английская пресса приветствовала этот акт как событие первоклассного политического значения².

Чтобы склонить царское правительство к уступкам союзникам и оппозиции, сама Англия применила такое сильное средство, как экономическое давление. В конце 1916 — начале 1917 г. она резко сократила кредиты, отпускаемые России для производства и оплаты заграничных заказов³. Почти совершенно прекратились кредиты в долларах и иенах, что ставило под угрозу русские заказы в США и Японии. Неоднократные попытки председателя Русского правительственного комитета в Англии генерала Э. К. Гермониуса и агента Министерства финансов в Англии С. С. Ермолаева добиться от британского Казначейства необходимых средств ни к чему не привели. Программа заграничных заказов срывалась. 2 февраля 1917 г. Гермониус прислал в Военное министерство паническую телеграмму: «Я положительно теряюсь, как вести дальше дело...» Гермониус наивно предлагал, чтобы русское правительство обратилось к главе английской делегации на Петроградской конференции лорду А. Мильнеру и через него передало британскому кабинету «о недоумении русских центральных властей»⁴. Но в столице оценивали положение более трезво. Там не сомневались, что в основе трудностей с английским кредитом лежат политические причины. Председатель Комиссии по распределению иностранной валюты Михельсон, которому передали телеграмму Гермониуса, написал: «Я полагаю, что «о недоумении русских центральных властей», как выражено в телеграмме, сообщать англичанам нечего. Они это давно знают и учитывают... Разрешение валютного кризиса зависит от общих причин, выходящих из сферы нашей компетен-

¹ S. Hoare. Op. cit., p. 68, 133—136, 146.

² АВПР, ф. Отдел печати, д. 886, л. 18; ЦГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1940, л. 164.

³ За декабрь 1916 г.— февраль 1917 г. Россия получила от Англии кредитов на заказы вдвое меньше, чем за предшествующие три месяца (ЦГИА, ф. 1525, оп. 1, д. 196, л. 6).

⁴ «Экономическое положение России», ч. 2, № 645, стр. 532.

ции». Михельсон полагал поэтому, что сейчас отвечать Гермониусу нечего. «Время само ответит»¹.

Сократив вдвое кредиты на заказы России, Англия одновременно потребовала вывоза новой крупной партии русского золота — на 20 млн. ф. ст. Царское правительство пыталось протестовать, указывая на необоснованность и во всяком случае несвоевременность английского запроса: ведь Англия нарушает свои обязательства по финансированию русских заказов, и Россия фактически еще не использовала до конца даже заем 1915 г.² Однако в империалистическом мире право толковать соглашения принадлежит сильному, а не слабому. Гермониус предупредил свое правительство: «... Если настаивать на отказе в высылке золота, то размещение заказов остановится несомненно»³. Положение осложнялось тем, что царскому правительству приходилось одновременно просить Англию о новом займе, без которого оно не могло продолжать войну. Получить же этот заем, отвергая английское домогательство о золоте, нечего было и думать. В дело вмешалось русское Военное министерство, утверждавшее, что нельзя отказом в посылке золота и обвинениями в недобросовестности портить отношения с Англией и мешать заключению займа. «... Нам все же выгодней иметь не вполне исправного кредитора, чем никакого», — аргументировал военный министр Беляев⁴.

В конечном счете оба вопроса — о высылке золота и о новом займе — были перенесены на Петроградскую конференцию.

Экономическое давление со стороны Англии коснулось и морских перевозок. Генерал Ф. Палицын, которому царское правительство поручило переговоры с союзниками о поставках дополнительного вооружения, 23 декабря 1916 г. сообщал: «... Морские перевозки в опасном положении, и со дня на день перевозки менее обеспечены»⁵. Прошло немногим менее десяти дней, и английское правительство официально уведомило, что «в виду

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 17, д. 8, л. 18 с об.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1916 г., д. 80, т. 2, л. 905—907.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 17, д. 8, л. 9 с об.

⁴ ЦГИА, ф. 1524, оп. 1, д. 68, л. 119—120 с об.

⁵ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 4, д. 2, л. 9 с об.

значительных потерь в судах», оно должно будет ограничить предоставленный России общий тоннаж¹.

Другим средством давления союзников на Россию послужило использование итальянских и великогреческих притязаний на Ближнем Востоке, резко противоречивших интересам царизма. Еще в конце ноября 1916 г. английский и французский послы подняли вопрос об отношении России к итальянским планам в Малой Азии. Царское правительство разъяснило, что, не возражая в принципе против участия Италии в дележе добычи, оно стоит за ограничение итальянских притязаний и, в частности, не может согласиться на передачу Италии Смирны, так как это может лишить жизнеспособности остающееся турецкое государство и подорвать позиции Антанты в Греции. В действительности главным соображением царского правительства было нежелание, чтобы Италия оказалась близкой соседкой Черноморских проливов². Английские дипломаты об этой боязни знали и на ней играли.

В декабре Англия, Франция и Россия договорились, что итальянские притязания должны быть обсуждены в Лондоне. Казалось, никто из трех союзников не спешит с этим вопросом. Неожиданно 12 января 1917 г. Бальфур пригласил Набокова через четыре дня принять участие в совещании с французским и итальянским послами по малоазиатским делам. Покровский просил отсрочить переговоры на 1,5—2 месяца до прибытия в Лондон Сазонова. Однако союзники, ссылаясь на нежелание Италии, ответили отказом. 16 января 1917 г. состоялось первое заседание, на котором итальянский посол Имперали обосновывал притязания своей страны. Представитель Франции П. Камбон сделал ряд замечаний, ограждавших французские интересы. Англия заняла двусмысленную позицию. Бальфур заявил, что цель совещания — соблюсти дух и букву Лондонского договора о вступлении Италии в войну, отведя ей в Малой Азии зону, соответствующую зонам других держав, но в то же время не отступать от условий уже согласованного между Англией, Францией и Россией размежевания. Набоков указал на необходимость сохранить жизнеспособную Турцию, которая вклю-

¹ ЦГИА, ф. 1524, оп. 1, д. 68, л. 129.

² «Раздел Азиатской Турции». М., 1924, № ССХIII.

чала бы Смирну. Договорились, что проект контрпредложений трех держав Италии разработает Англия¹. Будущее переговоров оказалось в значительной мере в руках Лондона.

В Греции Франция и Англия, как выяснилось в декабре, намеревались низложить короля Константина и официально признать правительство Венизелоса, выступавшего с великогреческой программой. Разногласия между Францией и Англией касались лишь выбора момента переворота. Франция торопила, а Англия считала нужным сначала накопить на месте достаточную вооруженную силу. 30 ноября Бенкендорф сообщил, что Англия решила признать дипломатического агента правительства Венизелоса в Лондоне².

Дав царскому правительству почувствовать силу тисков экономической зависимости и припугнув его возможностью обесценения намеченной аннексии проливов (притязания Италии и венизелистов), Англия одновременно разъяснила, к чему сводятся ее настояния.

Бюкенену было поручено обстоятельно переговорить с царем. Последняя аудиенция Бюкенена перед Февральской революцией может быть с большой полнотой восстановлена по ряду источников, главные из которых — мемуары самого Бюкенена³, телеграмма японского посла Морумо от 16(3) января, в которой он излагал беседу царя с Бюкененом со слов последнего⁴, а также донесение Петроградского охранного отделения, которое передавало версию, имевшую хождение в думских кругах⁵.

Выступление Бюкенена было заранее согласовано с буржуазно-помещичьей оппозицией. Накануне приема царем Бюкенен — в этом сходятся все источники — пригласил к себе Родзянко, с которым обсуждал положение в стране и минимальные требования думского большинства. Пожелания оппозиции оказались довольно скромными:

¹ «Раздел Азиатской Турции», № ССXLV, ССXLVIII; К. Д. И а б о к о в. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921, стр. 155—157.

² «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны по секретным материалам бывшего Министерства иностранных дел». М., 1922, № ССXCV, СССVI.

³ Дж. Б ю к е н е н. Указ. соч., стр. 180—186.

⁴ В. Н. С т о р о ж е в. Указ. соч., стр. 76—77.

⁵ «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 123—125.

назначение председателем Совета министров человека, который пользовался бы доверием и царя, и народа (читай буржуазии. — А. И.) и мог бы сам подобрать членов правительства.

На аудиенции у царя (это опять-таки подтверждается всеми источниками) Бьюкенен настоятельно советовал самодержцу уступить требованиям «общественности» и поручить составление кабинета лицу, пользующемуся доверием «народа». В противном случае посол предрекал неминуемые беспорядки, грозящие будущности императора и династии, и прозрачно намекал на опасность для жизни некоторых ее представителей¹.

Николай II держался холодно и официально, дважды пытался парировать доводы посла и закончил аудиенцию брошенным сквозь зубы «мерси».

После приема в Царском Селе Бьюкенен встретился с тремя лидерами Прогрессивного блока, в числе которых были Родзянко и Милюков. Содержание его сообщения, изложенное в упомянутом донесении охраны довольно расплывчато, сводится к следующему: Бьюкенен считал свое объяснение с царем небесполезным, хотя оно и не принесло непосредственных результатов. Он заверял, что союзники будут продолжать свои усилия, пока роль германофилов в России не будет сыграна навсегда. Бьюкенен расценивал обстановку в России как печальную, но не безнадежную. Не исключена возможность, что правительство позднее вынуждено будет пойти на уступки оппозиции. Но последняя должна стать на путь более решительной борьбы и предъявить «ультиматум правительству». Посол призывал оппозиционеров не бояться действовать в условиях войны, так как «к моменту важных

¹ Согласно думской версии (в передаче охраны), Бьюкенен указал также на необходимость нового подтверждения решимости России бороться вместе с союзниками до победного конца. Лучшей гарантией, по его мнению, послужило бы посещение Англии кем-либо из высоких особ — в первую очередь императрицей. Заметим, что удаление императрицы в Англию было центральным мероприятием в плане действий великокняжеской оппозиции. А это позволяет предположить, что демарш Бьюкенена перед царем был согласован и с оппозиционной группой великих князей. В заключение Бьюкенен заявил о намерении просить свое правительство об отзывании его из Петербурга, намекая на возможность перемены отношения Англии к России. Эта часть беседы не подтверждается, однако, воспоминаниями Бьюкенена и донесением японского посла.

событий в России Германия, вероятно, уже будет доведена до полного истощения и не сможет использовать ваши внутренние события»¹. Он предупреждал собеседников против соблазнов сепаратного мира, уверяя их, что победа близка.

В результате аудиенции Бьюкенен попал в явную немилость при русском дворе. Ходили не лишённые основания слухи, что Николай потребует его отозвания. Близкий к послу великий князь Николай Михайлович, пытавшийся помочь Бьюкенену воздействовать на царя, был выслан в свое имение².

Неудача демарша Бьюкенена заставляла английское правительство внести некоторые коррективы в его русскую политику. Прежде всего, еще большую важность приобретала попытка воздействовать на царизм объединенными силами Англии, Франции и Италии, договориться с ним по кардинальным вопросам на Петроградской конференции, добиться установления в той или иной форме союзнического контроля над русским правительством. С другой стороны, возрастала и роль, отводимая думской оппозиции, в том числе и дворцовому перевороту в России.

Бьюкенен сам признает, что принимал в это время в английском посольстве «либеральных вождей» — Милюкова, Родзянко, Гучкова и других, и что в январе 1917 г. «дворцовый переворот обсуждался открыто», причем русские участники заговора делились с ним своими сомнениями, необходимо ли физическое уничтожение царя и царицы³.

Английский генеральный консул в России Р. Локкарт, со своей стороны, вспоминает, что находился почти ежедневно в контакте с лидерами оппозиционной московской буржуазии — князем Г. Е. Львовым, М. В. Челноковым, А. А. Мануйловым, В. А. Маклаковым, Ф. Ф. Кошкиным. Он был в курсе их разговоров о необходимости «заменить неспособного шофера», т. е. Николая II⁴.

Мы встречаем у Бьюкенена еще более любопытное свидетельство. Оказывается, спустя около недели после

¹ «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 124—125.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 186.

³ Там же, стр. 213—214, 180.

⁴ Р. Н. В. L o c k h a r t. *Memoirs of a British Agent*. London—New York, 1932, p. 159.

новогоднего дворцового приема один русский друг посла, бывший позднее членом Временного правительства (вероятно, Терещенко.— А. И.), предупредил его через помощника военного агента полковника Торнхилла, что перед Пасхой должна произойти революция, но что ему нечего беспокоиться, так как она продлится не больше двух недель. «Я имею основания думать,— продолжает Бьюкенен,— что это сообщение имело фактические основания, и что тогда готовился военный переворот не с целью низложить императора, а с целью вынудить его даровать конституцию»¹. Итак, с английским послом советовались о подробностях намеченного переворота и сообщили ему примерный срок выступления. Воспоминания Бьюкенена можно проверить путем сравнения с некоторыми его телеграммами, дешифрованными в русском Министерстве иностранных дел. Так, 16 января посол направил Бальфуру личную секретную телеграмму, в которой сообщал: «Здесь общее чувство таково, что если государь не уступит, то в течение ближайших недель (курсив мой.— А. И.) что-нибудь произойдет или в форме дворцового переворота или в форме убийства; последнее считается более вероятным»². Это сообщение не только подтверждает, что Англия была в курсе планировавшегося переворота, но и уточняло его сроки.

Приведенные источники не говорят прямо об активной роли Англии в подготовке переворота. Отчасти это можно объяснить естественной осторожностью британских представителей в России. Кроме того, в январе английское посольство еще не было уверено, потребуется ли приводить в движение механизм переворота. Ответ на этот вопрос должна была дать Петроградская конференция.

ПЕТРОГРАДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Цели сторон. «Петроградская конференция,— пишет в своих мемуарах Ллойд Джордж,— была последней, правильнее сказать, первой организованной попыткой союзников предупредить или отсрочить катаклизм путем устранения тех зол, которые усиливали и ускоряли крах

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 180 и 187.

² В. Н. Сторожев. Указ. соч., стр. 80.

режима во время и вследствие войны»¹. В словах британского премьера довольно ясно изложена та политическая цель, которую ставила перед собой Англия, посылая полномочную делегацию для переговоров с царским правительством: предотвратить революцию в России, сохранив выгодного союзника. Без этого никакое согласование военных планов и политических задач, никакие программы взаимной помощи не представляли реальной ценности.

По мнению английского правительства, спасти положение в России могло лишь активное вмешательство союзников в сочетании с уступками царизма Прогрессивному блоку. «Если бы революции не было или революция произошла позже,— продолжает Ллойд Джордж,— Россия могла бы выйти из хаоса только при помощи активного вмешательства союзников, которые предложили и провели бы полную реконструкцию страны... Союзники не могли бы осуществить свою цель, если избранные царем министры остались бы у власти. Единственная надежда на успех заключалась в безоговорочной сдаче самодержавной власти Думе и назначении министров, которые пользовались бы доверием Думы и являлись бы на деле ее ставленниками»². Чтобы добиться согласия царизма на это, требовалось максимально использовать зависимость его от Англии и Франции и общность интересов держав Антанты. Вот почему правительства этих стран приурочили к Петроградской конференции почти все основные вопросы отношений между союзниками: уточнение планов кампании на 1917 г., займы, военные поставки и перевозки для России, а также согласование политики в отношении некоторых малых стран.

Помимо официальных переговоров, союзные делегации должны были, как пишет Ллойд Джордж, «получить непосредственное впечатление о положении в стране» путем поездок по России, встреч с русскими общественными деятелями, а также собственными представителями и агентами³. Цель подобной разведки, судя по позднейшим отчетам английских делегатов, состояла в том, чтобы оценить перспективы развития событий в России и ее участия

¹ Д. Л л о й д Д ж о р д ж. Военные мемуары, т. 3. М., 1935, стр. 372.

² Д. Л л о й д Д ж о р д ж. Указ соч., т. 3, стр. 374.

³ Там же, стр. 350.

в войне. От результатов обмена мнениями с царскими сановниками и ознакомления с ситуацией в России зависел выбор дальнейших средств русской политики Англии.

Отношение правительства Николая II к Петроградской конференции на протяжении ноября — января было колеблющимся, как и сам внешнеполитический курс. В конечном итоге смысл ее свелся для царизма к генеральной проверке, какой помощи в ведении войны и каких обещаний относительно дележа добычи можно добиться от союзников. В зависимости от этого предстояло либо окончательно решиться на сепаратный мир, либо попытаться продолжать борьбу в рядах Антанты.

Таким образом, и Англия, и Россия шли на конференцию, сами не зная, приведет ли она к упрочению союзнических уз между их правительствами или послужит прологом к совсем другого рода событиям. Эта неопределенность сказалась и на подготовке конференции, созыв которой затянулся, а персональный состав предполагаемых участников претерпел значительные изменения¹.

Союзнические делегации прибыли в Петроград 16 января 1917 г. Организация работ конференции произвела на английскую делегацию самое неблагоприятное впечатление. Многочисленные царские сановники, представлявшие различные министерства и управления, не сговорились между собой и выдвигали несогласованные требования. Некоторые министры были не в курсе дела даже по своим ведомствам.

Англичане предполагали встретиться за столом конференции с узким кругом лиц, которым можно было бы доверять и, следовательно, говорить откровенно. Но их ожидания не оправдались. «Было явно недопустимо, — писал позднее в отчете глава делегации Англии лорд Мильнер, — обсуждать какие-либо конфиденциальные вопросы в присутствии более 40 человек; многих из них мы не знали вовсе, а против одного или двух имели довольно основательные подозрения...»² Вот почему пленарные заседания носили, по словам того же Мильнера, «крайне бессодержательный и поверхностный характер», а практические воп-

¹ Подробнее об этом см.: М. М. Карлинер. Англия и Петроградская конференция Антанты 1917 года. В сб. «Международные отношения, политика, дипломатия». М., 1964, стр. 343—349.

² Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 3, стр. 350.

росы решались в совещаниях и комиссиях или вообще вне стен конференции.

Малоутешительное впечатление вынесли с самого начала и царские министры. Узнав, что союзные делегаты рассчитывают по крайней мере на трехнедельное пребывание в России, они делали вывод, что главная цель пребывания тех «состоит в ознакомлении с нашими условиями, а не в принятии скорых и определенных решений и оказании нам поддержки в скором приведении таковых в исполнение»¹. Ход конференции подтвердил небезосновательность этих опасений.

Обсуждение вопросов ведения войны и союзной помощи России. В стратегическом совещании (так называлась комиссия по стратегическим вопросам) основные споры вызвали срок общего наступления и принцип распределения военно-технических средств между союзниками.

Французский представитель генерал Кастельно и английский — Г. Вильсон настаивали на сохранении в силе решений военной конференции ноября 1916 г. в Шантильи, по которым все союзники должны были подготовиться к наступлению в феврале. Исполнявший должность начальника штаба верховного главнокомандующего генерал Гурко указал, что вследствие реорганизации русской армии последняя не сможет начать крупного наступления раньше середины мая. Это крайне беспокоило союзников, как с точки зрения перспектив кампании 1917 г., так и с внешнеполитической стороны: не является ли длительная отсрочка активных операций признаком намерения договориться с противником? Стремясь добиться ускорения русского наступления, главы английской и французской делегаций обращались к царю. В конечном итоге участники конференции приняли компромиссное решение: англо-французское наступление было приурочено к началу апреля, а русское — ко второй половине его². Без труда договорились отменить намечавшееся ноябрьским поста-

¹ ЦГАОР, ф. 670, оп. 1, д. 226, л. 1 с об. (из письма министра финансов П. Л. Барка великому князю Николаю Михайловичу 27. I 1917).

² «Красный архив», 1927, т. 1 (20), стр. 53; А. М. Зайончков о в с к и й. Кампания 1917 г. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг., ч. 7. М., 1923, стр. 35—36.

новлением крупное наступление на Балканах¹. Было подтверждено решение конференции в Шантильи о взаимной поддержке союзников на случай, если один из них подвергнется атаке неприятеля.

В целом стратегические постановления Петроградской конференции отличались от шантильийских документов несколько большим реализмом в оценке возможностей русской армии. Это отчасти объясняется тем, что союзники России на месте сумели лучше познакомиться с состоянием ее вооруженных сил. А Великобритания и Франция продолжали строить свои расчеты на победу на максимальном использовании русской армии².

Заинтересованность союзников в русской поддержке позволила генералу Гурко попытаться по-новому поставить вопрос о распределении между странами Антанты военной техники. Он предложил, чтобы вместо прежней системы, когда Англия и Франция уделяли России лишь избытки своего военного производства, был установлен необходимый минимум военно-технического обеспечения для каждой союзной армии пропорционально количеству войск, длине фронта и его задачам.

Инициатива царского командования отвечала настоятельным требованиям момента. Чтобы восстановить боевую ценность русской армии, нужно было ликвидировать качественный разрыв в оснащении вооруженных сил западных держав и России. Проводившаяся зимой 1916—1917 гг. реорганизация русской армии предусматривала снабжение соединений большим количеством военной техники в расчете в значительной мере на рост союзных поставок. Однако предложение Гурко не встретило на конференции понимания и поддержки. Представитель Франции Кастельно заявил, что «представляется недопустимым обнажать французский фронт в пользу русского». Вильсон заметил, что вопрос о снабжении России нельзя оторвать от проблемы морских перевозок и работы желез-

¹ Отказ от этой операции был predetermined еще итогами Римской конференции Англии, Франции и Италии (Россия была представлена послом) 5—7 января 1917 г. Русское командование довольно легко согласилось с отменой наступления на Балканах, так как понимало, что Россия не сможет вести сразу две крупные наступательные операции.

² Д. Л л о й д Д ж о р д ж. Указ. соч., т. 3, стр. 348.

ных дорог России, которые лимитируют возможности поставок ¹. Попытка Гурко ни к чему не привела, и царскому правительству оставалось лишь ждать, что дадут союзники в комиссии по снабжению.

Если стратегические решения конференции более или менее удовлетворяли русскую делегацию, то работы комиссии по снабжению и морского совещания принесли ей жестокое разочарование. Царские министры изложили перед союзниками обоснованную потребностями программу заграничных поставок общим объемом в 10,5 млн. т., т. е. в несколько раз больше, чем Россия получила в 1916 г. Правда, эта программа была составлена с запросом: состояние русского транспорта не позволяло использовать более 8,5 млн. т груза ². Но союзники искромсали ее так безжалостно, что никакой запрос не помог, и от первоначального плана остались рожки да ножки.

Английский морской представитель вице-адмирал Джеррам заявил, что «вопрос о тоннаже находится в отчаянном положении и что едва ли можно надеяться, что Британское Правительство будет в состоянии выполнить даже свои прежние предложения о перевозке 3¹/₂ миллионов тонн» ³. Исходя из этого, Англия и Франция предложили России пересмотреть списки нужных ей предметов, не преминув преподать свои советы в этом направлении.

В итоге работ комиссии по снабжению представители союзников передали царским министрам записку, в которой излагали свои заключения по рассмотренным вопросам. Они писали, что вряд ли удастся в течение 1917 г. доставить в Россию более 3,4 млн. т грузов. «...Весьма возможно, — говорилось в записке, — что не будет достигнута даже эта цифра». Правда, представители союзников обещали рекомендовать своим правительствам 25-процентную надбавку на потери и задержки в доставке грузов, но после сказанного выше это обещание не сулило особых надежд. Союзники России сами распределили намечаемый тоннаж между различными категориями грузов. Союзные делегации обещали рекомендовать своим правительствам поставить России, сверх обещанного ранее,

¹ «Красный архив», 1927, т. 1 (20), стр. 51—53.

² «Экономическое положение России», ч. 2, № 562; ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 2473, л. 80—81.

³ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 4625, л. 146.

определенное количество артиллерии со снарядами, а также железнодорожного оборудования и некоторых других предметов. Самую большую часть артиллерии, прежде всего тяжелой, весь уголь, значительную часть самолетов и моторов, а также металлов должна была поставить Англия.

Союзники в свою очередь хотели получить от России не менее 0,5 млн. т зерна. Они настаивали на перестройке работ в Архангельском порту, включая милитаризацию обслуживающего персонала, определяли очередность перевозки грузов по Мурманской железной дороге. Союзные делегации рекомендовали способы увеличения производства в России угля и стали, экономии металлов и т. п., предлагая, если нужно, прислать своих специалистов¹. Царское правительство оказалось в положении бедной родственницы, вынужденной за подачки выслушивать бесконечные поучения богатой родни.

На совещаниях с англичанами представителей Морского министерства и Министерства путей сообщения России была намечена программа перевозок в Россию на более длительный срок — до 1 апреля 1918 г. Предполагалось доставить 5,5—6 млн. т грузов при условии вывоза из России 834 тыс. т зерна². Был подготовлен также проект соглашения между Россией и Англией о реорганизации разгрузочно-погрузочных работ в северных русских портах при участии британских транспортных офицеров³.

Таким образом о военных поставках для России определенных решений вообще не последовало. Союзные делегации заслушали пожелания царских министров и сформулировали рекомендации для своих правительств, которые, как они и сами понимали⁴, лишь в небольшой мере удовлетворяли русские нужды. Судьба этих рекомендаций зависела от утверждения их правительствами Англии, Франции и Италии.

¹ «Экономическое положение России», ч. 2, № 565.

² ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 2473, л. 78—79.

³ Там же, л. 82—88.

⁴ В отчете генерала Вильсона признавалось, что обещанная России на конференции помощь, «даже если она будет полностью осуществлена, далеко не покрывает ее насущных потребностей» (Д. Л о й д Д ж о р д ж. Указ. соч., т. 3, стр. 358).

К сходному же результату привели и финансовые переговоры, происходившие на конференции главным образом между Россией и Англией. Британские делегаты с самого начала заявили, что они не уполномочены принять какие-либо окончательные обязательства. Их задача — выяснить нужды России и рекомендовать английскому Казначейству наилучшие способы их удовлетворения.

Царское правительство хотело получить от Англии очередной большой заем с правом свободно распоряжаться предоставленными средствами. Оно надеялось также провести принцип общности финансовых ресурсов союзников, чтобы, основываясь на нем, привлечь Францию к более широкому участию в финансировании общих нужд и договориться о поддержании курса рубля совместными усилиями союзников¹. Рекомендации, составленные английскими делегатами для утверждения их правительством, в основном удовлетворяли только те русские потребности, которые союзники России признали на конференции насущными. Да и это не всегда делалось в форме, желательной царскому правительству.

Общая сумма нового займа зафиксирована не была. Вместо этого Мильнер и Ревельсток согласились рекомендовать, чтобы старые русские заказы оплачивались Англией по мере их выполнения². Такой порядок царское правительство считало довольно выгодным, поскольку он устранял трудности в исполнении уже принятых финансовых обязательств по заказам. Что касается новых русских заказов за границей, то англичане соглашались кредитовать их лишь постольку, поскольку они соответствуют программе, одобренной комиссией по снабжению Петроградской конференции.

Английские делегаты обещали рекомендовать своему правительству выделить средства на платежи по русскому внешнему долгу за 1917 г., исключая долг Франции³. Суммарный размер британских кредитов при условии

¹ ЦГИА, ф. 1276, оп. 12, д. 15566, л. 46—47.

² Английские платежи за поставки «в натуре» должны были возмещаться обязательствами русского Государственного казначейства, т. е. зачислялись в счет русского долга.

³ Всего в 1917 г. России предстояло выплатить 653,8 млн. руб., в том числе Англии 285,5 млн. руб. и Франции 277,7 млн. руб. (ЦГИА, ф. 560, оп. 1, д. 1403, л. 102—103.)

одобрения английским правительством всех рекомендаций его представителей на Петроградской конференции не вышел бы за рамки лимита, установленного займами сентября 1915 г. и октября 1916 г. (т. е. 300 млн. ф. ст. на год).

Права свободно распоряжаться предоставляемыми кредитами русское Министерство финансов не получило. Оно не смогло добиться даже обещания увеличить свободный кредит на гражданские нужды.

Принцип общности финансовых ресурсов союзников принят не был: Франция и Италия фактически уклонились от участия в финансовых переговорах. Англичане на просьбу о помощи в поддержании курса рубля откликнулись скупом. Барк хотел получить для этой цели специальный кредит до конца года. Мильнер и Ревельсток согласились рекомендовать такой кредит лишь на первые три месяца. Настойчивое ходатайство России о предоставлении 4 млн. ф. ст. для закупки серебра на нужды русских войск в Персии¹ не дало никаких определенных результатов. Обе стороны положительно отнеслись к проекту совместного займа России, Англии и Франции в Японии².

В ходе конференции, и это, очевидно, служило необходимой предпосылкой решения стоявших на ней финансовых вопросов, царское правительство удовлетворило домогательство англичан о высылке золота на 20 млн. ф. ст.³

Докладывая Николаю II об итогах конференции, Покровский отмечал «благожелательную готовность» союзных представителей идти навстречу финансовым нуждам России, вследствие чего достигнуть полученных результатов «далеко не представляло тех трудностей, с которыми приходилось встречаться при предшествующих финансовых переговорах, особенно летом минувшего года»⁴.

Если бы Покровский выступал не как царедворец, а как отвечающий за свои слова министр, он должен был бы сказать царю, что Англия пока не приняла в отношении России никаких новых финансовых обязательств, дала

¹ В Персии имела хождение серебряная монета.

² «Экономическое положение России», ч. 2, № 566.

³ А. Л. Сидоров. Финансовое положение России..., стр. 424.

⁴ В. П. Семеновиков. Монархия перед крушением, 1914—1917 гг. М.—Л., 1927, стр. 76.

обещания в явно недостаточных прежних рамках и за свои посулы ухитрилась вперед получить с России почти 200 млн. руб. золотом. А будут ли обещания реализованы, зависело от выполнения англо-французских политических условий.

Союзники ставят условия. Последние были выдвинуты главным образом не на заседаниях конференции, а в ходе частных переговоров союзных делегатов с царем и некоторыми русскими сановниками.

Немецкая печать позднее утверждала, что союзники добивались замены Голицына на посту председателя Совета министров Треповым или Бобринским и отстранения Протопопова. Это сообщение не точно передает действительный ход событий. С одной стороны, английские и французские делегаты не называли персонально, кого и кем они предлагают заменить в русском правительстве¹ — столь грубое вмешательство могло лишь помешать сговору с царизмом. С другой стороны, программа союзных пожеланий к России была шире, чем замена самых одиозных министров. Союзники хотели, чтобы царизм подтвердил свое намерение сотрудничать с ними в войне целым комплексом шагов: по линии внешнеполитической — координацией планов наступательных операций, принятием их проекта создания верховного общесоюзнического органа, согласием на посылку на русский фронт японских войск; по линии внутренней политики — уступками думской оппозиции и санкционированием расширения союзного контроля за поступающим из-за границы в Россию военным имуществом. С первой частью поставленной задачи англо-французская дипломатия в основном справилась, вторая в решающем пункте оказалась ей не по плечу.

На приеме союзных делегаций 18 января Мильнер вручил Николаю II два письма от английского короля. В первом, новогоднем послании, Георг V выражал уверенность, что царь выполнит свое обещание сражаться до

¹ Единственным исключением была просьба англичан к царю сохранить М. А. Беляева на посту военного министра. Она мотивировалась тем, что Беляев в деталях знаком с программой военного снабжения России, выработанной на Петроградской конференции, и установил хороший личный контакт с Мильнером (ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 71, л. 114—115 с об.).

конца, каких бы жертв это не потребовало. Король подчеркивал величайшее значение, придаваемое им переговорами, которые будет вести английская миссия на Петроградской конференции. Затем он снова коснулся вопросов военного сотрудничества и, напомнив печальный урок разгрома Румынии, указал на необходимость весной одновременного наступления на противника всеми силами. В следующем письме Георг просил о назначении послом в Лондон Сазонова, что послужило бы залогом стремления поддерживать наилучшие отношения между Россией и Англией¹. Французская делегация, если верить ходившим в думских кругах слухам, со своей стороны, предупредила царское правительство, что немцы заигрывают и с западными партнерами России, предлагая им мир за ее счет².

Эти обращения до известной степени произвели желательное союзникам впечатление. Выше говорилось, как были согласованы сроки совместного наступления. Державы—участницы конференции договорились также создать центральный орган в виде регулярных и частых собраний председателей советов министров³ «для более быстрого соглашения по вопросам, касающимся высшего направления войны»⁴. Заметим, что царское правительство, не отвергая идеи создания межкантантовского координационного органа, предлагало другую форму — совещание послов при министре иностранных дел одной из четырех держав. Союзники выступили против такого безвластного собрания и добились своего.

Японский проект Форин Оффис⁵ потерпел, однако, неудачу. Царское правительство отклонило советы союзников, мотивируя тем, что Япония может отказать или пот-

¹ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 1219, л. 74—77.

² «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 122.

³ В особых случаях председатель совета министров мог быть заменен специальным полномочным представителем.

⁴ «Красный архив», 1927, т. 1 (20), стр. 54—55.

⁵ Идея отправки в Россию японских войск возникла еще в 1914 г. и настойчиво выдвигалась Англией с октября 1916 г., причем Бьюкенен советовал отдать Японии в уплату русский Северный Сахалин. В январе 1917 г. Англия повторила свое предложение, конкретизировав, что желательно добиться отправки на русский фронт 10 японских дивизий (Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 169; АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 4, л. 28).

ребует несоразмерных компенсаций. Решено было просить Японию оказать России бôльшую помощь артиллерией и снарядами ¹.

Что касается посылки в Лондон Сазонова, то, как уже известно читателю, она была обещана, но выполнение обещания заморожено на неопределенное время. За несколько дней до Февральской революции царское Министерство иностранных дел информировало Набокова, что Сазонов не может пока даже приблизительно определить срок своего прибытия в Англию ².

20 января Мильнер имел продолжительную аудиенцию у Николая II, а затем беседовал с императрицей. Целью его на этот раз было обсудить внутренние дела России. Как писала позднее близкая к Ллойд Джорджу «Манчестер Гардиан», глава английской делегации имел намерение рекомендовать царю назначить ответственное перед Думой или хотя бы приемлемое для нее министерство ³. Мильнер изложил также проект посылки в Россию английской военной миссии снабжения для оказания помощи в использовании прибывавшего из Англии вооружения. Николай II отнесся к идее появления английской миссии «весьма благожелательно». Но этим успех Мильнера и ограничился. И царь, и императрица дали «совершенно ясно понять, что они не потерпят какой-либо дискуссии о русской внутренней политике» ⁴. Их отповедь подействовала тем более удручающе, что у Мильнера с первых дней пребывания в России сложилось впечатление о неспособности русской бюрократии руководить обслуживанием войны.

Немного позднее под влиянием просьб лидеров русской буржуазии и советов английских представителей в России Мильнер пришел было к мысли порекомендовать царю назначить главой правительства председателя Всероссийского земского союза князя Г. Е. Львова ⁵. Однако он сам отказался от нее, не рассчитывая, видимо, на положительный ответ.

¹ В. П. Семенников. Указ. соч., стр. 73.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 96, л. 538.

³ ЦГВИА, ф. 2144, оп. 1, д. 785, л. 238 об.

⁴ С. Е. Callwell. Field-Marshal Sir Henry Wilson. His Life and Diaries, v. 1. London, 1927, p. 315.

⁵ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 3, стр. 365.

Все же в конце работ конференции Мильнер предпринял еще одну серьезную попытку, воздействовать на Николая II. Он подготовил для царя конфиденциальную записку, содержащую минимум английских пожеланий к внутренней политике России, выполнением которых обуславливались дальнейшие военные поставки союзников.

Записка была вручена 5 февраля на приеме царем глав союзных делегаций накануне заключительного заседания конференции.

В начале этого документа английский министр выговаривал себе право излагать мысли без дипломатических ухищрений или умолчаний, чего нельзя было сделать на конференции. Мильнер считал, что недостаточно скоординировать наступления союзников по времени. Нужно, чтобы операции каждого из них доводились до максимально возможного напряжения. Особенно заботила Мильнера сила русского наступления, которое, по его оценке, «имело огромное значение для дела союзников».

Анализируя сильные и слабые стороны России, английский министр приходил к выводу, что союзникам следует помочь ей военными поставками. Однако они могут уделить России часть своих запасов лишь при условии, что не проиграют на этом больше, чем выиграет русская военная мощь. Исходя из этого торгашеского тезиса, Мильнер выдвинул три «пожелания» к царскому правительству:

1) лучшая организация производства и распределения в самой России (перечислялись необходимые меры) с помощью буржуазных добровольных организаций;

2) назначение специалистов, «совершенно не считаясь с официальными традициями, на те высшие правительственные посты, где техническая сноровка имеет величайшее значение»;

3) контроль западных союзников над использованием военных материалов, поступающих от них в Россию: военные поставки должны сопровождаться посылкой союзных специалистов для наблюдения за транспортированием и сборкой различных орудий, доставкой их на фронт и инструктирования тех, кому придется обращаться с этими орудиями ¹.

¹ В. П. Семенов, Указ. соч., стр. 77—85.

Существо условий Мильнера сводилось, как видим, к тому, чтобы царское правительство, мобилизуя промышленность, шире использовало буржуазные организации и специалистов и позволило союзникам контролировать, насколько эффективно используются поступающие из-за границы военные материалы.

Результат объяснения с царем был тот же, что и в первом случае. Николай II не возражал против союзного контроля за использованием посылаемой в Россию военной техники, но не пожелал давать каких-либо обещаний в отношении сотрудничества с буржуазией. Как признался сам Мильнер после аудиенции у царя одному из членов английской делегации, ему не удалось вдолбить Николаю II с помощью записки то, что он хотел бы¹. А без этого весь положительный итог работы конференции если не повисал в воздухе, то во всяком случае терял устойчивость.

Проблемы передела мира официально не обсуждались. Но за кулисами заседаний царизм и Франция достигли соглашения, по которому предоставляли друг другу свободу в определении будущих границ с Центральными империями. Сам факт, что эта договоренность держалась в секрете от Англии, свидетельствует, что примирить противоречия с интересами британского партнера в Европе не удалось.

Участники конференции подтвердили необходимость проведения согласованной политики в Греции. Они решили ослабить блокаду этой страны. В то же время за командующим союзными войсками генералом Саррайлем признали полную свободу действий на случай угрозы безопасности его армии. Тем самым сохранялась возможность для осуществления франко-английского плана переворота в Греции и прихода к власти венизелитов. В этой или иной связи, но у царского правительства снова усилились сомнения в ценности главного обещания союзников — передать России Черноморские проливы. Вскоре после окончания конференции Н. Н. Покровский представил Николаю II записку, где доказывал необходимость фактического овладения Босфором и Дарданеллами до конца войны, так как в противном случае

¹ С. Е. Callwell. *Op. cit.*, p. 320.

Россия их не получит вследствие противодействия союзников¹.

Английская делегация и думская оппозиция. Союзные миссии использовали длительное пребывание в России для поездок по стране, а также официальных и тайных встреч с лидерами буржуазно-помещичьей оппозиции. Известно, например, что Мильнер ездил в Москву, где имел конфиденциальное свидание с председателем Всероссийского земского союза Г. Е. Львовым и председателем Союза городов московским городским головой М. В. Челноковым. Львов зачитал и передал английскому министру пространную записку, в которой доказывал, что если в ближайшее время не произойдут изменения в виде формирования думского правительства или замены императора, то через три недели вспыхнет революция². В Петрограде на квартире у С. Хора Мильнер встретился с членом ЦК кадетской партии П. Б. Струве. Последний передал ему две записки, в которых доказывал невозможность для России при существующей обстановке продолжать войну и опасность революции, если двор вместо уступок совершит роковую ошибку действиями против Думы³. Беседы происходили также на ряде приемов, банкетов и обедов. Военные делегаты союзников побывали на фронте и в Ставке, где обменивались мнениями с русскими генералами.

Личные наблюдения и встречи с деятелями Прогрессивного блока привели английских делегатов к довольно пессимистическому взгляду на положение в стране. Мильнер с сожалением констатировал в отчете правительству, что «Россия оказалась далеко не тем твердым, устойчивым, непреодолимым «паровым катком», каким ее рисовало себе у нас народное воображение». В стране «господствует заметное разочарование в войне» и недовольство, вызываемое «в такой же мере внутренними причинами, как и усталостью от войны»⁴. Существует влиятельная группа из представителей двора, чиновничества и делового мира, ставленники которой готовы «заклучить мир

¹ «Красный архив», 1928, т. 5 (30), стр. 18.

² Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 3, стр. 363—365; R. H. V. Lockhart. Op. cit., p. 163—164.

³ S. Hoare. Op. cit., p. 187—195.

⁴ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 3, стр. 358, 353.

при первой возможности хоть завтра», — говорилось в отчете другого делегата ¹.

На общем безотрадном фоне «светлым пятном» представлялась англичанам трезвость и умеренность буржуазно-помещичьей оппозиции. Лидеры Прогрессивного блока прилагали максимум усилий, чтобы не допустить повторения «анархических взрывов», подобных событиям 1905 г., и одновременно избегали всего, что могло бы помешать успеху Петроградской конференции ². Вожди оппозиции просили Мильнера использовать все влияние союзной миссии и склонить царя на путь тесного сотрудничества с Думой и проведения необходимых реформ. Они не скрывали, что видят в этом последний шанс на примирение с правительством ³.

На случай неудачи оставалось крайнее средство — дворцовый переворот. Этот «деликатный сюжет» не был исключен из обсуждения. «Все члены делегации, — рассказывает в отчете представитель Форин Оффис Дж. Клерк, — слышали со всех сторон — из русских и из иностранных источников, о неизбежности серьезных событий; вопрос заключался лишь в том, будет ли устранен император, императрица или г. Протопопов, или все трое вместе»⁴. Русские заговорщики просили помощи у зарубежных друзей. Ллойд Джордж отмечает надежды некоторых кругов русского общества, что «союзная конференция может привести к какому-либо соглашению, которое позволит под тем или иным предлогом выслать Николая и его жену из России и возложить управление страной на регента, которому удалось бы справиться с положением...»⁵ Те же сведения в еще более категорической форме подтверждает А. И. Верховский ⁶.

Подводя итоги своим наблюдениям, большинство английских делегатов и сам Мильнер считали наиболее вероятным, что революции в России не будет до конца войны. Такой прогноз их устраивал: хотя делегаты и видели

¹ Там же, стр. 350—351.

² S. Hoare. Op. cit., p. 129—130.

³ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 3, стр. 364—365.

⁴ Там же, стр. 362.

⁵ Там же, стр. 359.

⁶ А. И. Верховский. На трудном перевале. М., 1959, стр. 156.

гнилость царской администрации, они боялись, что революция надолго лишит Россию боеспособности¹. Из этой оценки логически вытекал курс на сотрудничество и компромиссы с царским правительством.

Однако даже Мильнер и его единомышленники не исключали возможности, что «правительственная разруха» в России или вызывающие действия реакции приведут к «жакерии»². Входящий в состав делегации парламентский секретарь Ллойд Джорджа майор Дэвис высказал премьеру отличное от большинства мнение, что русский «вулкан близок к извержению»³. Бьюкенен, специально запрошенный на эту тему, ответил очень осторожно: «... Не было бы никаких оснований для беспокойства, если бы император вверил ведение войны действительно способным министрам. При настоящем же положении будущее представляется книгой за семью печатями. Политическое и экономическое положение может нам сулить неприятные сюрпризы...» Особенно тревожила посла хозяйственная разруха, грозившая «ежеминутно раздуть тлеющую искру политического недовольства в пламя» со всеми отрицательными последствиями для дела войны⁴. Перечисленные предостережения подтверждали прежний вывод, что дальнейшее сотрудничество с царизмом требует, чтобы самодержавие пошло хотя бы на минимальные уступки буржуазии, оппозиция которой сдерживает революцию, а организаторские способности могут предотвратить экономический развал.

Еще раньше, чем союзные делегации покинули Россию, стало выясняться, что их представления Николаю II о необходимости уступок «общественности» не дали результатов. Английская делегация просила разрешения задержаться в России, чтобы присутствовать на возобновлении заседаний Государственной Думы. К открытию сессии ждали императорского указа о смене министерства и

¹ J. E. Wrensch. Alfred Lord Milner. The Man of no Illusions, 1854—1925. London, 1958, p. 324—327; Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 3, стр. 361.

² J. E. Wrensch. Op. cit., p. 327; Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 3, стр. 363.

³ F. Owen. Tempestuous Journey. Lloyd George, His Life and Times. London, 1954, p. 375—376.

⁴ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 189—191.

отставке Протопопова. Англичанам вежливо разрешили остаться, но предупредили, что если они задержатся, заседания Думы будут отсрочены. Накануне отъезда Мильнера Бьюкенен сообщил ему, что, по имеющимся сведениям, царь склоняется в пользу роспуска Думы. Родзянко, со своей стороны, информировал Мильнера, что большинство Думы решило не подчиняться указу о роспуске¹. Разногласия правительства с Думой грозили вылиться в открытый конфликт.

Не менее серьезным, с точки зрения Англии, было то обстоятельство, что царизм, несмотря на предупреждения союзников, продолжал сепаратные маневры. В конце января в Лондоне получили секретную информацию, что «между чинами русского и германского министерств иностранных дел начаты переговоры о сепаратном мире. Посредниками в переговорах являются шведско-немецкие банкиры и банкиры германского происхождения в России». В сообщении приводились немецкие условия и отмечалось, что *ММ* (вероятно, Николай II. — *А. И.*) «вполне осведомлен» об этих переговорах².

Таким образом, Петроградской конференции не удалось укрепить шаткий союз между царизмом и Англией. Царское правительство, убедившись в том, что от партнеров не приходится ожидать ни достаточной военно-экономической помощи, ни полной поддержки в реализации его завоевательной программы, получило дополнительный стимул к сепаратному сговору с противником. Английским политикам ничего не оставалось как либо пассивно ожидать, возложив надежды на «русское чудо», либо сделать ставку на дворцовый переворот с целью заменить или хотя бы поугубить Николая II и добиться уступок для буржуазии.

Внешне приличия были соблюдены. Конференция завершилась принятием резолюций и речами о единстве. Но и в Петрограде и в Лондоне понимали, что союз двух нынешних правительств доживает последние недели.

Царское правительство, подстегиваемое быстрым нарастанием революции и знавшее об угрозе дворцового переворота, готовилось к нанесению решительного удара по

¹ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 3, стр. 359—360.

² «Константинополь и проливы», т. 2, № 347.

оппозиционным силам и предпринимало шаги к сепаратному миру. В ряду других мер предполагалось добиться отозвания Бьюкенена и уволить Нератова с поста товарища министра иностранных дел. Была усилена слежка за видными заговорщиками, включая членов английского посольства. Активизировались переговоры с враждебной коалицией, о которых кое-что рассказывает в воспоминаниях австрийский министр иностранных дел О. Чернин: 26(13) февраля он получил через представителя нейтральной державы предложение о мире с Россией. На следующий день Чернин сообщил посреднику о согласии Австро-Венгрии, после чего решено было организовать встречу русских и австрийских представителей¹. Почти одновременно наметился контакт между Россией и Германией при посредстве принца Макса Баденского и герцогини Кобургской, находившихся в родстве как с русским, так и с германским царствующими домами². В Скандинавию вновь приехал Ризов, уже вступавший в контакт с царскими дипломатами по вопросу о мире с Германией и ее союзниками³.

Обстановка в России и политика царизма вызывали серьезную тревогу английской буржуазии и правящих кругов. Набоков сообщал 14 февраля, что в парламентских и финансовых сферах страны «царит и ежедневно растет сильная тревога по поводу внутреннего положения в России»⁴. Правительство Голицына — Протопопова, по его словам, не внушало Англии «ни доверия, ни уважения»⁵. Убедить царя изменить курс уже отчаялись. В связи с предстоявшим открытием Думы ожидалась «беспорядки», и, хотя Родзянко заверял Бьюкенена, что «до прекращения войны дело не дойдет», посол был чрезвычайно обеспокоен. Он считал, что «настроение народа в России весьма неудовлетворительно», а потому «вполне возможны совершенно неожиданные события...»⁶

Буржуазно-помещичья оппозиция в России находи-

¹ О. Чернин. В дни мировой войны. Мемуары. Перев. с нем. М.—Пг., 1923, стр. 156—157.

² «История дипломатии», т. 2. М., 1945, стр. 295.

³ АВПР, ф. Отдел печати, д. 887, л. 7—8.

⁴ В. Н. Сторожев. Указ. соч., стр. 74.

⁵ К. Д. Набоков. Указ. соч., стр. 55.

⁶ В. Н. Сторожев. Указ. соч., стр. 75—76.

лась в состоянии растерянности и разброда. Умеренное большинство ее никак не могло решиться выйти за рамки законных средств борьбы и в то же время с ужасом чувствовало, что революционное настроение масс уже перехлестнуло через думские препоны. Меньшинство настаивало на осуществлении дворцового переворота. Фракция «прогрессистов» даже покинула Прогрессивный блок в знак протеста против его бездеятельности.

Не зная, на что решиться, лидеры оппозиционных партий обращались за советами в союзные представительства. Главная партия блока — кадеты, по донесению Петроградской охранки, находилась «в непосредственном общении с английским посольством» и черпала «оттуда соответствующие указания и советы»¹. Критическая обстановка и влияние союзников, видимо, побудили руководство кадетской партии пересмотреть свое отношение к дворцовому перевороту. С санкции или молчаливого согласия лидеров оппозиции руководители заговора вызвали в Петроград генерала Крымова, который должен был возглавить арест Николая II на перегоне между Царским Селом и столицей. После ареста царя с супругой предполагалось выслать в Англию, на что британское посольство, если верить воспоминаниям А. И. Верховского, дало согласие².

За день до возобновления заседаний Государственной думы влиятельнейшая английская газета «Таймс» опубликовала корреспонденцию, резко критиковавшую царское правительство. Полуофициозный орган писал о диктаторской власти Протопопова, который, преследуя несомненную цель спасти Германию от разгрома, дезорганизовал внутреннюю жизнь страны и создал необходимость идти на сепаратный мир. «Это, однако, не может удасться,— заключала «Таймс»,— ибо история учит, что никогда власти не удавалось безнаказанно идти против народа, думающего иначе и готового бороться»³. В день возобновления думской сессии распространенная консервативная газета «Морнинг Пост» выступила с передовой, восхва-

¹ «Буржуазия накануне Февральской революции», стр. 178—179.

² А. И. Верховский. Указ. соч., стр. 228.

³ «The Times», 25. II 1917.

лявшей Думу как выразительницу мнения народа и защитницу дела союзников, возлагавшей на царское правительство вину за конфликт с собственным народом и за прогерманские интриги в России¹. В условиях военной цензуры опубликование подобных обвинений в адрес союзника могло иметь место только с разрешения властей.

Набоков переслал статью из «Морнинг Пост» в Петроград с указанием, что она «с исключительной точностью и правдивостью отражает как взгляды Правительства, так и настроение общественного мнения»². Капиталистическая Англия почти открыто говорила буржуазным заговорщикам в России — мы с вами. Тот же смысл имели приветствия в адрес Думы от лица Палаты Общин и Объединенного союза обществ для сближения с Россией³.

14 февраля Бьюкенен появился на открытии заседаний Государственной Думы, после чего выехал в Финляндию «на отдых».

ВРАГИ И ДРУЗЬЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Английская дипломатия в февральские дни. «Отдых» Бьюкенена был прерван известием о народных волнениях в Петрограде. Посол поспешил в столицу. С этого времени (24 февраля) на протяжении всего переворота британское представительство играло активную роль в развертывавшихся событиях, пытаясь направлять действия сил, противостоявших народной революции. Тактика английской дипломатии менялась в зависимости от зигзагов борьбы.

Первые сообщения Бьюкенена в Лондон свидетельствуют, что он недооценивал силу народных выступлений и надеялся, что карательные меры царского правительства приведут к желаемому результату⁴. Оптимизм посла поддерживался «образцовым» поведением буржуазно-помещичьей оппозиции, которая уговаривала народ прекратить борьбу, а за спиной его даже старалась помочь царским карателям.

26 февраля вожди Прогрессивного блока убедились, что одними карательными мерами справиться с революцией

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 106, л. 61—63 с об.

² Там же, л. 64.

³ ЦГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 1350, л. 1 и 3.

⁴ Л. Л о й д Д ж о р д ж. Указ. соч., т. 3, стр. 369.

не удастся. Родзянко телеграфировал царю о необходимости немедленно поручить формирование нового правительства лицу, пользующемуся доверием страны. Английское посольство поддержало этот маневр. При ближайшей встрече с Покровским (27 февраля) Бьюкенен заявил, что полагаться на одну силу «слишком поздно». Нужна «политика уступок и примирения». Посол охарактеризовал намерение правительства распустить Думу как «безумие», способное привести к распространению революции на другие города. Покровский, однако, не согласился с советами Бьюкенена ¹. Царское правительство рассчитывало на подход верных частей с фронта.

К исходу того же дня определился успех революции в Петрограде, начались антиправительственные выступления в Москве и некоторых других городах. В столице возник орган власти восставшего народа в лице Совета рабочих депутатов. Испугавшись, что государственная власть попадет в руки пролетариата и крестьянства, буржуазия спешно создала правительство в виде думского Временного Комитета. Последний ставил целью обеспечить продолжение войны, водворить с помощью войск спокойствие в тылу, свести к минимуму необходимые преобразования, сохранив монархию и даже династию.

28 февраля — 1 марта между Временным Комитетом, с одной стороны, и рабочими и солдатами столицы — с другой, произошел конфликт, поводом к которому послужили попытки буржуазного правительства разоружить восставших солдат. Английское посольство, которое, как видно из донесений Бьюкенена в Лондон, было в курсе всех дел думских лидеров, не замедлило поддержать Временный комитет. 1 марта посол весьма срочной телеграммой сообщил Бальфуру о победе революции и о плане организации новой власти, с которым он был знаком во всех подробностях ². «Комитет (Государственной думы. — А. И.) проявил большую организационную силу, — заключал посол, — и если император останется на престоле,

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 195.

² Предполагалось создание ответственного перед Думой правительства во главе с князем Г. Е. Львовым и с П. Н. Милюковым в качестве министра иностранных дел, а также сохранение монархии с передачей престола малолетнему царевичу при регентстве великого князя Михаила Александровича.

нет как будто никаких оснований опасаться прекращения войны»¹. Бьюкенен как бы намечал здесь программу своей деятельности — признать думский комитет временным правительством России и попытаться сохранить на престоле Николая II. Английское посольство в обоих случаях брало правее думских лидеров, которые вынуждены были вести переговоры с руководством Петроградского Совета о формировании нового правительства и намеревались расстаться с ненавистным народу Николаем Романовым.

Предложения Бьюкенена, по-видимому, были одобрены в Лондоне, ибо в тот же день английский и французский послы заявили Родзянко, что их правительства вступают в деловые сношения с Комитетом Государственной думы как «выразителем воли народа и единственным законным временным правительством России» (сообщение об этом было срочно напечатано в «Известиях» Комитета петроградских журналистов)². 2-го марта Временный комитет Государственной думы официально принял послов и военных атташе Англии, Франции и Италии³.

Английские империалисты хотели сохранить престол за Николаем, так как стремились к возможно менее резкому социальному повороту в России и боялись развала русской армии⁴. Гарантией против германофильских симпатий царя должно было стать правительство из преданных союзникам лиц. Английские представители в России предприняли 1 марта две попытки спасти положение Николая II. Бьюкенен просил великого князя Михаила Александровича, который предполагал встретиться с царем, «умолять» последнего от имени короля Георга подписать манифест, дарующий конституцию, и прийти к полному примирению с народом⁵. Аналогичные советы изложил в письме царю английский представитель

¹ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 111.

² «Революционное движение в России после свержения самодержавия». Документы и материалы. М., 1957, № 307, стр. 405.

³ «The Times», 17. III 1917.

⁴ Узнав немного позднее об отречении Николая и Михаила, Бьюкенен воскликнул: «Все кончено. Русская армия никогда не станет сражаться, если ее не будет воодушевлять император» (R. W a r t h. The Allies and the Russian Revolution, p. 33).

⁵ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 198.

при Ставке генерал Х. Вильямс ¹. Когда выяснилось, что сохранить Николая II на престоле невозможно, английская дипломатия обратила усилия на спасение монархии и царствующей династии. Бьюкенен с согласия своего правительства выступил в пользу плана передачи престола или регентства Михаилу Романову и назначения Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича ².

Но в этот момент перед русской буржуазией и ее иностранными союзниками стал куда более важный вопрос — останется ли вообще государственная власть в руках эксплуататорских классов. Хотя с меньшевистско-эсеровскими вождями Петроградского Совета договорились довольно легко, и 2 марта буржуазное Временное правительство было сформировано, положение его отличалось крайней шаткостью. Рабочие и солдаты столицы настороженно отнеслись к кабинету, составленному из капиталистов и помещиков. А попытка нового правительства сохранить династию Романовых вызвала взрыв возмущения масс. Бьюкенен телеграфировал 2 марта в Лондон, что «крайняя социалистическая партия повсеместно имеет успех». Социалисты агитируют за республику, многие из них требуют мира. Бьюкенен предвидел «в ближайшее время» открытую борьбу «между партиями социальной революции и партиями Государственной думы», причем победа первых означала бы для Англии «военную катастрофу». Поэтому посол настоятельно советовал помочь Временному правительству немедленным признанием и обращением через лейбористов к «рабочим лидерам» Керенскому и Чхеидзе с призывом продолжать войну «против германского деспотизма» ³. Последнее предложение намечало новый тактический прием, в дальнейшем широко использованный английской дипломатией.

Известия об отречении сначала Николая, а затем Михаила Романовых, хотя и неприятно поразили Бьюкенена, в то же время лишь укрепили его мнение о необходимости поддержать «единственную опору порядка» — Временное

¹ «Красный архив», 1926, т. 3 (16), стр. 46—47.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 210.

³ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 3, стр. 369; т. 4, стр. 111—112.

правительство¹. 4 марта само новое правительство России обратилось к союзникам с официальной просьбой о признании. Обращение содержало категорические заверения в решимости России бок о бок с другими державами Антанты «сражаться с общим врагом до конца, непоколебимо и неутомимо». Кабинет Львова — Милюкова клялся «относиться с неизменным уважением к международным обязательствам, принятым павшим режимом...»² Англия не отказала Временному правительству в помощи, но проявила на этот раз больше осторожности.

В ночь на 3 марта канцлер Казначейства Бонар Лоу сделал в Палате Общин первое краткое заявление о событиях в России. Тон его был умеренно оптимистическим. Сообщив в нескольких словах о перевороте в Петрограде, министр указал, что утешительным для союзников России является «сравнительное спокойствие, с которым была осуществлена эта перемена. Весьма утешительным представляется и то обстоятельство,— продолжал он,— что, по полученным нами известиям, это движение не направлено к заключению мира»³. Такой весьма сдержанной похвалой в адрес русской революции и косвенно думских лидеров на первых порах все и ограничилось.

Но за фасадом оптимизма скрывались тревога и недовольство. По авторитетному свидетельству Набокова, руководители Форин Оффис и английское правительство с самого начала относились к обновленной России «скептически». «Они исходили из убеждения, что внутреннее потрясение неминуемо повлечет за собою ослабление России как воюющей державы...»⁴ Важно было и другое обстоятельство: опытная английская буржуазия быстро разглядела в лице Советов опасность, угрожавшую власти капитала в России и делу союзников; ту же опасность видели в агитации «экстремистов» и брожении в армии.

Английским политикам казалось, что Временное правительство проявляет в сложившейся обстановке излишнюю уступчивость и нерешительность. Когда 5 марта

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 210; «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 111—112.

² «Революционное движение в России после свержения самодержавия», № 324.

³ «The Times», 16. III 1917.

⁴ К. Д. Набоков. Указ. соч., стр. 70.

Набоков явился к Бальфуру для передачи просьбы Временного правительства о признании, он застал министра «очень встревоженным известиями об опасности возобладания крайних элементов, высказывающихся за окончание войны». Ни нота Временного правительства, ни уверения Набокова не могли успокоить Бальфура¹. Бьюкенен разъяснил Милюкову, что ранее признания Англия хочет «получить уверенность, что новое правительство готово продолжать войну до конца и восстановить дисциплину в армии»².

Руководители английской политики также понимали, что одного желания Временного правительства тянуть лямку войны недостаточно. Они хотели проверить, согласны ли на это старый комсостав армии и большинство Петроградского Совета.

5 марта представители союзников при русской Ставке во главе с английским генералом Вильямсом направили телеграммы новому главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу и командующим фронтами. Они писали, что видят залог окончательной и близкой победы в единении усилий всех союзников. «Только это единение может окончательно обеспечить торжество принципов свободы наций и народов»³. Царские генералы не замедлили ответить, что разделяют мнение союзников⁴. Еще раньше Николай Николаевич обратился к войскам с призывом «оберечь родину от грозного врага и своими подвигами поддержать наших союзников в беспрецедентной борьбе»⁵. Верность военщины партнерам по Антанте получила подтверждение.

Проверку отношения к войне лидеров соглашателей взял на себя английский военный агент Нокс. 3 марта он встретился с товарищем председателя Исполкома Петроградского Совета меньшевиком Н. Соколовым. Нокс заявил собеседнику, что при всех симпатиях англичан к свободе они, естественно, кровно заинтересованы в продолжении войны. В этой связи ему кажется опасным

¹ В. Н. Сторожев. Указ. соч., стр. 88; К. Д. Набоков. Указ. соч., стр. 64.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 210.

³ «Красный архив», 1926, т. 3 (16), стр. 51.

⁴ Там же, стр. 52.

⁵ «Речь», 5. III 1917.

пункт декларации Временного правительства о невыводе революционных частей из столицы и Приказ № 1 Петроградского Совета. Нокса беспокоила также продолжавшаяся забастовка. Соколов заверил англичанина, что, хотя его партия против всяких захватов, она стоит за продолжение войны. Он обещал возобновление работ на военных предприятиях в ближайшие дни. Оправдываясь перед Ноксом, лидер меньшевиков признал, что Приказ № 1 был «не очень удачно сформулирован». В заключение Соколов хвастливо заявил, что «теперь наступит неограниченный энтузиазм в отношении войны...» 6 марта Нокс получил аналогичные заверения от другого мелкобуржуазного лидера — министра А. Ф. Керенского¹. Со стороны соглашателей опасность как будто не угрожала продолжению войны.

Временное правительство, со своей стороны, решилось на шаг, которого ожидали от него союзники, и 6 марта обратилось с воззванием к населению России, где выдвинуло лозунг «войны до победного конца» и обещало, что будет «свято хранить» связывающие Россию с другими державами союзы и «неуклонно исполнит заключенные союзниками соглашения»². Оно предпринимало шаги к укреплению власти буржуазии, стремилось сохранить монархию и в стоворе с английскими представителями готовилось отправить бывшего царя в Англию³.

Эти действия нового правительства России в основном удовлетворяли ее союзников; к тому же, в Петроградском Совете возобладали «умеренные» элементы⁴. И когда 6 марта Милюков, обращаясь к союзным послам, повторил просьбу о признании, Бьюкенен с разрешения Форин Оффис согласился признать Временное правительство «де факто»⁵. В тот же день Ллойд Джордж выступил с заявлением в Парламенте, в котором выражал удовлетворение тем,

¹ А. К по х. Op. cit., v. 2, p. 572—573, 577—578.

² «Революционное движение в России после свержения самодержавия», № 326.

³ «Красный архив», 1926, т. 3 (16), стр. 49; 1927, т. 3 (22), стр. 53—55.

⁴ 6 марта Бьюкенен телеграфировал Бальфуру: «По полученным мною сведениям, крайняя партия теряет почву, и я надеюсь, что она никогда не будет иметь господствующего значения» (см. «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 114).

⁵ АВПР, ф. Секретный архив, д. 685/726, л. 6 с об.

что новое правительство России сформировано с определенной целью «более энергичного ведения войны». Премьер констатировал, однако, что не все опасности еще позади, и высказал пожелание, чтобы русский народ сочетал свободу с порядком и защитой чести¹. Полупризнание служило Временному правительству поддержкой и поощрением к дальнейшей борьбе с «экстремистами» в стране и армии. Ему ничего не оставалось, как продолжать заслуживать доверие союзников.

8 марта правительство Львова выступило с официальным заявлением о принятии на себя всех финансовых обязательств царизма, включая долги иностранным банкирам и правительствам². На следующий день Милюков в беседе с журналистами воинственно заявил, что «надо сейчас покончить» с такими актами, как «Приказ № 1», вызывающими тревогу союзников³. Одновременно Гучков пригласил корреспондента «Таймс» Вильтона и поведал ему, что переговоры между правительством и Советом по вопросу об армии протекают успешно. Совет согласился ограничить свои «приказы» гарнизоном Петрограда, и есть основания полагать, что русская армия будет спасена от разложения⁴.

Временное правительство втайне от народа договорилось с кабинетом Ллойд Джорджа об отправке бывшего царя с семьей в Англию. Правительство капиталистов обязалось «подобающе обеспечить» Николая кровавого⁵.

Проявляя, таким образом, предупредительность к союзникам, Временное правительство в свою очередь обратилось к ним за дальнейшей помощью. 8 марта Милюков инструктировал дипломатических представителей при союзных державах о желательности получить письменные ответы на обращение Временного правительства от 4 марта, в которых содержалось бы подтверждение обязательности всех ранее заключенных с Россией соглашений⁶. Это была третья по счету просьба о признании.

¹ «The Times», 20. III 1917.

² «Вестник Временного правительства», 11. III 1917.

³ «Речь», 10. III 1917; «The Times», 26. III 1917.

⁴ «The Times», 24. III 1917.

⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 5, л. 87; В. Н. Сторожев. Указ. соч., стр. 91.

⁶ «Революционное движение в России после свержения самодержавия», № 332.

Почти одновременно правительства Англии и Франции получили тревожные сведения о борьбе в Петроградском Совете по вопросу о войне, подтверждавшие, что Временное правительство остро нуждается в поддержке ¹. К тому же в этот момент проявилось англо-американское соперничество. 9 марта США, по совету посла Фрэнсиса, сулившего разнообразные выгоды, первыми признали Временное правительство. Министерство Львова устроило американскому послу торжественный прием. Союзники встревожились, как бы Америка не извлекла из своей инициативы особых преимуществ. Послы Франции, Италии и советник английского посольства Линдлей (Бьюкенен был болен) поспешили в Министерство иностранных дел и устно сообщили о признании их странами Временного правительства ². Официальная церемония была отложена до получения послами текстов ответов на обращение Милюкова и выздоровления старшины дипломатического корпуса — Бьюкенена.

И тут Англия обошла своих партнеров. Вступив с ними в обмен мнениями о тексте ответов, она, не дожидаясь результатов, передала 10 марта свою ноту о признании Временного правительства, да еще датировала ее задним числом ³. Так Англия опередила других членов Антанты, кроме Италии, повторившей ее трюк. Стремясь компенсировать отставание от США и подкрепить впечатление от своей акции, Англия сопроводила признание двумя весомыми приветственными посланиями: от премьер-министра Ллойд Джорджа — князю Львову⁴ и от Палаты Общин — Думе ⁵.

Торжественная церемония признания Временного правительства союзниками состоялась 11 марта. Бьюкенен от лица держав Антанты выразил уверенность, что Временное правительство, «верное обязательствам, принятым его предшественниками, сделает все возможное для доведения войны до победного конца, употребляя особые

¹ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 115.

² «Речь», 10. III 1917.

³ «Константинополь и проливы», т. 1, № CCCV; В. Н. С т о р о ж е в. Указ. соч., стр. 92—96.

⁴ «Речь», 14. III 1917.

⁵ «Parliamentary Debates. House of Commons», 5-th ser., 1917, v. 91, col. 2085.

старания к поддержанию порядка и национального единства, к возобновлению нормальной работы на фабриках и заводах и к обучению и поддержанию дисциплины в армии»¹. В ответ Милюков заверил представителей союзников, что обновленная Россия будет сражаться до последней капли крови. Нокс по этому поводу записал в дневнике: «Я не сомневаюсь в намерениях Милюкова, но как он может отвечать за Россию?»² В записи Нокса звучит характерная для английских правящих кругов нота неуверенности в прочности власти Временного правительства. Морально-политическая поддержка союзников должна была придать Временному правительству силы для более решительной борьбы.

Комментируя признание правительства Львова, полуофициозная «Таймс» выражала надежду, что оно сумеет справиться с многочисленными трудностями, главная из которых — деятельность «экстремистов», призывающих солдат сложить оружие и браться, агитирующих против нового военного займа. «Все зависит от того, — направляла «Таймс», — сможет ли правительство твердой рукой пресечь это подрывное движение...»³

Первые отклики на Февраль в Англии. Всячески стремясь предотвратить развитие русской революции, английское правительство и буржуазия принимали все меры, чтобы ослабить ее влияние на пролетариат Великобритании и лишиться поддержки английских рабочих. Сначала известия о революционных событиях в России вообще скрывались от общественности. Лишь 4 (17) марта, после парламентского заявления Бонар Лоу, буржуазным газетам разрешили опубликовать сообщения своих русских корреспондентов. Все они были выдержаны в духе официального оптимизма и подчеркивали безболезненность переворота и стремление политических партий России к единству ради продолжения войны.

Военная цензура и в дальнейшем не пропускала в Англию правдивых сведений о событиях в России. А официальная и буржуазная пропаганда извращали смысл происшедшей революции, пытались представить ее как

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 211.

² А. Кнох. Op. cit., v. 2, p. 585.

³ «The Times», 26. III 1917.

переворот, который совершила Дума, опираясь на армию, с целью более энергичного ведения войны.

В развитие старой легенды о единении царя с народом была выдвинута новая — о добровольном отречении Николая II, продиктованном патриотическими чувствами.

Серьезной разницы между консервативной и либеральной прессой в этих вопросах не было. Первая грубо нападала на Петроградский Совет и Приказ № 1, откровенней выражала симпатии свергнутому царю, советовала Временному правительству «силой утвердить свой авторитет»¹. Вторая делала то же в более мягкой форме: превозносила роль русских либералов в революции и объявляла Временное правительство истинным представителем всего народа². Газеты вигов спекулятивно использовали крах русского царизма для подкрепления своего старого тезиса, будто война Антанты с центральными державами есть борьба демократий против деспотических режимов.

Прямую помощь буржуазии в этой лживой кампании оказывали лидеры лейбористской партии — А. Гендерсон, Ходж, Бэрнс, О'Греди, Б. Торн и др. 4 марта они, по просьбе правительства, послали приветственную телеграмму «вождям русской рабочей партии» Керенскому и Чхеидзе. В ней Гендерсон и К⁰ дословно повторяли буржуазную версию, что русский народ освободился от власти реакционных элементов ради войны до победного конца. Они утверждали, что якобы рабочие Англии и Франции, осознавшие необходимость свержения немецкого деспотизма, «твердо рассчитывают на помощь русских рабочих», и призывали последних не ослаблять усилий. Социал-шовинисты не постеснялись в этой связи взывать к чувству пролетарской солидарности³.

Официальное руководство лейбористской партии выражало мысли не пролетарских масс, а рабочей аристократии. Английский пролетариат ходом своей борьбы в военные годы был подготовлен к восприятию идей русской

¹ «The Times», 19. III 1917.

² Отклик «Вестминстер газетте» от 16. III 1917. Приводится по газете «Речь» от 5. III 1917.

³ «The Times», 17. III 1917.

революции¹. Как показывают резолюции конференций Конгресса тред-юнионов осенью 1916 г. и лейбористской партии в январе 1917 г., вопросы о характере войны, о борьбе за демократический мир, об участии лейбористов в правительстве буржуазии волновали английских рабочих².

Известия о свержении русского царизма были встречены пролетариатом Англии с ликованием³. «Мы испытывали такое чувство,— вспоминает У. Галлахер, находившийся с группой товарищей в тюрьме за участие в запрещенных в годы войны забастовках,— будто пошатнулись не только стены нашей тюрьмы, но и устои империализма. Когда мы вышли из тюрьмы на улицы Глазго, мы всюду слышали: «Да здравствует свободная Россия!»⁴

Пролетариат Англии классовым чутьем понял, что рабочие и солдаты России делают близкое им дело, что их борьба может и должна служить примером для английского народа. Лучше разобраться в событиях в России помогли пролетариату марксистская Британская социалистическая партия, Социалистическая рабочая партия в Шотландии, а также русские социалисты-политэмигранты, видную роль среди которых играли большевики.

Левые деятели Британской социалистической партии в своем печатном органе «The Call» («Призыв») и в выступлениях на митингах, посвященных русской революции, разоблачили буржуазную ложь о событиях в России и дали свою, в основном верную, оценку Февраля. На первые же известия о свержении царизма «The Call»

¹ Влиянию Февральской революции на рабочий класс Великобритании посвящена специальная статья М. М. Карлинера (см. «Вопросы истории», 1957, № 3) и отведено довольно значительное место в его монографии «Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны». Это облегчает нашу задачу и позволяет уделить больше внимания тем сторонам вопроса, которые до сих пор остались недостаточно освещенными.

² А. Л. Мортон и Д. Тейт. История английского рабочего движения. 1770—1920. Перев. с англ. М., 1959, стр. 369—370.

³ Г. Поллит. Октябрьская революция и английское рабочее движение. «Вопросы истории КПСС», 1952, № 1, стр. 54.

⁴ У. Галлахер. Революционный социализм в Шотландии и Октябрьская революция. «Новая и новейшая история», 1957, № 4, стр. 33.

ответила замечательной редакционной статьей под заголовком «Да здравствует революция!» В противоположность буржуазной версии о ведущей роли Думы английские социалисты писали, что «революцию начали и с величайшим успехом совершили сами народные массы вопреки предшествующим увещаниям Думы, которая ничего так не боялась, как революции...» Именно народные массы привлекли на свою сторону войско, а думские либералы и радикалы появились на сцене лишь тогда, когда определился успех революции, и делали все, чтобы спасти царизм.

Обращаясь к целям восставшего народа России, «The Call» видела их не в продолжении войны, а в мире без аннексий путем переговоров и в преобразованиях внутри страны. Газета предупреждала русских рабочих, что опасность для революции исходит не от «старой реакции», которая погребена и не воскреснет, а от либеральной буржуазии с ее империалистическими аппетитами. Последняя, несомненно, попытается пойти по стопам Кавеньяка и Тьера и в благоприятный момент установить в России военную диктатуру, направленную против революционного народа.

«The Call» предсказывала, что русская революция «будет иметь самое глубокое и далеко идущее влияние на весь мир». Стремлением прекратить кровавую бойню она окажет воздействие на воюющие страны. Она явится могучим призывом к возрождению Интернационала.

Обращаясь к положению в Англии, британские социалисты писали, что народные массы думают по-другому, чем Гендерсон и иже с ним. Пример русского народа придает энергии и смелости английским социалистам. «...Близок час, — заканчивала газета, — когда мы в нашей стране также водрузим красное знамя на могиле реакции и воскликнем: «Да здравствует революция! Да здравствует Интернационал!»»¹

Вскоре БСП издала специальный «Манифест», посвященный Февральской революции и вытекающим из нее задачам. В нем говорилось, что свержение царизма — лишь первая фаза революционной борьбы. Русские социал-демократические рабочие выдвинули последова-

¹ «The Call», 22. III 1917.

тельно-демократическую программу, которая в случае реализации сделает народ хозяином своей судьбы. Они ведут благородную борьбу за мир и международную пролетарскую солидарность. В то же время на смену павшей реакции выступают новые темные силы — силы капитализма. Буржуазия, ничего не сделав для победы революции, хочет пожать ее плоды. Она стремится к продолжению войны ради достижения своих империалистических целей и будет бороться с программой рабочих. Русской буржуазии, несомненно, придут на помощь капиталисты Англии и Франции. Дело организованных рабочих Англии — всеми силами помочь русским товарищам и последовать их примеру в своей стране¹.

Левые британские социалисты в основном правильно оценили характер первого этапа русской революции, ее движущие силы, ее международное значение. Они поняли, что революция в России не закончена и пролетариату предстоит борьба с новым противником — буржуазией. Разумеется, некоторые важные особенности Февральской революции и вытекающие из них задачи не были отмечены или до конца поняты британскими социалистами. Они не указали, что буржуазно-демократическая революция в России должна будет перерасти в социалистическую, не отметили такой важнейшей особенности, как двоевластие, не оценили в тот момент всего значения Советов. Удивительны, однако, не эти промахи, а то, как сравнительно мало ошибок допустили левые деятели БСП, учитывая неполноту и тенденциозность поступавших из России сведений. Наконец, что особенно важно, БСП видела в Февральской революции призыв к революционной борьбе в самой Англии и указывала английским рабочим на их интернациональный долг — помочь русскому пролетариату.

Для пропаганды идей Февральской революции среди английских рабочих многое сделали русские социалисты-политэмигранты. Большинство из них, как свидетельствует в своих воспоминаниях академик И. М. Майский, стояло в годы войны на центристских позициях. Самой активной и дисциплинированной из эмигрантских групп была большевистская (секретарь — М. М. Литвинов).

¹ «The Call», 29. III 1917.

В нее входили, в частности, такие в дальнейшем видные партийные и советские работники нашей страны, как Ян Берзин, П. М. Керженцев, С. С. Пестковский, Я. Х. Петерс, Ф. А. Ротштейн. Эмигранты-большевики установили тесные связи с британским рабочим движением, участвовали в антивоенной борьбе английского пролетариата, некоторые из них являлись одновременно членами БСП.

Среди центристов, и это важно отметить, преобладали более «левые» течения. Группа меньшевиков (секретарь Г. В. Чичерин, с 1918 член КПСС) занимала интернационалистские позиции¹.

Можно себе представить, с каким энтузиазмом люди, которых политическая борьба заставила покинуть родину, встретили газетные сообщения о свержении царизма. Не прошло и суток после получения известий о революции, как русские социалисты-политэмигранты в Лондоне собрались на общий митинг (4 марта). Они приняли резолюцию, в которой приветствовали героическую борьбу русских рабочих, доказавших, что и в военное время пролетариат может и должен сражаться за свои классовые революционные цели. Участники митинга предупреждали против попыток послушной капиталу «патриотической» прессы Англии представить события в России как движение с целью обеспечить победу Антанты. В действительности, по их мнению, во время Февральской революции имело место лишь кратковременное совпадение интересов империалистического капитала и широких масс, среди которых самую активную роль сыграл классово сознательный пролетариат: если империалисты выступали против царизма потому, что он оказался неспособным защищать их интересы, то пролетариат боролся за полную демократизацию страны, против войны и против капитализма за социализм. После победы Февральской революции целями пролетариата остаются «полная демократизация страны и борьба против империализма, против войны». Участники митинга отметили огромную важность революции в России, как примера для рабочих других стран. Они заявили, что, являясь частью интернационалистски настроенного

¹ И. М. Майский. Воспоминания советского посла, кн. 1. Путешествие в прошлое. М., 1964, стр. 240, 244--245.

социалистического пролетариата, будут всеми силами бороться за решение стоящих перед ним задач ¹.

При в целом верной оценке характера революции, ее движущих сил, международного значения и ближайших задач рабочего класса резолюция митинга страдала теми же главными недостатками, что и воззвания БСП, — отсутствием четкого понимания неизбежности перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, специфики двоевластия и выдающейся роли Советов.

Собрание русских социалистов Лондона в специальной декларации разоблачило шовинистическую позицию лейбористских лидеров, пытавшихся использовать революцию в России в интересах империалистов Антанты. Участники митинга заявили, что революционный пролетариат России не имеет ничего общего с лакеями капиталистических правительств ².

На том же собрании 4 марта была создана объединенная организация — Комитет депутатов русских социалистических групп в Лондоне ³.

Не ограничиваясь печатной пропагандой, БСП и русские социалисты провели в Англии ряд митингов, посвященных Февральской революции. Эти собрания привлекали огромное количество участников. Так, на митинге, проведенном Комитетом депутатов русских социалистических групп 11 марта в Грейт Ассембли Холле (Лондон), присутствовало до 14 тыс. человек. 13 марта в Лондоне состоялся большой митинг, организованный БСП. На обоих собраниях выступали представители британских и русских социалистов, разъяснявшие смысл событий в России и задачи русского и английского пролетариата ⁴. В промышленном сердце Шотландии — долине Клайда, особенно в Глазго, многочисленные митинги с призывом следовать примеру красного Петрограда организовала Социалистическая рабочая партия. В них участвовали и русские моряки с находившегося в Глазго крейсера «Аскольд».

Команда этого корабля была революционно настроена. Еще летом 1916 г., когда «Аскольд» стоял в Тулоне, на

¹ «The Call», 22. III 1917.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem.

нем произошли волнения. Теперь матросы потребовали, чтобы ранее приведения к присяге Временному правительству с корабля списали 5 офицеров и 5 кондукторов как приверженцев старого строя и выдвинули своего кандидата на должность старшего офицера¹.

Соприкасались с русскими моряками также рабочие Ливерпуля, где ремонтировался крейсер «Варяг» и миноносцы «Грозовой» и «Властный». На «Варяге», по донесению русского консула в Ливерпуле, имело место «серьезное брожение». Матросы потребовали от командира и офицеров, чтобы те открыто заявили о своем отношении к революции².

Благодаря деятельности социалистических партий Англии, большевиков и других русских эмигрантов-интернационалистов, некоторых левых представителей Независимой рабочей партии, а также контактам с русскими матросами правда о Февральской революции дошла до английского рабочего класса и оказала на него глубокое влияние. «Когда Россия,— признает Ллойд Джордж,— неожиданно сбросила старинный царский режим и начала свой великий социалистический эксперимент, многие в нашей стране пожелали последовать ее примеру... Толчок, который дан был в Петрограде, передался всем заводам и шахтам и вызвал нервное беспокойство, затруднявшее набор в армию и снабжение фронта»³. Под воздействием настроений рабочих даже такие тяготевшие к лейборизму лидеры английских профсоюзов, как Р. Вильямс, Р. Смайли и Беллами, заговорили о необходимости последовать примеру русских рабочих и добиваться серьезных перемен в Англии⁴.

Английский коммунист Э. Бэрнс в брошюре о влиянии Великого Октября на Великобританию отмечает, что «Февральская революция явилась большим стимулом для развития активности английского рабочего класса». Резко увеличилось число забастовок, наряду с экономиче-

¹ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 23847, л. 35.

² АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 1649, л. 268, 269.

³ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 4, стр. 110—111.

⁴ «Английские рабочие и русская революция». Перев. с англ. под ред. и с пред. П. Харитоновой. Пг., 1917, стр. 12—17, 24—25.

скими требованиями стали выдвигаться требования прекращения войны и передачи власти пролетариату¹. Непосредственно после Февраля это влияние только начинало проявляться, но уже тогда было замечено английской буржуазией и правительством и усилило их антипатии к русской революции.

Свержение царизма вдохнуло новые силы не только в рабочее, но и общедемократическое движение Англии. Оживились старые и возникли новые организации, как например Англо-русский демократический союз, Движение женщин за мир². Под воздействием русского примера особую популярность приобрели лозунги восстановления конституционных свобод, амнистии политзаключенным, участия народа в регулировании международных отношений.

18 марта Англо-русский демократический союз провел самый большой в Англии митинг, посвященный Февральской революции. В огромном лондонском зале — Альберт Холле — собралось свыше 10 тыс. человек. Тысячи желающих не смогли попасть в помещение. Митинг послал радостное приветствие русской демократии и призвал правительства Англии и всех других стран «следовать примеру России и установить свободу слова, прессы и производственных отношений; отменить все социальные, религиозные и национальные отличия; немедленно освободить всех заключенных в тюрьмы за политические и религиозные преступления; ввести всеобщее избирательное право»³. Кампанию митингов симпатии к русской революции проводил по стране Союз демократического контроля⁴.

Заметным выступлением английских демократов был протест группы членов Парламента — независимцев и левых, либералов — против нападок консервативной печати на Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов⁵.

¹ Э. Бэрнс. Влияние Октябрьской революции на рабочий класс и революционное движение в Англии. М., 1957, стр. 7.

² А. Л. Мортон и Д. Тейт. Указ. соч. стр. 371—372.

³ «Английские рабочие и русская революция», стр. 4—5.

⁴ А. J. Мауег. Political Origins of the New Diplomacy, 1917—1918. New Haven, 1959, p. 164.

⁵ «Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий», т. 1. М., 1957, стр. 498.

Широкий отклик на Февраль в Великобритании усилил беспокойство английского правительства. «...Пример России,— вспоминает Ллойд Джордж,— привлекал многих и поэтому причинял нам серьезную тревогу»¹. Английская буржуазия активно включилась в поход против русской революции, оказавшись в этом отношении верным союзником Временного правительства.

¹ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 4, стр. 140.

Глава третья

СОУЧАСТНИКИ КОНТРЕВОЛЮЦИОННОГО ПОХОДА

ПАДЕНИЕ РОЛИ РУССКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Внешняя политика Временного правительства первого состава неразрывно связана с именем П. Н. Милюкова. Человек, которого русская буржуазия поставила во главе дипломатического ведомства, образованием и кругом интересов, личными связями и всей предшествовавшей деятельностью был как будто специально предназначен к занятию министерского кресла в здании на Дворцовой площади. Милюкову нельзя было отказать ни в силе характера, ни в энергии. В другое время он, вероятно, оказался бы идеальным министром иностранных дел. Но Милюков был слишком типичным сыном своего класса с его ограниченностью, боязнью социальных переворотов, пренебрежением к нуждам народа и негибкостью, чтобы успешно руководить внешней политикой в революционную эпоху.

Несостоятельные расчеты. Страна остро нуждалась в мире, а империалистическая буржуазия, связанная общностью интересов с финансовым капиталом союзных держав, хотела продолжения войны, и Милюков во всеуслышанье бросил лозунг войны до победы¹. Рабочие и крестьяне в солдатских шинелях не желали проливать кровь из-за дележа капиталистической добычи, а империалистическая буржуазия мечтала о реализации секретных договоров, и Милюков не только подтвердил их, но и публично поклялся хранить в тайне², якобы от врага, а в действительности от своего народа. Новоиспеченный министр рассчитывал отделаться от требований масс в области внешней политики пустыми декларациями и фразами, которыми давно дурачили народы буржуазные дипломаты других стран.

¹ «The Times», 17. III 1917.

² «Революционное движение в России после свержения самодержавия», № 313.

Внешняя политика нового класса, ставшего у руля государственной власти, отличалась от царской не только твердым намерением продолжать войну и словесной драпировкой империалистических целей. Хотя Временное правительство в основном заимствовало захватническую программу царизма и унаследовало определенную систему международных связей, Милюков отчасти под давлением обстоятельств, отчасти по своей инициативе внес во внешнюю политику некоторые поправки и новые акценты.

Из двух главных внешнеполитических лозунгов царского правительства — овладение Царьградом и проливами и создание «целокупной» Польши под русским сюзеренитетом — второй был видоизменен и отодвинут с переднего плана¹. Зато первый приобрел едва ли не большее значение, чем прежде. По словам самого Милюкова, приобретение Россией проливов служило для него «руководящей нитью»². В этом, как нам кажется, следует видеть не одно желание удовлетворить аппетиты буржуазии, но и стремление обрести массовую базу в лице мелкого хозяйчика для осуществления империалистической политики. Кулак и средний крестьянин должны были, по расчетам буржуазии, клюнуть на приманку необходимости обладания воротами для вывоза хлеба и «ключом от дверей своего дома».

Стремление Милюкова обеспечить аннексию проливов повлияло на подход его к болгарскому и греческому вопросам. Министр считал желательным исправить ошибку прошлого и обещанием Македонии перетянуть Болгарию

¹ Временному правительству пришлось в специальном воззвании от 17 марта обещать образование независимого польского государства из всех земель, населенных польским народом. Этот шаг был отчасти вынужденной уступкой Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов, отчасти же объяснялся стремлением русской буржуазии использовать польский вопрос в интересах продолжения войны. Реализация данного неискреннего обещания, помимо того, что она предполагала победу над противником, была обусловлена согласием российского Учредительного собрания. Только Великая Октябрьская социалистическая революция, предоставив народам России право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства и отменив все договоры с Прусской и Австро-Венгерской монархиями о разделах Польши, открыла перед польским народом возможность получения подлинной государственной независимости.

² «Речь», 11. V 1917.

на сторону Антанты, что приблизило бы Россию к проливам¹. За согласие Франции и Англии с такой политикой можно было пойти на уступки им в греческом вопросе, который Милюков относил к числу «сравнительно второстепенных»².

Временное правительство восприняло почти без изменений планы расчленения и переустройства Австро-Венгрии, захвата Галиции и присоединения части Азиатской Турции, лишь задрапировав их фразами об освобождении поработанных народностей и воссоединении украинского народа, а также народа Армении³.

Осуществить захватническую программу можно было только при условии, что Антанта одержит победу и Россия сумеет получить все, что ей причитается по тайным договорам с партнерами. Вот почему Милюков на первое место в своей деятельности ставил «не только сохранение, но и усиление дружественных и союзных уз, которые издавна сложились»⁴.

Временное правительство отдавало себе отчет в том, что прочность союзнических уз, как и его международный престиж, зависит прежде всего от реального вклада России в войну. Первое время оно надеялось и пыталось уверить союзников, что свержение самодержавия, дав свободу энергии буржуазии и вызвав энтузиазм народа в отношении войны, умножит силы России и приблизит час победы. Ведомство Милюкова рассчитывало также спекулятивно использовать международный авторитет русской революции, поставив его на службу военной пропаганде с целью разложения противника изнутри.

Особую важность в глазах Временного правительства имело укрепление союза с Англией. Если царизм отчасти по традиции, отчасти по соображениям военной значимости больше ориентировался на Париж, чем на Лондон, новая власть произвела назревшую переоценку союзников. Изменившееся в пользу Англии соотношение военных сил внутри Антанты вместе с сохранением выдающейся

¹ Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика керенщины. «Очерки по истории Октябрьской революции», т. 2. М., 1927, стр. 368—369.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 97, т. 2, л. 598.

³ «Речь», 23. III 1917.

⁴ «Речь», 10. III 1917.

экономической роли Великобритании делало ее признанным лидером коалиции. Обещание независимости Польше уменьшало ценность соглашения с Францией о взаимной свободе определения европейских границ. Новой ориентации способствовала также система внешнеполитических взглядов и личные склонности Милюкова. Ему казалось, что наступил тот исключительно благоприятный момент, когда Англия не выступит против утверждения России на проливах ¹. Он видел в лице Англии на ближайшее время и ценного союзника в Азии, где Временное правительство собиралось проводить прежнюю грабительскую политику, прячась за широкую спину британского колонизатора. В инструкции посланнику в Тегеране от 17 марта министр недвусмысленно указывал, что политика России в Персии «не потерпит никакого изменения», и что он «будет придерживаться полного взаимодействия с Англией в персидских делах...» Милюков разъяснял далее, что при новом строе России «нельзя открыто выступать против либеральных веяний в Персии» и поэтому предписывал Минорскому предоставлять инициативу в подобных вопросах «английскому посланнику, оказывая ему со своей стороны поддержку в его начинаниях» ². Подобная же внешнеполитическая линия намечалась в Китае, с той, однако, разницей, что там приходилось взаимодействовать не с одной Англией, а с целой группой держав.

На Дальнем Востоке Милюков не склонен был развивать происшедшего при царизме сближения с Японией в ущерб отношениям с Англией и США.

Место связей с последней державой во внешнеполитических видах Временного правительства заслуживает специального внимания. Февральская революция способствовала улучшению русско-американских отношений и ускорила вступление США в войну, которое радостно приветствовалось русской буржуазией. Руководители внешней политики России видели в лице США мощный источник сил и средств, в первую очередь экономических, который гарантирует конечный успех антигерманской коалиции. В США Временное правительство надеялось получить

¹ «Речь», 11. V 1917.

² Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 372.

займы и транспортные средства для оплаты и перевозки военных заказов, сделанных в Америке, и ослабить тем самым свою экономическую зависимость от Англии¹. Милюков в письме к председателю Совета министров Львову высказывал мнение, что экономическое и политическое сближение с Америкой будет иметь «крупное значение»².

Тем не менее и после вступления США в войну внешняя политика Временного правительства не утратила проанглийского крена. В Петрограде исходили из того, что Америка не представляет и еще долго не будет представлять собой значительной военной силы. Опасались также, что, поскольку США не участвовали в тайных договорах держав Антанты, они могут выступить против их условий и, в частности, против перехода к России черноморских проливов и расчленения Австро-Венгрии. В качестве основной программы союзной военно-экономической помощи России правительство продолжало рассматривать рекомендации Петроградской конференции, на быстрое одобрение которых в Англии, Франции и Италии оно рассчитывало. Обсуждая вопрос об американских займах, правительство Львова прикидывало, не отразится ли это неблагоприятно на английской финансовой помощи и даже не следует ли предварительно запросить согласия Англии³.

Чтобы покончить с изложением внешнеполитической программы Временного правительства, отметим намерение его реорганизовать систему заграничного снабжения России таким образом, чтобы основные вопросы решались не в Лондоне, а в Петербурге при руководящей роли русских ответственных лиц. Намечалось также развернуть подготовку к послевоенной конкурентной борьбе. Правительство буржуазии стремилось оправдать надежды своего класса на то, что его интересы будут теперь ограждаться тверже, чем при царском режиме.

¹ «Речь» 23. III 1917; «Экономическое положение России», ч. 2, № 592.

² Г. К. С е л е з н е в. Тень доллара над Россией. Из истории американо-русских отношений. М., 1957, стр. 40.

³ «Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий», т. 1. М., 1957, стр. 346; «Экономическое положение России», ч. 2, № 647.

Внешнеполитический курс Милюкова получил одобрение VII съезда кадетской партии, который в резолюции о войне выразил полное доверие Временному правительству и его иностранной политике, основанной на верности заключенным союзам и твердом отстаивании «жизненных интересов и прав России». Съезд шумными рукоплесканиями приветствовал панегирик в адрес Англии, пропетый членом ЦК партии Ф. И. Родичевым¹. Кадетов в основном поддерживали более правые буржуазные и помещичьи партии, видевшие в продолжении войны лучшее средство борьбы с революцией.

Хотя тон в первом Временном правительстве задавали откровенные империалисты — кадет Милюков и октябрист Гучков, — в его составе имелась группа, придерживавшаяся несколько иных внешнеполитических взглядов. Она отражала мнения той части буржуазии и кадетской партии, которая склонна была в большей мере считаться с настроениями народных масс и с реальным соотношением сил на международной арене. Ее представители — внепартийный миллионер М. И. Терещенко и левый кадет Н. В. Некрасов — видели главную задачу в том, чтобы всеми средствами обеспечить активное участие России в войне. Они предлагали в целях подогревания оборонческих настроений в народе прибегнуть к демократической фразеологии по вопросам внешней политики и даже пойти на видимые уступки некоторым требованиям рабочих и солдат, в частности отказаться от наиболее одиозного лозунга аннексии проливов. Подобная политическая линия должна была облегчить Антанте задачу выступления в позе защитницы демократии и международного права, а в благоприятном случае позволить внести разложение в стан врага — прежде всего отколоть Турцию. Что же до практики предстоящего дележа мира, то все будет зависеть от реального соотношения сил к концу войны. Близких взглядов придерживался и «заложник демократии» в правительстве — трудовик, затем эсер А. Ф. Керенский, выступавший после Февральской революции ярким сторонником продолжения войны до победы².

¹ «Речь», 28. III 1917.

² Керенский позднее писал, что необходимые, с его точки зрения, перемены в языке и методах дипломатии «ни в какой мере не предопределяли действий России после победы. Победа имеет соб-

Борьба между направлением Милюкова — Гучкова, с одной стороны, и «триумvirатом» Терещенко — Некрасова — Керенского — с другой, касалась, таким образом, не существа, а формы проведения внешней политики.

В части иностранной ориентации группа Керенского — Терещенко — Некрасова, хотя и имела некоторые основания ожидать большего понимания со стороны США, не выступала против англофильства своих оппонентов. Здесь, очевидно, сказывался практицизм политиков, видевших, с одной стороны, силу зависимости от Англии, а с другой — ценность, которую благорасположение последней может иметь для их прихода к руководству. Например, Керенский в беседе с Ноксом и корреспондентом «Дейли Кроникл» Вильямсом 6 марта рекламировал себя как давнего сторонника Англии¹.

В вопросах практической политики «триумvirат» пользовался поддержкой соглашательского Исполкома Петроградского Совета. Революционный шовинизм и социал-пацифизм мелкобуржуазных партий переросли после свержения самодержавия в революционное оборончество. Они считали, что в результате Февральской революции характер войны со стороны России изменился, и обновленная страна способна повести за собой всю Антанту. Поэтому, отвергая захваты, мелкобуржуазные партии одновременно выступали за сохранение союза с империалистическими державами и даже не требовали опубликования тайных договоров. Меньшевик И. Церетели, выступая от имени Исполкома Петроградского Совета на съезде делегатов фронта в апреле, говорил: «Мы не стремимся сейчас разорвать союз с союзными нам державами. Наоборот, мы прилагаем все усилия к тому, чтобы этот союз, заключенный буржуазией, был еще теснее спаян цементом единения и братства демократий стран согласия»². Лидеры соглашателей использовали «добросовестное оборончество» масс для обмана их красивыми фразами и

ственную логику и создает у победителя свою психологию. Во время войны дипломатия является лишь одним из средств борьбы, военной пропаганды» (А. Ф. Керенский. *The Catastrophe. Kerensky's own story of the Russian Revolution*. New York—London, 1927, p. 130. В дальнейшем — *The Catastrophe*).

¹ «Константинополь и проливы», т. 1, стр. 468, примеч. 2.

² «Речь», 30. IV 1917.

обещаниями. Фактически роль соглашательских партий в международных делах сводилась в это время к лояльной оппозиции правительству.

На первых порах внешняя политика Временного правительства увенчалась некоторыми видимыми успехами. Союзники признали его законным преемником царского правительства. Англия 17 марта официально подтвердила, что считает себя связанной обязательствами о дележе добычи, данными прежнему правительству¹.

Поднялся курс рубля и русских ценных бумаг на зарубежных рынках, особенно в США и Англии. Начались переговоры о заключении крупного займа в Америке. Тогда Англия, не желавшая терять контроля над американскими заказами России, обещала Временному правительству 360 млн. долл. на его нужды в США².

В начале апреля в России был создан специальный Междуведомственный комитет, объявленный высшим правительственным органом по вопросам заграничных поставок с правами утверждения заказов, выдачи иностранной валюты и обеспечения заказов необходимым тоннажем. Исполнительным органом комитета стало Главное управление по заграничному снабжению (Главзагран). В состав комитета включались представители союзников³. Таким образом, правительство предприняло практическую попытку возглавить дело русских заказов за рубежом.

Готовясь к послевоенной экономической борьбе, Временное правительство, вопреки настояниям Франции и Англии, не утвердило рекомендаций Парижской экономической конференции⁴, постановив вместо этого денонсировать все торговые договоры, включая договор с Англией. Принятое решение мотивировалось тем, что ратификация Парижских соглашений, вероятно, вызвала бы

¹ «Константинополь и проливы», т. 1, № CCCXVII. Первоначально Англия пыталась уклониться от такого подтверждения (см. «Константинополь и проливы», т. 1, № CCCX).

² «Papers Relating to the Foreign Relations of the U. S. 1918. Russia», v. III. Washington, 1932, p. 3—5 (в дальнейшем — «Papers... 1918. Russia»).

³ Д. С. Б а б и ч е в. Деятельность Русского Правительственного комитета в Лондоне. «Исторические записки», т. 57, стр. 290.

⁴ П. А. Н и к о л а е в. Отклики на Парижскую экономическую конференцию 1916 г. во Франции, Англии и России. В сб. «Из истории империализма в России». М.—Л., 1959, стр. 412.

недоброжелательство соглашательских партий и несочувствие США ¹. Это было проявлением известной самостоятельности в отношениях с союзниками. Впрочем, Временное правительство не отказывалось от мысли договориться с Англией и Францией о взаимных экономических уступках на послевоенный период.

Временное правительство пыталось претендовать на равное с главными союзниками положение в Антанте. Но вскоре ряд жестоких поражений внешней политики Милюкова показал нереальность этих потуг и выявил резкое падение престижа российского империализма.

Внешнеполитическая программа первого Временного правительства в силу его классовой природы страдала глубокими и неизлечимыми пороками. Она игнорировала важнейшее требование момента, одну из главных задач революции — выход из империалистической войны. Программа не учитывала стремлений поднявшихся к активной политической жизни организованных народных масс. Основы зависимости от союзников в виде кабальных займов и иных соглашений, заключенных царским правительством, не были уничтожены, а продолжение войны неизбежно усиливало эту зависимость. В Персии и Китае русская политика продолжала опираться на самые реакционные силы и плестись в хвосте союзников.

Пересмотр ценности русского союзника. Падению престижа Временного правительства в глазах Англии способствовало несколько факторов. Из них на первое место следует поставить неспособность его двинуть армию в наступление в обещанные царизмом сроки.

Февральская революция оказала глубокое влияние на русскую армию, где, в противоположность офицерскому корпусу, возник зародыш новой власти в лице армейских комитетов. Состояние тыла не позволяло ни посылать нужных пополнений, ни организовать сколько-нибудь нормальное снабжение фронта. Вскоре после революции русское командование сообщило союзникам, что вследствие реорганизации армии, расстройств транспорта и запасов оно не сможет двинуть войска в наступление ранее начала мая. Русские генералы пытались скрыть от союзников главную причину — воздействие революции на

¹ ЦГИА, ф. 23, оп. 27, д. 660, л. 1—2.

армию. Однако прошло всего лишь несколько дней, как под влиянием известий из тыла пришлось признаться, что и названный срок нереален. 13 марта М. В. Алексеев, исполнявший обязанности главнокомандующего, по договоренности с военным министром Гучковым сообщил Франции и Англии, что в связи с внутренними событиями русская армия окажется в состоянии принять широкое участие в наступательных операциях лишь в июне-июле¹. Между тем у союзников было твердое намерение начать большое наступление в конце марта (начале апреля), в связи с чем они добивались активной поддержки русской армии. Представитель Ставки в Англии генерал Десино сообщал, что под влиянием известий из России англичане «начинают бояться возможности беспорядков в нашей (русской.— А. И.) армии, которые повлияют на ее боеспособность и поведут к заключению сепаратного мира»².

К выявившемуся бессилию русского фронта добавились свидетельства слабости Временного правительства, одним из которых было вмешательство Петроградского Совета в вопрос о войне и мире. Оборонческое руководство мелкобуржуазных партий, имевших большинство в Петроградском Совете, после «горького» опыта с Приказом № 1 подошло к выступлению по вопросу о войне с большой осторожностью. Меньшевики и эсеры не выдвигали требования о мире ни в начале революции, ни в момент формирования Временного правительства.

Лишь 14 марта Петроградский Совет обратился с воззванием к трудящимся всего мира. Существо этого документа было оборонческим, за что его приветствовала кадетская печать. В то же время Манифест содержал ряд призывов, которые были рассчитаны на привлечение симпатий народных масс: он звал к решительной борьбе с захватными стремлениями господствующих классов и правительств, предлагал народам взять решение вопросов о войне и мире в свои руки и выдвигал задачу восстановления и укрепления единства трудящихся всех стран³. Исходя из положений Манифеста, соглашатели намерева-

¹ «Разложение армии в 1917 году». М.—Л., 1925, № 25; «Красный архив», 1928, т. 5 (30), стр. 32.

² ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 71, л. 127.

³ «Революционное движение в России после свержения самодержавия», № 189.

лись развернуть кампанию за демократическую программу мира и прежде всего добиться заявления своего правительства об отказе от захватнических целей.

Английские империалисты встретили эту попытку вторжения народной организации в область внешней политики крайне враждебно. «Таймс» поместила сообщение о Манифесте Петроградского Совета под заголовками «Социалистические иллюзии» и «Играют на руку врагу», сопроводив его злобным выпадом против русских социалистов. Орган консерваторов видел особую опасность в том, что обращение прочтут русские солдаты¹. Столь же неприязненно реагировало на Манифест Форин Оффис².

Вопреки желанию Англии Временное правительство не только оказалось бессильным воспрепятствовать распространению Манифеста, но само вынуждено было сделать уступку соглашательским партиям. 27 марта оно приняло, а днем позже опубликовало заявление о целях войны, в котором наряду с призывом к обороне и подтверждением обязательств перед союзниками говорилось: «Цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них их национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов»³.

Эта часть заявления, как сообщал Набоков, вызвала беспокойство английского правительства, ибо союзники России не намерены были отказываться «от сохранения за собой земель, уже завоеванных, или тех, которые они хотят оставить за собой по мирному договору»⁴. Милюков нашел случай дать разъяснение, из которого явствовало, что недавний документ Временного правительства — лишь словесная уступка общественному мнению⁵. Но уверения Милюкова едва ли могли успокоить Лондон, ибо во всяком случае свидетельствовали о слабости государственной власти в России.

¹ «The Times», 30. III 1917.

² В. Н. Ст о р о ж е в. Дипломатия и революция. «Вестник НКВД», 1920, № 4-5, стр. 96—97.

³ «Вестник Временного правительства», 28. III 1917.

⁴ «Константинополь и проливы», т. 1, № CCCXIV.

⁵ «Красный архив», 1927, т. 1 (20), стр. 13.

Кроме того, и Англия об этом знала, выступления Петроградского Совета и Временного правительства о целях войны оказали воздействие на русскую армию. Солдаты поняли их как отказ от всяких наступательных операций. Бьюкенен 27 марта писал, что социалистическая пропаганда в армии продолжается, и хотя он не упускает случая обратить на это внимание министров, последние, по-видимому, бессильны бороться¹.

Англичане видели, что внешнеполитический курс Милюкова не встречает полной поддержки даже в самом правительстве, где его небезуспешно атакует «триумvirат» Керенского — Терещенко — Некрасова.

Авторитет Временного правительства подрывал, наконец, русский дипломатический корпус, оставшийся после революции почти нетронутым и в массе своей враждебно относившийся к новому строю. Профессор С. Г. Сватиков, посланный в июне Временным правительством для проверки хода ликвидации заграничной охраны при посольствах², писал о русских дипломатах, что, «глубоко ненавидя революцию, они всеми силами стараются дискредитировать не только демократию, но и самое Временное Правительство...»³ Правда, К. Д. Набоков, возглавлявший русское посольство в Англии, с легким сердцем переменял хозяина. Но подобным поведением он испортил свои отношения не только с большинством членов посольства и Русского правительственного комитета, но и с английским высшим обществом и таким аристократическим учреждением, как Форин Оффис⁴. Временное правительство не раз собиралось заменить Набокова, но по тем или иным причинам так и не осуществило своего намерения.

Под воздействием указанных факторов в Англии происходила переоценка значимости восточного союзника. Мильнер, который после Петроградской конференции стал в английском кабинете своего рода министром по русским

¹ Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. Изд. 2. М., [б. г.], стр. 222.

² Это учреждение осуществляло при царизме слежку за политэмигрантами из России в соответствующих странах.

³ «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», № 5. Пг., 1918, № 62.

⁴ К. Д. Набоков. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921, стр. 61—62, 71—72.

делам, по словам Набокова, строил «свое отношение к России на основании строго утилитарном», то есть оценивал положение «с точки зрения участия России в общем деле...»¹ Будущее же этого участия рисовалось английским политикам в мрачном свете. Бьюкенен доносил Мильнеру в конце марта: «Военные перспективы в высшей степени неутешительны, и лично я потерял всякую надежду на успешное русское наступление весной»². А Ллойд Джордж, считавшийся в этом вопросе оптимистом, говорил на заседании имперского кабинета в марте: «Ну, Россия — это Россия! Вы никогда не можете сказать заранее, что сделает Россия; беда в том, что если она и сможет поставить людей, то не сможет их использовать, потому что не имеет путей сообщения, транспорта»³.

Несмотря на это английское правительство придавало участию России в войне чрезвычайно важное значение как с точки зрения военной, ибо даже пассивная русская армия сковывала большие силы врага, так и в плане борьбы с русской революцией.

Зато в Лондоне склонны были все меньше и меньше считаться с интересами ослабевшего союзника. Английские политики постепенно начинали смотреть на Россию не как на партнера по империалистическим сделкам, а как на объект их. Они надеялись на предстоящий распад многонационального наследия Романовых⁴ и рассчитывали на этом поживиться. Английские предприниматели и торговцы не скрывали надежд на широкую экспансию в обновленную Россию⁵. Образно говоря, Англия относилась к русскому союзнику, как скупой хозяин к больному работнику, выбросить которого на улицу не позволяет нехватка рабочих рук: смотрела прежде всего, что еще из него можно выжать без больших затрат на лечение и заодно прикидывала, как распорядиться его имуществом в случае смерти.

¹ «Раздел Азиатской Турции», № ССХСII, стр. 323.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 224.

³ Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 4. М., 1936, стр. 55.

⁴ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 224—225.

⁵ ЦГАОР, ф. 3, оп. 1, д. 315, л. 55; ЦГИА, ф. 1278, оп. 5, д. 1232. Дело содержит заявки английских предпринимателей на открытие деятельности в России.

Помощь сокращается — контроль усиливается. Контроль Англии над заграничными заказами России приобрел характер все более мелочной опеки. Фактическое руководство делом заграничных поставок оказалось не в руках Междуведомственного комитета и Главзагран, а у специально созданных после Петроградской конференции английских учреждений — Комитета Мильнера в Лондоне и Британской военной миссии снабжения в России. Правительство Ллойд Джорджа возложило на Комитет Мильнера руководство выполнением программы снабжения России, намеченной Петроградской конференцией, и координацию деятельности различных британских ведомств в этом вопросе с правом принятия окончательного решения¹. Органом Комитета Мильнера в России являлась военная миссия снабжения генерала Пуля, прибывшая в Петроград в феврале 1917 г. Комитет Мильнера работал в контакте с Русским Правительственным комитетом (РУССКО), а Британская миссия снабжения — с Главзаграном. Тенденцию деятельности названных английских учреждений председатель РУССКО Гермониус с полным основанием характеризовал как попытку «устранить русских совершенно от наших же русских заказов»².

Политика Комитета Мильнера сводилась к максимальному сокращению заказов и поставок для России. Это делалось по прямому совету английского посольства и миссии Пуля, мнение которых отражало неуверенность в твердости курса Временного правительства и боеспособности русской армии.

Английские власти санкционировали отправку главным образом тех военных материалов, которые в русских условиях могли быстро дать боевой эффект. Напротив, поставки промышленного оборудования и сырья почти остановились. 9 марта Гермониус телеграфировал, что английское правительство, ссылаясь на решения Петроградской конференции, прекратило дальнейшее размещение заказов на все предметы заводского оборудования³. Этим дело не ограничилось. По позднейшему сообщению того же Гермониуса, английские власти стали передавать

¹ ЦГИА, ф. 1524, оп. 1, д. 68, л. 30 с об.; ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 152, л. 92—93.

² «Экономическое положение России», ч. 2, № 629, стр. 518.

³ Там же, № 585.

уже выполненные для России заказы либо британской промышленности, либо другим союзникам ¹. Неоднократные протесты русской стороны не возымели действия. 22 апреля Гермониус доложил, что «отказы на крайне нужные нам станки все-таки продолжаются», лишь под другим предлогом. На словах Мильнер обещал не задерживать заказов на станки, но распоряжения об этом отдано не было ².

Столь же плачевно обстояло дело с поставкой металлов ³ и некоторых других видов промышленного сырья. Между тем Англия в это время являлась вторым по важности поставщиком России после США, лишь немногим уступая последним ⁴. К тому же Англия в первые месяцы после Февральской революции сохраняла контроль и над американскими заказами. Председатель Русского заготовительного комитета в Америке (РЗКА) А. П. Залюбовский 12 апреля сообщал: «Сношения между нами и американцами через англичан во всех решительно вопросах связывают по-прежнему нас по рукам, тем более, что нас никто ни о чем не спрашивает...» ⁵ Линия Комитета Мильнера в области заказов несомненно подрывала способность России к ведению длительной войны.

Миссия Пуля в России занималась главным образом проталкиванием на фронт доставленных из-за границы грузов, особенно артиллерии. Численность миссии скоро достигла 40—50 человек. Кроме штаба в Петрограде, она имела своих представителей в Москве, Архангельске, Владивостоке, Луге и Царском Селе ⁶. Бесцеремонно вмешиваясь в дела перевозок, Британская миссия снабжения еще усиливала общую дезорганизацию транспорта России.

В соответствии с линией на сокращение русских заказов Англия уменьшала обещанный России тоннаж. «Скупость» англичан в этой области имела и другую важную причину: британский торговый флот нес огромные потери от объявленной Германией неограниченной подводной войны. Уже в середине апреля (по новому стилю) англий-

¹ Д. С. Б а б и ч е в. Указ. соч., стр. 291.

² «Экономическое положение России», ч. 2, № 526.

³ Д. С. Б а б и ч е в. Указ. соч., стр. 291.

⁴ ЦГИА, ф. 1525, оп. 2, д. 1022, л. 53.

⁵ «Экономическое положение России», ч. 2, № 593.

⁶ ЦГИА, ф. 1525, оп. 1, д. 46, л. 1 с об.

ское Министерство морских перевозок приняло решение о создании небольшого резерва тоннажа за счет сокращения русской программы. В конце апреля английское правительство распорядилось отложить выполнение части русской программы до прояснения ситуации в России¹. Особенно резко был сокращен тоннаж для перевозок из США и Франции. Русский заготовительный комитет в Америке получил от Англии на март — май пароходы общей грузоподъемностью в 43 тыс. т вместо 122 тыс. т, обещанных ранее².

Английское Адмиралтейство, несмотря на специальное обращение Временного правительства и неоднократные просьбы по дипломатическим каналам, отказалось выделить необходимый минимум военных кораблей для охраны грузов, следовавших в Россию. Оно взяло на себя оборону лишь небольшой части северного пути³. Сама Россия достаточными средствами для борьбы с неприятельскими подводными лодками не обладала. Между тем Германия после Февральской революции распространила неограниченную подводную войну на северное побережье России, направив сюда дополнительное количество субмарин⁴. В результате перевозки сопровождались чувствительными потерями. После того как Временное правительство передало Транспортный отдел РУССКО под английскую опеку, руководство перевозками в Россию в еще большей мере оказалось в руках англичан. По горькому признанию Гермониуса, идти дальше этого в передаче английскому правительству распоряжения перевозками было некуда⁵.

Временному правительству не удалось добиться утверждения кабинетом Ллойд Джорджа финансовых рекомендаций Петроградской конференции. Срок последнего британского займа истек 18 марта, и Временное правительство обратилось с просьбой о заключении нового фи-

¹ С. Е. F a y l e. Seaborne Trade, v. III. London, 1924, p. 88—89, 160.

² В. В. Лебедев. Русско-американские экономические отношения в годы первой мировой войны. Канд. дисс. М., 1955, стр. 131.

³ АВПР, ф. Секретный архив, д. 662/693, л. 49—50, и д. 652/674, л. 26 с об.

⁴ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 4618, л. 48 и д. 2473, л. 147.

⁵ ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 18, л. 4; «Экономическое положение России», ч. 2, № 629.

нансового соглашения на условиях, установленных конференцией в Петрограде. Однако Англия от предлагаемого соглашения уклонилась, сославшись на необходимость выждать, когда определится размер финансовой помощи союзникам со стороны США¹. Пока же она обещала финансировать лишь наиболее срочные русские заказы и выделить на апрель кредит на нужды торговли, промышленности и поддержание курса рубля в размере, установленном соглашением от октября 1916 г., т. е. значительно меньшем, чем было намечено Петроградской конференцией². Совершенно прекратились кредиты в иенах.

Общий размер английских ссуд Временному правительству в марте-апреле примерно равнялся тому, что получил царизм в декабре-январе 1916/17 г., т. е. в то время, когда Англия в целях давления на царское правительство резко сократила его кредитование. В результате заказы России в Англии были весной хуже обеспечены кредитами, чем в любой другой стране³. Дело было не только в отсутствии у Англии средств, хотя она, несомненно, испытывала определенные финансовые затруднения. Ведь в марте Англия сумела предоставить румынскому правительству заем в 20 млн. ф. ст.⁴ Очевидно, разбитое и фактически изгнанное из своей страны румынское правительство все же пользовалось бóльшим доверием Лондона, чем правительство страны, в которой развивалась революция.

Политическая подкладка «скупости» англичан не представляла секрета. Председатель РУССКО Гермониус в телеграмме от 30 марта объяснял «слишком осторожное, чтобы не сказать недоверчивое, отношение» к русским заказам и перевозкам тем, что заявления об отказе от аннексий рассматриваются в Англии «как не вполне определенные мирные тенденции России, почему начинают возникать опасения за сепаратный мир с нашей стороны»⁵.

Не выполняя в сколько-нибудь полной мере своих обещаний России, Англия добивалась необходимых ей

¹ «Экономическое положение России», ч. 2, № 651.

² Там же, № 646.

³ ЦГВИА, ф. 369, оп. 23, д. 26, л. 44—47.

⁴ N. V. D e a r l e. An Economic Chronicle of the Great War for Great Britain and Ireland, 1914—1919. London, 1929, p. 129.

⁵ ЦГАОР, ф. 579, оп. 1, кн. 2, д. 1489, л. 2.

поставок русских товаров средствами грубого давления. Читатель помнит, что царское правительство обязалось поставить Англии и Франции в 1917 г. 50 млн. пудов пшеницы. 11 марта Бальфур предложил Бьюкенену срочно выяснить, будет ли это обещание выполнено преемниками царизма. «Может быть, было бы хорошо указать,— инструктировал министр,— что всякое изменение этой политики, неблагоприятное для союзников, неминуемо отразилось бы на экспорте военного снаряжения в Россию»¹. Соответствующий демарш был предпринят. Агент Министерства торговли и промышленности в Англии А. С. Остроградский предупреждал, что отказ будет равносильен потере Россией 700 тыс. т тоннажа, в результате чего для русской «транспортной программы получится непоправимый удар»². Вскоре министр земледелия Временного правительства кадет А. И. Шингарев ответил Милюкову для передачи союзным послам, что, хотя задержка в отправке хлебных грузов вызывается главным образом недостаточной обеспеченностью фронта, тем не менее «будут приняты все меры к обеспечению интересов союзников в области снабжения их зерновыми продуктами»³. Временное правительство готово было удовлетворить настояния более сильных партнеров даже в ущерб фронту.

Ущемление интересов русского империализма. Англия воспользовалась ослаблением восточного союзника для наступления на его империалистические интересы. В марте-апреле она углубила подкоп под соглашение о переходе к России Черноморских проливов. Английские политики руководствовались как мотивами старого соперничества с Россией, так и конъюнктурными соображениями — возможностью отколоть от Центральных держав Турцию и Болгарию и подкрепить пропагандистский тезис, что Антанта ведет войну не ради захватов. Предлогом для пересмотра соглашения послужила внутренняя борьба в России по вопросам внешней политики. Керенский выступил за интернационализацию проливов в беседе с корреспондентом «Дейли Кроникл» 6 марта, и это дало повод

¹ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 117.

² ЦГИА, ф. 23, оп. 1, д. 434, л. 21 об.

³ А. Е. Иоффе. Русско-французские отношения в 1917 г. М., 1958, стр. 287.

газетным толкам, что новый русский министр иностранных дел сократил притязания России к Турции¹. Когда же Временное правительство выступило с декларацией о целях войны, кабинет Ллойд Джорджа и английская печать поспешили усмотреть здесь отказ России от своих прав по соглашению 1915 г. Об этом сообщал из Лондона Набоков². То же впечатление вынесли из бесед с союзными военными представителями работники Ставки³. Никакие опровержения милюковского ведомства не помогали. В Петрограде Бьюкенен убеждал Терещенко, что раз России не нужен Константинополь, то чем скорее она об этом заявит, тем лучше⁴. А в апрельских переговорах Англии с Францией и Италией, а затем с США, о которых речь пойдет ниже, эта часть интересов русского империализма сбрасывалась со счетов.

В Персии и Китае милюковская дипломатия, отказавшись от сближения с демократическими силами, утратила всякую инициативу, что позволило англичанам добиться некоторых успехов. В середине марта персидское правительство официально признало за миссией английского генерала Сайкса право возглавить реорганизацию местной жандармерии. Англия энергично «осваивала» «нейтральную зону» Персии: руководимые англичанами жандармские части приняли под охрану пересекающую ее дорогу Керман — Иезд; велись подготовительные работы к строительству двух новых дорог, из которых одна должна была пройти по границе нейтральной зоны, а другая войти в ее пределы⁵. В марте же Англия сделала новый шаг к подчинению Тибета, предъявив китайскому правительству 12 требований по тибетскому вопросу⁶. О каких-либо компенсациях для русского империализма не было и речи.

Вопреки видам Временного правительства Англия трактовала его двусмысленное обращение к полякам от 17 марта как полное отделение Польши от России⁷. В между-

¹ «Константинополь и проливы», т. 1, № CCCXV.

² Там же, № CCCXXIV.

³ ЦГАВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 250, л. 53.

⁴ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 227.

⁵ «The Times», 28. V 1917; АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 52, л. 173.

⁶ В. П. Леонтьев. Иностранная экспансия в Тибете в 1888—1919 гг. М., 1956, стр. 180—181.

⁷ АВПР, ф. Секретный архив, д. 655/677, л. 6—9.

союзнических отношениях Временное правительство все более оттеснялось на задний план. Еще при царизме сложилась практика сепаратных совещаний Англии и Франции, вслед за чем Россия получала совместные предложения западных партнеров. Теперь эта тенденция получила дальнейшее развитие. Англия, Франция и Италия, а по вступлении в войну и США, совещались без России по вопросам, прямо ее касавшимся. И не просто совещались, но принимали важнейшие решения. Протесты Милюкова оставались без последствий. В тех случаях, когда русские представители все же попадали на союзнические конференции, как, например, на апрельское совещание по греческим делам в Париже, их голос не имел заметного веса.

6 апреля в маленькой горной деревушке Сен-Жане (Савойя) встретились главы правительств Англии, Франции и Италии. Они обсудили вопросы об австрийских мирных предложениях России, итальянских притязаниях в Малой Азии, а также политику Антанты в Греции. Хотя Россия была заинтересована во всех этих делах, Временному правительству даже не сообщили о предстоящей встрече.

Важнейшей целью совещания Ллойд Джорджа, Рибо и Бозелли было, по свидетельству английского главнокомандующего во Франции Д. Хейга, «не позволить России заключить сепаратный мир с Австрией»¹, который мог стать шагом к полному выходу восточного союзника из войны. Дело в том, что в ответ на декларацию Временного правительства о целях войны австрийский министр иностранных дел Чернин заявил о желании его страны вступить в мирные переговоры с Россией. Идея была подхвачена официальными газетами Австро-Венгрии и Германии, указывавшими на отсутствие серьезных расхождений между декларацией Временного правительства и заявлениями государственных деятелей Центральных держав. Затем поползли настойчивые слухи о переговорах России с противником.

Три премьера, естественно, отнеслись к перспективе сепаратного австро-русского мира резко отрицательно².

¹ D. Haig. The Private Papers of Douglas Haig. London, 1952, p. 218.

² «Раздел Азиатской Турции», № CCLXXXVII.

Трудней оказалось наметить общую программу предохранительных мер. Одним из выходов мог послужить мир между Австрией и Антантой в целом (Англия и Франция втайне от других союзников вели переговоры с Веной уже не первый месяц). Но осуществлению этого проекта помешали франко-австрийские противоречия и в особенности непримиримая позиция Италии¹. Ллойд Джордж, Рибо и Бозелли, по-видимому, сумели договориться о другом — добиваться от Временного правительства новых обязательств не заключать сепаратного мира, пригрозив, если потребуется, японской интервенцией. Во всяком случае такой осведомленный человек, как управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков, говорил позднее генералу Куропаткину, что «в случае дальнейшей разрухи и попыток заключить сепаратный мир, у наших союзников состоялось соглашение с Японией и, кажется, с Китаем напасть на нас в Азии»².

Слухи об этом проникли также в русскую периодическую печать³.

Постановление конференции трех премьеров по малоазиатскому вопросу больно ущемляло интересы русского империализма. Италия добилась удовлетворения своих основных притязаний, сформулированных еще в январе, что значительно обесценивало для России соглашение 1915 г. о проливах. Правда, формально договоренность в Сен-Жане нуждалась в согласии России. Но западные союзники собирались выбрать такой момент для запроса России, когда Временное правительство не сможет им отказать⁴.

Принятое решение свидетельствовало, что Англия и Франция в тот момент больше считались с Италией, чем с Россией. Как признал позднее Ллойд Джордж, крушение военной мощи России и Румынии создало тяжелую обстановку, вследствие чего он решил, что «нельзя ссориться с Италией и надо немедленно принимать меры

¹ Д. Л л о й д Д ж о р д ж. Военные мемуары, т. 4, стр. 179, 182; Д. Л л о й д Д ж о р д ж. Правда о мирных договорах, т. 2. М., 1957, стр. 22.

² «Красный архив», 1927, т. 1 (20), стр. 67.

³ «Речь», 29. IV 1917; «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 140—141.

⁴ «Раздел Азиатской Турции», № ССХСIII.

к урегулированию всяких разногласий, которые могут возникнуть между западными союзниками»¹.

Если в малоазиатском вопросе союзники еще оглядывались на Россию, то в греческой политике они вообще не сочли нужным на нее оглядываться, несмотря на то, что Россия была одной из «держав-покровительниц» Греции. Решением трех западных держав за Францией была признана свобода действий в Греции вплоть до низложения короля Константина. Этим фактически предreshался вопрос о приходе к власти нежелательных русскому империализму венизелитов. Интересно, что Англия добилась от французского партнера заверения, что командующий союзными войсками на Балканском полуострове Сарраиль не предпримет никаких действий в Греции без ее согласия², а дать подобное же обещание России никто и не подумал.

Когда Временное правительство узнало о совещании в Сен-Жане, Милюков пытался протестовать, но ничего не добился, кроме лицемерных сожалений с надуманной ссылкой на условия пространства и времени, якобы не позволившие пригласить представителя России. Союзники даже не сочли нужным дать какие-либо обещания на будущее. А практика показывала, что они намерены придерживаться той же линии и впредь.

Сразу после встречи в Сен-Жане начались важные переговоры сначала между США и Англией, а чуть позднее — США и Францией в Вашингтоне, куда прибыли английская и французская делегации во главе с высокопоставленными лицами. Россия не только не получила приглашения участвовать в переговорах наравне с этими державами, но даже не узнала заблаговременно о предстоявшей посылке миссий Бальфура и Вивиани. На недоуменный запрос Милюкова английские дипломаты ответили, что секретность нужна была для безопасного прибытия миссии Бальфура в США. Если бы в их словах не сквозило явного лицемерия, трудно было бы придумать более оскорбительный ответ. Форин Оффис уверяло также, что в Вашингтоне не обсуждаются политические

¹ Д. Ллойд Джордж. Правда о мирных договорах, т. 2, стр. 22.

² АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 1726, л. 46.

проблемы и, следовательно, интересы России не могут пострадать¹. В действительности переговоры между английскими и американскими государственными деятелями касались самого широкого круга экономических, военных и политических дел—от финансовой помощи США Антанте до послевоенного раздела мира. При этом Бальфур и его собеседники бесцеремонно манипулировали интересами России и других более слабых союзников.

Англия стремилась на вашингтонских переговорах сохранить за собой роль главного казначея Антанты и посредника в кредитовании Соединенными Штатами России. Ради этого секретарь английского Казначейства Х. Ливер находился в США еще с февраля 1917 г. Прямо реализовать свой замысел Англии не удалось, отчасти вследствие энергичных возражений России, а главным образом потому, что США не желали упустить выгод от непосредственного финансирования других стран. Но Бальфур и его коллеги по миссии сумели обеспечить за своей страной львиную долю американских кредитов, что позволило Англии в 1917 г. кредитовать более слабых членов Антанты частично из американских средств². Англия могла оказывать влияние на получение Россией американских займов и в Лондонской межсоюзнической комиссии, через которую должны были проходить теперь все заказы стран Антанты в США.

В связи с неудачей английского плана стать прямым посредником между США и Россией, Великобритания отказалась финансировать русские заказы в Америке, уже помещенные в счет английского кредита. США сначала согласились принять платежи по старым заказам на себя, но затем изменили свое намерение³. Сложилось неопределенное положение, от которого несли ущерб Россия.

Договоренность о помощи Америки союзникам военным флотом игнорировала заявку России, которая в дни англо-американских дискуссий специально обращалась с просьбой выделить корабли для охраны морского пути на Мурманск и Архангельск. Русское ходатайство передали в Лондон на совместное рассмотрение британским

¹ «Раздел Азиатской Турции», № ССХСVIII.

² Г. Ф и с к. Междусоюзнические долги. Перев. с англ. М., 1925, стр. 128 и 155.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 63, л. 25, 35, 62.

Адмиралтейством и американским адмиралом Симсом и там похоронили¹. Для транспортировки в Россию военных грузов удалось получить в США до 4 мая только 2 парохода на один рейс каждый².

Дискуссии Бальфура с американскими лидерами не могли не затронуть коренного вопроса — о целях войны. Наиболее обстоятельное и «деловое» обсуждение проблем будущего мира состоялось при встрече Бальфура с советником и доверенным лицом президента Э. Хаузом 15 апреля. Полтора часа провели Бальфур и Хауз над картой (здесь были обозначены предполагаемые приобретения стран Антанты), намечая основы англо-американского компромисса за счет других стран. Едва ли не с наибольшей легкостью приносились в жертву интересы ослабевшего русского империализма.

Два политика легко договорились сделать самостоятельную Польшу барьером на пути России в Европу. Разногласия остались только в вопросе, дать ли Польше выход к морю или сохранить русско-германскую границу. Бальфур стоял за последнее решение, имея в виду в будущем использовать Германию против России. Спустившись по карте к югу, Бальфур и Хауз договорились, что Бессарабия должна будет перейти от России к Румынии. «Затем мы перешли к Константинополю, — рассказывает Хауз. — Мы согласились, что его нужно интернационализировать». Соглашение о разделе Азиатской Турции Хауз отверг, как не учитывающее интересов США³. За спиной русского империализма, прилагавшего все силы к продолжению войны, Англия и США договаривались лишить его не только плодов победы, но и части собственной территории. Так низко пали акции Временного правительства!

В апреле Англия и США приступили к разделу России на «сферы помощи». Было намечено, что США возьмут на себя опеку над Владивостоком и Сибирской железной дорогой, а Англия — над Архангельском. Около 7 апреля Бьюкенен передал соответствующее предложение русским

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 63, л. 19; ф. Посольство в Лондоне, д. 1677, л. 253.

² Там же, л. 64—65.

³ Э. Хауз. Архив полковника Хауза, т. 3. Подготовлено к печати Ч. Сеймуром. Перев. с англ. М., 1939, стр. 34—37.

министрам¹. Англо-американский проект выглядел столь откровенно экспансионистским, что Временное правительство в тот момент не пожелало или не решилось принять его². Впрочем, сами русские министры считали, что без англо-американской помощи движения по дорогам, перекачивающим заграничные грузы, не наладить. Так что их оппозиция касалась лишь формы предложенного «содействия». Тем временем англичане обратились со своим предложением к русской Ставке. Генералы в основном согласились с британским проектом с той поправкой, что главным руководителем движения по Сибирской магистрали должен остаться русский чиновник. В этом смысле Ставка со своей стороны апеллировала к Временному правительству³.

Не дожидаясь согласия русских властей, англичане начали вести себя в «своей» сфере как хозяева. Английское посольство выступало с жалобами на действия Архангельского Совета матросских, солдатских и рабочих депутатов, которые, якобы, дезорганизовали работу порта⁴. В русские северные воды прибыли новые суда королевского флота, отнюдь не предназначенные для борьбы с вражескими подводными лодками — крейсер «Интрепид» и две субмарины⁵. После этого в нарушение прежней договоренности английские корабли здесь перестали подчиняться русскому морскому командованию. На недоуменный запрос начальника Мурманского района Н. Рощаковского, отменена ли старая конвенция, начальник морского генштаба Капнист отвечал, что конвенция не отменялась, а «фактически нарушена самовольным поступком Кемпа (командующий английской эскадрой. — А. И.)», с чем «однако приходится считаться как с совершившимся фактом», ибо «хозяева положения в настоящий момент Англичане, а не мы»⁶. К этому признанию трудно что-нибудь добавить.

Рост влияния русской революции. Если роль русского империализма и престиж Временного правительства пали,

¹ «Papers ... Russia. 1918», v. 1. Washington, 1931, p. 27—28.

² Ibid., v. III, p. 6—7.

³ ЦГИА, ф. 1525, оп. 1, д. 1074, л. 1—3.

⁴ АВПР, ф. Секретный архив, д. 652/674, л. 19.

⁵ ЦГАВМФ, ф. 378, оп. 1, д. 1, л. 50.

⁶ Там же, ф. 418, оп. 1, д. 4627, л. 58—59 и 71.

то авторитет революционной России в глазах рабочего класса других стран после Манифеста Петроградского Совета и выступления Всероссийского совещания Советов за демократический мир поднялся еще выше. Идеи и лозунги этих документов получили широкий отклик в Англии. Разглядеть же ограниченность внешнеполитической программы мелкобуржуазных партий России, расхождения между словом и делом их лидеров на первых порах оказалось нелегко.

В Англии ширилась кампания митингов, посвященных русской революции. Многочисленные рабочие собрания принимали решения, в которых разделяли идеи Манифеста Петроградского Совета, требовали от правительства обнародовать цели войны и призывали пролетариат Англии последовать примеру русских братьев. Ллойд Джордж вспоминает: «Революционный лозунг «без аннексий и контрибуций...» нашел отклик и в нашей стране. У нас чувство это нашло свое выражение во все увеличивающемся количестве демонстраций в пользу мира, которые... устраивались во всех частях страны; в этих демонстрациях принимали участие полные решимости и энтузиазма массы»¹. Грандиозный митинг рабочих Глазго 30 апреля восторженно принял резолюцию о создании в Англии Рабочего и Солдатского Совета². Это была первая ласточка развернувшегося позднее советского движения.

Большую работу по пропаганде идей Февральской революции развернула левая БСП, которая выступала организатором многих митингов и лекций о русских событиях. 6-ая ежегодная конференция партии, состоявшаяся во второй половине марта, приняла приветствие русской революции. В этом документе давалась оценка переворота в России, разоблачались попытки британских шовинистов исказить его смысл и истолковать в ложном свете отношении к войне английского рабочего класса. Конференция обязалась от имени партии «действовать в духе Русской революции, стремясь пробудить в английском рабочем классе сознание того, что в нашей стране растут деспотизм и милитаризм, и удвоив энергию в агитации за воссоздание Интернацио-

¹ Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 4, стр. 200.

² «The Call», 17. V 1917.

нала и за быстрое окончание войны на условиях, исключаящих аннексии и унижение какой-либо страны»¹.

Центральный орган партии «Колл» уделял большое место освещению русских событий. Наиболее проницательные британские социалисты постепенно начинали критически подходить к оппортунистической практике меньшевиков и эсеров. Так, в номере от 12 апреля была помещена статья Дж. Бриана «Оборона русской республики». Автор правильно указывал, что лозунг обороны против прусско-германского кайзеризма фальшив и служит лишь предлогом для вульгарного патриотизма. Опасность русской республике, указывал он, «исходит от собственных империалистов и собственных союзников»². 3 мая со статьей в «The Call» выступил Т. Квелч, развивавший мысль, что путь к миру всех воюющих стран, включая Россию, лежит через назревающую в Европе социалистическую революцию. В том же номере от 3 мая Х. Брейлсфорд вскрывал несостоятельность заявления Керенского, что русская буржуазия под давлением демократии якобы отказалась от своих империалистических устремлений³.

Русская революция оказывала влияние на английский пролетариат не только издалека. Маленькими коллективами организованных в Совет социалистов-политэмигрантов Лондона и команд ремонтировавшихся в британских портах русских кораблей она пришла в саму Англию. Русские социалисты выступали на митингах, помещали статьи в британской социалистической и рабочей печати, боролись за скорейшее возвращение политэмигрантов в Россию. Команды крейсеров «Аскольд», «Варяг» и других кораблей избрали судовые комитеты, добились того, чтобы списать на берег наиболее ненавистных офицеров-приверженцев старого режима⁴, устанавливали связи с местными рабочими организациями⁵. Столкновения

¹ «The Call», 12. IV 1917.

² Ibidem.

³ «The Call», 3. V 1917.

⁴ АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 1649, л. 270; ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 5, д. 212, л. 112.

⁵ В Центральном военно-морском музее в Ленинграде хранится металлическая ваза — подарок рабочих и социалистических организаций Глазго русским товарищам с «Аскольда» в память об их пребывании в этом городе в мае 1917 г.

с офицерством на крейсере «Варяг» достигли такой остроты, что морским властям пришлось фактически расформировать его команду под предлогом необходимости комплектования покупаемых в Америке судов¹. Русские социалисты и моряки подавали английским рабочим наглядный пример самоорганизации для борьбы с классовым врагом.

Революция в России подняла боевой дух английского пролетариата, вступившего в еще невиданную за годы войны схватку с предпринимателями. В авангарде борьбы оказались на этот раз рабочие военной промышленности, что было знаменательным явлением. Оно означало, что шовинистическая агитация, призывы к классовому миру ради победы в войне утратили былое влияние. В марте забастовали рабочие оборонной промышленности Тайна. Консервативная «Таймс», касаясь стачечного движения и организованной пропаганды среди рабочих, писала в передовой статье: «Мы нисколько не преувеличим, заявив, что нация угрожающе быстро приближается к катастрофе первостепенного значения»².

17 апреля началась крупнейшая в истории Англии забастовка рабочих военной промышленности, охватившая в разгар борьбы до 250 тыс. человек в 48 городах и носившая по существу политический характер. Активное участие в ее организации принимали один из лидеров БСП Макманус и У. Галлахер. Забастовка машиностроителей продолжалась свыше трех недель и стоила оборонной промышленности потери 1,5 млн. рабочих дней. Она закончилась частичной победой рабочих и привела к усилению влияния шопстюардов. Одновременно с машиностроителями боролись докеры Темзы и работники Лондонского городского транспорта. Правительству и предпринимателям с трудом удалось предотвратить забастовку 300 тыс. текстильщиков³.

С невиданным размахом прошли в Англии первомайские демонстрации и митинги. Особенно внушительны

¹ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 5, д. 274, л. 34.

² «The Times», 3. IV 1917.

³ М. М. Карлинер. Февральская революция в России и английское рабочее движение. «Вопросы истории», 1957, № 3, стр. 127—128; П. В. Гурович. Подъем рабочего движения в Англии в 1918—1921 гг. М., 1956, стр. 34—35.

были выступления рабочих Лондона, Шеффилда и Глазго. В столице Англии состоялись две демонстрации. В северной части города в шествии участвовало от 20 до 30 тыс. человек. Выступление шло под антивоенными лозунгами. Несколько менее многочисленной была демонстрация в южном Лондоне. Ее участники единодушно приняли резолюцию, призывавшую правительство последовать примеру России и объявить себя сторонником мира без аннексий и контрибуций. По мнению «Колл», демонстрация в Лондоне «ясно показала властям, что если они вскоре не закончат войну, рабочие сами, как их товарищи в России, возьмут это дело в свои руки»¹. На улицы Глазго вышло 1 мая 80 тыс. рабочих. Участники происходивших по всей стране пролетарских митингов слали приветствия свободной России, выступали против ненавистной войны и классового перемирия, требовали освобождения социалиста-интернационалиста Дж. Маклина².

Как видим, углубляющееся влияние русской революции проявлялось, помимо выражения солидарности с трудящимися России, в усилении забастовочной и антивоенной борьбы, выдвижении новых лозунгов и требований, стремлении создавать и укреплять боевые рабочие организации³.

Одновременно активизировалось демократическое движение. Союз демократического контроля издал в форме листовки и распространял обращение Петроградского Совета «К народам мира»⁴. Деятели союза — члены Парламента направили письма Петроградскому Совету и Временному правительству, в которых приветствовали их заявления о целях войны и обещали со своей стороны бороться за урегулирование, которое было бы основано на национальных стремлениях и сопровождалось образованием лиги наций для обеспечения мира. Письмо Совету подписали 25 депутатов, а Временному правительству

¹ «The Call», 10. V 1917.

² П. В. Гурович. Указ. соч., стр. 35.

³ Там же, стр. 33—34; М. М. Карлинер. Указ. соч., стр. 125—126, 129—130.

⁴ А. J. Мауер. Political Origins of the New Diplomacy, 1917—1918. New-Haven, 1959, p. 164.

31 депутат Палаты общин, принадлежавшие к либеральной и Независимой рабочей партиям¹. После этого была начата парламентская кампания в пользу принятия Антантой демократической программы мира.

27 апреля депутат-либерал Р. Оуфвейт задал вопрос, сделало ли британское правительство какие-либо шаги для согласования целей войны союзников с формулой «без аннексий и контрибуций», принятой Временным правительством. Заместитель министра иностранных дел Р. Сесиль уклонился от ответа, сославшись на невозможность в форме ответов на вопросы обсуждать условия мира². 3 мая один из лидеров независимцев Ф. Сноуден внес предложение, чтобы Палата Общин приветствовала внешнеполитическую декларацию Временного правительства и призвала английское правительство опубликовать аналогичное заявление и объединиться с союзниками в пересмотре целей войны в соответствии с русской декларацией. В ответ Сесиль заявил, что никто не стремится к завоеваниям, но тут же защищал святость существующих договоров и справедливость возмещения противником ущерба от разрушений и подводной войны. Сесиль поддержал либерал-империалист Дж. Асквит. Предложение Сноудена было отклонено 238 голосами против 32³.

С требованиями формулирования Англией демократической программы мира выступали в печати видные представители интеллигенции, как например, писатель Г. Уэллс⁴. В мае закончилась петиционная кампания в пользу мира путем переговоров. Под врученным Ллойд Джорджу обращением стояло свыше 220 тыс. подписей. Кроме того, к нему присоединились местные организации лейбористской партии, объединявшие 900 тыс. рабочих⁵. Петиция отражала стремление рабочих к миру и в то же время свидетельствовала о существовании в английском

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 6, л. 83—86.

² «Речь», 29. IV 1917.

³ «Parliamentary Debates. House of Commons». 5-th, ser., v. 93, cols. 1625, 1668, 1731—1734 (в дальнейшем — «Parliamentary Debates»).

⁴ АВПР, ф. Отдел печати, д. 347, л. 2.

⁵ G. R. Crosby. Disarmament and Peace in British Politics, Cambridge (Mass.), 1957, p. 55.

пролетариате иллюзий, будто можно заставить правительство империалистов проводить внешнюю политику, отвечающую интересам народа.

В конце апреля в Англии началась подготовка к общенациональной конференции совместно рабочих, социалистических, демократических организаций, сыгравшей столь большую роль в британском пролетарском и демократическом движении 1917 г. Организатором конференции выступали БСП и НРП в лице их Объединенного Социалистического Совета. Целью ее было, как говорилось в решении о созыве, «придать определенную форму симпатиям к Русской Революции, организовать интернационалистское общественное мнение в этой стране и оказать давление на правительство, чтобы привести его политику в отношении войны в соответствии с политикой русской революционной демократии»¹. Британские социалисты и демократы намеревались заимствовать у мелкобуржуазных партий России тактику давления на правительство, которая и в русских революционных условиях была ошибочной, а тем более не могла принести успеха в тогдашней Англии.

Но какими бы слабостями не страдало английское рабочее движение, его широкий и все растущий размах пугал буржуазию Англии, а явственное влияние русского примера еще усиливало ее ненависть к революции в России. В борьбе с этой революцией английские капиталисты выступали единым фронтом с Временным правительством.

ЕДИНЫМ ФРОНТОМ

Неустойчивое равновесие российского двоевластия не могло быть длительным. Вопрос заключался в том, в чьи руки и как скоро перейдет вся полнота власти. Временному правительству сначала приходилось держать курс на *постепенное* укрепление своих позиций. Оно еще не в состоянии было прямо выступить против революции и подавить ее силой. Но в скрытой форме борьба с революцией и подготовка условий для ее разгрома велась и в то время. Эта борьба находила поддержку у империалистов союзных стран, и, в частности, у лидера Антанты — Великобритании. Основными направлениями совместных действий

¹ «The Call», 10. V 1917.

являлись монархические происки, попытки подрыва влияния Советов и преследования русских политэмигрантов-интернационалистов.

Монархические происки, травля Советов и партии большевиков. По английской официозной версии, кабинет Ллойд Джорджа согласился приютить в своей стране бывшего царя и его семейство по просьбе Временного правительства, руководствуясь исключительно соображениями гуманности. Реализация замысла сорвалась по этой версии из-за слабости Временного правительства, не сумевшего преодолеть сопротивления Петроградского Совета, что в конечном итоге привело к «тобольской трагедии»¹.

В действительности план вывоза бывшего самодержца и его семьи на время войны в Англию преследовал, конечно, политические цели. Консервативное и праволиберальное большинство в кабинете Ллойд Джорджа, как и гучковско-милюковское ядро Временного правительства, надеялось в будущем восстановить в России монархию, для чего могли понадобиться если не сам Николай с супругой, то их отпрыски. Удаление семейства Романовых из России в Англию представлялось желательным и в качестве гарантии против возможных попыток черносотенно-помещичьей реставрации², грозившей сепаратным миром России с Германией. Английское правительство хотело также на случай обострения классовой борьбы в России иметь в своих руках пугало против левых сил. Наконец, известную роль играли династические и личные связи Романовых с английским королевским двором.

Правительство Ллойд Джорджа было одним из инициаторов плана вывоза свергнутых Романовых в Англию и активно боролось за его осуществление. Вопрос о выдворении Романовых обсуждался на первом же заседании Временного правительства 2 марта. Министры решили предоставить бывшему царю и его неудавшемуся преемнику Михаилу с семьями право выбора — уехать за границу

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 218—219; Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 3, стр. 388—395.

² На эту сторону дела указывал Набокову один из руководителей Форин Оффис Ч. Гардинг (АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 5, л. 87).

или остаться в России с ограничением района местопребывания и права свободного передвижения¹. Получив такое предложение, Николай 3 или 4 марта принял решение уехать за границу и затребовал у Временного правительства гарантий беспрепятственного выезда через Романов на Мурмане. Местом пребывания на время войны Николай, по совету британского военного представителя при Ставке Хэнбери-Вильямса, избрал Англию. Поэтому положительный ответ Временного правительства был сообщен, кроме царя, только Вильямсу². А 6 марта Вильямс в беседе с бывшей императрицей Марией Федоровной сообщил ей, что «уже телеграфировал своему правительству относительно возможных планов государя отправиться в Англию»³. Как раз 6 марта, т. е. не раньше, если не позже Вильямса, Временное правительство обратилось с официальной просьбой к Англии о предоставлении убежища Николаю с семьей.

Всего три дня спустя из Лондона пришел положительный ответ. Еще раньше в Англии была начата кампания по подготовке общественного мнения к прибытию Николая Кровавого. Правая печать лицемерно хвалила бывшего царя за верность союзникам (!) и «бескорыстный патриотизм» (!!), выразившийся в «добровольном» отречении, которое предотвратило гражданскую войну в России. В правительственном заявлении Палате Общин 9 марта канцлер Казначейства Бонар Лоу выразил сочувствие свергнутому царю, как верному союзнику Англии в течение последних трех лет⁴.

Николай Романов уже начал складывать вещи, когда Петроградский Совет под давлением возмущенных масс заставил Временное правительство на словах отменить его отъезд. Союзникам России по секрету сообщили, что речь идет лишь об отсрочке осуществления плана. Тогда Форин Оффис стало торопить русские власти. Английское посольство передало Милюкову памятную

¹ В. Н. Сторожев. Февральская революция 1917 года. «Научные известия Академического центра Наркомпроса», сб. 1. М., 1922, стр. 143—144.

² «Красный архив», 1927, т. 3 (22), стр. 53—55.

³ Там же, 1926, т. 3 (16), стр. 49.

⁴ S. R. G r a u b a r d. British Labour and the Russian Revolution, 1917—1924. Cambridge, 1956, p. 18—20.

записку, в которой подчеркивало чрезвычайную важность, придаваемую королевским правительством абсолютно безопасной отправке в Англию в кратчайший срок бывшего императора и всех членов его семьи¹. Дошло до того, что 21 марта Керенский просил Бьюкене-на не оказывать давления на Временное правительство в смысле ускорения решения, к которому оно само стремится².

Неделей позже кабинету Ллойд Джорджа действительно пришлось отказаться от будирования отъезда Романовых, но не столько из внимания к трудностям Временного правительства, сколько вследствие сопротивления в своей стране. «В Англии, — признает Ллойд Джордж, — также началась агитация, указывавшая на существование в широких массах трудящихся значительного недовольства самой перспективой появления царя в Великобритании». Повлияла и позиция Франции, опасавшейся недовольства мелкобуржуазных партий России, без поддержки которых не удастся двинуть русскую армию в наступление³. 28 марта Бьюкене-н получил телеграмму из Лондона, в которой говорилось о тревожной обстановке в Англии и возможности стачек на верфях и военных заводах. Поэтому было бы разумнее на время прекратить всякие приготовления к переезду Романовых в Англию, так что не следует более настаивать⁴. 13 апреля Р. Сесиль в Палате Общин отрицал сам факт приглашения бывшего царя в Англию⁵.

Временный отказ от реализации плана не означал прекращения монархических интриг. Бьюкене-н, особенно в первое время после революции, поддерживал связи с некоторыми представителями свергнутой династии и способствовал переписке между Романовыми и английским королевским домом. В апреле через Бьюкене-на обсуждался вопрос об отъезде в Англию великого князя Михаила⁶. В Лондоне вокруг живших там еще с дореволюци-

¹ АВПР, ф. Секретный архив, д. 662/693, л. 40.

² Д. Л л о й д Д ж о р д ж. Военные мемуары, т. 3, стр. 391—392.

³ Там же, стр. 393.

⁴ R. W a r t h. The Allies and the Russian Revolution, p. 36.

⁵ «Речь», 15. IV 1917.

⁶ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 131.

онного времени Романовых сложился один из заграничных центров монархической контрреволюции¹.

Английская консервативная печать, особенно газеты Нортклиффа «Таймс» и «Дейли Мейл» продолжали во второй половине марта и в апреле кампанию нападок на Петроградский Совет, квалифицируя его как «самозванное собрание», незаконно пытающееся контролировать правительство. Чрезвычайное раздражение британских империалистов вызывала агитация Совета в армии, а также намерение его учредить Отдел международных сношений. В посягательстве Совета на «святая святых» капиталистического мира — область внешней политики — английские консерваторы усмотрели ни много ни мало, как желание «свергнуть Временное правительство и привести к поражению русской армии и к бесчестному миру»².

Стремясь подорвать авторитет русских Советов в глазах английских трудящихся, «Таймс» уверяла читателей, что там «заправляют экстремистские элементы, которые, совершив убийства и насилия, боятся возмездия»³. Консервативные газеты не брезговали в тех же целях и типично черносотенными приемами разжигания недоверия и вражды к евреям и другим нерусским народам, якобы верховолящим в Советах.

Кампания нападок на Советы в британской печати смыкалась с борьбой против них, которую вели капиталисты и помещики России. Понятно, что Временное правительство ничего не делало для прекращения этой газетной атаки на «революционную демократию». Мелкобуржуазные партии не придумали лучшего выхода, чем создать специальный отдел Петроградского Совета с целью объективной информации заграницы о событиях в России и деятельности Советов. Как будто причиной клеветы на Советы в иностранной буржуазной прессе являлась плохая осведомленность!

Первое время консервативные газеты, атакуя Советы, почти не выделяли большевиков из числа других «экстремистов». Положение начало меняться в апреле, когда

¹ «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», № 5, № 62, стр. 211.

² «The Times», 11. IV 1917.

³ «The Times», 7. IV 1917.

в связи с возвращением В. И. Ленина и группы большевиков через территорию Германии была сделана попытка дискредитировать партию пролетариата. Газетная кампания на этот раз прямо инспирировалась правительственными кругами Англии, Франции и России. 3 апреля, в день приезда В. И. Ленина в Петроград Бьюкенен передал Милюкову памятную записку, где подчеркивалась опасность появления Ленина в России для Временного правительства и его союзников, в частности Англии, к которой Ленин якобы питает особую враждебность. Записка содержала материал для клеветнической агитации против вождя большевиков. В ней утверждалось, будто бы «германское правительство предоставило ему (В. И. Ленину. — А. И.) и его партии особые льготы во время их путешествия через Германию», а Ленин в свою очередь предложил созвать съезд социалистов Англии, Франции, России и Германии для мирных переговоров, причем в случае отказа западных союзников обещал, что Россия заключит сепаратный мир ¹.

Эти заведомо лживые сведения, наряду со столь же «достоверной» информацией, переданной французским послом, и сообщением посланника в Стокгольме Неклюдова, легли в основу появившейся в русских буржуазных газетах клеветы на Ленина ². Сходное сообщение опубликовали правые английские газеты ³. С этого времени версия о мнимых связях большевиков с германским правительством прочно утвердилась на страницах консервативной печати.

Ненависть английских империалистов к В. И. Ленину, большевикам объяснялась позицией, занятой партией пролетариата в вопросах войны, мира и перспектив развития России. Большевики продолжали бороться за прекращение империалистической бойни и демократический мир.

¹ «Красный архив», 1927, т. 1 (20), стр. 11.

² Соучастие Временного правительства и его союзников в этом грязном деле доказывает резолюция товарища министра иностранных дел А. Нератова на записке французского посла о приезде Ленина, сложенной вместе с телеграммой Неклюдова и памятной запиской Бьюкенена: «Все сведения из 3 источников нужно поместить в газетах завтра же, не указывая источников, и подчеркнуть благожелательность германского правительства к Ленину и пр. 3 апреля» («Красный архив», 1927, т. 1 (20), стр. 12).

³ «The Times», 20. IV 1917.

Они выступили против какой-либо поддержки буржуазного правительства. Выдающуюся роль в выработке последовательно революционной линии партии сыграли работы В. И. Ленина и прежде всего знаменитые «Апрельские тезисы», представлявшие теоретическое обоснование и конкретный план перехода к социалистической революции. В тезисах углублялась и развивалась, в частности, программа борьбы за демократический мир. На смену старым лозунгам поражения своего правительства и превращения империалистической войны в гражданскую для России выдвигался лозунг передачи всей власти Советам путем разъяснительной и организационной работы в массах. В качестве важнейшей задачи ставилась поддержка братания солдат всех воюющих стран на фронтах, превращение его в возможно более сознательное и организованное движение за переход власти в руки революционного пролетариата. Наконец, было поднято знамя основания организации революционных марксистских партий — Третьего Интернационала¹. Неудивительно, что русская и международная буржуазия увидела в большевиках своих злейших врагов.

Преследования эмигрантов-интернационалистов. Реакционное сотрудничество Временного правительства и кабинета Ллойд Джорджа нашло яркое выражение и в их политике в отношении русских эмигрантов. Чтобы оценить значение этого вопроса для судеб политической борьбы в России 1917 г., нужно вспомнить, что к моменту февральских событий за границей скрывались от преследований царизма тысячи русских революционеров. Среди них находились вождь партии большевиков В. И. Ленин и многие видные коммунисты, как например А. М. Коллонтай, М. М. Литвинов, А. В. Луначарский. В эмиграции пребывало также немало лидеров мелкобуржуазных партий — Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, В. М. Чернов, Б. В. Савинков, П. А. Кропоткин и пр.

Вместе с крушением царизма, казалось, были устранены главные препятствия для возвращения домой. И можно себе представить, как рвались в Россию изголодавшиеся по родине люди, стремясь окунуться в самую гущу

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 113—118, 406.

русской политической жизни. Однако военное время чрезвычайно затрудняло задачу возвращения. Она выглядела практически неразрешимой без содействия или согласия Временного правительства и властей союзных стран.

В ряду последних особенно важна была позиция английского кабинета. Англия в силу географических условий оказалась естественным перевалочным пунктом при проезде в Россию эмигрантов из большинства западноевропейских государств, а в значительной мере и из стран Западного полушария. Именно в руках Англии находился необходимый для перевозки эмигрантов морской транспорт. Наконец, там до революции нашла убежище значительная часть русских изгнанников.

Политика и Англии и Временного правительства в эмигрантских делах состояла в том, чтобы содействовать возвращению в Россию заведомых шовинистов и всячески задерживать и преследовать интернационалистски настроенных лиц. При этом были беззастенчиво унаследованы основные приемы и методы, применявшиеся в борьбе с эмигрантами при царском правительстве¹.

Эмигранты, желавшие вернуться из Англии в Россию, должны были пройти через двойной контроль — русского посольства и английских властей. Посольство выдавало или визировало паспорта и оказывало денежную помощь. Английские власти разрешали выезд и предоставляли места на пароходах. Решая вопрос о том или ином эмигранте, посольство и английские власти руководствовались контрольными списками нежелательных лиц, составленными странами Антанты еще при царском правительстве. Разумеется, что все интернационалисты значились в числе нежелательных. Исключения из общего порядка делались всякий раз по специальному ходатайству Временного правительства или кабинета Ллойд Джорджа и, естественно, касались лишь «оборонцев».

По мысли Милюкова, посольство должно было также устанавливать очередность отъезда прошедших англо-русский контроль лиц. Но эту часть замысла не удалось полностью осуществить в результате сопротивления эми-

¹ Исключением была, пожалуй, лишь ликвидация такого одиозного учреждения, как заграничная охранка при русских посольствах.

грантов, сплоченных, как помнит читатель, в организацию — Комитет делегатов русских социалистических групп в Лондоне. Они создали в апреле свою комиссию по делам возвращения в Россию. Председателем ее стал меньшевик-интернационалист (член КПСС с февраля 1921 г.) И. М. Майский, секретарем Г. В. Чичерин, а одним из активнейших членов М. М. Литвинов¹. Эта комиссия сама устанавливала и отстаивала перед посольством очередность отъезда эмигрантов, хлопотала об оказании им денежной помощи и т. п. Активное вмешательство эмигрантов само по себе не могло сорвать дискриминационной политики Временного правительства и его британского союзника², но способствовало ее разоблачению. Скоро эта политика предстала перед демократическим общественным мнением России и Англии в своем откровенно империалистическом облици.

В Россию с благословения Лондона потянулись «патриоты» всех мастей. Личное внимание этому вопросу уделял глава английского правительства. Набоков вспоминает, что однажды секретарь премьера доставил ему список из 16 человек и просил устроить их скорейший отъезд в Россию, заверив, что Ллойд Джордж, со своей стороны, примет все необходимые меры. В списке значились такие небезызвестные «оборонцы», как Н. Д. Авксентьев, Л. Г. Дейч и Б. В. Савинков³. Не отставало и Временное правительство, ходатайствовавшее, например, о быстрой отправке в Россию лидера эсеров В. М. Чернова⁴.

Если ярых оборонцев проталкивали так сказать вне очереди, то путь для интернационалистов был закрыт наглухо. В случае нужды английское правительство, не колеблясь, прибегало к полицейским репрессиям. Так, в конце марта английские власти насильственно сняли

¹ АВГР, ф. Посольство в Лондоне, д. 1677, л. 251; И. М. М а й с к и й. Воспоминания советского посла, кн. 1. Путешествие в прошлое. М., 1964, стр. 424.

² По свидетельству Набокова, «английское правительство зорко следило за деятельностью эмигрантской комиссии, и чем яснее обнаруживалось направление ее усилий в сторону, опасную для России и держав Согласия, тем с большей осторожностью давались разрешения на проезд в Россию» (К. Д. Н а б о к о в. Указ. соч., стр. 88).

³ К. Д. Н а б о к о в. Указ. соч., стр. 82—83.

⁴ АВГР, ф. Посольство в Лондоне, д. 1677, л. 217.

с норвежского корабля в порту Галифакс и заключили в лагерь для немецких военнопленных 6 русских интернационалистов¹.

Настойчивым преследованиям Форин Оффис и Временного правительства подверглись В. И. Ленин и группа большевиков, которые приняли смелое решение прорваться из Швейцарии в Россию, минуя заслоны, воздвигнутые Антантой. Замысел большевиков состоял в том, чтобы использовать вражду среди империалистов и вернуться на родину через территорию Германии.

Форин Оффис попыталось сорвать план большевиков двумя путями: давлением на швейцарское правительство, чтобы не допустить его посредничества в переговорах между русскими социалистами и Германией, и соответствующим осведомлением Временного правительства. 23 марта Бальфур сообщил в Петроград о подготовительных шагах к проезду русских интернационалистов через Германию. «Вышеуказанным способом, — клеветал глава Форин Оффис, — германское правительство надеется ввезти в Россию шпионов и агентов-провокаторов...»² Англия рассчитывала, что если большевикам и удастся пересечь Германию и Скандинавию, Временное правительство не пустит их в Россию. Но она переоценила возможности союзника.

Как рассказывает Керенский, на специальном заседании Временного правительства по вопросу о возвращении эмигрантов через Германию Львов и Гучков признали, что власти не располагают техническими средствами помешать приезду этой группы. Пропуск эмигрантов независимо от их политических убеждений, — поясняет Керенский, — был в то время волей всей страны³.

Между тем Форин Оффис сообщило в Петроград об отъезде группы В. И. Ленина из Цюриха для следования через Германию⁴. Тогда Временное правительство заду-

¹ С согласия Временного правительства они содержались в заключении до 8 апреля, когда русские власти вынуждены были под нажимом негодующих рабочих и солдат России просить об освобождении задержанных и разрешении им следовать на родину («Красный архив», 1927, т. 1 (20), стр. 9 и т. 5 (24), стр. 132—133, Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 228—229).

² «Красный архив», 1927, т. 1 (20), стр. 8—9.

³ А. Ф. Керенский. The Catastrophe, p. 235.

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, «Война», 1917 г., д. 205, л. 61.

мало остановить ее руками Петроградского Совета, соглашательское большинство которого занимало в этом вопросе колеблющуюся позицию. Если бы Петроградский Совет выступил против проезда через территорию противника, то, как рассчитывал Милюков, достаточно было бы опубликовать сообщение, что такие-то лица следуют через Германию, чтобы вызвать взрыв негодования оборончески настроенных масс, в результате которого эмигранты либо не решатся пересечь границу России, либо станут жертвой самосуда. Этот план сообщили Бьюкенену ¹.

Замысел Временного правительства был сорван благодаря дальновидности, решительности и энергии В. И. Ленина и его товарищей. Раньше, чем Исполком Петроградского Совета через контактную комиссию заключил очередной компромисс с Временным правительством, направленный против возвращения эмигрантов через Германию, большевики и присоединившиеся к ним представители некоторых других групп прибыли из Швейцарии в Россию.

Между тем, сообщения о преследованиях эмигрантов-интернационалистов вызвали в России волну митингов протеста ². Исполком Петроградского Совета через контактную комиссию просил Временное правительство договориться с Англией и Францией о прекращении дискриминации в эмигрантском вопросе. 5 апреля Милюков инструктировал русских представителей в Лондоне и Париже «по соображениям внутренней политики, не проводить различия между политическими эмигрантами пацифистами и непацифистами» и сообщить это пожелание союзникам ³. Бьюкенен со своей стороны доносил, что недовольство преследованиями эмигрантов со стороны Англии приняло в России очень серьезный оборот ⁴. Но понадобился проезд через территорию Германии еще одной большой группы эмигрантов, прежде чем английское правительство согласилось с просьбой союзника. Оно обещало

¹ «Красный архив», 1927, т. I (20), стр. 9.

² «Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий», т. I, стр. 439, 447, 552; «Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис. Документы и материалы». М., 1958, № 324, 628, 808, 902.

³ «Красный архив», 1927, т. I (20), стр. 9.

⁴ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 228.

не отказывать в удовлетворении просьб эмигрантов о пропуске в Россию «за исключением крайних случаев»¹. Возвращение В. И. Ленина и других большевиков и протест рабочих и солдат России способствовали прорыву защитного кордона, установленного империалистами Антанты на пути эмигрантов-интернационалистов.

Неспособность Временного правительства предотвратить проезд и деятельность В. И. Ленина нанесла еще один удар по престижу гучковско-милюковской власти в глазах союзников. Это также заставило Англию вернуться к задуманному еще при царизме радикальному способу расправиться с эмигрантами: заключить с Россией соглашение, по которому русские военнообязанные, находящиеся в Англии, могли бы быть призваны в английскую армию. 7 апреля Набоков в телеграмме указал на желательность довести начатые еще до революции переговоры по этому вопросу до конца². А неделю спустя английское правительство через Бьюкенена и Набокова уже заявило о срочной необходимости заключить конвенцию о взаимном обязательстве военнообязанных каждой из сторон вступать в армию союзника в случае невозможности вернуться на родину³. Временное правительство на заседании 19 апреля признало возможным согласиться с настояниями Англии⁴. Вскоре Палата Общин приняла в первом чтении билль, уполномочивавший правительство заключать подобные конвенции с другими странами.

*«Шубная делегация»*⁵. Наряду с прямыми происками против русской революции правительство Англии уже в первые месяцы попыталось применить иной, более «либеральный» метод — с помощью лейбористской верхушки побудить соглашательское большинство Петроградского Совета и руководство мелкобуржуазных партий стать на социал-шовинистские позиции. Английские политики правомерно рассчитывали, что, если с помощью соглаша-

¹ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 145.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 6, л. 78—79.

³ Там же, л. 87.

⁴ Там же, ф. Секретный архив, д. 767/842, л. 28 об.

⁵ Такое наименование лейбористской делегации введено в советскую историческую литературу А. Лозовским (см. его статью «Лейбористская партия и Февральская революция». «Вопросы истории», 1948, № 2).

телей удастся гальванизировать восточный фронт, революции в России будет нанесен тяжелый удар.

1 апреля в Петроград одновременно с французской прибыла английская рабочая делегация¹. Впрочем, рабочей она была скорей по названию. Возглавлял ее секретарь Фабианского общества лейтенант У. Сандерс, который никогда рабочим не был, а два остальных члена — парламентарии Б. Торн и Дж. О'Греди принадлежали к лейбористской и профсоюзной верхушке, так что делегация представляла лишь правое крыло английского пролетарского движения. Идея поездки британских социал-шовинистов в Россию исходила от посла Джорджа Бьюкенена и от лейбористского министра А. Гендерсона. Она была одобрена британским военным кабинетом и Временным правительством². Членов делегации снабдили деньгами на поездку из государственных средств. В провожатые и консультанты по русским делам им был дан ренегат и грязный интриган Г. Алексинский, будущий автор клеветнической антиленинской фальшивки. Левосоциалистическая газета «Колл» с полным основанием характеризовала Сандерса и его спутников как прямых прислужников правительства, едущих в Россию с его благословения для развертывания шовинистической пропаганды³.

За время своего более чем месячного пребывания в России лейбористская делегация развила довольно бурную деятельность. В Петрограде британские социал-шовинисты выступали на Всероссийском совещании Советов и на заседании Петроградского Совета, вели длительные переговоры с Исполкомом Совета, отделом международных сношений и оборонческими лидерами о целях войны, встречались с Временным правительством и отдельными министрами, с думскими деятелями, принимали редакторов ведущих газет, посещали солдатские казармы и даже побывали на Путиловском заводе.

¹ Пребывание в России лейбористской делегации удачно освещено в упомянутой выше статье А. Лозовского. Автор ее не был, однако, знаком с сохранившимися в архивах отчетами Сандерса и его коллег и документами о поездке делегации на фронт, проливающими дополнительный свет на ее деятельность.

² «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 122—123; Д. Л л о й д Дж о р д ж. Военные мемуары, т. 4, стр. 112.

³ «The Call», 12. IV 1917.

Из столицы делегация направилась в Москву, где гастролировала с шовинистическими речами на многочисленных собраниях, начиная от приема, устроенного Московскими Советами, и до студенческого митинга, а также посетила один из военных заводов.

Затем последовала десятидневная агитационная поездка по Западному и Северному фронтам, во время которой английские делегаты явно предпочитали солдатским митингам более спокойные беседы с генералами и встречи с верхушечными армейскими комитетами.

По возвращении в Петроград Сандерс и его спутники продолжали переговоры с лидерами Совета рабочих и солдатских депутатов. Помимо устной пропаганды британские делегаты сделали ряд заявлений для печати, обращались с письмами в адрес рабочих организаций и конференций, а Сандерс написал брошюру о целях Англии в войне, специально предназначенную для распространения среди русских солдат¹.

«Трое в шубах», так иронически именовала газета «Колл» лейбористов, экипированных английским правительством с учетом русского климата. Эти трое отправились в Россию, надутые чванством представителей старой цивилизации, снисходивших до общения с «полудикими фанатиками». Столкновение с кипучей политической жизнью революционной страны поубавило в них спеси.

Рабочие и солдатские собрания с энтузиазмом приветствовали посланцев английского пролетариата, но, послушав выступления социал-шовинистов, провожали их холодно. Особенно туго приходилось лейбористским вожакам в тех случаях, когда на собраниях против них выступали большевики. Помогая гостям, руководители мелкобуржуазных партий старались не допускать обсуждения их речей. Тогда большевики уличали зарубежных оппортунистов, задавая им острые вопросы: почему в делегации не представлены социалистические партии Англии, ведут ли лейбористы борьбу за освобождение британских колоний, как они относятся к империалистическим договорам между странами Антанты и т. п.

Большевистские газеты «Правда» и «Социал-демократ» опубликовали статьи, в которых доказывалось, что анг-

¹ ЦГИА, ф. 1525, оп. 2, д. 927, л. 25—33.

лийские «гости», рекламирующие себя в качестве друзей русских рабочих и солдат, на самом деле являются изменниками социализма и агентами империалистов ¹.

Разоблачению лейбористской делегации помогла БСП, сумевшая, минуя цензуру, передать в Россию, что Сандерс и его спутники посланы не рабочим классом Англии, а ее правительством. НРП также выступила с заявлением, что уехавшие в Россию делегаты «вовсе не представляют английских социалистов» ².

Возмущение рабочих и солдат России самозванством гостей было столь велико, что Исполком Петроградского Совета 13 апреля постановил выразить в печати сожаление о том, что вступил в сношения с делегатами, осужденными двумя социалистическими партиями Англии ³. Однако это постановление не было выполнено. Более того, меньшевистско-эсеровские лидеры Петроградского Совета продолжили переговоры с английской делегацией. Прикрыть попятный шаг помогла соглашателям шовинистская Национально-социалистическая партия, председатель которой Г. Гайндман прислал Керенскому телеграмму, где заверял, что Сандерс, Торн и О'Греди действительно представляют трудовой класс Великобритании ⁴. Отказавшись порвать с «шубной делегацией», Исполком Петроградского Совета одновременно постановил пригласить все социалистические партии и профсоюзы Англии прислать в Россию своих полномочных представителей ⁵.

В противовес беспринципному поведению меньшевиков и эсеров большевики использовали сигналы левой части английских социалистов для дальнейшего разоблачения лейбористской делегации. На приеме английских и французских делегатов в Москве, устроенном Советами рабочих и солдатских депутатов, представители МК РСДРП(б) огласили заявление, в котором выразили решительный протест против претензий представителей правого крыла французских и английских рабочих партий выступать от имени всех социалистических рабочих своих стран. Боль-

¹ «Правда», 14. IV 1917; «Социал-демократ», 21. IV 1917.

² «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 137.

³ «Красный архив», 1926, т. 2 (15), стр. 69.

⁴ «Речь», 25. IV 1917 г.

⁵ А. Л о з о в с к и й. Лейбористская партия и Февральская революция. «Вопросы истории», 1948, № 2, стр. 28.

шевики отказались от переговоров с зарубежными социал-предателями и провозгласили своей задачей разъяснить русским рабочим, что большинство пролетариата Англии и Франции не разделяет социал-шовинистских взглядов ¹.

Встречи с революционными массами России и с их организациями, схватки с большевиками напугали посланцев лейбористской верхушки. Зато в узком кругу соглашательских лидеров Сандерс и его коллеги чувствовали себя «как будто бы в отечестве, с друзьями». Принципиальных разногласий между британскими социал-шовинистами и русскими оборонцами не оказалось. «Мы думаем, — оценили в своем отчете лейбористские делегаты позицию лидеров Петроградского Совета, — что слова «без аннексий и проч.» только фразы. Когда мы пытались конкретизировать их в применении к Эльзас-Лотарингии, Бельгии и др., то оказывается, что практических разногласий нет...» ²

Но договориться о единой тактике гостям и хозяевам все же не удалось. Вожди русских мелкобуржуазных партий добивались немногого. Они хотели, чтобы лейбористы и французские социалисты, а за ними и правительства союзников, на словах согласились с русской формулой мира. Это позволило бы обманывать народные массы России, характеризуя войну как освободительную со стороны Антанты. А конкретные условия будущего мира установила бы мирная конференция воюющих держав. Лейбористские лидеры, в соответствии с позицией пославшего их правительства, не проявили гибкость. Они настаивали на конкретизации формулы Совета, т. е. открытом провозглашении умеренно-империалистической программы. С этим меньшевики, эсеры и иже с ними согласиться не могли, ибо это значило разоблачить себя в глазах масс.

В конечном итоге меньшевистско-эсеровские лидеры Исполкома Петроградского Совета заявили, что не могут конкретизировать своей мирной формулы сейчас, оставляя это до созываемой ими международной социалистической конференции в Стокгольме. Они пригласили социалистические и рабочие партии союзников принять участие в этой конференции. Гости обещали передать приглашение.

¹ «Социал-демократ», 20.IV 1917 г.

² ЦГИА, ф. 1525, оп. 2, д. 927, л. 27—28.

Английская делегация находилась в России в тот период, когда бурно развивался процесс организации масс, в частности в профсоюзы. У Дж. О'Греди, председателя Генеральной Федерации тред-юнионов Англии¹, родилась мысль передать возникающим русским профсоюзам недемократические организационные принципы и цеховой дух аристократических тред-юнионов своей страны. Он вступил в переговоры с некоторыми русскими профсоюзными деятелями мелкобуржуазного толка. Одновременно О'Греди обратился с письмом к Исполкому Генеральной Федерации тред-юнионов, в котором предлагал помочь русским рабочим организоваться в профсоюзы по английскому образцу. Он хотел с этой целью задержаться на два месяца в России и просил прислать ему в помощь секретаря Федерации В. Апплетона.

Вскоре пришел ответ, что Исполком совещается с французскими профсоюзами о совместных действиях в России. А пока будет принято решение, О'Греди предлагалось обратиться к русским профсоюзным деятелям с призывом содействовать продолжению войны до победы². О'Греди, лучше знавший настроения русского пролетариата, не рискнул последовать этому указанию и уехал из России вместе с другими делегатами.

Английским социал-шовинистам не удалось оказать сколько-нибудь заметного влияния на настроения революционных масс России. Они не сумели столкнуться и с родственной по духу верхушкой русских мелкобуржуазных партий. Наконец провалилась первая попытка привить профсоюзам России консервативный дух старых английских тред-юнионов.

Даже буржуазная печать Англии признавала, что поездка лейбористской делегации «не принесла ожидаемого успеха»³. Это мнение разделяли английские дипломатические представители в России⁴. Левосоциалисти-

¹ Так называлось объединение профсоюзов квалифицированных рабочих.

² «The Times», 19. V 1917.

³ «The Sunday Times», 22. IV 1917.

⁴ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 235; R. H. B. Lockhart. The two Revolutions. An Eye-Witness Study of Russia 1917. London, 1957, p. 90.

ческая «Колл» с иронией писала, что цель миссии лейбористов была «слишком тонка, чтобы обмануть кого-нибудь» и что «делегация дискредитировала только себя»¹.

АПРЕЛЬСКИЙ КРИЗИС И АНГЛИЯ

Политический кризис в России в апреле 1917 г. до сих пор недостаточно изучен. Это относится не только к его внешнеполитическому аспекту, но и к событиям внутри страны. Сказанное заставляет нас предпринять краткий экскурс в область внутривнутриполитической жизни России, без которого нельзя понять русско-английские отношения того времени.

В. И. Ленин, характеризуя апрельский кризис, подчеркивал, что это был «взрыв революции и контрреволюции *вместе*»². На вторую сторону ленинской оценки (взрыв контрреволюции) до сих пор обращали мало внимания. В лучшем случае под ней понимали контрдемонстрации буржуазных элементов в поддержку Временного правительства. Между тем в апреле имела место первая после свержения царизма еще незрелая попытка части буржуазии совершить контрреволюционный переворот.

Покончить с революцией вооруженной рукой русская буржуазия мечтала буквально с первых часов народного восстания в Петрограде. Не хватило сил. Пришлось, скрепя сердце, ждать своего часа. Тактика выжидания и накопления сил уже к апрелю принесла буржуазии некоторые успехи. Соглашательское большинство Петроградского Совета все больше сдавало власть Временному правительству. Ставка, по указанию Гучкова, перебросила на Северный фронт целый ряд «крепких» частей с других участков в целях «нравственного успокоения за столицу»³. Командующий столичным военным округом Корнилов, как ему казалось, завоевал доверие и популярность в гарнизоне, во всяком случае в казачьих войсках.

Едва Временное правительство ощутило какую-то почву под ногами, как у буржуазии появился соблазн разогнать ненавистные Советы силой. Он подогрелся

¹ «The Call», 31. V 1917.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 430.

³ А. М. Зайончковский. Кампания 1917 г. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг., ч. 7. М., 1923, стр. 55—62.

тем обстоятельством, что революция, вопреки сопротивлению буржуазных властей и желанию самих соглашательских лидеров, развивалась вширь и вглубь. Так в конце марта родился план переворота. Его авторами и организаторами осуществления являлись правое крыло Временного правительства во главе с Гучковым и Милюковым и Ставка. За их спиной стояли банкиры и финансисты Петрограда и Москвы.

В то же время в стране назревал стихийный взрыв возмущения рабочих и солдат политикой затягивания войны, которая с каждым днем усугубляла бедствия народа и грозила хозяйственной катастрофой, безработицей и голодом. Капиталисты знали о растущем недовольстве трудящихся и учитывали его в своих планах.

Замысел правого крыла буржуазии и военщины состоял в том, чтобы после предварительной военно-организационной подготовки спровоцировать стихийное выступление трудящихся столицы и использовать его для кровопускания петроградскому пролетариату, разгона Совета и репрессий против революционных партий, в первую очередь большевиков. Целью всего плана было обезглавить революцию ¹.

Внешилолиторический аспект подготовки переворота. Сторонники переворота не без основания надеялись на поддержку союзников, кровно заинтересованных в удушении русской революции и в скорейшей активизации восточного фронта. Поэтому они сразу же информировали Лондон, Нью-Йорк и Париж о своих планах. 27 марта Гучков под строгим секретом сообщил Ноксу, что правительство готовится «помериться силами с Советом», но «еще не располагает достаточной физической силой, на которую оно могло бы положиться» ².

Сами средства спровоцировать преждевременное выступление петроградских масс выбирались с расчетом привлечь симпатии союзников. Сначала сложился план

¹ Приоритет в постановке вопроса об апрельском «заговоре» буржуазии принадлежит академику И. И. Минцу. Внутрополиторическая сторона апрельских событий в России подробно рассматривается в его готовящейся к печати монографии «История Великой Октябрьской социалистической революции», с которой автор с любезного согласия И. И. Минца ознакомился в рукописи.

² А. К н о х. With the Russian Army, v. 2. N. Y., 1921, p. 590.

толкнуть рабочих и солдат столицы на антиправительственные демонстрации неожиданным переходом русской армии в наступление. 30 марта Алексеев отдал директиву, в корне расходившуюся с прежним намерением отсрочить активные операции на три-четыре месяца и предусматривавшую большое наступление в первых числах мая, т. е. в самый ранний срок, который позволяли климатические условия¹. Решение Алексеева было санкционировано прибывшей в Ставку группой министров во главе с Гучковым².

Ни материальное, ни моральное состояние армии за это короткое время не улучшилось. Очевидно, что в основе нового решения лежали отнюдь не военные соображения.

Предусмотренные директивой от 30 марта наступательные действия, по признанию Алексеева, отвечали «настойчивым желанием союзников»³, добивавшихся, чтобы Россия поддержала задуманный генералом Нивелем удар на западе и операции англичан в Месопотамии. Алексеев в личных посланиях Робертсону и английскому главнокомандующему в Европе Хейгу известил их 2 апреля о переходе русской армии в наступление как только позволят климатические условия⁴.

Как ни хотелось Гучкову, Милюкову и их единомышленникам идти вместе с союзниками, им приходилось учитывать возможность того, что планируемая провокация приведет к гражданской войне. Вести же серьезную внутреннюю борьбу было невозможно без использования более надежных фронтовых частей. Вот почему сторонники переворота на всякий случай готовили почву для сепаратного мира. Им было тем легче делать это, что в их руках находился весь аппарат связи с границей.

О тайных переговорах с Россией в Стокгольме в марте-апреле 1917 г. довольно подробно рассказал в своих воспоминаниях ведший их с немецкой стороны лидер католической партии центра, депутат Рейхстага М. Эрцбергер.

¹ А. М. Зайончковский. Указ. соч., стр. 58—59.

² Во время этого визита в Ставку Гучков имел длительную и откровенную беседу с союзными военными представителями, касавшуюся положения в России, возможностей ее вооруженных сил и намерений Временного правительства (ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 152, л. 184—190).

³ А. М. Зайончковский. Указ. соч., прилож. № 5.

⁴ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 152, л. 4 и 11.

Он свидетельствует, что в ходе встреч с русскими представителями обсуждались условия сепаратного мира и даже был составлен проект заключения перемирия между Германией и Россией. Однако настроение петербургского правительства было нерешительным, «особенно благодаря постоянному колебанию Милюкова»¹.

В конце апреля осторожные переговоры о возможности перемирия вел с немецким командованием Восточного фронта главнокомандующий северным фронтом генерал А. М. Драгомиров. По этому вопросу он принял в Двинске делегацию в составе трех германских офицеров, а затем получил письмо от командующего германским восточным фронтом принца Леопольда Баварского, который предлагал продолжить обмен мнений². Надо полагать, что обе стороны действовали не без ведома своих главных квартир. По слухам, сепаратные переговоры между Россией и Германией велись и в других местах, в частности в Копенгагене³.

Отмеченная Эрцбергером нерешительность Временного правительства объяснялась как тем, что сами заговорщики видели в сепаратном мире лишь крайнее средство, так и наличием в кабинете Львова сторонников иной тактики, представленных известным нам «триумвиратом». Последние считали нужным продолжать курс на постепенное укрепление власти буржуазии и ослабление Советов, которые должны умереть естественной смертью. Они тоже стояли за наступление, но лишь после того, как идея активных операций получит поддержку соглашательских партий и через них будет внедрена в армию. Эта группа стояла на позициях безусловной верности союзникам.

Столкнувшись с двумя течениями в русском правительстве, державы Антанты, и в частности Англия, сначала склонились на сторону гучковско-милюковского крыла. Правда, уверенности в успехе задуманного переворота у Бьюкенена не было, и на всякий случай он поддерживал контакт и с представителями противоположной группировки в правительстве. Позиция кабинета Ллойд

¹ М. Эрцбергер. Германия и Антанта. М.—Пг., 1923, стр. 204—207, цит. стр. 206.

² ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 155, л. 10 с об. и л. 37.

³ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 131; ЦГАОР, ф. 579, оп. 1, д. 2249, л. 1.

Джорджа, помимо контрреволюционных устремлений, объяснялась тяжелым военным положением Антанты.

Весной 1917 г. немецкая подводная война достигла апогея своих успехов. Недавняя владычица морей Англия оказалась на грани катастрофы. В конце марта (по новому стилю) британское морское командование представило правительству «Обзор ситуации на море», в котором прямо писало, что, если не произойдет перелома в лучшую сторону, страну нельзя будет спасти от голода и разорения¹. В апреле положение приняло еще более угрожающий характер². Лихорадочно изыскивая способы борьбы с подводной войной, английское правительство одновременно стремилось взять реванш в наступательных боях на суше и добиться внешнеполитических успехов, которые подняли бы дух населения британских островов. В такой обстановке союзникам было чрезвычайно важно добиться быстрого политического перелома в России и активизации русского фронта.

Оценивая влияние военных соображений на тактику буржуазии и союзников в России, «Таймс» позднее писала: «С самого начала было ясно, что рано или поздно многовластие, сложившееся в первые дни революции, должно будет уступить место какому-либо единому исполнительному органу... Проблема заключалась лишь в том, как будет осуществлен процесс унификации и сколько времени он потребует. Из этих двух спорных вещей куда более важным был вопрос времени. Время — существо военной проблемы, которая стоит перед Россией и союзниками...»³

Английские политики, конечно, отдавали себе отчет в том, что буржуазные заговорщики могут встретиться с соблазном сепаратного мира, а с начала апреля даже получали сведения о тайных переговорах России с противником⁴. Но ставка в игре выглядела слишком притягательной, чтобы отказаться от риска. Поэтому английская дипломатия ограничилась принятием предупредительных мер (см. выше совещание в Сен-Жане) и получе-

¹ J. Corbett. Naval Operations, v. 4, p. 370—371.

² И. Н. Каверин. За кулисами английской блокады (из истории первой мировой войны). М., 1955, стр. 138—139.

³ «The Times», 12. V 1917.

⁴ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 131.

нием новых заверений в верности Антанте от всех членов Временного правительства ¹.

Отношение Англии к подготовке переворота. Англия не только симпатизировала замыслу переворота, но и в известной мере способствовала его подготовке. Союзница оказывала давление на Временное правительство с целью склонить его к более решительной и энергичной борьбе за единовластие.

Как мы знаем, Англия значительно уменьшила поставки, перевозки и отпуск средств для России. Просьбы и протесты Временного правительства не приносили результата. Набоков в телеграмме от 29 марта разъяснял, что удовлетворение русских интересов и нужд упирается в отсутствие уверенности Англии в прочности нового строя и боевой мощи России. Он предсказывал, что положение не изменится до тех пор, пока Временное правительство не докажет, что является единственным носителем реальной власти и способно парализовать влияние крайних партий ².

1 или 2 апреля Бьюкенен в сопровождении Локкарта посетил председателя Совета министров Львова. Посол потребовал оградить фронт от социалистических агитаторов и высказал озабоченность продолжающимся контролем Петроградского Совета над правительством ³.

Откровенное объяснение произошло в середине апреля у Бьюкенена с Милюковым. «Я сказал ему, — доносил посол в Форин Оффис, — что для правительства наступила пора действовать и что Россия никогда не выиграет войны, если Ленину будет разрешено возбуждать солдат... Он ответил, что правительство выжидает лишь психологического момента, который, по его мнению, не за горами» ⁴.

В том же направлении влияли и другие союзные державы. Небезынтересно отметить, что английская дипломатия проявляла больше гибкости, нежели французская. Так, когда Франция предложила предпринять коллективный демарш перед Временным правительством с угрозой

¹ Там же, стр. 134—135.

² «Константинополь и проливы», т. 1, № CCCXX.

³ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 225; А. К о х. Ор cit., v. 2, p. 591—592.

⁴ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 228.

прекратить доставку военных материалов, если в России не будет покончено с разрушительной пропагандой, Англия возразила, что столь грубое давление может сыграть на руку русским сторонникам сепаратного мира. По ее настоянию решено было ограничиться отдельными представлениями союзных послов¹.

Англия помогала раздуванию в России алармистской кампании вокруг мнимой угрозы немецкого удара на Петроград, под предлогом которой сторонники переворота продолжали в апреле сосредоточение надежных частей на северном фронте и принимали иные военно-организационные меры. В начале апреля Бьюкенен передал Львову послание английского военного кабинета, содержащее информацию о наступательных приготовлениях неприятеля на Балтике и выражавшее особую тревогу в связи с упадком дисциплины в Балтийском флоте². Английская буржуазная печать была в набат по поводу угрозы прорыва немцами северного фронта и падения русской столицы³.

В действительности Германия не собиралась в то время предпринимать поход на Петроград ни с моря, ни с суши, что русское командование прекрасно знало⁴, как знали это и в Лондоне⁵.

Наряду со стягиванием «надежных» частей к Петрограду сторонники переворота, как уже говорилось, готовили ударную силу в самой столице, делая ставку на казаков и артиллеристов. Казачьи и артиллерийские части подвергались специальной идеологической обработке, важнейшими постулатами которой были беспрекословное подчинение Временному правительству и верность союзникам. Активное участие в агитации в войсках принимали

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 226; R. W a r t h. Op. cit., p. 51.

² ЦГАОР, ф. 3, оп. 1, д. 315, л. 141—142; ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 9, л. 218.

³ «The Times», 26. III 1917.

⁴ Об этом свидетельствуют разведывательные сводки штаба командующего Балтийским флотом за март и апрель (ЦГАВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 18, л. 59 об.— 60 и 75 об.— 76) и апрельская переписка Гучкова с Алексеевым, в ходе которой последний прямо признал, что Петрограду никакой немец «не грозит и долго еще грозить не будет в состоянии» (ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 18, л. 70).

⁵ Д. Л л о й д Д ж о р д ж. Военные мемуары, т. 3, стр. 338, 342—343.

английские представители в России — Нокс, его помощник Торнхилл, морской атташе Гренфелл и др.

Как велась эта агитация, рассказал в одном из своих сообщений петроградский корреспондент «Таймс» Р. Вильтон. 24 марта в Петрограде состоялся парад казачьих войск и гвардейской батареи, который принимали Гучков и Корнилов в сопровождении приглашенного последним Вильтона. Командующий округом произнес подстрекательскую речь, призывая казаков «поддерживать единственное законное правительство» и быть готовыми «пресечь любую попытку подорвать или ослабить это правительство». Затем, представив казакам Вильтона как англичанина, доблестно сражавшегося (?) в рядах русской армии и получившего Георгиевский крест, Корнилов говорил о дружеских отношениях России с Англией, восхваляя величие вклада последней в общесоюзническое дело. Генерал провозгласил здравицы в честь британской нации и вооруженных сил. Несколько приветственных слов сказал Вильтон. После этого одна из сотен прошла парадом мимо британского посольства, приветствуя вышедшего на балкон Бьюкенена. Спектакль закончился посещением посольства казачьей делегацией, которая вручила адрес, восхвалявший могущественную Англию и гласивший, что казаки верят в британского союзника и готовы сражаться до победного конца. В ответной речи Бьюкенена, зачитанной по-русски Торнхиллом, выражалось восхищение доблестными казачьими частями и уверенность, что казаки скоро погонят захватчиков с русской земли. Позднее посол нанес ответный визит главе казачьей делегации ¹.

Важным моментом организационной подготовки переворота являлся подбор руководителей. Как писал Бьюкенен, «в надвигавшейся борьбе с Советом требовался человек действия, способный воспользоваться первой благоприятной возможностью для подавления этого соперничавшего и незаконно образовавшегося собрания. В правительстве не было ни одного такого человека» ². Шпагу предстояло найти среди генералитета.

Одним из возможных кандидатов являлся популярный в кругу русского офицерства и у союзников Алексеев.

¹ «The Times», 9. IV 1917; см. также «Труды общеказачьего съезда с 23 по 29 марта 1917 г. в Петрограде». Пг., 1917, стр. 18—23.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 220—221.

Военные представители стран Согласия, по просьбе Гучкова, поддержали перед Временным правительством ходатайство об утверждении этого ближайшего сотрудника бывшего царя верховным главнокомандующим¹. Когда назначение Алексеева состоялось, Хейг прислал ему торжественное поздравление, которое было опубликовано в печати и включено в приказ по британской армии². Английская консервативная пресса старательно популяризировала и двух других кандидатов в погромщики и диктаторы — Корнилова и командующего Черноморским флотом адмирала Колчака³.

Между тем с приближением срока задуманного наступления все яснее становилась его военная бесперспективность. Провал наступления, как это понимали Гучков и его соратники, грозил русской армии «самоуничтожением»⁴. Отсрочка же активных операций, уже не говоря о том, что она вызвала бы недовольство союзников, вынуждала искать новое средство спровоцировать стихийное выступление рабочих и солдат столицы. Выход из сложного положения подсказало развитие борьбы в стране по вопросам внешней политики.

Перед лицом горячего стремления рабочих и солдат Петрограда и трудящихся всей России к демократическому миру меньшевистско-эсеровские лидеры Петроградского Совета и министр-«социалист» Керенский стали добиваться, чтобы декларация Временного правительства от 27 марта о целях войны была сообщена союзникам и, таким образом, превратилась в официальную внешнеполитическую программу. Без этого соглашателям становилось все труднее поддерживать оборонческие иллюзии масс, с каждым днем рассеиваемые самой жизнью и разъяснительной работой большевиков.

«Цинично откровенные представители империализма» Милюков и Гучков не желали хотя бы и на словах отказываться от аннексий, опасаясь, что это может затруднить реализацию захватнической программы. Их полностью поддерживала Ставка. Однако в правительстве, как мы

¹ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 152, л. 189—190.

² «The Times», 30. IV 1917.

³ «The Times», 30. III 1917; 21. IV 1917.

⁴ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 152, л. 184.

знаем, было и другое крыло, склонное к компромиссу с мелкобуржуазными партиями в этом вопросе.

Нового выступления Временного правительства о целях войны желали и союзники. Но Франция и Англия добивались прямо противоположного, чем меньшевистско-эсеровские вожди: они хотели, чтобы Временное правительство показало если не силу, то решительность и открыто провозгласило верность старым договорам о совместной войне и дележе мира. Как обычно, французская дипломатия действовала грубее, а британская несколько тоньше, но это не меняло существа дела.

Набоков сообщал 4 апреля: «Последняя декларация Временного правительства не вполне рассеяла опасения здешнего правительства и печати... Только вполне определенное заявление правительства о том, что Россия твердо намерена в согласии с союзниками обеспечить безопасность Черного моря и свободный выход через проливы, сможет вселить уверенность, что принцип «мира без аннексий» принимается нами не безусловно, поскольку не противоречит нашим жизненным интересам»¹.

Оказавшись между Сциллой и Харибдой, Временное правительство избрало путь, который на первый взгляд выглядел как компромисс. Оно решило передать союзникам свою декларацию от 27 марта, но сопроводить ее нотой, подтверждающей верность всем старым договорам. Если бы дело этим ограничилось, то «нота Милюкова» свелась бы к одному из многочисленных обманов народных масс империалистической дипломатией. В действительности замысел был сложнее. Гучков, Милюков и их единомышленники хотели убить сразу двух зайцев — и союзников удовлетворить, и превратить демарш в прямую провокацию.

Милюков выбрал для передачи ноты день празднования международной пролетарской солидарности². Рабочие и солдаты Петрограда, Москвы и других городов России, впервые отмечавшие этот праздник свободно, на многочисленных демонстрациях и митингах выразили горячее стремление к демократическому миру. Основным

¹ «Экономическое положение России», ч. 2, № 589.

² По старому русскому календарю первомайский праздник отмечался 18 апреля.

лозунгом демонстрантов являлся «мир без аннексий и контрибуций». А через день Милюков нарочито опубликовал свою сопроводительную ноту, в которой за русский народ клялся «довести мировую войну до решительной победы» и обещал «вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении наших союзников»¹.

Сторонники переворота с полным основанием рассчитывали, что подобный вызов воле трудящихся неизбежно приведет к взрыву. Английское посольство было информировано об этом плане и торопило с его исполнением. Бьюкенен 17 апреля телеграфировал своему правительству: «Я не буду удивлен, если завтра, в день празднования Первого мая, положение дойдет до кризиса. Если предстоят беспорядки и, возможно, новые уличные бои, то я предпочел бы, чтобы кризис наступил немедленно, чтобы мы могли покончить с ним и чтобы страна могла уделить больше внимания войне»².

Получив это сообщение, а затем и саму ноту Временного правительства, английский кабинет счел их настолько важными, что Ллойд Джордж срочно отправился в Париж обсудить ситуацию с французскими министрами³. Несколько дней спустя английское правительство официально приветствовало «ноту Милюкова»⁴.

В дни кризиса. Сначала события в России развертывались примерно так, как предполагали заговорщики и английские дипломаты. 20 апреля утренние газеты опубликовали текст провокационной ноты. Сейчас же на заводах и в казармах столицы начались митинги протеста против внешней политики Временного правительства. Днем стихийно возникла массовая демонстрация солдат и рабочих под лозунгом «долой Милюкова». Руководители переворота (Алексеев, Колчак, Корнилов) собрались на квартире у Гучкова на Мойке, где наметили план действий, включавший расстрел народной демонстрации и установление единоличной диктатуры. Информацию об этом совещании получили от его участников уже известный читателю корреспондент «Таймс» Вильтон и американский

¹ «Константинополь и проливы», т. 1, № СССХХVIII.

² Д. Л л о й д Д ж о р д ж. Военные мемуары, т. 5, стр. 65.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 71, т. 1, л. 321.

⁴ Там же, д. 6, л. 107.

посол Френсис. Последний настаивал на энергичных мерах по восстановлению «порядка»¹. Алексеев отбыл в Ставку, чтобы организовать, если потребуется, выступление армии в поддержку переворота. Перед отъездом он в беседе с Вильтоном «решительно высказался против пропаганды в пользу отказа от аннексий и контрибуций», угрожая сторонникам этого лозунга, что армия расценит его как призыв к капитуляции².

Ночью и днем 21 апреля в Петрограде продолжались почти непрерывные массовые демонстрации и митинги солдат и рабочих. Движение протеста стало охватывать провинцию и армию. Буржуазные слои столицы организовали контрманифестации в поддержку Временного правительства. Сторонники последнего считали своим долгом продемонстрировать верность Антанте, пройдя мимо союзных посольств. У здания английского посольства, по сообщению «Новой жизни», «манифестировали тысячные толпы». Бьюкенен обратился к ним с большой речью, призывая «к поддержке Временного правительства, являющегося искренним защитником народных интересов»³. Корнилов предпринял попытку расстрелять демонстрацию трудящихся, но солдаты-артиллеристы отказались выполнять его приказ и заявили, что без согласования с Советом депутатов никакой приказ недействителен. Заговорщики оказались генералами без армии.

Петроградский Совет мог мирным путем взять всю власть в свои руки. Однако его меньшевистско-эсеровские лидеры дали буржуазным министрам запугать себя. Одним из козырей Временного правительства была ссылка на то, что союзники откажут власти рабочих и солдат в какой-либо помощи. Министры-капиталисты опирались при этом на заявления представителей союзников и, в частности, английского посольства⁴. Исполком Петроградского Совета не только удовлетворился ни к чему не обязывающим «разъяснением» Временного правитель-

¹ «Речь», 21. IV 1917 г.; А. Е. К у н н а, Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917—1920 гг. Изд. 2. М., 1954, стр. 17.

² «The Times», 7. V 1917.

³ «Революционное движение в России в апреле 1917 г.», № 774, стр. 753.

⁴ А. К п о х. Op. cit., v. 2, p. 611.

ства, но и сделал все, чтобы потушить движение протеста в столице и стране.

Линия соглашателей была тем более опасна, что, хотя первоначальный план буржуазных заговорщиков провалился, руководители переворота оставались на своих постах и готовились к новой пробе сил. Милюков уверял Бьюкенена, что правительство одержало большую победу и задача состоит в том, чтобы закрепить ее. Посол оценивал происшедшее с меньшим оптимизмом, но и он полагал, что еще не все потеряно ¹. «Таймс» подсказывала, что следует взвалить вину за конфликт на «экстремистов» (т. е. большевиков. — *А. И.*) и под видом борьбы с ними нанести удар революции, опираясь на армию. «Мы убеждены, — писала газета, — что армия с негодованием встретит любую попытку предать дело, за которое она так рыцарски боролась в прошлом, и мы с определенной уверенностью ожидаем исхода открытого конфликта, спровоцированного экстремистами» ².

Сторонники переворота в России действовали как будто прямо по этому рецепту. Еще 21 апреля судебным властям было дано указание начать следствие о якобы имевшей место стрельбе сторонников Ленина по демонстрантам. 22 апреля Корнилов издал приказ, где под затасканным предлогом немецкой угрозы Петрограду предписывал реорганизовать резервные части округа, с тем, чтобы они были «готовы защищать гражданские свободы, а в случае движения противника на Петроград встретить и разбить врага на подступах к столице» ³. Но попытка Корнилова подготовить военный путч разбилась о бдительность революционного народа. В тот же день собрание представителей петроградского гарнизона постановило подчиняться только Петроградскому Совету, а Выборгский районный совет потребовал от исполкома расследовать дело о приказе Корнилова расстрелять демонстрацию на Дворцовой площади. Лидеры Петроградского Совета вынуждены были возбудить вопрос о контроле его представителей над распоряжениями Корнилова. Ставка заговорщиков в столице была бита, и это сразу резко понизило их акции в глазах союзников.

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 230—231.

² «The Times», 5. V 1917.

³ «Солдатская правда», 26. IV 1917.

Почти одновременно выяснилось и другое обстоятельство, говорившее, с точки зрения союзников, не в пользу Гучкова и генералов: русская Ставка пошла на попятный в вопросе о сроках обещанного наступления. На совещании в Могилеве с участием французского министра А. Тома и в ответ на запрос британского Генерального штаба Алексеев сообщил, что русская армия сможет атаковать противника не раньше, чем через 2—3 недели¹. Это решение в лучшем случае свидетельствовало о неспособности Временного правительства и генералов справиться с братанием и другими «болезненными» явлениями в армии. В худшем варианте оно могло оказаться связанным с маневрами Милюкова в направлении сепаратного мира с Германией.

Теперь Бьюкенен активизировал переговоры с конкурирующей группой в правительстве. Керенский еще в конце марта уверял посла, что только демократия способна двинуть русскую армию в наступление². Голосование Петроградского Совета за «заем свободы» 22 апреля подтвердило реальность надежд на использование соглашателей в интересах продолжения войны. Новые встречи с Керенским и Терещенко позволили Бьюкенену обстоятельней выяснить их программу. Триумвиры предлагали укрепить авторитет правительства путем включения в его состав 1—2 «социалистов», что дало бы возможность государственной власти успешней бороться с претензиями Совета и агитацией ленинцев. В области внешней политики пожелания Керенского и Терещенко сводились к декларированию державами Антанты отказа от аннексий и пересмотру соглашения о проливах, дабы воодушевить армию и отколоть от противника Турцию. Беседы привели Бьюкенена к заключению о возможности договориться с представителями левого крыла Временного правительства³.

Между тем, у заговорщиков оставалась еще надежда на армию. Однако попытка апеллировать к ней быстро провалилась. Алексеев не только оказался бессилён найти надежные части для похода на Петроград, но не сумел

¹ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 147, л. 81—85; С. Е. Рабинович. Борьба за армию в 1917 г. М.—Л., 1930, стр. 22—23.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 223; А. Крех. Ор. cit., v. 2, p. 588—589.

³ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 231—232, 228.

оказать своим единомышленникам даже моральной поддержки в форме обращения генералитета к правительству.

Тогда Гучков прибег к последнему средству — демонстративной отставке, сообщив работнику английского посольства Б. Пеарзу, что делает это в знак протеста против слабости правительства, не позволяющей восстановить дисциплину в армии. Министр-заговорщик надеялся вызвать правительственный кризис, который при содействии союзников и генералов разрешится в пользу сторонников переворота и позволит им продиктовать свои условия ¹. Соратник Гучкова Милюков срочно выехал в Ставку, думая склонить Алексеева к пересмотру решения об отсрочке наступления. Незамедлительная активизация фронта, по его расчетам, вернула бы откровенным империалистам расположение союзников и явилась бы лучшим средством «для оздоровления страны и в особенности столицы» ².

На этот раз гучковцев ожидал окончательный провал. В Ставке Милюкову разъяснили, что армия не сможет наступать ранее середины июня, так что не только нельзя вернуться к прежним срокам, но и последнее обещание союзникам не будет выполнено ³. Английское посольство, хотя и не без внутренней борьбы ⁴, отказалось поддержать Гучкова ⁵. Опытные английские политики почувствовали, что всероссийское движение протеста против империалистического курса Милюкова и олицетворяемых им сил угрозами генералов и союзных держав не потушить.

¹ В. P a g e s. My Russian Memoirs. London, 1931, p. 437—438.

² ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 147, л. 66 об.

³ Там же, л. 64—66.

⁴ С предложением помочь Гучкову и предъявить Временному правительству своего рода ультиматум выступил Нокс. Он даже составил текст письма, которое Бьюкенен в случае согласия с его идеей должен был вручить Львову. В письме констатировались прогрессирующее ухудшение обстановки в Петрограде, развал русской армии и начавшиеся переброски немецких дивизий на Запад. Временному правительству предлагалось доказать свою волю продолжать войну не словами, а делами, которые Нокс не постеснялся перечислить: 1) оградить армию от «политической заразы»; 2) закрыть наиболее «антисоюзнические» газеты — «Правду», «Солдатскую Правду» и «Новую жизнь»; 3) арестовывать лиц, агитирующих против войны; 4) запретить братание (А. К о х. Op. cit., v. 2, p. 613—614).

⁵ В. P a g e s. Op. cit., p. 438.

Симпатии Бьюкенена в связи с голосованием Петроградского Совета за наступление и Исполкома Совета в пользу участия его представителей в правительстве буржуазии определенно склонились на сторону группы Терещенко — Керенского и предлагаемых ею мер. Такого же мнения придерживался и новый представитель Франции в России А. Тома. Наконец потерпели неудачу и закулисные сепаратные маневры милюковской дипломатии. 2 мая германский канцлер Бетман-Гольвег выступил с речью, которая не содержала нужного русским заговорщикам словесного отказа от аннексий на Востоке. По свидетельству Эрцбергера, «эта речь чрезвычайно понизила шансы на заключение мира с Россией». Переговоры оборвались¹. Милюков ушел в отставку, и английское посольство за него не вступилось. Лобовая атака на революцию была отбита.

Консервативная английская буржуазия сожалела о провале гучковцев. «Морнинг Пост» писала 4(17) мая, что в России полная анархия и, если не случится чудо, ее можно считать фактически вышедшей из войны². Все же союзники, в том числе Англия, примирились с необходимостью временной коалиции буржуазии с соглашателями. Полуофициозная «Таймс» призывала читателей трезво оценивать обстановку в России и приучить себя к мысли, что укрепление власти там потребует времени и будет идти через колебания. Главное сейчас — создать правительство, пользующееся поддержкой подавляющего большинства здравомыслящих людей и потому способное бороться с предателями, добивающимися мира любой ценой³. В пользу образования коалиции выступали либеральные «Вестминстер газетте» и «Дейли кроникл»⁴.

Рабочие, солдаты и крестьяне России отбили первый приступ буржуазной контрреволюции, но вследствие недостаточной политической зрелости еще следовали за соглашательскими партиями, которые пошли на сотрудничество с капиталистами в правительстве. Новые политические кризисы были неизбежны.

¹ М. Эрцбергер. Указ. соч., стр. 207—208.

² АВПР, ф. Канцелярия, «Война», д. 198, л. 54.

³ «The Times», 12. V 1917.

⁴ АВПР, ф. Отдел печати, д. 283, л. 6; д. 347, л. 7.

Глава четвертая

СОЮЗНИКИ В БОРЬБЕ ЗА РУССКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

ОТНОШЕНИЯ С АНглиЕЙ ПРИ ПЕРВОЙ КОАЛИЦИИ

На другой же день после образования коалиционного правительства новый министр иностранных дел М. И. Терещенко пожелал встретиться с представителями печати, чтобы ознакомить общественность с программой своей деятельности. Журналистов любезно принял совсем еще молодой человек со светскими манерами. В ответ на их вопросы он сделал пространное двусмысленное заявление, в котором намерение бороться за всеобщий мир без аннексий и контрибуций ловко уживалось с обязательством объединенной борьбы и взаимопомощи с союзными демократиями и с отказом опубликовать тайные договоры¹. Так преемник Милюкова успешно дебютировал в отведенной ему буржуазией роли «человека, чрезвычайно удобного для разговоров»².

Буржуазия меняет тактику. Почему внешняя политика Временного правительства должна была на какой-то период свестись главным образом к разговорам, т. е. приобрести демагогический по форме и выжидательный по существу характер? Основой программы первой коалиции было наступление, ради которого империалисты считали целесообразным пойти на временные словесные уступки «революционной демократии». Буржуазия прекрасно понимала, что активизация русского фронта, какими бы «страшными» для нее формулами насчет будущего мира не тешились меньшевики и эсеры, явится фактическим подтверждением союза с империалистами Антанты и США и создаст благоприятную обстановку для укрепления государствен-

¹ «Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Июньская демонстрация». Документы и материалы. М., 1959, № 183.

² В. Д. Набоков. Временное правительство. М., 1923, стр. 79.

ной власти. При этом капиталистам, естественно, представлялось выгодным, как по соображениям внутренней борьбы, так и взаимоотношений с союзниками, оттянуть практическое решение внешнеполитических задач до организации наступления и торжества контрреволюции.

Коалиция с меньшевиками и эсерами обязывала Временное правительство провозгласить своей целью «скорейшее достижение всеобщего мира» на основе принципов декларации 27 марта и формулы Петроградского Совета, предприняв в этом духе «подготовительные шаги к соглашению с союзниками»¹. В трактовке этого компромисса внутри буржуазного лагеря существовало два течения.

Откровенные империалисты во главе с Милюковым считали, что вся «перемена» внешней политики должна свестись к новой фразеологии. Они высказывали опасения, как бы союзники не использовали провозглашения Россией отказа от захватов для пересмотра за ее счет договоров о дележе мира. Отсюда на 8-м съезде кадетской партии в мае они отстаивали формулу «защиты жизненных интересов России», под которыми понимали империалистическую программу, обусловленную существующими соглашениями. Это крыло кадетов поддерживали более правые политические силы.

Другое течение, к которому принадлежал и М. И. Терещенко, стояло на несколько более реалистических позициях. Его представители исходили из того, что ослабленной России вряд ли удастся отстоять свою захватническую программу в объеме, закрепленном договорами с союзниками. К тому же организованные массы решительно настроены против аннексий. Быть может, наступление еще резко изменит международную и внутреннюю обстановку в благоприятную сторону. Но более вероятно, что придется, выбрав удобный момент, пересмотреть совместно с союзниками договора о разделе мира, ставя себе целью: а) оградить наиболее существенные интересы России; б) постараться на основе взаимности несколько ограничить аппетиты партнеров-соперников, особенно на Ближнем Востоке². Милюковскому лозунгу «защиты жизненных

¹ «Константинополь и проливы», т. I, № CCCXXXI.

² Конкретной программы пересмотра межсоюзнических договоров и соглашений в то время выработано не было.

интересов России» Н. В. Некрасов противопоставил на том же майском съезде кадетов требование прочного мира в согласии с союзниками ¹.

Терещенко, Некрасов и их единомышленники понимали, что влияния одной России окажется недостаточно, чтобы побудить союзников сократить претензии. Тут они рассчитывали на могущественные США, которые не были заинтересованы в реализации заключенных без американского участия тайных договоров ².

В целях маскировки империалистической перекройки земного шара предполагалось использовать популярный среди рабочих и солдат лозунг самоопределения народов, истолковав его в пользу держав Антанты ³.

Разногласия между направлениями Терещенко—Некрасова и Милюкова не выходили за рамки тактических противоречий. Сторонники более утонченного, замаскированного империализма делали ставку на революционное оборончество мелкой буржуазии и ее стремление к разделу власти с либералами, а, следовательно, больше подходили для сотрудничества с соглашателями. Это признал 8 съезд кадетской партии, подчеркнувший во внешнеполитической резолюции необходимость наступления на фронте и верности союзникам, но опустивший милюковскую формулу о «жизненных интересах» ⁴.

Представители победившего течения, составившие ведущее ядро коалиционного правительства, не предполагали в ближайшее время менять ориентацию внешней политики. Правда, они, как и их предшественники, хотели бы ослабить экономическую зависимость от Англии путем расширения американской помощи. В мае-июне были осуществлены предрешенные еще при Милюкове меры с этой целью: посылка в США чрезвычайной миссии во главе с Б. А. Бахметьевым, приезд оттуда в Россию миссий Э. Рута и Д. Стивенса. Что касается политического сближения с США на базе пересмотра тайных договоров, то оно было все же проблематичным и, во всяком случае, переносилось на будущее, когда определятся итоги наступления и внут-

¹ «Речь», 10. V 1917.

² «Революционное движение в России в мае-июне 1917 г.», № 210.

³ «Константинополь и проливы», т. 1, № CCCXILIX.

⁴ «Речь», 10. V 1917.

риполитической борьбы в России. Пока же большее значение придавалось связям со старыми партнерами по Антанте.

Свое отношение к Англии Терещенко достаточно ясно выразил в телеграмме Бальфуру от 7 мая, в которой заверял в чувстве глубокой солидарности русской демократии с английской нацией. «Россия, — писал он, — никогда не забудет неоценимой помощи, которую оказывает ей Англия, удваивающая свои усилия в ту минуту, когда происшедший здесь спасительный кризис заставляет нас быстро воссоздать свою боевую мощь». Телеграмма заканчивалась обещанием скорого наступления ¹.

Опытная английская буржуазия одобрила коалицию в России, которую она сама в известной мере и подсказала. Главный смысл коалиции английские политики, подобно русской буржуазии, видели в организации наступления. «Новое коалиционное правительство, — сообщал Бьюкенен, — ...представляет для нас последнюю и почти единственную надежду на спасение военного положения на этом фронте» ².

Английская буржуазия отдавала себе ясный отчет и в том, что подготовка наступления является в данный момент наиболее эффективным оружием борьбы с революцией. «Таймс» писала: «Именно в армии заключена надежда на создание устойчивого правительства, и чтобы осуществить эту надежду, армия должна двинуться вперед и изгнать захватчиков» ³.

Новый руководитель внешнеполитического ведомства России еще на посту министра финансов снискал симпатии английского посольства. «Терещенко — человек очень умный и желает помочь нам в отношении доставки обещанной пшеницы и строевого леса, — доносил Бьюкенен. — У меня с ним прекрасные отношения...» ⁴

Беспочвенные обещания. Единому контрреволюционному фронту империалистов меньшевики и эсеры противопоставили внешнеполитическую программу, которая мало искушенным в политике массам могла показаться весьма

¹ АВПР, ф. Секретный архив, д. 684/725, л. 60.

² Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата, Изд. 2. М., [б. г.], тр. 233.

³ «The Times», 29. V 1917.

⁴ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 227.

радикальной, а в действительности представляла лишь попытку осуществить в международном масштабе ту же политику соглашения с буржуазией, которую они проводили в России.

Меньшевики и эсеры обещали народу, что коалиционный кабинет будет добиваться скорейшего всеобщего мира без аннексий и контрибуций, гарантией чему служит вхождение их лидеров в правительство. Соглашатели заверяли также, что новое Временное правительство путем дипломатических переговоров склонит союзников России к отказу от захватнических стремлений. В качестве средства давления на империалистические правительства в пользу мира выдвигалась международная конференция социалистов всех мастей, организацию которой решил возглавить Петроградский Совет.

На самом деле меньшевики и эсеры обманывали себя и других, ибо, во-первых, основное направление внешней политики страны определялось связями с антантовским капиталом, рвать которые соглашатели не решались, а, во-вторых, никаким реальным контролем над внешней политикой Временного правительства они не располагали. Во главе Министерства иностранных дел стоял один из богатейших людей России, ловко умевший демагогическими фразами маскировать угодную его классу линию. В правительственном совещании для предварительного рассмотрения внешнеполитических проблем буржуазные министры, к которым примыкал Керенский, имели подавляющее большинство ¹. Состав чиновников Министерства иностранных дел и русского дипломатического корпуса за границей при Терещенко мало изменился. Меньшевистский проект постоянного совещания при Министерстве иностранных дел из представителей Исполкома Петроградского Совета, Временного правительства и комитета Государственной Думы для контроля над внешней политикой был с образованием коалиции забыт ². Отдел международных сношений Петроградского Совета, начавший функционировать в дни апрельского кризиса, никакого контроля за деятельностью Министерства иностранных дел не осуществлял:

¹ В состав этого совещания входили — председатель Г. Е. Львов и члены — Терещенко, Керенский, Церетели, Некрасов (ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 155, л. 242).

² ГАОР ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 307, л. 13—15.

его роль сводилась главным образом к изданию в Стокгольме информационного бюллетеня, да к возне вокруг социалистической конференции. Наконец, попытки личного вмешательства министров-«социалистов» во внешнеполитические дела, как правило, кончались тем, что опытные буржуазные дипломаты водили их за нос. Ярким примером этого служит беседа Церетели, Чернова и Скобелева с Бьюкененом 14 мая об отношении Англии к русской революции и внешнеполитической программе «революционной демократии». Бьюкенен, отвечая на вопросы собеседников, хитрил и изворачивался, а те верили или делали вид, что принимают слова опытного буржуазного дипломата за чистую монету. На основании этого ни к чему не обязывающего разговора лидеры соглашателей заверили Петроградский Совет, что с Англией возможна договоренность и выдали «свидетельство о благонадежности» лично Бьюкенену¹.

Столь же беспочвенными были расчеты меньшевиков и эсеров на международную социалистическую конференцию как средство приблизить демократический мир. Если бы даже им удалось собрать социал-шовинистов и центристов разных стран, эта ассамблея явилась бы, по определению Апрельской конференции РСДРП(б), лишь «комедией, прикрывающей происходящие за ее спиной сделки дипломатов, обменивающих одни аннексии на другие...»² Но организация международной социалистической конференции встретила более или менее откровенное противодействие со стороны правящих кругов стран антигерманской коалиции.

Капиталисты этой группировки не преувеличивали опасности встречи социалистов разных стран и отнюдь не были принципиальными противниками использования социал-шовинистов для зондажа германских условий мира³. Но в тот момент американская и равнявшаяся по ней англо-

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 235—237; АВПР, ф. Секретный архив, д. 662/693, л. 67.

² «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия». Сборник документов. М., 1957, стр. 12.

³ Известные читателю Торн, О'Греди и Сандерс, по указанию английского правительства, на обратном пути из России останавливались в Стокгольме, где вели переговоры с членами голландско-скандинавского комитета по созыву международной социалистиче-

французская буржуазия не стремились к окончанию войны, рассчитывая на победу, чем и объяснялось их отрицательное отношение к международному социалистическому съезду.

Грубей всех действовали империалисты США, правительство которых уже 9 мая отказало в паспортах социалистам, желавшим ехать на Стокгольмскую конференцию. Наибольшую изворотливость приходилось проявлять Временному правительству, которое для внутреннего пользования должно было объявить себя сторонником конференции, но в действительности проводило в этом вопросе политику скрытого саботажа. Ведомство Терещенко, правда, передавало союзникам ходатайства и настояния Петроградского Совета, касавшиеся созыва конференции, но не поддерживало этих обращений от лица Временного правительства, ограничиваясь пожеланием не присылать прямого отказа.

Учитывая последнюю просьбу, Англия действовала более гибко, чем Соединенные Штаты Америки. Кабинет Ллойд Джорджа предоставил роль главного противника Стокгольма шовинистскому руководству лейбористской партии. Последнее противопоставило предложению Петроградского Совета идею социалистической конференции одних стран Антанты. Руководство Французской социалистической партии также объявило себя врагом Стокгольма.

Стремясь во что бы то ни стало договориться с социал-шовинистами, меньшевистско-эсеровские вожди Петроградского Совета попытались организовать предварительное неофициальное совещание социалистов стран Антанты и некоторых нейтральных государств в русской столице. Верные себе, соглашатели звали на это совещание представителей всех течений социалистического и рабочего движения. Из Англии, например, приглашались представители и лейбористской партии, и Британской национальной социалистической партии, и НРП, и БСП, и фабианцев¹.

Выступить прямо против нового предложения Петроградского Совета ни английское правительство, ни руко-

ской конференции; один из членов этого комитета, по сведениям посланцев лейбористов, был связан с германским Министерством иностранных дел (ЦГИА, ф. 1525, оп. 2, д. 927, л. 38).

¹ ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 806 б, л. 19, 20; ГАОР ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 318, л. 59—60.

водство лейбористов не решались, опасаясь, как бы в этом случае меньшевики и эсеры не вступили в переговоры с немецкими социалистами без английского участия¹. Кабинет Ллойд Джорджа сначала предполагал разрешить поездку в Петроград лишь лейбористам, замаскировав отказ представителям социалистических партий транспортными затруднениями. После образования коалиции в России это решение пришлось пересмотреть, и 19 мая (1 июня) английские газеты поместили правительственное заявление, что поездка в Россию будет разрешена представителям всех течений². Неделью спустя о том же решении сообщил Палате Общин постоянный заместитель министра иностранных дел Р. Сесиль. Правда, одновременно лорд Роберт пояснил, что делегаты социалистических меньшинств будут выпущены из Англии лишь при условии обязательства не вступать в прямой или косвенный контакт с противником, будь то в Стокгольме или вне его³.

В действительности и эта полууступка Петроградскому Совету была лишь словесной, ибо британское правительство так и не выпустило представителей НРП и БСП из Англии. В первом случае (Р. Макдональд и Ф. Джоует) оно использовало как предлог отрицательное отношение к поездке социалистов в Россию со стороны руководства профсоюза моряков и грузчиков. Представителю же БСП Е. Феачайлду не дали уехать якобы из-за отсутствия мест на пароходах⁴. Что касается лейбористов, то они несколько раз меняли состав делегации, выделенной для совещания в Петрограде, и в конечном счете отказались от ее посылки. Впрочем, лейбористам и не было особой необходимости посылать специальную делегацию, так как один из лидеров партии министр А. Гендерсон находился в России еще с конца мая. Видя, что совещание в Петрограде срывается, меньшевики и эсеры 8 июня телеграфировали об отсрочке уже намеченной было на конец июня — начало июля Стокгольмской конференции на неопределенное

¹ Британский военный кабинет решил в случае, если Стокгольмская конференция все-таки состоится, послать на нее «сильную» делегацию социал-шовинистского толка (Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 4, М., 1936, стр. 115).

² «The Times», 1. VI 1917.

³ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 4, стр. 118—119.

⁴ «The Call», 21. VI 1917, 5. VII 1917.

время. Ссылка на Съезд Советов, который должен обсудить вопрос о конференции, служила лишь удобным прикрытием поражения. Таким образом, все «гарантии», которыми соглашатели подкрепляли свои посулы народным массам в области внешней политики, оказались несостоятельными. Провал мелкобуржуазных партий в коренном вопросе о демократическом мире был неизбежен.

Профанация борьбы за демократический мир. Временное правительство, не контролируемое на деле Советами в вопросах внешней политики, свело обещанную в его программе борьбу за всеобщий мир на основе демократических принципов к пустым разговорам. Терещенко сразу же по вступлении на пост министра иностранных дел выдвинул тезис, что для соглашения с союзниками в духе декларации 27 марта требуется предварительное сближение с ними путем военного сотрудничества¹. Софизмы руководителя внешнеполитического ведомства, обосновывавшие отказ от активной борьбы за мир до наступления русской армии, не только не были разоблачены соглашательскими партиями, но получили поддержку эсеро-меньшевистских лидеров.

Оставалось добиться, чтобы с идеей демократического мира и пересмотра межантаптовских договоров хотя бы в общих словах публично солидаризировались союзники. Это нужно было прежде всего для обмана трудящихся России. Временное правительство, как нам представляется, хотело также произвести разведку и в благоприятном случае подготовить почву для задуманной им на будущее ревизии соглашений о дележе добычи.

Старые ответы союзников на ноту Милюкова для этих целей не годились: они не содержали ни достаточного тумана демократической фразеологии, ни согласия на пересмотр договоров. Поэтому русская дипломатия стала добиваться новых ответных документов, специально предназначенных для печати. Формальным предлогом для ее настояний послужила передача союзным державам 6 мая декларации коалиционного правительства, где говорилось об отношении его к войне².

¹ «Революционное движение в России в мае-июне 1917 г.», № 183.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 98, т. 1, л. 78—79.

Быстрее всех откликнулась на просьбу Временного правительства Великобритании, господствующий класс которой, как отмечалось, с пониманием отнесся к созданию коалиции в России. Либеральная «Манчестер Гардиан» — а именно либералам отводилась главная роль в обосновании перед общественным мнением более гибкой политики в отношении России — в майских номерах предлагала союзникам совместно пересмотреть цели войны и найти способ точного определения и практического применения русской формулы мира. Газета видела выгоды такого подхода в том, что Германия не согласится на мир «без аннексий и контрибуций», зато русская общественность получит удовлетворение, массы сплотятся вокруг Керенского, и Россия будет привлечена к энергичному участию в войне¹. В том же духе выступала либеральная газета «Дейли Ньюз»². Орган либералов-империалистов «Вестминстер Газетте» призывал союзников дополнить отрицательную формулу русских своей положительной программой мира и гарантий на будущее против нынешних виновников войны³. Правящая группировка Англии соглашалась поддержать Временное правительство в его маневрах с целью обмана народных масс, но оставляла право трактовки русской формулы за собой. Толковать же ее, как показал ответ Форин Оффис Терещенко, она намерена была в свою пользу и в ущерб ослабленному российскому империализму.

Нота Англии от 9 мая содержала словесное согласие британского правительства с принципами мира, провозглашенными русской демократией. Впрочем, эти принципы тут же мошеннически приравнивались к основным целям войны, ранее сформулированным Вильсоном и другими лидерами Антанты. Далее в слегка завуалированной форме излагалась аннексионистская программа британского империализма, якобы не противоречившая демократическим принципам. Наконец **выражалось** согласие обсудить вопрос о целях войны и, если потребуется, пересмотреть в той или иной части существующие договоры⁴.

¹ Излагается по обзору газеты «Речь» от 25. V 1917.

² АВПР, ф. Отдел печати, д. 283, л. 14.

³ Излагается по газете «Речь» от 21 VI 1917.

⁴ АВПР, ф. Секретный архив, д. 613/625, ч. 2, л. 238—239; Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 232.

Смысл ответа Форин Оффис сводился к тому, что Англия не намерена отказываться от своей части добычи, но согласна рассмотреть вопрос об уменьшении русской доли. Это сразу увидели лидеры русской буржуазии. «Речь» в передовой статье от 9 мая с тревогой писала: «Пересмотр соглашений вероятно состоится: «подготовительные шаги» к нему делаются теперь даже не нами, а нашими союзниками. Но результатом пересмотра явится не равномерный отказ от всех серьезных задач, поставленных всеми союзниками, а односторонний отказ от задач, поставленных на юго-востоке Европы (читай, планов русского империализма в отношении проливов, Галиции, Балканского полуострова.— *А. И.*), за счет задач, поставленных уже не нами, а нашими союзниками, в других местах и в колониях»¹. Те же опасения, что пересмотр соглашений произойдет в ущерб одной России, высказывались на происходившем в тот момент съезде кадетской партии².

Но и независимо от вопроса о дележе добычи нота Англии не удовлетворяла русскую дипломатию с точки зрения возможности использования ее для обмана народных масс России. Даже Бьюкенен в донесении Форин Оффис признавал, что если английский ответ «будет опубликован в настоящей своей форме, то наверняка произойдут трения, и Совет попытается навязать ему (Терещенко.— *А. И.*) свою волю»³.

Терещенко стал просить англичан переформулировать ноту. Его обращения, а главные советы Бьюкенена и Нокса, понимавших, что в интересах самой Англии поддержать русское коалиционное правительство, возымели действие. Форин Оффис, видимо, поручило отредактировать ноту Бьюкенену, которому на месте было видней, какие изменения в тексте представляются совершенно необходимыми. Посол провел эту работу в тесном контакте с русским Министерством иностранных дел, трижды вносил в английский ответ исправления и, наконец, 11 мая вручил Терещенко удовлетворившую того ноту.

Основное отличие ее от первоначального варианта состояло в том, что английская захватническая программа

¹ «Речь», 9. V 1917.

² «Речь», 11. V 1917.

³ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 234.

была изложена не развернуто, как прежде, а в самых общих чертах. В ней говорилось, что Англия вступила в войну не ради завоеваний, а для защиты своего существования и уважения к международным обязательствам. «К таковым задачам прибавилась ныне задача освобождения народностей, угнетенных чужой тиранией»¹. Это позволяло Форин Оффис в нужное время конкретизировать свои требования. С другой стороны, Временному правительству легче было выдать такой ответ за формулировку «демократических» целей войны и удобней договариваться с Англией о взаимном сокращении империалистических притязаний.

С последним Временное правительство, учитывая соотношение сил, пока не спешило. Терещенко в телеграмме от 24 мая разъяснял Набокову, что в настоящий момент интересам России не отвечал бы немедленный обмен взглядов с союзниками по вопросу о целях войны. «Такой момент,— продолжал он,— наступит после того, как увенчаются успехом, как мы твердо верим, нынешние усилия временного правительства восстановить положение на нашем фронте»². Пока же следовало использовать получение ответа лишь во внутривнутриполитической борьбе в России.

27 мая Временное правительство, по договоренности с Англией и Францией, опубликовало их ответные ноты, пытаясь представить эти документы как важный шаг на пути согласования с союзниками демократических целей войны. Однако буржуазные министры явно недооценили быстрого роста сознательности масс, проходивших школу революции. То, что могло бы остаться незамеченным в марте, разглядели рабочие и солдаты, имевшие за плечами опыт апрельского кризиса. Разочарование масс было тем глубже, что буквально накануне эсеро-меньшевистская печать уверяла их, будто «общий отказ союзников от аннексий и контрибуций становится все более вероятным...»³

Партия большевиков расценила происшедшее как «полное крушение политики коалиционного Временного правительства», срывающее покров с усвоенного им лозунга «наступления». ЦК РСДРП(б) в специальной резолюции

¹ АВПР, ф. Секретный архив, д. 613/625, ч. 2, л. 234.

² «Константинополь и проливы», т. 1, № CCCXL, стр. 498.

³ АВПР, ф. Отдел печати, д. 283, л. 18.

от 31 мая по поводу ответных нот Англии и Франции предложил пересмотреть проводившуюся до сих пор Петроградским Советом политику. Совет должен взять власть в свои руки, тотчас обратиться к правительствам и отдельно трудящимся классам всех воюющих стран с изложением условий демократического мира и предложением немедленного открытия мирных переговоров; в особом воззвании разъяснить армии обстановку и потребовать решительной самоорганизации и установления революционной дисциплины, чтобы армия представляла мощную силу на переходный период, пока будут получены ответы на предложенные условия мира; принять революционные меры для обуздания хищничества капиталистов, ввести трудовую повинность и обеспечить армию всем необходимым¹.

Однако соглашатели отклонили предложение большевиков о взятии власти и действенной борьбе за демократический мир. Вынужденные выступить с резкой критикой в адрес союзников, они ухитрились делать из случившегося вывод в пользу продолжения обанкротившейся политики. Ответы союзников, — рассуждали газеты меньшевиков и эсеров, — свидетельствуют, что с Россией не считаются, и ей остается полагаться только на себя. Заставить прислушаться к нашему голосу может лишь демонстрация силы, которой явится наступление². Соглашателям помогли буржуазные круги, заинтересованные в продолжении их участия в правительстве.

Терещенко, стремясь как-то исправить свой грубый промах, поспешно прибег к новому маневру. 31 мая он передал отбывавшему из России А. Тома ноту, одновременно сообщенную другим союзникам и двумя днями позже опубликованную в печати. Большую часть этого документа занимали демагогические разглагольствования о внешнеполитических целях Временного правительства, выдержанные в духе вильсоновской фразеологии. Нота приветствовала решение союзных держав, которые заявили о готовности пересмотреть соглашения, касающиеся конечных задач войны, и предлагала созвать для этого специальную

¹ «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия», стр. 81—83.

² АВПР, ф. Отдел печати, д. 283, л. 18, 30, 37.

конференцию так скоро, как только создадутся благоприятные условия ¹.

Нота Терещенко преследовала цель создать у трудящихся России иллюзию, что коалиционное правительство якобы добивается срочного созыва конференции Антанты, которая выработает демократическую программу мира. А в секретных инструкциях русским дипломатам за границей говорилось совсем другое. Например, Набокову в Лондон Терещенко телеграфировал 9 июня, что созыв конференции, по мнению Временного правительства, должен состояться не раньше, чем через 2—3 месяца ². Та же мысль, лишь более аргументированно, изложена в телеграмме министра послу в США Бахметьеву: «Для вашего строго доверительного сведения прибавляю, что по соображениям как военного свойства, так и внутренним мы не считали бы желательным созыв этой конференции ранее половины августа» ³.

Как видим, Временное правительство, если и думало о конференции для пересмотра целей войны, то лишь после успешного наступления на фронте и торжества контрреволюции в России.

Это понимали западные союзники и, в частности, Англия, помогавшая Терещенко затягивать созыв конференции. Форин Оффис не дал никакого ответа на русскую ноту до самого июльского кризиса. Отвечая на запросы в Палате Общин, представители правительства ссылались на необходимость согласовать вопрос о конференции с другими партнерами, получить заключение ездившего в Россию министра А. Гендерсона⁴ и т. д.

Новые поражения российского империализма. В борьбе держав Согласия за будущий раздел мира в ее так сказать практической, а не декларативной части дипломатия Терещенко придерживалась пассивной тактики и стремилась отсрочить решение всех важных вопросов. Коалиционное правительство не объявило даже об отказе от намерения аннексировать Константинополь и проливы, для реализации

¹ «Константинополь и проливы», т. 1, № CCCXLVI.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 98, т. 2, л. 570.

³ «Константинополь и проливы», т. 1, № CCVIII.

⁴ «Речь», 23 и 28. VI 1917; АВПР, ф. Секретный архив, д. 686/127, л. 46.

которого явно не было сил ¹, не говоря уже о несоответствии этого требования настроениям народных масс и официальной программе кабинета. Подобная линия объяснялась главным образом неопределенностью положения: буржуазным министрам было неясно, в какой степени удастся сохранить старую захватническую программу, и во всяком случае хотелось спасти из нее как можно больше.

Вот почему Терещенко не спешил установить возможный контакт с Соединенными Штатами на почве пересмотра межантантовских договоров о дележе мира. На советы посла в Вашингтоне Б. А. Бахметьева министр отвечал, что инициатива США в деле согласования взглядов союзников на цели войны нежелательна; в то же время ему хотелось бы, чтобы Америка в нужный момент поддержала русское предложение о созыве конференции и приняла в ней участие ². Неопределенность ориентации подрывала и без того слабые позиции русской дипломатии, с которой, как можно проследить на ряде примеров, союзники считались все меньше и меньше.

В мае правительство Италии стало добиваться закрепления за собой «зоны» в Азиатской Турции, намеченной решением трех премьеров в Сен-Жане. Англия и Франция, особенно дорожившие теперь итальянским союзником, согласились пойти навстречу его притязаниям и дали санкцию на краткое сообщение в парламенте Италии о достигнутой между тремя державами договоренности. Терещенко попытался протестовать, указывая, что такое заявление создаст большие трудности для Временного правительства внутри страны и тем осложнит выполнение главной задачи — восстановления боеспособности армии и перехода ее в наступление ³. Министр сознательно умолчал об еще одном, быть может, самом важном обстоятельстве — несоответствии итальянских притязаний планам России, так как понимал, что для союзников этот аргумент не будет особенно убедительным. Протест Временного правительства остался безрезультатным. Более того, под давлением Анг-

¹ Это признало еще в конце апреля специальное совещание (ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 45, л. 186).

² «Революционное движение в России в мае-июне 1917 г.», № 210.

³ «Раздел Азиатской Турции», № CCCIX.

лии Терещенко пришлось фактически изменить первоначальную позицию, о чем он 24 мая телеграфировал Набокову¹.

То же предпочтение Италии перед Россией проявилось в отношении Англии к итальянским притязаниям на Албанию.

В двадцатых числах мая старого стиля Италия неожиданно для других держав провозгласила «независимость» Албании под своим покровительством. Временное правительство, смущенное появлением нового сильного конкурента на Балканах и опасавшееся внутренних осложнений в результате явно империалистической акции одного из членов Антанты, предложило Англии и Франции выступить в Риме с коллективным или хотя бы идентичным протестом². Англия, интересы которой также в известной мере были задеты, сначала склонна была поддержать Россию³. Однако вскоре английская дипломатия вступила в тайную сделку с итальянской и обещала той ограничиться чисто формальным протестом в обмен на поддержку Италией англо-французской политики в Греции⁴. После этого Форин Оффис сообщило России, что оно против коллективного или тождественного протеста, который мог бы задеть самолюбие Соннино⁵. Договорились, что каждая из трех держав (Англия, Франция, Россия) сделает самостоятельное представление в Риме, да и это решение не было осуществлено под предлогом правительственного кризиса в Италии.

Столь же мало были приняты во внимание западными партнерами интересы России в греческом вопросе. В середине мая (по старому стилю) Англия и Франция договорились свергнуть короля Константина и поставить у власти правительство Венизелоса, которое объявило бы войну Центральным державам. Поскольку совершенно обойти Россию, считавшуюся одной из трех держав-покровительниц Греции, было неудобно, Франция запросила согласие Временного правительства на разработанный в Лондоне план.

¹ «Раздел Азиатской Турции», № CCCXVII.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 98, т. 1, л. 342.

³ Там же, д. 7, л. 45; д. 98, т. 1, л. 348.

⁴ Там же, ф. Секретный архив, д. 529/551, л. 189.

⁵ Там же, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 7, л. 52.

Терещенко дал резко отрицательный ответ, квалифицировав англо-французский проект как «несвоевременный и опасный», не вызываемый какими-либо особыми обстоятельствами и не отвечающий общесоюзным интересам. Министр пояснял, что намеченный переворот вызовет ослабление Македонского фронта союзников, а это в свою очередь подорвет настроение русской южной армии и может позволить противнику сорвать русское наступление¹. Терещенко и на этот раз не использовал мало убедительный для союзников аргумент столкновения империалистических интересов России и венизелитов.

Временное правительство попыталось опереться на, казалось, менее решительно настроенную Англию. 25 мая Набоков имел объяснения с Сесилем. Лорд Роберт успокаивал русского представителя, что переворот в Греции, вероятно, удастся осуществить невоенными средствами. В то же время он указал на крайнюю желательность участия России в ультиматуме Константину². В день беседы Набокова с Сесилем Терещенко вручил Бьюкенену и Тома памятную записку, в которой настойчиво предлагал отсрочить переворот в Греции³. Эта попытка одновременно служила продолжением поисков контакта с Англией. Русская дипломатия согласилась поддержать ходатайство Лондона об отозвании и замене командующего союзными войсками в Греции французского генерала Саррайля⁴. Но все это не помогло, и в начале июня переворот в Греции был осуществлен.

Англия поддержала действия Франции⁵. Терещенко ничего не оставалось, как после словесного неодобрения образа действий партнеров примириться с происшедшей переменой.

Русская дипломатия проявляла нерешительность не только в делах, в которых позиции Временного правительства были заведомо слабы. Рабски следуя по стопам старой политики, она обрекала себя на бессилие там, где приме-

¹ «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны», № CCCLXVI.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 7, л. 46.

³ «Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны», № CCCLXXI.

⁴ Там же, № CCCLXXVII.

⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 7, л. 72; д. 71, т. 1, л. 478.

нение новой внешнеполитической тактики могло бы принести определенный успех. Это относится, например, к Персии, демократические круги которой приветствовали Февральскую революцию и возлагали большие надежды на обновленную Россию. Временное правительство могло бы значительно укрепить свое влияние в Персии в ущерб Англии, но для этого требовалось пересмотреть весь арсенал прежних средств воздействия и прежде всего вывести русские войска, которых, кстати сказать, ни содержать было не на что, ни кормить нечем, а также заменить старый состав русских дипломатических и консульских представителей. Именно такой линии советовал придерживаться временно возглавлявший русскую миссию в Тегеране Минорский ¹.

Однако Терещенко не рискнул осуществить столь «радикальный» поворот, хотя на словах и признавал необходимость придать персидской политике России «более демократический характер». Министр исходил из того, что «общее направление» русской политики в Персии должно оставаться «на прежней основе полного взаимодействия с Англией...» А раз так, то выводить войска нельзя, ибо Англия требует содействия отряду генерала Моде в Месопотамии. Коль скоро прежняя политика в Персии продолжается, незачем обновлять и штат людей, привыкших ее осуществлять. Вот покровительство отдельным персидским реакционным деятелям желательно «по возможности сократить». В новых условиях России неудобно выступать против созыва Меджлиса, хотя она, как и Англия, предвидит затруднения от запросов о пребывании в Персии иностранных войск. Но ведь созыв Меджлиса потребует продолжительного времени. Наконец, от демократических принципов можно в необходимых случаях отступать; важно лишь, как уже указывал Милюков, «предоставлять инициативу Великобританской Миссии» ². Так инструктировал Терещенко Минорского, и так действовала дипломатия России несмотря на то, что британский соперник считал соглашение 1907 г. устаревшим и покушался уже на саму «русскую зону» влияния ³.

¹ Там же, д. 52, л. 360, 378.

² Там же, д. 98, т. 1, л. 106—107.

³ Там же, д. 52, л. 382—383.

После июньского наступления русской армии поворот к реакции сказался и на персидской политике, из которой улетучились все элементы «демократизма». В конце июня в Тегеран вернулся царский дипломат Эттер, который в ответ на просьбу персидского правительства о займах возбудил вопрос о восстановлении условий кабального соглашения, навязанного Персии Англией и Россией летом 1916 г.¹

При первой коалиции продолжался процесс превращения в объект империалистических сделок самой России. Англия и США укрепляли свои позиции в намеченных ранее сферах «помощи». В беломорские порты России прибыли новые английские военные суда, расширился штат британских транспортных офицеров². По предложению англичан были внесены изменения в порядок управления русскими и британскими военно-морскими силами на Севере.

Русские власти фактически признали независимость командующего британской эскадрой контр-адмирала Кемпа. Все русские тральщики перешли в непосредственное подчинение командира флотилии британских тральщиков капитана первого ранга Хёрта³. В июне англичане сообщили, что в Петроград будет послан контр-адмирал Стенли со штабом, который возглавит все британские военно-морские силы в России⁴.

За кулисами шла подготовительная работа к еще большему вмешательству во внутренние дела России. Отзвук ее мы находим в телеграмме в Токио японского военного атташе в Петрограде Исидзакки, датированной 31 мая (13 июня). Он высказывал убеждение, что США, Англия и Франция не предоставят России «ее собственной участи. Во-первых, ради достижения целей войны, а во-вторых, ради своей русской политики после войны». Вероятно, они поставят России «известные условия, гарантирующие их (США, Англию и Францию.— А. И.) на время войны или даже после войны». Исидзакки предполагал, что эти условия могут «состоять в вмешательстве во внутреннюю политику или в

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 52, л. 443—444.

² ЦГАВМФ, ф. 378, оп. 1, д. 1, л. 59 и 54.

³ Там же, л. 66; ф. 418, оп. 5, д. 215, л. 15.

⁴ Там же, ф. 418, оп. 1, т. 3, д. 4629, л. 79.

уступке натуральных богатств», и высказывал опасения, как бы Япония не осталась в стороне ¹.

Английские политики, как отмечалось ранее, ожидали, что свержение монархии приведет в конечном счете к распаду многонациональной России. Образование Украинской Рады и принятие Финляндским сеймом акта о верховных правах, казалось, подтверждало правильность их прогнозов. Английская дипломатия не стремилась ускорить процесс, опасаясь ликвидации Восточного фронта, но не хотела и «упустить своего» и заблаговременно устанавливала связи с лидерами буржуазно-националистических организаций. Известно, в частности, что Пеарз незадолго до июньского наступления встречался в Киеве с председателем Украинской Рады Грушевским. Пеарз говорил о симпатиях англичан ко всякому выделению национальных территорий, но предупредил, что сейчас, когда сама Украина частично захвачена врагом, не время углублять расхождения с Временным правительством проведением автономистской политики. Грушевский заверил английского дипломата в преданности Рады делу союзников и сказал, что не может быть и речи о разрыве с Россией во время войны ².

Наибольшие возможности для экспансии в России открывала пока перед союзными державами ее экономическая зависимость. Пользуясь последней, миссия генерала Пуля все беззастенчивей вмешивалась в дела русского союзника. 31 мая Пуль предложил начальнику Главзаграна Михельсону изменить процедуру передачи новых заказов за границу и пересмотра уже совершенных сделок, официально признав за британской миссией снабжения право санкционировать решения русских властей по этим вопросам. Пуль хотел также, чтобы его миссии было предоставлено право самой выступать инициатором пересмотра иностранных заказов России ³. Временное правительство уклонилось от формального закрепления за английским учреждением фактически приобретенных последним полномочий, надеясь видимо, что активизация русского фронта позволит изменить положение. В качестве компромисса

¹ «Борьба классов», 1931, № 5, стр. 87.

² В. P a g e s. My Russian Memoirs, London, 1931, p. 456—457.

³ ЦГИА, ф. 1525, оп. 1, д. 44, л. 6—7.

решено было приглашать Пуля на заседания Главзаграна¹. Немного позднее в рамках Главзаграна была создана комиссия с участием представителей военных миссий всех союзных держав. Она рассматривала такие вопросы как потребности России в тоннаже и распределение его между различными видами грузов, организация перевозок по Тихому океану, работа русских портов, снабжение союзников русскими товарами и др. Рекомендации комиссии большей частью передавались на усмотрение все той же миссии Пуля, которая, таким образом, сохранила главенствующую роль².

Союзники индивидуально и коллективно давали Временному правительству советы, как лучше наладить работу промышленности и транспорта. Например, помощник Пуля полковник Берн совершил в июне инспекционную поездку по югу Европейской России. В отчете, препровожденном британской миссией русским властям, Берн рекомендовал: 1) прибегнуть к локауту, чтобы покончить с «безудержными» требованиями рабочих и заставить их трудиться более продолжительное время; 2) еще сократить пассажирское движение; 3) учредить специальный штат инспекторов, которые следили бы, чтобы русские заказы в Англии не превышали действительных потребностей³. Эти и подобные им советы должны были отчасти компенсировать, а главным образом оправдать резкое сокращение военно-экономической поддержки, оказываемой России.

Сокращение экономической помощи России. Коалиционное правительство, подобно своим предшественникам, не мыслило продолжения войны без иностранной финансовой «помощи». Оно разрешило министру финансов производить и впредь заграничные займы с тем условием, чтобы их общая сумма не превысила 10 млрд. руб.⁴ Министрам-«социалистам», вероятно, представлялось, что намеченный предел ограждает хозяйство страны от чрезмерного бремени. Политическим слепцам было невдомек, какую услугу оказывают они международному капиталу, открывая перед ним еще невиданные возможности для финансовой эксплуатации России.

¹ ЦГИА, ф. 1525, оп. 1, д. 40, л. 35.

² Там же, л. 22—24, 28—31 об.

³ Там же, д. 1074, л. 22—24.

⁴ Там же, ф. 366, оп. 1, д. 41, л. 352 об.

Всего за два дня до образования коалиции Временное правительство получило первый заем от правительства США на сумму 100 млн. долл. Казалось, мечты русских капиталистов приобрести нового ростовщика и тем ослабить зависимость от Англии начинают сбываться. Но радость их была преждевременной, ибо ожидаемого продолжения не последовало. Второй опять-таки сравнительно небольшой заем США предоставили Временному правительству уже в дни июльского кризиса. Львиную долю американских кредитов союзникам на 30 июня 1917 г. захватила все та же Англия — 56%; Франция получила 20%, а России вместо равной с западными союзниками доли, на которую она претендовала, досталось менее 10% ¹. Неудача дипломатии Терещенко объяснялась в этом случае не столько недостатком инициативы или настойчивости, сколько неуверенностью США в прочности позиций Временного правительства и противодействием со стороны Англии.

Не сумев закрепить положение посредника между американским ростовщиком и Россией, Великобритания умышленно подрывала русский кредит в США, в чем, кстати сказать, Терещенко отдавал себе отчет ². Это достигалось, между прочим, информированием американского союзника о нехватке тоннажа, что лимитирует возможности доставки грузов в Россию и, следовательно, необходимые последней кредиты ³. Кроме того, как только США предоставили России первый заем, Англия потребовала, чтобы дальнейшие платежи по русским заказам, заключенным через Моргана, были перенесены с английского на американский кредит ⁴. Английские политики, по-видимому, преследовали при этом сразу две цели: облегчить финансовые тяготы своей страны и увеличить ценность британского кредита для России с точки зрения производства новых заказов. Временное правительство, после некоторого со-

¹ А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917). М., 1960, стр. 465.

² Министр 1 июня писал послу в Вашингтоне: «Мне представляется, что в переговорах нам оказывается косвенное противодействие английским финансовым представителем Левером (sic!)...» («Красный архив», 1927, т. I (20), стр. 19—20).

³ «Papers... 1918. Russia», v. III, p. 11.

⁴ «Экономическое положение России», ч. 2, № 654.

противления, дало принципиальное согласие¹, так как надеялось на крупные американские займы. Когда же эти надежды рухнули, оно оказалось в тяжелом положении, ибо хотя Англия и продолжала оплачивать морганские заказы, но делала это теперь неаккуратно и как бы в виде снисхождения.

После неудачи на американском денежном рынке Временному правительству ничего не оставалось, как снова и снова обращаться за средствами в Лондон. Между тем Англия, хотя и не собиралась выпускать Россию из тисков финансовой зависимости, но кредитовала коалиционное министерство крайне скупно. Как уже упоминалось, в апреле Англия уклонилась от заключения нового финансового соглашения с Россией «до выяснения размеров американской финансовой помощи союзникам». Поскольку срок предыдущего займа истек, коалиционному правительству приходилось изворачиваться в рамках подачек, бросаемых партнером. Размер их из месяца в месяц падал и в мае находился на уровне самых худших дней царского правительства, а в июне спустился еще ниже².

Особенно трудно было получить средства для оплаты заказов вне Британской империи. Так, Англия отвергла просьбу Временного правительства о предоставлении ему 20 млн. иен, срочно необходимых на платежи в Японии. Более того, она отказалась продолжать переговоры о намеченном Петроградской конференцией коллективном займе стран Антанты в Японии, так как это «явилось бы серьезной помехой планам Англии использовать финансовую помощь Японии для собственных неотложных нужд». Вместо помощи Временное правительство получило совет вообще прекратить заказы в Японии, ибо Владивосток, мол, все равно забит грузами на два года³. В середине июня (по старому стилю) английское Казначейство категорически отказалось производить для России какие-либо платежи в США, ссылаясь на отсутствие американской валюты⁴.

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 98, т. 2, л. 501—502.

² В мае в счет английского кредита было израсходовано 49 млн. руб., а в июне — 38,9 млн. руб. (ЦГИА, ф. 1524, оп. 1, д. 6, л. 35—36.)

³ «Экономическое положение России», ч. 2, № 656.

⁴ Там же, № 657.

Перед лицом все возраставших трудностей с английским кредитом коалиционное правительство 10 июня решило повторить попытку заключить с Великобританией общее финансовое соглашение¹. Ведение переговоров решено было сосредоточить в Петрограде. Терещенко выждал начала русского наступления и 22 июня вручил Бьюкенену пространную записку за двумя подписями — своей и министра финансов А. И. Шингарева. В этом заискивающем по тону документе выдвигалась «самая настоятельная просьба» о предоставлении 25 млн. ф. ст. на июль, пока не будет подписано новое финансовое соглашение на условиях, выработанных Петроградской конференцией. Терещенко и Шингарев тут же соглашались на серьезное уменьшение английской финансовой помощи по сравнению с наметками Петроградской конференции. Они исходили из вынужденного нехваткой тоннажа сокращения русских заказов в Англии и перспектив денежной поддержки со стороны США. К записке прилагалась программа потребностей в английских кредитах и предстоящих платежах². Ответ на эту просьбу, лишь отчасти благоприятный, пришел уже после июльского кризиса, и о нем будет сказано ниже.

Не более успешно для Временного правительства складывалась борьба за получение из-за границы предметов боевого снабжения и иных видов поставок. Помимо недостатка средств, служившего причиной срыва заказов на цветные металлы, колючую проволоку и некоторые другие предметы, огромные трудности создавала нехватка тоннажа.

Как уже отмечалось, сокращение русской программы перевозок являлось для Англии одним из средств выхода из кризиса, созданного германской подводной войной. Сначала английское правительство, уменьшая тоннаж для России, не отказывалось от прежних обещаний.

5 июня Мильнер предупредил председателя РУССКО генерала Гермониуса, что обещанные на Петроградской конференции 3,4 млн. т грузов доставить не удастся³. 15 июня он официально известил о резком сокращении программы перевозок на оставшуюся часть года. Из Англии

¹ ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 41, л. 460 об.

² «Экономическое положение России», ч. 2, № 657.

³ ЦГИА, ф. 1525, оп. 2, д. 1022, л. 13—14.

требовалось вывезти за июль — сентябрь около 0,5 млн. т грузов, а тоннажа предоставлялось всего 120—150 тыс. т. Программа транспортировки угля сокращалась вдвое. Для перевозок из Франции Англия давала на те же месяцы всего 30—38 тыс. т, в то время как одних залежей грузов там насчитывалось 100 тыс. т. Англичане отказывались уделить какой-либо тоннаж для американских грузов, хотя в портах США ожидало вывоза 200 тыс. т различных материалов. Мильнер за русское правительство делал вывод, что при таких условиях «по-видимому, бесполезно помещать в настоящее время дальнейшие заказы, разве только по исключительным обстоятельствам», и сообщал о готовности Англии перевести на себя часть старых русских контрактов и принять назад «излишки» готовой продукции¹.

Напрасно Э. К. Гермониус и его коллеги пытались воздействовать на английские власти, доказывая, что намеченное сокращение может отразиться на самом ходе кампании, в связи с чем потребуется пересмотреть планы войны². Правительство Ллойд Джорджа в данном случае сознательно использовало экономическое давление как средство ускорить русское наступление. Набоков телеграфировал 3 июня: «Наши морской и финансовый агенты и другие работники в Правительственном комитете свидетельствуют, что из сношений по специальности каждого из них с английским правительством определенно выясняется следующее: пока русская армия не тронется, до тех пор никакие обещания, никакие призывы с нашей стороны не окажут воздействия на выжидательное настроение Англии»³.

АНГЛИЯ И ПОДГОТОВКА ИЮньСКОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Методы давления Англии. Использование рычагов экономического воздействия было хотя и не единственным, но характерным именно для Англии способом давления в целях ускорить русское наступление. В арсенале француз-

¹ «Исторический архив», 1955, № 3, стр. 167—168.

² «Экономическое положение России», ч. 2, № 610, 637.

³ Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика керенщины. «Очерки по истории Октябрьской революции», т. 2. М., 1927, стр. 392.

ской политики преобладал открытый, грубый нажим по военной и дипломатической линии. США в наибольшей мере могли играть роль бескорыстного друга России и даже предлагали ей отсрочить наступление в интересах лучшей подготовки¹. Англия, подобно Франции, была в силу военных и внутривосточных соображений заинтересована в скорейшей активизации Восточного фронта. В то же время положение главного кредитора и перевозчика России позволяло ей действовать внешне более тонко. Там, где Франция требовала, Англия лишь выясняла и намекала, но ее намеки, подкрепленные экономическим прессом, давили не меньше французских демаршей. В этом смысле показателен следующий эпизод. В мае — начале июня Набоков так часто сообщал, что разрешение интересующих Россию вопросов упирается в наступление, что Терещенко послал в Лондон ответ, в котором сквозило еле скрытое раздражение постоянным нажимом: «Получил Вашу телеграмму № 439. Те же самые мысли уже ранее были подробно развиты Вами в ряде телеграмм (№ 306, 348, 389, 408) и вполне нами усвоены. Для нас не подлежит сомнению, что возобновление боевой деятельности на нашем фронте является первым и непереносимым условием для восстановления доверия к нам союзников и для благополучного завершения войны. Все усилия Временного правительства направлены именно к этой цели»².

Применение Англией экономического нажима способствовало сокращению союзной военно-экономической помощи и, следовательно, подрывало боевые возможности России и уменьшало и без того низкие шансы на успех наступления, которого державы Антанты так добивались. Остановимся пока только на влиянии, оказанном этой политикой на непосредственную военно-техническую подготовку июньского удара. Особое значение для прорыва вражеской обороны имели тяжелые орудия, большую часть которых обещали поставить союзники, главным образом Англия. На практике до апреля, т. е. предельного, по расчетам русского командования, срока, когда прибывшие орудия могли быть перевезены из портов во внутрен-

¹ Такой совет был дан главой американской миссии Э. Рутон (АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 104, л. 94).

² «Революционное движение в России в мае-июне 1917 г.», № 200.

ние районы России, сформированы в воинские части и доставлены на фронт, из Великобритании получили 101 орудие калибра от 150 мм и выше или 46% обещанного англичанами артиллерийского парка¹. Использование доставленной техники затруднялось недокомплектом: значительная часть пушек не была снабжена прицелами, необходимыми инструментами, не имела тракторов для передвижения. К некоторым калибрам не поступило обещанного количества снарядов. Наконец, качество заграничных орудий вследствие то ли дефектов изготовления, то ли небрежной перевозки оказалось крайне низким и вызывало нарекания русского командования².

Англия отказалась удовлетворить просьбу русских военных властей о присылке такого нового сильного оружия прорыва, как танки³. Недобросовестное выполнение союзниками России своих обязательств поставило русскую армию в тяжелое положение и в части авиации, игравшей серьезную роль как средство разведки и корректировки стрельбы артиллерии. Неполностью выполнялись обязательства и по многим другим видам военных поставок. Так, винтовочных патронов английские заводы должны были сдать для России за первые пять месяцев 1917 г. 298 млн. штук, а фактически сдали лишь 178 млн.⁴

О недостаточно внимательном отношении Англии к делу боевого снабжения России свидетельствует и категорический отказ британского Адмиралтейства выделить миноносцы для борьбы с немецкими подводными лодками на путях к русским североморским портам⁵.

Английские военные поставки в мае-июне сопровождались особенно мелочным контролем со стороны британской миссии снабжения в России.

Генерал Пуль и его коллеги даже брались определять, на какие участки фронта целесообразней направлять полученную из Англии технику, навязывая свое мнение русской Ставке⁶.

В результате всего этого русские войска должны были

¹ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 165, л. 26—28.

² «Экономическое положение России», ч. 2, № 607.

³ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 71, л. 204 с об., 210.

⁴ «Экономическое положение России», ч. 2, № 609.

⁵ АВПр, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 7, л. 67 и 82.

⁶ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 165, л. 190 и д. 166, л. 17.

идти в наступление, отнюдь не в избытке снабженные военной техникой и боеприпасами, как любят представлять дело буржуазные и белоэмигрантские авторы, а в условиях большой нехватки тяжелой артиллерии и авиации, без танков и даже без свободы распоряжаться присланным из-за границы оружием. Отношение Англии к боевому снабжению русской армии является еще одним подтверждением того, что союзников интересовал в большей мере *политический*, чем военный эффект июньского наступления.

Наряду с экономическим давлением английское правительство спекулятивно использовало необходимость взаимной помощи партнеров по коалиции. Хотя русская армия, по данным самих англичан, сковывала в июне 104½ дивизии противника, не позволяла осуществлять крупные переброски вражеских войск на запад¹ и тем вносила существенный вклад в совместную борьбу, союзники, ссылаясь на устаревшие решения шантильийских и Петроградской конференций, перенесли вопрос в плоскость взаимодействия активных операций. После неудачи наступления генерала Нивеля Англия и Франция сообщили русской Ставке о намерении продолжать «давление» на противника и дали понять, что, если Россия не включится в активную борьбу, то в критический момент сама может оказаться изолированной².

Приняв авантюристическое решение о наступлении, русское командование, а затем и Временное правительство обратились к Англии и Франции с просьбой поддержать его энергичными действиями на Западном фронте³. Соответствующие обещания были с легким сердцем даны. 13 июня английский военный представитель при Ставке генерал Бартер заявил, что британская армия поддержит русское наступление⁴. Одновременно французская Главная Квартира сообщила, что «в ближайшее время» решено «начать

¹ J. E. Edmonds. *Military Operations, France and Belgium*. 1917, v. 2. London, 1948, p. 427.

² А. М. Зайончковский. *Кампания 1917 г. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг.*, ч. 7. М., 1923, стр. 149.

³ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 71, л. 193—194; АВПР, ф. Секретный архив, д. 652/674, л. 66.

⁴ А. Ф. Керенский. *The Catastrophe*. New York—London, 1927, p. 217.

наступательные операции в больших размерах на английском и частично французском фронтах»¹.

Категорические заверения союзников, как выяснилось позднее, не вполне соответствовали их действительным намерениям. Французская армия, понесшая большие потери в ходе неудачного наступления Нивеля и ставшая ареной массовых солдатских волнений, на длительный срок утратила способность к активным операциям. Английское командование и правительство колебались относительно образа действий британских войск. Влиятельнейший начальник Генерального Штаба Робертсон считал, что наступление на Западном фронте не имело бы шансов на успех, и предлагал ограничиться обороной и накоплением сил, пока прибытие американских контингентов не склонит чашу весов на сторону западных держав. Робертсон скептически относился к вероятности возрождения боевой мощи России и склонен был бросить обессиленного союзника на произвол судьбы, полагая, что если что и способно оказать оздоровляющее влияние на русского партнера, так это удар немецких войск. Главным оппонентом Робертсона оказался генерал Хейг. Командующий британской экспедиционной армией верил, что, продолжая наступательные операции, Англия при поддержке других союзников сможет добиться победы в 1917 г. Хейг высоко ценил русскую помощь и не терял надежды, что под влиянием известий об активных операциях на Западе она еще возрастет. Но даже в худшем случае Россия на заключит сепаратного мира, а потому нет оснований опасаться, что противник сможет быстро усилить западный фронт за счет восточного. После острой внутренней борьбы английское правительство склонилось к продолжению наступательных операций с той, однако, оговоркой, что операции должны быть прекращены, если на начальной стадии выяснится, что ожидаемый успех не достигается². Кроме того, в руках Робертсона оставалось сильное средство если не сорвать, то затормозить наступление — резервы, без присылки которых Хейг наступать отказывался. Это орудие было использовано и,

¹ А. Е. Иоффе. Русско-французские отношения в 1917 г. М., 1958, стр. 200.

² J. E. Edmonds. Op. cit., v. 2, p. 98—103 and 426—431 (Appendix XII).

в конечном счете, обрекло русское наступление на одиночество.

Впрочем, еще до начала июньского наступления имело место событие, служившее тревожным симптомом в отношении перспектив английской поддержки. Речь идет о решении Англии ослабить Македонский фронт, на взаимодействие с которым рассчитывала русская Ставка. Неоднократные просьбы Временного правительства по дипломатической и военной линиям остались тщетными, а настаивать и требовать оно, так же как и генералы, уже не решалось, опасаясь оскорбительных отповедей¹. Одна британская пехотная дивизия и две кавалерийские бригады были сняты с Македонского фронта и переведены на Палестинский, причем английская дипломатия не преминула взвалить вину за это на саму Россию, которая-де плохо сковывает турецкие войска в Закавказье и Персии².

Экономическим давлением и несостоятельными обещаниями поддержки дело не ограничилось.

Английская дипломатия по требованию консервативной буржуазии, добиваясь русского наступления, прибегла и к прямым угрозам. Помощник военного министра Якубович заявил на совещании делегатов фронта 15 мая: «Наши союзники поставили в известность Временное правительство о том, что отказ русской армии от перехода в наступление может понудить союзные державы предпринять шаги к заключению сепаратного мира с Германией, результаты чего могли бы явиться особенно тягостными для России». Едва эти слова появились в печати, как была сделана попытка поставить под сомнение правильность передачи слов Якубовича. Но и подправленный вариант звучал не лучше: «Наши союзники честно выполняют заказы, но, если мы им не поможем, дело может кончиться и войною с нынешними союзниками»³. Хорошенькое опровержение!

¹ В телеграмме от 23 мая Набоков советовал: «По обстоятельствам настоящей минуты, мне кажется желательным не предъявлять в слишком настойчивой форме к Англии требования, огромные трудности выполнения которого вызовут сетования на несоответствие возлагаемых нами на Англию задач с нашей собственной помощью общему делу» (ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 157, л. 15).

² Н. И. Голованов. О роли империалистов США и Антанты в июньском наступлении русской армии в 1917 году. «История СССР», 1960, № 4, стр. 134—135.

³ «Речь», 16. V 1917.

В мае-июне в русской и иностранной печати настойчиво распространялись слухи, что союзники договорились воздействовать на Временное правительство в вопросе об активизации русского фронта угрозой японской интервенции. Терещенко в беседе с журналистами 6 июня отрицал достоверность этих известий, хотя и признал недовольство союзников бездействием России ¹. На самом деле Министерство иностранных дел располагало информацией из нескольких источников о накапливании Японией войск в Корее и Маньчжурии, которые могли иметь и антирусскую направленность ². По распоряжению Терещенко было запрещено публиковать телеграмму корреспондента Петроградского телеграфного агентства в Токио, в которой указывалось на инициативную роль Англии в предполагаемых карательных акциях Японии ³.

Идеологическая обработка русской армии. Миссия Гендерсона. Временное правительство могло бросить армию в наступление только обманув большинство солдат, представив дело так, будто они жертвуют собой во имя свободы, революции и скорейшего мира. Событиям 18 июня на фронте предшествовала поэтому широкая агитационная кампания, решающую роль в которой сыграли эсеры и меньшевики. В ней участвовал также весь мощный аппарат буржуазной пропаганды. На помощь русским капиталистам пришли союзники. Английская буржуазная пресса подсказывала русским коллегам по классу лозунги и аргументы за наступление. Английское бюро пропаганды в России, сотрудники британского посольства и миссий, корреспонденты буржуазных газет, посланцы шовинистических партий и организаций — словом, все члены английской колонии включились в кампанию по идеологической обработке русской армии. На бесчисленных митингах, которыми в то время бурлила Россия, частым оратором был союзный офицер, дипломат или социал-патриот.

Кадетская партия организовала 18 мая в Петрограде публичное собрание, где русские и союзные шовинисты призывали к наступлению. От английской армии выступа-

¹ «Речь», 7. VI 1917.

² ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 162, л. 4; АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 93, л. 134.

³ ЦГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 28, л. 38.

ли лейтенант Гарстин и рядовой Дикинсон. «Речь» претенциозно окрестила это сборище «митингом народов»¹.

Русско-английское общество устроило 30 мая митинг на тему «Союзники и война». Речи произносили известные читателю Бьюкенен, Торнхилл, Пеарз. Английский посол уверял слушателей, будто политика его страны «нисколько не идет вразрез с известным лозунгом „без аннексий и контрибуций“, который любит русская демократия». Но надо победить врага, иначе он навяжет свои условия. До сих пор союзники активными усилиями спасали русскую свободу. Теперь они ждут, чтобы русская армия переходом в наступление помогла им ослабить натиск немцев. Выступавшие с ответными речами председатель общества Родзянко, Милюков и другие ораторы говорили, что русский народ никогда не изменит союзникам и что пора от слов перейти к делу².

Подобные собрания проводились не только в столице. Нокс и его помощники выезжали на фронт. Морской аташе Гренфелл агитировал в Балтийском флоте. С речами за наступление гастролировал по стране активный участник основанной плехановским «Единством» «Лиги личного примера» Пеарз.

В тылу Румынского фронта вели агитационную работу члены британской миссии при румынском королевском правительстве.

За наступление выступали приехавшие в Россию посланец фабианского общества Ю. Уэст и лидер женского суфражистского движения С. Панкхерст. Большие надежды возлагали английские правящие круги на миссию лейбористского министра Гендерсона.

Артур Гендерсон — секретарь лейбористской партии, председатель ее фракции в Палате Общин и член Международного социалистического бюро — принадлежал к числу тех ренегатов рабочего движения, которые в годы войны открыто стали на сторону буржуазии и верой и правдой служили ей на высоких государственных должностях. В правительстве Ллойд Джорджа он занимал пост министра без портфеля, члена военного кабинета и считался специалистом по предотвращению и урегулированию «конф-

¹ «Речь», 20. V 1917.

² «Речь», 31. V 1917.

ликтов» в промышленности. Взгляды Гендерсона на взаимоотношения с Россией лучше всего изложил он сам в одном из заявлений, сделанных в начале русской поездки: «Все наши взоры обращены в настоящую минуту на военные действия, а потому отношение рабочей партии к России всецело зависит от того, насколько Россия будет солидарна с союзниками в решении продолжать войну...»¹ Яснее, как говорится, не скажешь.

Перед вновьявленным дипломатом была поставлена задача усилить в России позиции «тех элементов, которые считали необходимым продолжать войну»². Та же идея несколько пространней сформулирована в осведомительной телеграмме Сесилия Бьюкенену: «создать более благожелательное отношение русских социалистов и рабочих к войне и рассеять ложное впечатление, сложившееся в России относительно наших (Англии.— А. И.) целей»³.

Несмотря на очевидную благонамеренность лейбористского лидера решение о его посылке было принято кабинетом Ллойд Джорджа не без внутренней борьбы. Консерваторы не верили в целесообразность поездки Гендерсона в Россию и стремились ограничить его полномочия. В таком аристократическом учреждении, как Форин Оффис, отношение к миссии Гендерсона было, по свидетельству Набокова, «не то ироническое, не то отрицательное»⁴. И хотя Ллойд Джордж, ссылаясь на успешный опыт Франции, пославшей в Россию министра-«социалиста» А. Тома, сумел настоять на своем, сопротивление консерваторов сказало в некоторой неопределенности инструкций, данных Гендерсону. С одной стороны, ему предлагалось считать свою миссию кратковременной, с другой — продолжительность пребывания министра в России не была установлена, причем не исключалась возможность, что он останется в Петрограде в качестве посла. Вопрос о замене Бьюкенена, вызвавший наиболее острую борьбу в английских правящих кругах, также не получил определенного решения.

¹ М. М. Карлинер. Февральская революция в России и английское рабочее движение. «Вопросы истории», 1957, № 3, стр. 131.

² Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 4, стр. 116.

³ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 241.

⁴ К. Д. Набоков. Указ. соч., стр. 74.

Окончательный вывод предполагалось сделать после ознакомления Гендерсона с положением дел на месте ¹.

Временное правительство благоприятно отнеслось к посылке миссии, рассчитывая, что шовинистическая агитация английского рабочего лидера поможет подготовке наступления ².

Гендерсон взялся за порученное дело с неменьшей самоуверенностью, чем незадолго до него Торн, О'Греди и Сандерс. Поздно ночью 18 мая он был уже в Петрограде ³. Толпы рабочих и солдат не вышли приветствовать чуждого им посланца английского кабинета. Зато лейбористский министр был встречен представителями правительства во главе с Терещенко, так что самолюбие гостя было удовлетворено. Следующий день Гендерсон начал с беседы с журналистами. Он поведал миру, что явился в Россию «выразить глубокое сочувствие английского правительства свободному русскому народу» и «оказать возможное содействие русскому правительству». Министр конкретизировал, что его помощь Временному правительству могла бы выразиться в передаче богатого английского опыта регулирования промышленной жизни и организованной борьбы рабочих за условия существования (читай, предотвращение и срыв стачек.— А. И.). С русскими социалистическими партиями предстоит договориться об организации конференции социалистов стран Антанты в Петрограде при условии, что решения большинства этого собрания союзных социалистов не будут обязательными для всех делегаций. В общей же Стокгольмской конференции английские делегаты участвовать не будут. Заканчивая беседу, Гендерсон не удержался, чтобы не выболтать действительной цели своего приезда: «Мы и наши союзники,— заявил он,— с нетерпением ждем теперь, чтобы русский народ поскорее укрепил свою свободу и принял участие в общем наступлении союзных армий...» ⁴

Изложение программы, как обычно, оказалось самой легкой частью задачи. Дальше начинались овраги, по

¹ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 4, стр. 115—117.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 103, л. 2.

³ «Речь», 20. V 1917.

В некоторых работах приводится ошибочная дата 20 мая, заимствованная из воспоминаний Бьюкенена.

⁴ «Речь», 20. V 1917.

которым предстояло ходить. Правда, Временное правительство с вниманием заслушало сообщение Гендерсона об организации снабжения в Англии, вмешательстве государства в сферу регулирования промышленности и взаимоотношения труда и капитала¹. Но применить английские рецепты к условиям русской революционной действительности буржуазное правительство Львова не могло. Капиталисты и помещики России в обстановке двоевластия выступали против углубления государственного регулирования производства и распределения.

Больше заинтересовала русских министров практика улаживания трудовых конфликтов в Англии². Коалиционное правительство пыталось в это время насаждать в России примирительные камеры и иные учреждения классового сотрудничества. Беда капиталистов была в том, что русский пролетариат не хотел следовать политике консервативных западноевропейских профсоюзов. И напрасно Гендерсон от лица Конгресса трэд-юнионов предлагал рабочим России помощь в организации профсоюзов по английскому образцу³. Русский пролетариат, поднявшийся до борьбы за рабочий контроль, не желал поворачивать вспять.

Неудача подстерегала Гендерсона и в выполнении другой более важной части его миссии — сговора с руководством русских мелкобуржуазных партий по вопросу о международной социалистической конференции и целях войны. В келейной обстановке лидеры меньшевиков и эсеров, несомненно, нашли бы общий язык с представителем британских социал-шовинистов и его коллегами из Франции и Бельгии — Тома и Вандервельде. Действительно, в результате закрытых совещаний компромисс между хозяевами и гостями уже намечался⁴. Но в революционной атмос-

¹ «Речь», 20. V 1917.

² По сообщению корреспондента «Таймс», меньшевистский министр Скобелев подробно расспрашивал Гендерсона о решении рабочего вопроса в Англии, просил его заходить в Министерство труда и чувствовать себя там как дома («The Times», 6. VI 1917).

³ ГАОР ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 317, л. 10—11.

⁴ Основными контурами его, как явствует из письма Тома, Гендерсона и Вандервельде Исполкому Петроградского Совета от 23 мая, были следующие условия: 1) общей социалистической конференции должна предшествовать конференция социалистов одних стран Антанты, на которой будут намечены условия мира; 2) русскую формулу мира надлежит разъяснить и конкретизировать.

сфере России результаты переговоров предстояло вынести на суд народных масс, которые требовали от вождей Совета обещанной борьбы за демократический мир. Поэтому Скобелевым, Черновым и иже с ними приходилось маневрировать, и раньше, чем какое-либо соглашение с Гендерсоном, Вандервельде и Тома было достигнуто, Петроградский Совет выступил с новым обращением о созыве международной социалистической конференции.

Социал-шовинистская тройца ответила открытым письмом протеста, в котором уличала своих контрагентов в нечестной игре, объявляла идею Стокгольмской конференции в ее нынешнем виде «вредной и опасной» и отвергла мысль о разрыве классового мира в странах Антанты¹. Помимо участия в коллективном демарше Гендерсон написал отдельное письмо на имя Н. С. Чхеидзе, в котором упрекал Петроградский Совет в игнорировании мнения лейбористской партии и предостерегал против опасностей «преждевременного» мира².

Переговоры с соглашателями на этом не кончились. Лидеры меньшевиков и эсеров разъяснили Гендерсону, Тома и Вандервельде трудности своего положения, после чего лейбористский министр предпринял попытку лично воздействовать на русских рабочих и солдат. Необходимость его агитационного турнэ вызывалась также отмеченной выше реакцией пролетариата и крестьянства России на ответ английского правительства о целях войны.

27 мая Гендерсон выступил на заседании Исполкома Петроградского Совета. Его демагогическая речь представляла сочетание лести и похвал в адрес русских рабочих и солдат с потугами оправдать продолжение войны и захватническую программу британского империализма. Гендерсон от лица английских рабочих присоединился к русской формуле мира, но тут же «конкретизировал» ее совершенно в духе британской ноты от 11 мая, а в конце выступления провозгласил буржуазный лозунг «почетного мира»³. Лидер лейбористов пробовал также выступать на собраниях и митингах рабочих и солдат столицы. Так, 2 июня он произнес речь на большом митинге в Народном доме,

¹ «Речь», 24. V 1917.

² ГАОР ЛО, ф. 7384, оп. 9, д. 317, л. 32—37.

³ Там же, д. 319, л. 2—3.

где распространялся о единодушном стремлении всех классов Британской империи добиться победоносного мира ¹. Из Петрограда министр направился в Москву и 17 июня выступил на заседании Исполкома Московского Совета рабочих депутатов. В своей речи он говорил о единстве интересов России и Англии в войне и в послевоенный период и заявил, что его страна будет сражаться до тех пор, пока в Германии и Австрии не восторжествует свобода ². Здесь мы уже видим попытку спекулятивно использовать популярное требование свержения монархических режимов.

Гендерсон в роли агитатора не снискал лавров, ибо хотя он и был опытным демагогом, но лейтмотивом его выступлений являлась война до победного конца, а народные массы России жаждали демократического мира. Поэтому речи лейбористского лидера встречали сдержанный, а то и холодный прием. Задавались вопросы, которые нередко ставили Гендерсона в тупик или заставляли его сбрасывать личину бескорыстного друга. Так, рабочие фабрик Невского товарищества спросили гостя, почему английское правительство задерживает доставку хлопка для русской промышленности. Гендерсон сослался на транспортные трудности, но тут же заявил, что «если рабочие согласятся поддержать Англию в настоящей войне, то он немедленно телеграфирует своему правительству и хлопок будет...» Такой торгашеский подход не мог не вызвать возмущения пролетарской аудитории ³.

Если призывы Гендерсона не оказали большого влияния на рабочих и солдат России, то на лейбористского министра контакты с русскими массами произвели глубокое впечатление. Самоуверенный политический деятель, собиравшийся сначала остаться в России в качестве главного защитника британских интересов, теперь спасовал и пошел на попятный. 1 июня он написал Ллойд Джорджу, что рекомендует сохранить на посту посла Бьюкенена, поскольку не замечает ни малейших признаков неудовлетворенности им, кроме как со стороны «экстремистов, которые при их нынешнем настроении, вероятно, относились бы

¹ «The Times», 18. VI 1917.

² «The Times», 2. VII 1917.

³ «Правда», 10. VI 1917.

подобным образом к любому представителю нашей страны (Англии.— А. И.), имевшему смелость выполнять свой долг»¹.

Лейбористский лидер пришел и к другому, еще более важному заключению, что меньшевики и эсеры, пожалуй, правы и единственное, чем еще можно сдерживать порыв трудящихся России к миру, это обещанием международной социалистической конференции. Вот почему уже на упомянутом заседании Исполкома Московского Совета он обещал по возвращении в Англию поднять вопрос о пересмотре отношения руководства лейбористской партии к Стокгольмской конференции². В интервью с корреспондентом агентства «Рейтер» в Петрограде Беринджером в конце июня Гендерсон высказал мнение, что англичанам и французам нужно готовиться принять участие в международном съезде социалистов, созываемом русскими³.

Хотя Гендерсон пробыл в России до первых чисел июля, его миссия, точнее главная ее часть, завершилась с началом наступления армий Юго-западного фронта, после чего английское правительство перестало придавать серьезное значение использованию в русской политике социал-шовинистов. Больше всех был доволен результатами своей поездки в Россию сам лейбористский министр, приписывавший себе большие заслуги в подготовке русского наступления. Умеренней, но все же положительно оценивали результаты миссии Временное правительство и часть членов британского кабинета. Что касается консерваторов, то они быстро разочаровались в Гендерсоне. В аристократическом Форин Оффис, судя по воспоминаниям Набокова, считали, что «практического результата от поездки Хендерсона не было никакого»⁴.

Думается, что, хотя миссия Гендерсона не оправдала возлагавшихся на нее надежд, она сыграла известную роль в подготовке наступления русской армии, являясь составной частью энергичной агитационной кампании, которую вели британские представители в России. У Гендерсона было немаловажное преимущество перед другими: он мог

¹ R. W a r t h. The Allies and the Russian Revolution. Durham, 1954, p. 71.

² «The Times», 2. VII 1917.

³ АВПР, ф. Отдел печати, д. 552, л. 98.

⁴ К. Д. Н а б о к о в. Указ. соч., стр. 74.

выступать под маской представителя английского рабочего класса. Миссия лейбористского министра послужила также прикрытием контрреволюционной деятельности английских дипломатов в России накануне и в связи с активизацией русского фронта.

Подготовка наступления реакции. Как уже отмечалось, и русская буржуазия и английское правительство придавали большее значение не военному, а политическому аспекту наступления, возможностям, которые оно открывало для борьбы с революцией. В первый же день существования коалиционного правительства Бьюкенен передал Терещенко известную читателю записку Нокса от 1 мая, где намечался минимум мер, необходимых, по мнению британского посольства, для восстановления «порядка» на фронте и в тылу (ограждение армии от политической «скверны», запрещение братания, закрытие большевистских газет и арест лиц, агитирующих против войны). Терещенко уверил посла, что полностью согласен с положениями записки¹. Нокс в свою очередь посетил военного министра Керенского, а затем его помощника полковника Якубовича. Керенский просил Нокса не пугать английские власти сбором пессимистических сведений, обещал в 5—6 дней восстановить порядок в столице, а затем отправиться воодушевлять фронт к предстоящему наступлению. Нокс польстил тщеславному адвокату, заявив, что считает его единственным человеком, способным спасти Россию. Деловой разговор произошел между военным агентом и фактическим главой министерства Якубовичем. Нокс подробно расспросил его о программе оздоровления армии и остался недоволен. Он раздраженно заметил, что из указанной программы ничего не выйдет, пока правительство не заткнет рот «Правде» и другим «непатриотическим» газетам и не арестует «предателей» вроде Хаустова и Сиверса (большевик, редактор «Окопной Правды»). Якубович объяснил, что правительство пока еще не в силах сделать это². Взаимопонимание в ключевом вопросе о борьбе с большевистским влиянием было достигнуто, расхождения касались лишь сроков.

¹ А. К н о х. *With the Russian Army*, v. 2. N. Y., 1921, p. 617.

² *Ibid.*, p. 616—617.

Английские правящие круги и их представители в России и в дальнейшем не щадили усилий, торопя Временное правительство расправиться с большевиками. Британский Генеральный штаб передал русским властям якобы полученные из «достоверного источника», а в действительности сфабрикованные, вероятно, английской же разведкой сведения, что Германия послала в Россию под видом социалистов 500 агентов с целью вызвать конфликт между Временным правительством и Петроградским Советом и толкнуть крестьян на захват земель. Этим агентам будто бы поручено также взорвать Балтийский флот. Особую ненависть британских империалистов вызывал В. И. Ленин; не случайно в той же грязной фальшивке утверждалось, что «социалист Ленин получил 4 миллиона марок на пропаганду сепаратного мира в интересах Гогенцоллернов и Романовых»¹. Вот куда ведут нити июльского обвинения В. И. Ленина в шпионаже в пользу Германии!

Английская буржуазная пресса клеветнически пыталась представить большевиков агентами Германии. «Таймс» писала: «С каждым днем становится яснее, что столкновение происходит между честными и патриотическими элементами в России и агентами германских мирных интриг»². Консервативная печать нападала также на Петроградский Совет, утверждая, будто он находится под сильным влиянием Германии и готов на компромисс с Гогенцоллернами ради немедленного мира³.

Английские представители в России приветствовали всякое проявление «твердости» коалиционного правительства в отношении трудящихся масс и, напротив, резко критиковали конъюнктурные уступки. Так, Временное правительство удостоилось похвалы Бьюкенена за борьбу против «Кронштадтской республики»⁴. Но когда в мае появилась куца «Декларация прав солдата», Нокс сделал вывод, что правительство отказывается от восстановления дисциплины в армии, а Бьюкенен в беседе с Терещенко солидаризировался с оценкой военного агента⁵. Нервно

¹ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 165, л. 209.

² «The Times», 18. VI 1917.

³ АВПР, ф. Отдел печати, д. 552, л. 38 с об., 45.

⁴ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 244.

⁵ А. К по х. Op. cit., v. 2, p. 623—624.

реагировал английский посол и на неудачную попытку властей выселить большевистские и рабочие организации из занятых ими частных зданий в столице. Он заявил министру иностранных дел, что эта неудача равносильна отречению от власти ¹.

Еще более откровенно выступали некоторые английские консервативные газеты, прямо советовавшие русской буржуазии перенести столицу в Москву, вручить власть сильному человеку и излечить страну кровопусканием («Морнинг Пост», «Дейли Экспресс») ².

Поощряемое союзниками буржуазное большинство Временного правительства готовилось к разгрому авангарда революционных сил. Оно рассчитывало под предлогом посылки пополнений на фронт отделаться от ненадежного петроградского гарнизона, изыскать способы оклеветать интернационалистов (здесь ему помогло «дело Гримма») ³ и получить поддержку Всероссийского Съезда Советов в вопросах о наступлении и об укреплении власти. После этого подготовительного этапа можно было перейти к решительным действиям.

В конце мая — начале июня внутривластное положение в России вновь обострилось. Вызывающее поведение контрреволюционных организаций, расформирование ряда полков на фронте за отказ от наступательных действий, ответы союзников о целях войны, свидетельствовавшие о несостоятельности внешнеполитической программы соглашателей — все это на фоне экономической разрухи, дороговизны и недоедания, вызывало недовольство и возмущение рабочих и солдат. В столице и ряде других крупных центров массы рвались на улицу, чтобы выразить свое недовольство и потребовать изменения политики. Большевики стремились придать выступлениям рабочих и солдат мирный, организованный характер и правильную политическую направленность. ЦК РСДРП(б) назначил на 10 ию-

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 244.

² АВПр, ф. Отдел печати, д. 552, л. 13 об., 21 и д. 586, л. 113.

³ Секретарь Швейцарской социалистической партии центрист Р. Гримм, приехавший в мае в Петроград для переговоров с лидерами меньшевиков и эсеров, оказался замешанным в попытку швейцарской дипломатии передать России германские предложения сепаратного мира. Временное правительство 2 июня выслало Гримма и намеренно предало дело огласке, дав повод буржуазной печати обвинять циммервальдцев в связях с Германией.

ня демонстрацию в Петрограде, которая должна была перед лицом Всероссийского Съезда Советов выразить волю трудящихся к переходу всей власти к Советам.

В то же время активизировалась деятельность контрреволюционных организаций. Государственная дума выступила 3 июня с призывом к немедленному наступлению в тесном общении с союзниками¹. Родзянко в письме, ставшем достоянием печати, просил членов Думы не покидать столицы, так как их присутствие может оказаться совершенно необходимым. Реакционнейшая Дума, таким образом, почти открыто готовилась формировать новую власть. 7 июня в Петрограде собрался всероссийский съезд казачества, на поддержку которого контрреволюция возлагала особые надежды. Казачьи части столицы должны были, по расчетам буржуазии, выступить в старой роли усмирителей уличных «беспорядков».

Контрреволюционные организации поддерживали связи с британским посольством и занимали известное место в его политических интригах в России. Разумеется, контакты посольства с реакционерами по условиям времени держались в тайне, но кое-какие отзвуки их тогда же проникали в печать или стали известны позднее из мемуаров и документов. Так, в дневнике Нокса сохранилась запись, что в мае к нему обращался некто П. с просьбой доставить в Архангельск оружие для контрреволюционеров — противников коалиционного правительства². Сохранились документы о большом интересе, проявленном союзными представителями при Ставке к работе Общеармейского офицерского съезда, основавшего один из главных «корниловских» центров России — Главный комитет Союза офицеров армии и флота. Съезд в свою очередь подробно информировал представителей союзников о своей работе³.

Английская печать приветствовала декларацию Государственной думы о наступлении. Судя по материалам консервативной прессы, Думе отводилась роль противовеса Всероссийскому Съезду Советов на случай, если бы он решил порвать с политикой соглашательства. «Таймс» откровенно писала о предстоящих решениях Съезда Сове-

¹ «Речь», 4. VI 1917.

² А. К о х. *Op. cit.*, v. 2, p. 625.

³ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 165, л. 92 и д. 166, л. 61.

тов и о Думе: «Какой бы характер эти решения не приняли, будут ли они касаться больших вопросов взаимоотношений капитала и труда или еще большей проблемы войны, Дума, членов которой г. Родзянко просил остаться в Петрограде, будет под рукой на случай необходимости»¹. Высокую оценку в английской буржуазной печати получил казачий съезд, делегация которого посетила британское посольство и завершила Бьюкенена в решимости казаков бороться против анархии и преждевременного мира².

Все же главные надежды на подавление революции Англия, несомненно, связывала в то время с самим Временным правительством. Она имела для этого серьезные основания. В информационных телеграммах Терещенко послам в союзных странах конца мая — начала июня подчеркивалось, что правительство стало на путь решительной борьбы с анархией³. Еще более откровенен был Терещенко в беседах с иностранными послами с глазу на глаз. 2 июня Бьюкенен сообщал в Лондон: «Из того, что рассказывает мне Терещенко, видно, что правительство собирается отделаться от петроградского гарнизона и в случае необходимости использовать казаков, на которых можно полностью рассчитывать». Министр сообщил Бьюкенену о намерении правительства «доказать», что многие из радикальных лидеров «состоят на жаловании у немцев», а также о надеждах на умеренную позицию Съезда Советов⁴. Таким образом, английское посольство знало об основных чертах правительственного плана расправы с революцией. Оценивая обстановку, Бьюкенен приходил к оптимистическому выводу, что если правительство начнет действовать решительно, оно увлечет массы за собой⁵.

Меньшевистско-эсеровское большинство 1-ого Всероссийского съезда Советов проявило политическую слепоту, видя опасность для революции лишь в поползновениях правых организаций, а не в деятельности самого правительства. Несмотря на явный провал внешнеполитической программы мелкобуржуазных партий, меньшевики и эсеры

¹ «The Times», 19. VI 1917.

² «The Times», 6. VI 1917; 23. VI 1917; АВПР, ф. Отдел печати, д. 552, л. 56.

³ «Красный архив», 1927, т. 1 (20), стр. 18—21.

⁴ Д. Л о й д Д ж о р д ж. Указ. соч., т. 5, стр. 68—69.

⁵ Там же, стр. 68.

продолжали цепляться за сотрудничество с буржуазией. В целях самооправдания они выдвинули софистический довод: чтобы повлиять на союзников, правительству нужно иметь вес на международной арене, приобрести который позволит наступление русской армии. Для поддержки веры масс в международную социалистическую конференцию было решено послать за границу специальную делегацию для переговоров с социалистическими и рабочими партиями Англии, Франции и Италии.

Съезд запретил намеченную большевиками на 10 июня демонстрацию, фактически играя на руку правительственной контрреволюции. Последняя могла теперь реализовать план кровопускания трудящимся столицы, ссылаясь на авторитет Съезда. 12 июня Бьюкенен докладывал Бальфуру: «Министр иностранных дел сказал сегодня, что он почти не сомневается в том, что крайние попытаются вновь вызвать беспорядки, но что правительство к этому вполне готово и уверено в успехе»¹. Английские газеты в эти дни писали о назревании в России политического кризиса и высказывали предположение, что предстоящая демонстрация может привести к кровопролитию². Зловещий замысел буржуазных министров и их союзников за рубежом не удался лишь благодаря дальновидности и энергии большевистской партии, сумевшей удержать массы от выступления, а в день, назначенный Съездом Советов, вывести их на мирную организованную демонстрацию.

Успех большевиков 18 июня явился горьким разочарованием как для английских консерваторов, жаждавших крови, так и для либералов, надеявшихся на торжество соглашателей. Начавшийся политический кризис был прерван наступлением на фронте.

Союзников России информировали о предстоящих операциях заблаговременно. Узнав даты перехода в наступление русских войск на различных участках фронта, английский военный представитель генерал Бартер немедленно передал их по телеграфу своему правительству. Он сделал это вопреки убедительной просьбе русской Ставки не пользоваться в данном случае телеграфом, сообщения

¹ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 148.

² АВПР, ф. Отдел печати, д. 552, л. 70 и 74 об.; ЦГВИА, ф. 2144, оп. 1, д. 786, л. 95.

которого могли быть перехвачены и дешифрованы противником¹. Слишком велико было политическое значение новости, слишком сильно нетерпение, с которым ждали ее в Лондоне, чтобы считаться с риском повредить операциям союзника.

КРОВАВАЯ ЖАТВА

Оценка наступления в Англии и России. Возобновление активных действий на русском фронте было крупным успехом империалистов Антанты. Они не скрывали своей радости. Хотя исход начатых операций представлялся сомнительным, приветствия от союзников полетели в Ставку и Петроград, запестрели в газетах.

В первые же дни наступательных боев главнокомандующий Брусилов получил поздравления от высших военных чинов Англии, а Временное правительство — от кабинета Ллойд Джорджа. Немного позднее британский премьер послал личное приветствие Львову и Керенскому. Для исследователя событий 1917 г. интересней, однако, не эти официальные послания, а отклики прессы, выбалтывавшей то, о чем лишь обиняками говорили в своих телеграммах Хейг, Робертсон или Ллойд Джордж.

Влиятельнейшая «Таймс» писала, что наступление в Галиции знаменует «новую и многообещающую фазу русской революции»². «Союзники России на Западе, — откровенничала газета, — в данный момент даже больше заинтересованы в моральном значении побед в Галиции, чем в их стратегических и тактических результатах»³. «Но, может быть, самое благоприятное последствие наступления, — вторила «Таймс» консервативная «Пэлл Мэлл Газетт», — будет ощущаться в Петрограде, где оно придаст новую силу национальному чувству и поможет преодолеть нравственную болезнь, которая сковывала самые активные элементы русского общественного мнения»⁴.

С высказываниями консервативной печати перекликались мнения либеральных органов. Так, «Вестминстер Газетте» выражала надежду, что когда известия о победах

¹ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 71, л. 197.

² «The Times», 9. VII 1917.

³ «The Times», 16. VII 1917.

⁴ Цит. по газете «Речь» от 22. VI 1917.

на фронте «дойдут до Петрограда, то они волеют в народ новую энергию и более здоровое понимание реальности теперешнего положения»¹. Корреспондент «Дейли Телеграф» Вильямс подчеркивал тесную связь фронта с тылом, вследствие которой успехи на фронте отзовутся успехами порядка в столице. Поражая немцев, поражают и большевиков².

Как видим, и тори, и либералы ждали от русского наступления прежде всего «оздоровляющего» влияния на внутреннюю жизнь России³. Нюанс заключался в том, что либералы делали вывод о необходимости путем согласования целей войны поддержать русскую демократию, под которой понимали партии, стоявшие за «триумвиратом» Некрасова — Терещенко — Керенского. Консерваторы, соглашаясь на перефразировку захватнической программы, считали нужным делать ставку на правое крыло Временного правительства.

Позиция лейбористского руководства ничем существенным не отличалась от платформы либералов.

Настроение передовой части английского пролетариата выразила Британская социалистическая партия. В редакционной статье газеты «Колл» наступление русской армии оценивалось как «агония России». Газета обвиняла правительства стран Антанты в том, что они отвергли пересмотр целей войны и вновь втянули Россию в общую бойню. Британские социалисты указывали также на ответственность рабочих Европы, которые до сих пор не сумели откликнуться на вдохновляющий призыв их русских братьев⁴.

В России реакция спешила выразить благодарность союзникам, так настойчиво добивавшимся наступления. Вечером 19 июня в Петрограде состоялись «патриотические» манифестации представителей имущих классов. Одна из них во главе с бывшим командующим Северным фронтом генералом Рузским, штаб-офицерами и членами союзных

¹ Там же.

² АВПР, ф. Отдел печати, д. 552, л. 84 об.

³ Приведенные здесь и ранее факты не позволяют нам согласиться с мнением В. С. Васюкова, что нажим союзников в пользу русского наступления диктовался прежде всего «чисто военными», а не политическими причинами (см. его в целом интересную статью «Крах военно-политической авантюры Временного правительства летом 1917 г.» «История СССР», 1965, № 5, стр. 28).

⁴ «The Call», 12. VII 1917.

военных миссий, проследовала к Военному министерству и Таврическому дворцу. Другая, во главе с Милюковым, прошла мимо британского посольства, приветствуемая с балкона Бьюкененом и Гендерсоном ¹. Милюков и Бьюкенен обменялись речами.

Не успел, однако, посол закончить приветствия, как милюковская колонна была сметена контрдемонстрацией солдат Павловского полка, пришедших по-своему «поблагодарить» виновников гибели тысяч русских воинов на полях Галиции. Бьюкенен и Гендерсон поспешно ретировались ². Эпизод с выходом павловцев характерен для настроений трудящихся Петрограда. Пролетариат и гарнизон столицы, только что продемонстрировавшие свою волю к всеобщему демократическому миру и переходу всей власти к Советам, кипели гневом. Большевикам приходилось удерживать их от преждевременного выступления, которое было бы на руку реакции.

В стране в целом большинство народа и армии еще не утратили веры в соглашателей и Временное правительство. Меньшевики и эсеры от имени Всероссийского съезда Советов выпустили воззвание к армии и народу, в котором призывали поддержать наступление в интересах всеобщего демократического мира и революции. Газета БСП «Колл» назвала этот документ «криком агонизирующей России» ³. В действительности то был крик тоски мелкобуржуазных лидеров, чувствовавших конец «медового месяца» соглашательской политики. Бросив русскую армию в бой, они выполнили главную задачу, ради которой буржуазия допустила их к министерским постам. Пожать плоды наступления можно было и без них.

Большевики расценили наступление 18 июня, как «поворотный момент» «не только для русской революции, но и для всего хода мировой войны». С помощью министров-«социалистов» русская армия снова предоставлена «в распоряжение штабов и дипломатов, действующих во имя и на почве неотмененных тайных договоров, во имя целей, открыто провозглашенных Рибо и Ллойд Джорджем» ⁴.

¹ «The Times», 4. VII 1917.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 245.

³ «The Call», 12. VII 1917.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 365, 366.

В большевистских резолюциях подчеркивалось, что политика наступления «продиктована Временному правительству англо-французскими, американскими и русскими империалистами» и представляет собой «удар русской и международной революции, услугу шовинизму во всех странах»¹. Ленинская партия верила, что трудящиеся на опыте увидят ошибочность соглашательской политики и осознают необходимость передачи власти пролетариату. Чтобы сделать период изживания массами мелкобуржуазных иллюзий возможно более коротким и безболезненным, партия должна была еще энергичней разоблачать действия Временного правительства и софизмы меньшевиков и эсеров.

Второе правительство князя Львова, точнее его ведущее ядро, рассчитывало, что активизация русской армии поднимет престиж России среди союзных держав и поможет тверже отстаивать интересы российского империализма. В ближайшие же дни после начала наступления ведомство Терещенко сделало ряд представлений союзникам, в том числе Англии — о недоброкачественности присланной артиллерии, о выделении дополнительного тоннажа для перевозки авиационных грузов, о необходимости нового займа, о присылке миноносцев для охраны северного пути и некоторые другие². Русская дипломатия, видимо, думала использовать намеченную на июль межсоюзническую конференцию в Париже по балканским и ближневосточным делам, чтобы подготовить почву для конференции по пересмотру целей войны.

Но Терещенко и его коллегам очень скоро пришлось убедиться в преувеличенности или, во всяком случае, преждевременности своих надежд. Просьбы Временного правительства о материальной помощи были удовлетворены лишь частично. Парижская конференция, по настоянию Англии, должна была ограничиться только военными делами, не касаясь политических аспектов³. Союзники

¹ «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия», стр. 158—159; «Революционное движение в России в мае-июне 1917 г.», № 80, стр. 124.

² «Экономическое положение России», ч. 2, № 657 и 607 (примеч. 1); АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 98, т. 2, л. 756 с об.; ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 24664, л. 6.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 71, т. 1, л. 527.

давали понять, что организация наступления — это только половина дела, и даже не самая важная. Главная задача состоит в том, чтобы пожать плоды, т. е. подавить революцию. Над этой частью проблемы Временное правительство, по мнению союзников, трудилось недостаточно энергично. Следовало подхлестнуть его.

22 июня в помещении британского посольства состоялось совещание союзных представителей в России под председательством Гендерсона. Официальной целью этого собрания было обсудить мероприятия, необходимые для продолжения и, если возможно, усиления поставок для русской армии. На самом деле совещание санкционировало сокращение программы поставок. Союзники, ссылаясь на потери в тоннаже, официально отказались от своих прежних обещаний, а новых цифр вообще не назвали. По смыслу их решения, переданного Гендерсоном и главой специальной американской миссии Рутон Временному правительству, размеры дальнейших поставок зависели от принятия последним рекомендаций союзников. Эти рекомендации касались мер по регулированию промышленности, среди которых центральное место отводилось обузданию рабочего класса, и руководства делом заграничного снабжения — его фактически предлагалось передать в руки межсоюзнического комитета в Петрограде¹. Таким образом, на русское правительство оказывалось прямое давление с целью побудить его «навести порядок» в промышленности и еще больше поступиться суверенитетом в области руководства заграничным снабжением.

Бьюкенен и Нокс не стеснялись напоминать Временному правительству о необходимости выполнить программу «оздоровления» обстановки в армии и столице, набросанную британским военным атташе в записке от 1 мая.

Неудача наступления и июльский кризис. Буржуазное большинство коалиционного правительства и само из всех сил старалось приблизить момент расправы с революцией. В информационных телеграммах представителям в союзных странах от 19, 21, 26 июня Терещенко настойчиво

¹ «Экономическое положение России», ч. 2, № 608.

Хотя предложение о межсоюзническом комитете пришлось не по вкусу Временному правительству, отвергнуть его оно не решилось, однако внесло в проект поправку, что председателем комитета должен быть русский представитель.

проводит мысль, что момент благоприятен для проведения твердой политики, правительство готово на все и выжидает лишь повода в виде «эксцессов» или выступлений, вину за которые можно было бы возложить на большевиков¹. На пост командующего Петроградским военным округом подобрали «сильного человека» в лице бывшего командира Туземной кавалерийской дивизии генерала Половцева, назначение которого встретило положительную оценку в Англии². Ставка начала подтягивать к столице надежные части.

Атмосфера в Петрограде и в стране все больше накалялась. Наступление русской армии, вопреки обещаниям не поддержанное союзниками, вскоре захлебнулось. Его успех не мог не быть кратковременным, так как базировался на гнилой основе. Но и он способен был принести пользу общесоюзническому «делу», если бы Англия и Франция включились в активные действия. Для парирования русского удара немцам пришлось снять с западного фронта 6 дивизий³. Еще 3 дивизии перебросили с итальянского фронта австрийцы⁴. В первые дни наступательных боев русскими войсками было взято много пленных и трофеев. По признанию «Таймс», только за один день русская армия захватила больше пленных, чем англичане за весь июнь⁵. Однако союзники России не выполнили своих обещаний и не пришли ей на помощь ни на главном, ни на вспомогательном ближневосточном театрах, несмотря на многократные просьбы русского командования. Все содействие англичан наступлению свелось к участию в нем мелких британских частей — дивизиона броневых автомобилей, секции минометов и авиационной группы⁶.

Десятки тысяч солдат сложили свои головы за чуждые им интересы западных и русских империалистов. Шовинистический угар быстро рассеивался, и в сердцах увидевших обман людей поднимался справедливый гнев.

¹ «Красный архив», 1927, т. 1 (20), стр. 22—23.

² «The Times», 4. VI 1917.

³ «Кто должник? (К вопросу о франко-советских отношениях)». Сборник. М., 1926, стр. 140—141.

⁴ А. Е. Иоффе. Указ. соч., стр. 201.

⁵ «The Times», 3. VII 1917.

⁶ «The Times», 14. VI 1917.

В этот момент кадеты, выполняя заказ буржуазии, спровоцировали взрыв.

Выход кадетов из правительства не явился неожиданностью для английских политиков. «Речь» еще 18 июня предупредила в передовой, что вопрос о целесообразности дальнейшего существования коалиции «должен быть поставлен и министрами-капиталистами»¹. Английские корреспонденты сообщали об опасности правительственного кризиса еще накануне отставки Шингарева, Шаховского и Мануйлова².

Маневр кадетов (выход из правительства) был по-разному оценен в кругах английской буржуазии. Либеральная печать считала его ошибкой, сыгравшей на руку экстремистам и послужившей одной из причин волнений в Петрограде. Консервативные газеты быстро оценили выгоды создавшегося положения и реабилитировали кадетов, объявив, что причина «беспорядков» не в их действиях, а в безграничной свободе, предоставленной крайним элементам. Консерваторы призывали Временное правительство «отбросить сентиментальности», «применить силу», «решительно пресечь» выступление петроградских масс³. В этом же направлении воздействовали на правительство Львова английские представители в России.

Как признает Бьюкенен, они увидели в происшедшем долгожданный «случай для подавления анархии раз и навсегда». Уже 4 июля посол заручился обещанием Терещенко, что беспорядки будут пресечены твердой рукой, как только явятся вызванные с фронта войска⁴. Работники английского представительства приняли непосредственное участие в фабрикации грязной антиленинской фальшивки и сразу же поставили ее на вооружение своего бюро пропаганды в России⁵. Английские подводные лодки на Балтике предполагалось использовать с целью не допустить прихода в Кронштадт и столицу революционных кораблей из Гельсингфорса⁶. Нокс давал советы чинам штаба

¹ «Речь», 18. VI 1917.

² АВПР, ф. Отдел печати, д. 552, л. 102 об.— 103.

³ АВПР, ф. Отдел печати, д. 552, л. 104 и об.— 108, 110—111 об., 114а об.

⁴ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 248.

⁵ В. Рэгес. Op. cit., p. 464—465.

⁶ «Красный архив», 1931, т. 3 (46), стр. 70, 82, 95.

Петроградского военного округа, как лучше использовать силы карателей ¹.

5 июля Терещенко в осведомительной телеграмме союзникам повторил клевету на большевиков и с удовлетворением сообщил, что правительство приняло все меры для вооруженного отпора. Он смаковал известия о сотнях жертв на улицах Петрограда ². Министры-«социалисты» санкционировали и своим авторитетом поддерживали контрреволюционные мероприятия правительства. Однако английское посольство не было удовлетворено. Бьюкенен при встречах с Терещенко 5 и 6 июля указывал ему на непоследовательность репрессивных мер, причину чего он видел в слабости правительства. Посол фактически предложил сменить кабинет и прямо поставил вопрос, что Львов как министр-председатель «недостаточно силен». Он солидаризировался с Керенским, требовавшим в телеграмме правительству подавить «мятеж» ³. Бьюкенен, не церемонясь, разъяснил, чего ждут в Англии от нового русского правительства, передав Терещенко очередную записку Нокса. Это была программа, которую даже современный буржуазный исследователь называет «драконовской» ⁴. В ней предлагалось: а) восстановить смертную казнь для военнообязанных по всей России; б) потребовать от частей, принимавших участие в демонстрации 3—4 июля, выдать подстрекателей для наказания; в) разоружить всех рабочих Петрограда; г) учредить военную цензуру над печатью и предоставить ей право конфисковать оборудование типографий газет, призывающих к нарушению порядка или военной дисциплины; д) организовать в Петрограде и других больших городах милицию из раненных на фронте солдат и офицеров; е) разоружить в Петрограде и его окрестностях все части, не согласные с этими условиями, и превратить их в рабочие батальоны ⁵.

Британская дипломатия в своей контрреволюционной деятельности вдохновлялась английской империалистической буржуазией.

¹ А. К п о х. *Op. cit.*, v. 2, p. 658.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 103, л. 16—17.

³ Дж. Бьюкенен. *Указ. соч.*, стр. 249.

⁴ R. W a r t h. *Op. cit.*, p. 115.

⁵ А. К п о х. *Op. cit.*, v. 2, p. 661—662.

Близкие к правительству Ллойд Джорджа консервативные круги не скрывали своих симпатий к «сторонникам порядка» в России, но подчеркивали, что успех последних неполон.

Спасение страны — так можно было бы суммировать высказывания печати ториев после июльского кризиса — в сильной диктаторской власти, которая, не мешкая, прибегнет к самым суровым репрессиям против «изменников»-большевиков, бунтовщиков, трусов и дезертиров¹. Либеральные вожди со своей стороны выражали надежду, что события в Петрограде и неудачи на фронте открыли глаза «здоровым элементам русской демократии». Они выражали сочувствие Временному правительству, старания которого направлены к реорганизации сил страны для борьбы с германской мощью. Чтобы помочь русскому кабинету преодолеть внутренние трудности, лидер вигов в Палате Общин Асквит предлагал поддержать маневр Временного правительства с созывом межсоюзнической конференции для пересмотра целей войны².

Лейбористские вожаки солидаризировались с либералами. Некоторые из них выступали даже более злобными врагами русской революции, чем либеральные буржуа. Так, известный читателю по апрельской миссии в Россию Б. Торн заявил в Парламенте, что июльский кризис с его многочисленными жертвами явился результатом «необузданной демократии», позволившей Ленину вернуться через Германию и свободно вести повсюду свою «вредоносную» пропаганду³.

Центристское руководство Независимой рабочей партии смыкалось в оценке русских дел с леволиберальными кругами. Блок независимцев и левых либералов в Парламенте проповедовал лишь более энергичную помощь «демократическому» Временному правительству, пугая, что его падение приведет к сепаратному миру России с Германией и резко ухудшит военное положение Антанты. Представители этой группы призывали английский каби-

¹ АВПР, ф. Отдел печати, д. 552, л. 116а с об.— 116б., 117—117 с об., 125 с об., 140.

² The Parliamentary Debates, v. 96, cols. 2210—2211; v. 97, col. 1486.

³ Ibid., v. 97, cols. 1553—1554.

нет публично солидаризироваться с внешнеполитическими принципами Временного правительства ¹.

Передовым рабочим Англии июльские события помогали понять пагубность политики русских соглашателей. Британская социалистическая партия впервые со времени Февральской революции выступила с резкой, хотя и не до конца последовательной критикой меньшевиков и эсеров ².

Партия правильно считала, что спасти положение в России способно только восстание самих масс. Английские социалисты не сумели, однако, в тот момент разглядеть единственную силу, которая могла повести народные массы на пролетарскую революцию. Они были не во всем согласны с большевиками и считали доктрину и тактику Ленина спорной ³.

Британские социалисты заявляли об ответственности английского рабочего класса и европейской демократии за успех реакции в России. Не став по примеру русских товарищей на путь революционной борьбы, английский пролетариат позволил империалистам своей страны игнорировать мирные предложения России и принудить ее возобновить войну. Отсюда задача, если еще не поздно, прийти на помощь русской революции, заставив империалистические правительства прекратить войну ⁴.

Главными средствами достижения этой цели Британская социалистическая партия считала создание сети Советов в Англии и созыв международной социалистической конференции в Стокгольме. Обе идеи пользовались большой популярностью среди английских рабочих.

¹ Ibid., v. 96, cols. 1479—1480, 1518.

² Социалистический еженедельник «Колл» писал, что грехопадение названных партий восходит к вступлению их в правительство буржуазии. Совершив эту фатальную ошибку, вожди меньшевиков и эсеров «покатились по наклонной плоскости — сначала медленно, потом быстрее и быстрее, пока не оказались в союзе с буржуазными классами против революционного пролетариата и его партий». Их нынешнее поведение ничем не отличается от практики социал-шовинистов западноевропейских стран, а Керенский выступает в роли потенциального маленького Тьера или Бонапарта. Политика русских соглашателей наносит ущерб делу пролетарской революции в их стране и во всем мире и ставит под угрозу само существование России как государства («The Call», 2. VIII 1917).

³ «The Call», 26. VII 1917; 2. VIII 1917.

⁴ Ibidem.

Обострение классовой борьбы в Англии. Чтобы лучше понять русскую политику правительства Ллойд Джорджа в рассматриваемый период, нужно иметь в виду, что в мае классовая борьба в самой Англии достигла наивысшей в 1917 г. остроты, причем пролетарское движение носило на себе печать воздействия событий в России. Около середины мая закончилась стачка машиностроителей, являвшаяся, по оценке советского исследователя М. М. Карлинера, наиболее значительной битвой английского рабочего класса за все время первой мировой войны¹. Во второй половине мая — июне борьбу продолжали другие отряды английского пролетариата. Боевые организации шоп-стюардов, руководившие забастовочным движением, множили свои ряды и охватывали все новые районы. На третьей конференции шоп-стюардов, происходившей в июне в Манчестере, были представлены организации 72 городов — вдвое больше, чем на предыдущей, мартовской². Один из руководителей БСП Т. Квелч, анализируя стачечную борьбу этих месяцев, отмечал не только невиданный размах ее, но и новый «бунтарский дух» — результат влияния русской революции³.

Продолжались пролетарские митинги и демонстрации, участники которых требовали мира на основе «русской формулы» — без аннексий и контрибуций с признанием за всеми народами права на самоопределение. Солидарность русских трудящихся с английскими рабочими ярко проявилась в борьбе за освобождение видного британского интернационалиста Дж. Маклина. Первый Всероссийский съезд Советов, по инициативе большевиков, послал приветствие Маклину. Обращение Съезда вдохновило английских рабочих на еще более энергичную кампанию, приведшую в конце июня к освобождению одного из лучших руководителей британского пролетариата.

Идеи революционной России проникали даже в специально изолированную от «вредных» внешних воздействий английскую армию. Газета «Колл» сообщала в номере от 24 мая: «Штатский вряд ли может себе представить восхищение армии перед русской революцией... Армия внимательно следит также за Советом рабочих и солдатских депу-

¹ М. М. Карлинер. Указ. соч., стр. 127.

² Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 4, стр. 142—143.

³ «The Call», 24. V 1917.

татов в Петрограде. Они (солдаты.— А. И.) обсуждают интернационалистские принципы, выдвинутые этим учреждением, и открыто говорят о желательности изменений дома»¹. В другой статье орган БСП отмечал, что под влиянием примера фактического перемирия на русском фронте английские солдаты «в некоторых случаях отказывались сражаться»².

Идеи и лозунги революционной России находили отклик не только в самой Англии, но и в странах Британской империи. Так, в середине июня конференция рабочих в Сиднее (Австралия) потребовала созыва международной мирной конференции, на которой был бы представлен пролетариат колоний и Ирландии и которая признала бы за малыми народами право на политическую самостоятельность, ликвидировав все аннексии³.

Но, пожалуй, самым ярким проявлением воздействия русской революции на Англию явилось движение за Советы, начало которому положил знаменитый конгресс в Лидсе, открывшийся 21 мая. В подготовке и проведении этого собрания рабочих и общедемократических организаций принимали участие разнородные политические силы, преследовавшие отнюдь не одинаковые цели.

Левые социалисты видели в Лидсе начало борьбы за социалистическую революцию и диктатуру пролетариата⁴. Центристские элементы и тесно связанные с ними левые либералы стремились подчинить быстро растущее и революционизирующееся пролетарское движение своему руководству. Программа, вокруг которой они хотели сплотить участников конгресса, была довольно умеренной: выразить солидарность с русской революцией, поддержать борьбу Петроградского Совета за мир, потребовав от английского правительства отказа от захватнических замыслов и противодействия международной социалистической конференции, добиваться восстановления демократических свобод. Оппортунисты намерены были отстаивать социал-шовинистские взгляды.

Объединенный Социалистический совет пригласил на конференцию все профсоюзы, рабочие и социалистические

¹ «The Call», 24. V 1917.

² «The Call», 28. VI 1917.

³ «Речь», 31. V 1917.

⁴ «The Call», 31. V 1917.

партии, женские, демократические и кооперативные организации страны, причем приглашения направлялись не только центральным руководящим органам, но и местным отделениям. Это позволило привлечь к участию местные организации тех партий и профсоюзов, исполкомы и советы которых, как, например, исполком лейбористской партии, выступали против Лидса. Была установлена норма представительства: 1 делегат от 5000 членов или от организации меньшей численности¹. Специальное приглашение послали Петроградскому Совету, который, однако, не сумел направить делегации и ограничился приветственной телеграммой².

На конгресс собралось около 1300 делегатов, представлявших 371 исполком и местные отделения профсоюзов, 207 местных организаций лейбористской партии, 294 организации НРП, 88 организаций БСП, 16 организаций других социалистических партий, 54 женские организации и 118 других организаций, среди которых выделялись Союз демократического контроля и Национальный совет гражданских свобод (демократическая организация, отстаивавшая ущемленные в годы войны политические права). Около 10% делегатов составляли женщины. Это было, как справедливо заявили участники в послании Петроградскому Совету, самое представительное в истории Англии собрание рабочих, социалистических и общедемократических организаций³.

Вопреки целому ряду трудностей, чинимых властями и буржуазией на пути проведения конгресса, он прошел с большим подъемом. Почти все делегаты явились с красными бантами, символизовавшими их революционные и социалистические симпатии. Над сценой реял плакат с лозунгом «Да здравствует свободная Россия!». Открытие заседаний приветствовалось громом аплодисментов и исполнением песни «Красное знамя». Отдельные попытки оппортунистических и шовинистических выступлений встречали гневный отпор аудитории, зато жадно ловились и вызывали шумное одобрение слова о революции, демокра-

¹ «The Call», 17. V 1917.

² АВПР, ф. Канцелярия, «Война», д. 198, л. 56; ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 806 б., л. 23.

³ «The Call», 4. VI 1917; 7. VI 1917.

тическом мире, политических и социальных преобразованиях.

И все же наиболее сильной группе независимцев, смыкавшихся с буржуазными демократами, удалось захватить руководство в свои руки. Правда, настроение делегатов, избранных действительно демократическим путем, а не по консервативной системе профсоюзных объединений и лейбористской партии, оказалось настолько боевым и радикальным, что опрокинуло первоначальные замыслы центра; конгресс послал приветствие русской революции и демократии, поддержал мирную формулу Петроградского Совета и идею Стокгольмской конференции. Но не эти вопросы, а внутривнутриполитическая борьба в самой Англии, восстановление и развитие демократии и в особенности создание Советов по русскому образцу — вот что заняло главное место в его работе.

Принятая делегатами резолюция о гражданских правах требовала равных политических прав для всех мужчин и женщин, неограниченной свободы слова и печати, общей амнистии осужденным по политическим и религиозным делам, полной свободы политических и профессиональных объединений и «освобождения труда от всех форм принуждения».

В резолюции о Советах предлагалось учредить в каждом городе, сельском и городском районе Советы рабочих и солдатских депутатов с задачами объединить рабочие организации в борьбе за осуществление решений конгресса, энергично работать в пользу демократического мира и «полного политического и социального освобождения труда». Помочь организации местных Советов и возглавить осуществление политики конгресса должен был Временный Комитет (Совет) ¹.

М. М. Карлинер справедливо называет конгресс в Лидсе «кульминационным моментом политической борьбы английских рабочих в 1917 г., отразившим ее сильные и слабые стороны...» ² Хотя некоторые положения резолюций формулировались довольно туманно, постановления в целом могли иметь большое революционизирующее значение. К несчастью для английского рабочего движения, центри-

¹ «The Call», 7. VI 1917.

² М. М. Карлинер. Указ. соч., стр. 132.

стские политиканы сумели быстро сориентироваться и подладиться под общее настроение. Они не поколебались выступить с радикальными речами и резолюциями, выполнять которые всерьез не собирались, и вместе с либеральными союзниками захватили большинство мест в созданном на конгрессе Временном Совете рабочих и солдат, т. е. в том органе, который должен был возглавить советское движение в Англии. Как тут не вспомнить характеристику Макдональда и подобных ему деятелей, данную В. И. Лениным: «Эти люди способны все признать, все подписать, лишь бы остаться во главе рабочего движения»¹. С другой стороны, левые социалисты Англии допустили серьезную ошибку, отказавшись в интересах единства в борьбе за Советы от разоблачения центристских лидеров и их политики. Таким образом, советское движение в Англии с самого начала страдало тяжелым внутренним недугом.

Впрочем, на первых порах этого не понимали или недооценивали не только буржуазия и правительство, но и рабочие, включая и более сознательную их часть. Конференция в Лидсе, по оценке английского автора коммуниста Э. Бэрнса, «пробудила огромный энтузиазм в английском рабочем классе. Она способствовала популяризации русской революции в Англии и распространению среди рабочих идеи о необходимости революционных действий для прекращения войны»². В состав Временного Совета рабочих и солдат наряду с центристами и буржуазными демократами вошли известные левые социалисты Т. Квелч, Е. Феачайлд, Дж. Файнберг³. Под воздействием пролетарских масс Временный Совет должен был приступить к осуществлению программы создания системы Советов в Англии.

Буржуазная пресса откликнулась на конгресс в Лидсе враждебными нападками. «Таймс» объявила «истинными целями» конгресса мир путем сговора с правительством кайзера и гражданскую войну в Англии⁴. Правительство нервничало. Британские дипломаты поспешили сообщить союзным странам, что конференция в Лидсе якобы не вы-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 107.

² Э. Бэрнс. Указ. соч., стр. 8.

³ «The Call», 7. VI 1917.

⁴ «The Times», 4. VI 1917.

ражает настроений английского рабочего класса и его партии (лейбористской.— А. И.)¹. На борьбу с советским движением были брошены все силы и средства — от правительственных циркуляров до черносотенных громил. В то же время гибкая английская буржуазия стала склоняться к мысли о необходимости уступок рабочему классу. В эти дни обострения классово-борьбы на Даунинг-стрит и в буржуазных особняках со злобой думали о мировом источнике «революционной заразы».

Английские власти еще энергичней, чем прежде, старались отгородить пролетариат своей страны от воздействия России. 3 июля было подписано англо-русское соглашение о привлечении военнообязанных одной из сторон к службе в армии другой². Оно позволяло Англии призвать под знамена и услат с британских островов значительную часть русских политэмигрантов. Несколько сот русских моряков с ремонтировавшихся в Англии кораблей отправили в США³; оставшихся английские власти требовали не допускать на рабочие митинги⁴. Британские дипломаты активизировали контрреволюционную деятельность в России. Русским нужен Наполеон или вернее Кавеньяк — таков был вывод английских империалистов.

¹ «Речь», 31. V 1917.

² АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 1645, л. 217—218.

³ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 5, д. 274, л. 35.

⁴ АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 1649, л. 272.

Глава пятая

АНГЛИЯ И КОРНИЛОВЩИНА

ЗНАЧЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ С АНГЛИЕЙ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КЕРЕНЩИНЫ

Внутриполитический кризис в России был осложнен событиями на фронте, где противник 6 июля перешел в контрнаступление под Тарнополем и вынудил три русских армии к отходу, сопровождавшемуся большими потерями в живой силе и технике. 8—11 июля Керенский с благословения соглашательского ЦИК Советов сформировал правительство «спасения революции». Оно начало свою деятельность с трескучих деклараций, составленных в духе актерского красноречия нового премьера. В числе первых заявлений было открытое обращение ко всем союзным правительствам. Новоявленные мессии «в час великих бедствий» заверяли партнеров по коалиции «в непреклонной решимости продолжать войну до полного торжества идеалов, провозглашенных русской революцией». Они обещали, вступая в четвертый год сражений, «делать все нужные приготовления для дальнейшей кампании», а в заключение выражали убеждение, что преобразованные и обновленные русские армии в нужный час двинутся вперед «во имя защиты родины и свободы» и завершат «победно великое дело, за которое они вынуждены бороться»¹.

Союзная буржуазия не хуже русской понимала, что шумная кампания в России под лозунгом «революция в опасности» представляет собой фарс, рассчитанный на политических простачков, и умела отделять реальное содержание шагов нового правительства от словесной шелухи. В частности, во всем обращении к союзникам важным было одно — намерение во что бы то ни стало продолжать войну. Оно стояло в тесной связи со стремлением буржуазно-помещичьей контрреволюции к окончательному торжеству

¹ «Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис». Документы и материалы. М., 1959, № 246, стр. 313.

военной диктатуры. Однако побудительные мотивы господствующих классов России этим не исчерпывались. Русские империалисты не отказались от мыслей о захватах.

Эволюция внешнеполитических программ русских буржуазных партий. Шансы на победу Антанты, подкрепленной вступлением в войну США, представлялись им очень значительными. Если бы удалось хоть продержаться в рядах коалиции до конца войны, а ликвидация двоевластия сулила надежды на это, можно было рассчитывать не только сохранить, но и округлить владения. Заманчивые договоры о послевоенном дележе добычи формально сохраняли свою силу. Правда, все обещанное в них теперь вряд ли получишь — капиталисты и помещики знали, что провал летнего наступления и поражение под Тарнополем резко понизили боеспособность вооруженных сил. Но кое-что урвать, вероятно, удастся, тем более что на Кавказском и Румынском фронтах русские войска стоят на чужой территории. Кроме политико-стратегического расчета, к верности союзникам склоняла русскую буржуазию и сила экономических связей. Разрыв с Антантой мог повлечь государственное банкротство и резкое сокращение притока иностранного капитала, без содействия которого буржуазия не мыслила дальнейшего развития России¹. Вот почему ведущие представительные организации крупной промышленной и торговой буржуазии в специальной декларации требовали, чтобы внешняя политика России основывалась «на полном единении с союзниками» и преследовала цели «ограждения достоинства Государства Российского»². В трактовке воли своего класса в буржуазном лагере образовалось два главных течения.

Кадетская партия — вождь реакционного лагеря — вернулась к откровенно империалистической программе продолжения войны до победного конца в соответствии с Лондонским договором союзников и соблюдения всех соглашений с державами антигерманской коалиции (т. е. тайных сделок о дележе военной добычи)³. Кадеты пере-

¹ См., например, доклад М. Н. Соболева на московском совещании общественных деятелей («Отчет о Московском совещании общественных деятелей 8—10 августа 1917 года». М., 1917, стр. 77—78).

² «Речь», 16. VII 1917.

³ «The Times», 31. VII 1917.

оценивали успех контрреволюции, рвались к власти и считали теперь возможным обойтись без меньшевиков и эсеров. Они обвиняли соглашателей, что постановка теми вопроса о мире без аннексий и контрибуций «вкорне испортила отношения наши с союзниками и подорвала наш кредит»¹. Партия Милюкова добивалась отказа правительства от проведения во внешней политике «принципов Циммервальда»² и от демократической фразеологии, которую империалистические конкуренты России могли использовать против нее, и отказа от поддержки Стокгольмской конференции.

Новая буржуазная партия радикальных демократов, временно занявшая место кадетов в правительстве, считала целесообразным ради продолжения войны сохранить коалицию с соглашателями, что предполагало тактические уступки мелкой буржуазии. Лидеры радикалов (И. И. Ефремов, А. Барышников и др.)³, вступая в правительство Керенского, целиком согласились с его декларацией.

Вожди буржуазии, конечно, понимали, что развитие внутривнутриполитических событий и экономическая катастрофа могут вынудить к сепаратной сделке с Германией. В рядах кадетов и более правых партиях даже активизировались сторонники такого маневра. Но они составляли явное меньшинство. Об этом свидетельствует, например, заявление против сепаратного мира, принятое в июле частным совещанием членов Государственной думы⁴. В советской исторической литературе было в свое время высказано мнение, будто на позициях сепаратного мира стояла военная верхушка во главе с Корниловым⁵. Позднейшие исследователи справедливо не поддержали его. Как показывают не только официальные заявления Корнилова и его коллег, но и материалы секретных совещаний (например, совещания в Ставке 16 июля), генералы, лучше многих сознавая слабость русской армии и недостаточность под-

¹ ЦГАОР, ф. 579, оп. 1, д. 6392, л. 1.

² «Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной думы». М.—Л., 1932, стр. 213.

³ К радикальным демократам перешел и Н. В. Некрасов.

⁴ ЦГАОР, ф. 579, оп. 1, д. 378, л. 1—5.

⁵ О. Н. Ч а а д а е в а. Корниловщина. М.—Л., 1930, стр. 200—201.

держки союзников, все же склонялись к необходимости продолжения войны до конца.

Мелкобуржуазные партии, увязшие в болоте контрреволюции, в коренном вопросе о войне и мире все больше смыкались с буржуазией. Один из лидеров соглашательского ЦИК меньшевик Церетели 21 июля заявил: «В области внешней политики мы сознаем, что не может быть иного решения, как продолжать войну до тех пор, пока народ выйдет с честью из нее и обеспечит себе те революционные завоевания, которым угрожает военное поражение»¹. Церетели вторил видный эсер Б. Савинков: «...Мы должны кончить войну без позора»². Даже фразеология соглашателей начинала приближаться к буржуазной. Недаром Милюков заметил, что под политической программой Церетели «нельзя не подписаться обеими руками», если только забыть, что автор ее не отрекся публично от Циммервальда³. Из установки на продолжение войны соглашатели делали вывод о необходимости поддерживать союз с державами Антанты.

Главным средством приближения мира, признаваемым и отстаиваемым мелкобуржуазными партиями, по-прежнему являлась пресловутая Стокгольмская конференция. Причем, как видно из протокола заседания отдела международных сношений при ЦИК от 26 июля⁴, соглашатели готовы были на этой конференции вступить в торг ранее провозглашенными внешнеполитическими принципами ради достижения программы мира, взаимоприемлемой для социалистов воевавших стран (а фактически для стоящих за спиной оппортунистического большинства империалистов). Лидеры мелкой буржуазии закрывали глаза на коренное изменение политической обстановки в стране, делавшее их надежды на соглашение с капиталистами во внешней политике особенно иллюзорными.

В противоположность всем *буржуазным* партиям большевики видели единственный путь действительно демократической ликвидации войны в завоевании власти рабочими в союзе с беднейшим крестьянством. Но диктатуру

¹ «Речь», 22. VII 1917.

² А. М. З а й о н ч к о в с к и й. Кампания 1917 г. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг., ч. 7. М., 1923, стр. 167.

³ «Речь», 22. VII 1917.

⁴ «Красный архив», 1926, т. 3 (16), стр. 39—40.

контрреволюционной буржуазии нельзя было свергнуть немедленно. Пролетариату и его партии надлежало готовиться к моменту, когда общенациональный кризис создаст благоприятные условия для восстания. Успешность нового массового подъема во многом зависела от того, насколько быстро и прочно осознает *большинство* народа «всю гибельность надежд на соглашательство с буржуазией». Отсюда важной задачей партии являлось усилить разоблачение носителей таких иллюзий — эсеров и меньшевиков, в частности их внешнеполитических посулов ¹.

В прежней колеснице. Сформированное Керенским правительство представляло коалицию изменивших революции мелкобуржуазных партий с представителями буржуазии и помещиков, где соглашатели по основным вопросам сдавали позиции посланцам эксплуататорских классов. Значительно выросла политическая роль военщины. Программа правительства отражала не только соотношение сил в самой России, но и влияние союзников. Читатель помнит о демарше, предпринятом английской дипломатией 5 июля с целью побудить Временное правительство не упустить благоприятного случая для окончательного подавления «анархии». Вмешательство могущественной союзницы оказало воздействие на исход правительственного кризиса и на ближайшие шаги нового кабинета. Оно способствовало отказу от намеченных было демонстративных реформ и сосредоточению внимания властей на проблемах продолжения войны и закрепления успеха буржуазии внутри страны.

Правительство Керенского в официальной декларации провозгласило своей «первой основной задачей... напряжение всех сил для борьбы с внешним врагом» и охрану государственного порядка «самыми решительными мерами власти» ². Подробную информацию о способах и ходе осуществления этой программы содержали осведомительные телеграммы Терещенко в столицы союзных государств. Так, в телеграмме от 9 июля он разъяснял, что оздоровле-

¹ «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. 5 июля — 5 ноября 1917 г.» Сборник документов. М., 1957, стр. 4,7.

² «Константинополь и проливы», т. 1, № ССС1, стр. 504.

ние армии будет производиться, с одной стороны, решительным пресечением всяких попыток неповиновения и враждебной пропаганды, а с другой, — путем широкой агитации за наступление¹. 13 июля министр иностранных дел сообщил за границу о восстановлении смертной казни на фронте, применении офицерами оружия против неповинующихся и решении правительства закрывать газеты, призывающие к неподчинению военным властям².

Как уступку мелкобуржуазным партиям можно рассматривать пункт декларации нового правительства о верности началам международной политики, провозглашенным 6 мая, и обещание организовать в августе союзную конференцию для согласования внешнеполитических принципов и шагов по их реализации. Было заявлено, что в конференции смогут принять участие наряду с дипломатами также представители русской демократии. Правительство Керенского, очевидно, надеялось назначением приблизительного срока конференции и обещанием привлечь на нее посланцев соглашателей поддержать в мелкобуржуазных массах поколебленную веру в возможность склонить Антанту к принятию демократических целей войны.

На самом деле Временное правительство, как видно из датированных 8 июля инструкций Терещенко русскому представителю на предстоявшей конференции союзников в Париже, вовсе не спешило с обсуждением целей войны и соглашалось в крайнем случае на предварительный обмен мыслей для выяснения принципиальных точек зрения³, т. е. на необязывающий дипломатический зондаж. Еще яснее высказался Терещенко в телеграмме послу в США Бахметьеву от 15 июля: «В настоящую минуту, однако, ввиду последних событий на фронте и положения внутри страны, я полагал бы необходимым несколько отложить предположенную конференцию и, приостановив на время всякие переговоры об условиях будущего мира, сосредоточить все внимание на продолжении войны»⁴. Таким образом, дипломатия Временного правительства сохранила

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 103, л. 25—26.

² «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», № 1. Пг., 1917, № 15, стр. 25.

³ «Революционное движение в России в июле 1917 г.», № 231.

⁴ Там же, № 241, стр. 305.

в вопросе о целях войны прежнюю, выжидательную позицию.

Отличие, пожалуй, заключалось лишь в том, что ослабление русской армии заведомо понижало шансы России на «подобную долю» в послевоенном дележе мира. Отсюда, с одной стороны, попытки прощупать противника с целью выяснить его претензии как при всеобщем, так и сепаратном мире (первую задачу могли с успехом выполнить соглашатели в Стокгольме, для решения второй прибегли к привычным методам закулисной дипломатии ¹). С другой стороны, предпринимаются некоторые шаги к сближению с США, которые были заинтересованы в пересмотре тайных договоров между странами Антанты, заключенных без их участия.

Причины наметившегося изменения ориентации с Англии на США этим не исчерпываются. Как показал в своем исследовании Н. Л. Рубинштейн, они включали дальнейшее падение веса России в Антанте и беззащитное игнорирование ее интересов союзниками, а также стремление русского империализма ослабить тяжелую экономическую зависимость от Англии ².

2 июля Бахметьев имел беседу с президентом Вильсоном в связи с вручением верительных грамот. Посол заявил, что он прислан со специальными полномочиями, чтобы осуществить теснейшее сотрудничество двух стран и найти средства для практической совместной деятельности. В ответ Вильсон заверил, что Временное правительство может рассчитывать на прочную дружбу США и постоянное сотрудничество во всех желательных и подходящих направлениях ³. Бахметьев продолжал зондировать почву для сближения в переговорах с государственным секретарем Лансингом и министром финансов Мак Аду. Результаты его разведки были обнадеживающими ⁴. Помимо дип-

¹ Имеется в виду контакт, установленный в июле между русским МИД и противником, при посредничестве берлинского корреспондента голландских газет М. ван-Бланкенштейна (ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 811, л. 18 с об.; АВПР, ф. Секретный архив, д. 587, л. 81).

² Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика керенщины. «Очерки по истории Октябрьской революции», т. 2. М., 1927, стр. 408, 410.

³ АВПР, ф. II Департамент, 1—5, «Война», д. 214, л. 260—262.

⁴ «Раздел Азиатской Турции», № СССХХVI.

ломатических заигрываний, Временное правительство старалось завоевать симпатии США, открыв перед американским капиталом широкие перспективы эксплуатации горных богатств Сибири и Дальнего Востока ¹.

Русско-американское сближение так и не вышло из зародышевого состояния, виной чему была чрезмерная осторожность Временного правительства, боявшегося прогадать от преждевременного пересмотра тайных договоров, и сопротивление Англии. Последняя, как увидим ниже, энергично вовлекала США в общее русло союзнической политики в России и не позволяла последней вырваться из тисков экономической зависимости. Когда 8—9 июля русская дипломатия возбудила перед правительством Вильсона вопрос о предоставлении России крупных кредитов (733 млн. долл. до 1 января 1918 г.), которые избавили бы страну от необходимости английской финансовой помощи для оплаты заказов в США, Великобритания поспешила вмешаться. Английское посольство обратилось в Государственный Департамент с памятной запиской, в которой, аргументируя транспортными трудностями, объявило просьбу России о кредите в 700 млн. долл. «совершенно неразумной», а сколько-нибудь крупные новые заказы России в США «бесполезными» ². «Дружеский» совет Англии послужил одной из причин отказа Вашингтона наперед определить общую сумму займов России на 1917 г. Попытка Временного правительства найти опору в лице США, разумеется, не могла прибавить ему симпатий сентджемского кабинета.

Политика Временного правительства в странах Востока отличалась малой активностью, стремлением по возможности сохранить прежние позиции, не отделяться от Англии и других союзников. Мотивы подобной «умеренности» ясно видны из инструкции Терещенко русскому дипломатическому агенту в Монголии: «Мы не можем сочувствовать нарушениям существующего на Дальнем Востоке положения вещей, пока наши силы отвлечены борьбою на Западе» ³. Временное правительство всячески старалось не выводить

¹ В. В. Лебедев. Русско-американские экономические отношения (1900—1917 гг.). М., 1964, стр. 294, 299—300.

² «Papers..., 1918, Russia», v. 3. Washington, 1932, p. 16—18, 20—21.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 99, т. 1, л. 363.

войск из Персии, хотя их не на что было содержать, и выпрашивало у Англии помощь в местной валюте, обещая взамен содействие наступательным операциям генерала Мода в Месопотамии ¹. В связи с вступлением Китая в войну Временное правительство согласилось с поддержанной Англией инициативой Японии об отсрочке на 5 лет выплаты «боксерской» контрибуции, но не всей причитающейся России доли, а в равных размерах с другими державами ².

Несколько больше энергии проявило правительство Керенского в вопросах согласования военных усилий. Однако и здесь его действия оказались малоэффективными. Просьбы русской Ставки о незамедлительном энергичном наступлении союзников с целью помочь стабилизировать положение на восточном фронте длительное время оставались без ответа ³. Неудачей закончилась попытка Временного правительства побудить Англию отказаться от решения ослабить Македонский фронт в пользу Палестинского. Английские политические и военные деятели на союзнической конференции 12—13 июля в Париже и на конференции 25—26 июля в Лондоне свалили всю вину на Россию, заявив, что без поддержки со стороны русско-румынского фронта активные операции армии Саррайля лишены смысла, в то время как Палестинский фронт опять-таки вследствие пассивности русских войск находится под угрозой ⁴.

Подобное отношение к просьбам Временного правительства объяснялось как пересмотром возможностей русского союзника, военная мощь которого считалась подорванной на длительный срок ⁵, так и недовольством некоторыми сто-

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 52, л. 468—469; там же, д. 99, т. 1, л. 308.

² Там же, д. 104, л. 42—43.

Выплата этой контрибуции была навязана Китаю «великими державами» после подавления ими антиимпериалистического восстания в стране 1899—1901 гг., получившего в буржуазной историографии название «боксерского».

³ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 166, л. 471, 476—478.

⁴ АВПР, ф. Секретный архив, д. 647/669, л. 94.

⁵ Полуофициозная «Таймс» писала в этой связи: «Мы должны отбросить все мечты о чудесном и моментальном возрождении боеспособности русского фронта...» («The Times», 30. VII 1917). И в другом месте: «Мы не отчаиваемся ни в России, ни в русской армии, но потребуются длительное время, чтобы справиться с тяжелыми последствиями минувших недель» («The Times», 28. VII 1917).

ронами его иностранной, а главное — внутренней политики.

Под давлением русских и зарубежных империалистов правительство «спасения революции» 24 июля уступило место второй коалиции с кадетами. Новый кабинет Керенского не опубликовал своей программы деятельности, и формально считалось, что в области внешней политики он остается на платформе декларации предшествующего правительства. В действительности мелкобуржуазные партии и радикальные демократы пошли на уступки кадетам. Еще на совещании Временного правительства с представителями различных партий 21 июля Терещенко наметил будущий внешнеполитический курс таким образом (мир не возможен, нужно готовиться к зимней кампании), что заслужил похвалу Милюкова¹. Обращение второй коалиции к населению, где говорилось о необходимости завершить борьбу достойно чести великого народа, приветствовалось «Речью» за «общенациональную» точку зрения и отсутствие налета революционной фразеологии².

Новое правительство стремилось зарекомендовать себя в глазах других держав ревностным сторонником продолжения войны и единства союзников. Когда 1(14) августа папа Бенедикт XV обратился к воюющим сторонам с предложением о мирных переговорах, Терещенко поспешил выразить отрицательное отношение к его инициативе. Разъясняя затем свою точку зрения, министр аргументировал не только интересами России, но и всех союзников, и добивался тождественных или согласованных ответов³. Англия проявила большой интерес к папскому предложению. Ее представитель при Ватикане вступил в объяснения, которые сначала встревожили не только Россию, но и Францию⁴. В конечном итоге все державы Антанты ответили на послание Бенедикта XV отказом.

Временное правительство выступило также инициатором созыва военной конференции союзников с целью анализа нового положения, вытекающего из событий в Рос-

¹ «Речь», 22. VII 1917.

² «Речь», 26. VII 1917.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 104, л. 28—30.

⁴ А. В. Игнатьев и А. Е. Иоффе. Международная обстановка накануне Октября. «Вопросы истории», 1962, № 11, стр. 66.

сии¹. Англия и Франция в принципе не возражали, но тянули время, видимо, предпочитая встретиться с представителями генеральской диктатуры, торжества которой они ожидали.

Наряду с поддержкой давно сложившихся союзных отношений Временное правительство продолжало подготовительную работу в направлении сближения с США. 5 августа Терещенко предписал Бахметьеву вступить в доверительный обмен мнениями с вашингтонским кабинетом по турецким делам в целях достижения согласованности действий России и США при ликвидации войны². В августе был предпринят зондаж для выяснения возможности получения в США крупного займа вне обычной системы военных кредитов³.

Второе коалиционное правительство пыталось активной двух своих предшественников отстаивать интересы русского империализма. При нем Ставка снова возбудила вопрос об овладении проливами. 29 июля главнокомандующий отдал директиву о подготовке к 1 марта 1918 г. транспортных средств Черноморского флота для осуществления Босфорской операции⁴. (Заметим, что Англия и Франция примерно тогда же завершили подкоп под соглашение 1915 г. о проливах, подтвердив обещания, данные Италии в Сен-Жане⁵.)

Незадолго до 30 августа представители русского командования подписали соглашение с вождями 27 племен Курдистана об объединении последних и дружбе со «свободной» Россией⁶. Это было вторжение в зону, которую облюбовала для себя Англия.

Специальное совещание под председательством Терещенко наметило ряд мер с целью усиления русского влияния в Монголии, причем предусматривалась возможность сотрудничества с американским капиталом⁷.

Временное правительство вернулось и к вопросам по-

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 65, т. 2, л. 10.

² «Раздел Азиатской Турции», № CCCXXV.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 64, л. 163—164.

⁴ ЦГАВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 248, л. 93.

⁵ «Раздел Азиатской Турции», № CCCXXIV, CCCXXXIV, CCCXXV.

⁶ «Речь», 1. IX 1917.

⁷ ЦГАОР, ф. 3, оп. 1, д. 63, л. 6.

слевоенной внешнеэкономической политики в широком плане. В частности, задумано было созвать новую союзническую экономическую конференцию с участием США и других присоединившихся к антигерманской коалиции стран для пересмотра парижских резолюций, выгодных главным образом Англии и Франции ¹.

Еще одной характерной чертой внешней политики второй коалиции явилась перемена отношения к Стокгольмской конференции. Прежде чем рассказать, в чем это практически выразилось, вернемся немного назад и кратко проследим, как складывалась борьба вокруг соглашательского проекта в июле.

Провал Стокгольмской затеи соглашателей. За две недели до июльского кризиса Всероссийский съезд Советов решил направить за границу делегацию, поручив ей путем прямых переговоров с заинтересованными партиями устранить препятствия к созыву международной социалистической конференции.

Делегация состояла из мелкобуржуазных деятелей различных оттенков, начиная от меньшевика-интернационалиста В. Н. Розанова и кончая правым эсером Н. С. Русановым. Большевики в соответствии с решением, принятым Апрельской конференцией, осуждали затею соглашателей. Ленинская партия направила за границу (в Стокгольм) своих представителей независимо от делегации Советов с целью расширения связей с антивоенным социалистическим меньшинством разных стран и подготовки создания III Интернационала ².

Перед посланцами соглашателей стояла задача договориться о созыве конференции в непродолжительный срок и на базе принципов, которые позволили бы, по мнению меньшевиков и эсеров, сплотить разнородные течения. Такими основами служили: самостоятельные представительства направлений меньшинства и большинства, отказ от обсуждения вопроса об ответственности за войну тех или иных стран и от предварительной конкретизации формулы мира, рассмотрение на конференции не только условий будущего мира, но и форм борьбы за него, обязательность решений конференции для ее участников. Важнейшим эле-

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 99, т. 2, л. 763 с об.

² «Красный архив», 1926, т. 3 (16), стр. 32.

ментом этой общей задачи было склонить к участию в Стокгольмском съезде на указанных принципах самую многочисленную рабочую партию стран Антанты — лейбористов.

Делегация ехала в Англию через Стокгольм, где провела серию переговоров с социалистами разных стран, включая представителей Объединенного комитета НРП и БСП¹. Встреча с последними выявила совпадение взглядов на организацию и задачи конференции у английских и русских ее сторонников².

И. П. Гольденберг, Н. С. Русанов, А. Н. Смирнов и Г. М. Эрлих³ добрались до Лондона утром 11 июля, а три дня спустя отбыли вместе с представителями лейбористской и Независимой рабочей партий в Париж. Первый тур их пребывания в английской столице прошел в переговорах с Исполкомом лейбористской партии и Комитетом тред-юнионов, посещениях Палаты Общин и беседах с парламентариями — лейбористами и независимцами. Никаких попыток ознакомиться с настроениями пролетарских масс и советским движением делегаты даже не предпринимали. Через несколько дней после отъезда Гольденберга, Русанова, Смирнова и Эрлиха газеты опубликовали их заявление об итогах пребывания в Англии, где утверждалось, что миссия достигла существенных результатов, и выражалась уверенность, что теперь созыв международной социалистической конференции обеспечен⁴. Такая оценка являлась неумным самообольщением.

Правда, Исполком лейбористской партии большинством в один голос согласился взять назад свое категорическое «нет» в отношении Стокгольма⁵. Но это решение не было окончательным, так как нуждалось в утверждении национальной партийной конференции. Его принятие объяс-

¹ Британская социалистическая партия выступала в поддержку обеих намечавшихся в то время стокгольмских конференций, как общей, так и конференции участников циммервальдского объединения (М. М. Карлинер. Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны. М., 1961, стр. 311—312).

² АВПР, ф. Канцелярия, «Война», д. 210, л. 21.

³ Розанов остался в Стокгольме для представительства в объединенном оргкомитете по созыву конференции и связи с Петроградом.

⁴ «Речь», 16. VII 1917.

⁵ «Речь», 23. VII 1917.

нялось не столько воздействием посланцев Петрограда, сколько ростом антивоенных настроений английского пролетариата, заставлявших социал-шовинистов маневрировать. Последние преследовали сразу несколько целей: отвлечь внимание английских рабочих от действительно революционной борьбы, поддержать авторитет руководства лейбористской партии и помочь соглашателям в России.

В обмен на отказ от вето на Стокгольмский проект Исполком лейбористов выторговал у делегации Советов согласие участвовать в съезде социалистов стран Антанты, который меньшевики и эсеры до того считали излишним и даже вредным. Несогласованными остались срок созыва Стокгольмской конференции и вопрос об обязательности ее решений¹. Дальнейшие переговоры были перенесены в Париж, где Гендерсон и его коллеги рассчитывали получить поддержку французских социалистов большинства.

Трехсторонние совещания во Франции мало продвинули подготовку Стокгольма. Английская делегация, в которой тон задавали откровенные шовинисты Гендерсон и Вордль и которая находилась под бдительным наблюдением представителей британского правительства в Париже, ультимативно добивалась перенесения срока конференции с августа на октябрь и необязательности принятых на ней постановлений. А соглашательский ЦИК Советов и Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов слали инструкции во что бы то ни стало добиться проведения конференции в намеченный срок². Если бы посланцы меньшевиков и эсеров твердо отстаивали свою первоначальную платформу, дело неминуемо дошло бы до разрыва. Но соглашатели еще раз оправдали свою позорную кличку, вступив в беспринципный торг. В итоге все парижские решения носили печать гнилого компромисса между социал-шовинистскими и центристскими взглядами.

Программа конференции была сформулирована в настолько общей форме, что могла включить выгодную для социал-шовинистов Антанты проблему ответственности за начало войны (ее легко было возложить на Германию и Австрию). Дату созыва перенесли, если не на октябрь, то на сентябрь. Обязательность постановлений заменил ту-

¹ «Речь», 16. VII 1917.

² ЦГАОР, ф. 6978, оп. 1, д. 105, л. 1—3.

манный пункт о том, что национальные секции должны будут торжественно заявить перед собравшимися, как они намереваются осуществлять принятые решения¹.

Из Парижа делегация Советов проследовала в Рим для встречи с итальянскими социалистами. Ранее, чем она вернулась в Англию, британское правительство при замаскированной поддержке второго коалиционного кабинета Керенского перешло в наступление на Стокгольм.

Решительный поворот британской буржуазии против международной социалистической конференции был обусловлен в первую очередь ходом классовых боев в Англии. Он являлся составной частью той политики грубого подавления рабочего и демократического движения, которая в сочетании с подачками и посулами должна была отвратить от Англии призрак пролетарской революции, впервые за войну принявший видимые очертания на конгрессе в Лидсе. Срывом Стокгольма капиталистические хозяева Англии предполагали подорвать популярность идеи о способности мирового пролетариата вынудить правительства к демократическому миру. Тем самым одновременно наносился двойной удар — по международному авторитету русской революции и по влиянию Лидса.

Далее, если раньше английскому правительству приходилось считаться с тем, что в России сторонники Стокгольма представляли заметную политическую силу, то теперь, как отмечал Ллойд Джордж, «объем власти Совета очень сократился, и Керенский мог уже не так рьяно поддерживать Стокгольмский проект...»².

Английское правительство с самого начала относилось к поездке делегации Советов подчеркнуто холодно³.

Но первое время английские правящие круги еще надеялись, что хрупкий проект Стокгольмской конференции разобьется о разногласия между русскими соглашателями, с одной стороны, и лейбористами и французскими социалистами большинства, — с другой. Когда же, вопреки этому прогнозу, лондонские и парижские переговоры не привели к разрыву сторон, реакционная английская бур-

¹ «Речь», 20 и 22. VII 1917.

² Д. Л л о й д Д ж о р д ж. Военные мемуары, т. 4. М., 1936, стр. 127.

³ «Красный архив», 1926, т. 3 (16), стр. 34.

жуазия перешла к активным действиям. Она шла в этом случае по стопам США, Франции и Италии, правительства которых уже выступили против Стокгольма.

Консервативная пресса развернула кампанию травли «космополитического пацифизма» сторонников международной социалистической конференции, утверждая, что он экспортирован в Петроград из Берлина ¹. Вопрос о поездке Гендерсона в Париж во главе английской рабочей делегации стал предметом обсуждения в Парламенте и правительстве. Гендерсону дали ясно понять, что, если он не переменит отношения к Стокгольму, от его услуг в качестве министра придется отказаться. Выступая 19 июля в Палате Общин по делу Гендерсона, Ллойд Джордж заявил, что английское правительство «не намерено позволить какой-либо групповой конференции решать или диктовать условия мира» ².

Одновременно по дипломатическим каналам прощупали позицию петроградского кабинета. Выяснилось, что «несоциалистические члены правительства очень желали бы, чтобы Стокгольмская конференция не состоялась, опасаясь, что разговоры о мире могут оказать плохое влияние на армию». Однако официально Временное правительство не противилось социалистической конференции и желало, чтобы в случае ее созыва в ней приняли участие посланцы других стран Согласия ³.

Тогда из Лондона произвели нажим. Разъяснение воли Даунинг Стрит взял на себя в этом случае Набоков, более подходивший для этой роли, чем Бьюкенен, склонявшийся к желательности использовать Стокгольм в интересах Антанты. 19 июля Набоков информировал министра иностранных дел, что в Англии вся консервативная партия, большинство либералов и лейбористов (здесь была явная передержка. — *А. И.*) считают Стокгольмскую конференцию изменой общему делу ⁴. А два дня спустя он прямо предложил Временному правительству в предвидении конфиденциального запроса Бальфура и «в интересах поддер-

¹ «The Times», 1. VIII 1917.

² «The Times», 2. VIII 1917.

³ Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. Изд. 2. М., (б. г.), стр. 252—253.

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 6, л. 25.

жания устойчивых и тесных отношений с Великобританией» отмежеваться от Стокгольма¹.

Как только борьба в России привела к образованию второй коалиции, Терещенко поспешил исполнить волю Англии, совпадавшую с желаниями кадетов. 25 июля он передал Набокову, что вполне одобряет предложенное им заявление английскому кабинету о непричастности Временного правительства к Стокгольмской конференции, которую оно считает делом чисто партийным и решения которой его ни в какой мере не свяжут².

Получив эту телеграмму 26 днем, Набоков сразу же засел за составление ноты Бальфуру, которая была передана в Форин Оффис около 6 час. вечера. В ноте излагалось содержание телеграммы Набокова от 21 июля и ответа Терещенко и делались выводы об ошибочности распространенного в Англии мнения, будто Россия горячо добивается созыва Стокгольмской конференции, и о том, что этот «недобросовестный» аргумент был выдвинут с целью повлиять на английское общественное мнение и обманом побудить рабочие и социалистические партии страны принять участие в международном съезде³.

В Форин Оффис известие об изменении позиции правительства России нашли настолько важным, что немедленно переслали ноту премьер-министру. Ллойд Джордж тотчас созвал заседание военного кабинета. Последние колебания в отношении Стокгольмской конференции были отброшены. Дебатировался лишь вопрос, выступить ли с заявлением об отказе выдать паспорта делегатам на конференцию немедленно или подождать два дня до съезда лейбористской партии, который, возможно, и сам выскажется против Стокгольма. Победила вторая точка зрения⁴.

Вопреки ожиданиям английского правительства конференция лейбористов 28 июля (10 августа) значительным большинством голосов (1846 тыс. против 550 тыс.) высказалась за участие в Стокгольме. Составленный для конференции лидерами лейбористов и независимцев проект

¹ К. Д. Набоков. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921, стр. 115—117.

² АВПр, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 99, т. 1, л. 275.

³ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 4, стр. 127—128.

⁴ Там же, стр. 126—127; К. Д. Набоков. Указ. соч., стр. 118—120.

меморандума о целях войны не удовлетворял хищнические аппетиты британской буржуазии ¹.

Кабинет Ллойд Джорджа оказался в сложном положении. Консерваторы и правые либералы призывали правительство игнорировать резолюцию лейбористской конференции и следовать собственной линии. Они требовали немедленной отставки Гендерсона, выступившего на конференции за участие в Стокгольме. Часть либералов считала возможным допустить международный съезд социалистов чисто совещательного характера, на котором сильная английская делегация могла бы убедить русских, что Великобритания воюет не за интересы финансистов и предпринимателей, а за международную безопасность. Такую точку зрения отстаивала, например, «Манчестер Гардиан» ². В самом правительстве некоторые министры готовы были примириться с созывом Стокгольма ³.

Все же правящая группировка решила идти напролом. Принятие такого курса облегчал некоторый спад рабочего движения в стране, которого удалось добиться искусной английской буржуазии ⁴. Военный кабинет подтвердил свое решение не пускать английскую делегацию в Стокгольм и постановил информировать об этом

¹ A. Van der Slicke. International labor, diplomacy and peace, 1914—1919. Philadelphia, 1941, p. 102—103.

² АВПР, ф. Отдел печати, д. 283, л. 87; «Речь», 1. VIII 1917.

³ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 431.

⁴ После обследования в июне причин волнений в промышленности правящий класс пошел на известные экономические уступки пролетариату. Правительство отменило наиболее ненавистные английским рабочим постановления военного времени о труде, приняло кое-какие меры к улучшению продовольственного обеспечения народа. Особенно большой размах приняла демагогическая кампания вокруг будущей «реконструкции» общества, сулившая рабочим рай после войны. Одновременно был усовершенствован механизм примирительных учреждений (подробнее об этом см. М. М. Карлинер. Указ. соч., стр. 282—303). Советское движение в Англии вследствие трудностей, созданных правительством и буржуазией, отрицательного отношения руководства лейбористской партии, а также предательства центристских лидеров типа Сноудена и Макдональда, не желавших выполнять решений Лидского конгресса, развивалось медленно. К рассматриваемому времени из 13 первоначально намеченных окружных конференций по выбору Советов удалось провести только 3 («The Call», 2. VIII 1917). Все это позволяло правительству игнорировать мнение рабочих организаций о социалистической конференции.

правительства Франции, Италии и США с целью координировать действия союзников. Намечено было также дискредитировать не оправдавшего доверия буржуазии Гендерсона и, принеся его в жертву, попробовать воздействовать на лейбористскую верхушку¹.

С этой целью Ллойд Джордж вызвал к себе Набокова и получил от него согласие на опубликование русской ноты от 26 июля. «Вы оказали России и Англии услугу, значение которой трудно оценить!» — воскликнул довольный премьер².

29 июля в газетах появилось открытое письмо Ллойд Джорджа Гендерсону, в котором глава кабинета обвинял своего министра в сознательной дезинформации лейбористской конференции о позиции России, приводя в доказательство известную Гендерсону ноту Набокова от 26 июля. Одновременно Гендерсона фактически отстранили от участия в работе кабинета. Лейбористский министр подал в отставку. Внутри руководства его партии активизировались противники Стокгольма, которые повели кампанию за пересмотр резолюции конференции от 28 июля.

31 июля Бонар Лоу от лица правительства заявил в Парламенте, что жители Соединенного Королевства не имели права без разрешения властей изъявлять согласие участвовать в конференции с подданными неприятельских стран. Под крики одобрения большинства Палаты он сообщил о постановлении правительства не разрешать поездку в Стокгольм, добавив, что аналогичные решения приняты правительствами США, Франции и Италии³. Позиция ведущих стран Антанты в значительной мере предопределяла срыв международной социалистической конференции.

Англия сделала попытку побудить открыто присоединиться к единому антистокгольмскому фронту Согласия и Временное правительство. Еще 29 июля Ллойд Джордж в доверительной беседе обрабатывал в этом смысле Набокова⁴. В речи в Палате Общин 31 июля Ллойд Джордж

¹ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 4, стр. 130, 133.

² К. Д. Набоков. Указ. соч., стр. 120—121, 132.

³ «Речь», 2. VIII 1917.

⁴ «Красный архив», 1926, т. 3 (16), стр. 37.

утверждал, что отказ в паспортах делегатам на Стокгольмскую конференцию есть помощь русской демократии, все усилия вождя которой направлены к восстановлению порядка и дисциплины ¹.

Заявление правительства США, что оно располагает сведениями о прогерманском характере стокгольмской затеи, и предложение Ватикана о мирном посредничестве дали в руки Форин Оффис новые аргументы для воздействия на Петроград. Набоков 1 августа телеграфировал, что теперь нравственная обязанность Временного правительства перед союзниками — отмежеваться от Стокгольма и попыток делегации Советов спасти эту конференцию. Он писал об исключительной серьезности момента и настоятельной необходимости срочно сговориться с союзниками о приемлемой для всех программе мира ².

Но, хотя второе коалиционное правительство сознательно помогало Англии срывать международную социалистическую конференцию, оно не могло в силу связей с мелкобуржуазными партиями открыто выступить против нее. Поэтому опубликование в Англии ноты Набокова поставило Керенского, Терещенко и их единомышленников в правительстве в затруднительное положение. Грех — не беда, молва нехороша. Теперь кадетская печать не кстати для правительства Керенского приветствовала ноту как «первый решительный шаг... к освобождению русской внешней политики от Циммервальдского плена» ³. Большевики увидели в происшедшем свидетельство того, что милюковский лозунг «война без конца», «война до полной победы» «завоевал безраздельное господство, а программа мира без аннексий откровенно отвергнута всеми буржуазными правительствами, выставляющими все растущие требования захватов» ⁴. А меньшевики и эсеры обвиняли кабинет Керенского в капитуляции перед английским империализмом или в двуличии. Они требовали правительственного заявления в пользу Стокгольмской конференции.

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 8, л. 5—6.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 8, л. 10.

³ «Речь», I. VIII 1917.

⁴ «Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа». Документы и материалы, М., 1959, № 18, стр. 22.

Временное правительство не нашло ничего лучшего, как попытаться усесться между двух стульев. Союзникам Терещенко разъяснил, что он лично отрицательно относится к социалистической конференции и сам Керенский не очень верит в ее успех ввиду событий на русском фронте. В то же время его правительство полагает, что конференция все-таки состоится, и хотело бы, чтобы делегаты русских социалистических партий не оказались с глазу на глаз с представителями враждебных стран¹. Лидеров Советов Керенский и Терещенко, напротив, уверяли, что произошло серьезное недоразумение и что отношение Временного правительства к Стокгольму по-прежнему доброжелательное². Стремясь рассеять подозрения соглашателей, что это говорится только «для внутреннего потребления», Керенский дал интервью корреспондентам английских либеральных газет «Манчестер Гардиан» и «Дейли Ньюз», в котором заявил о симпатиях Временного правительства целям международной социалистической конференции³.

В официальных разъяснениях для печати говорилось, что правительство считает Стокгольмскую конференцию делом партийным, но не отрицает ее целесообразности и высказывалось в лице министра иностранных дел и министра-председателя перед союзниками за то, чтобы не чинить препятствий участию в ней⁴.

Такая позиция, естественно, не удовлетворила Англию и еще больше подорвала веру лондонских политиков в Керенского.

Английское правительство не только не помогло кабинету Керенского выкрутиться из неловкого положения, но еще усугубило его трудности официальным заявлением, что инициатива появления ноты об отношении России к Стокгольму исходила целиком от последней и что смысл указанной ноты мог быть только один — отказ нового состава Временного правительства от всякого содействия конференции⁵. Этот преднамеренный удар по престижу

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 104, л. 17—19 и д. 99, т. 2, л. 446.

² Там же, д. 104, л. 17—18.

³ АВПР, ф. Отдел печати, д. 552, л. 155 об.

⁴ «Речь», 2 и 6. VIII 1917.

⁵ «Речь», 5. VIII 1917.

кабинета Керенского нельзя рассматривать иначе, как прямую помощь корниловцам в их борьбе за власть. Дело было накануне Государственного совещания, которое контрреволюция рассчитывала использовать для переворота.

Выявление действительной линии английского и Временного правительств в отношении Стокгольма не отрезвило русских соглашателей. Добившись пустых словесных заверений от Керенского и Терещенко, лидеры Советов стали внушать себе и другим, что ничего особенного не произошло, паспортные трудности будут под воздействием России преодолены и можно продолжать деловую подготовку к конференции.

Между тем, беспочвенность иллюзий в отношении международного съезда социалистов с каждым днем становилась все более очевидной. Противники Стокгольма в лейбористской партии добились созыва повторной национальной конференции, которая хотя и подтвердила ничтожным большинством голосов решение послать делегатов на международный форум социалистов, но отказала социалистическому меньшинству Англии в праве самостоятельного представительства. Немного ранее лейбористская партия отвергла принцип обязательности решений международного съезда.

Все еще надеясь как-либо столкнуться с оппонентами, меньшевистско-эсеровская делегация приняла участие в состоявшейся 15—16 августа в Лондоне конференции социалистов стран Антанты. Встреча закончилась провалом вследствие разногласий между течениями большинства и меньшинства.

22 августа Гендерсон от лица руководства лейбористской партии заявил, что при существующих между социалистами союзных стран разногласиях «международная социалистическая конференция явилась бы не только вредной, но и пагубной»¹. В тот же день конгресс тред-юнионов в Блэкпуле подавляющим большинством голосов принял резолюцию о несвоевременности Стокгольмской конференции. Вслед за этим Терещенко предписал русским представителям в Лондоне, Париже, Риме и Стокгольме отказывать делегации Советов в передаче телеграмм диплома-

¹ «Речь», 24. VIII 1917.

тическим путем¹. Временное правительство, готовясь осуществить сговор с Корниловым, прекращало даже формальную поддержку усилий посланцев соглашателей. Мелкобуржуазным «путешественникам» ничего не оставалось, как бесславно возвратиться восвояси.

Главная причина провала стокгольмской затеи состояла, как отмечал В. И. Ленин, в том, что англо-французские империалисты, в отличие от немецких, не хотели тогда вести переговоров о мире². Временное же правительство плелось за союзниками. Крах Стокгольма нанес сильный удар престижу соглашателей, подорвал их влияние в народе, послужил одной из причин будущего поворота масс к большевикам. А пока плоды прожектерства меньшевиков и эсеров пожала буржуазная реакция.

АНГЛИЯ БЕРЕТ КУРС НА ВОЕННУЮ ДИКТАТУРУ В РОССИИ

Неизбежность появления Кавеньяков на русской политической арене вследствие контрреволюционности буржуазии и трусливо колеблющейся линии соглашателей В. И. Ленин предсказывал еще в дни медового месяца коалиции³.

В результате июльского кризиса Кавеньяки разных масштабов — все эти Половцевы, Деникины, Корниловы подняли головы. Советы, протитуированные меньшевиками и эсерами, не могли оказать серьезного сопротивления силам реакции. Неустойчивое правительство бездействовало, либо шло на поводу распоясавшихся генералов.

Буржуазно-помещичья контрреволюция стремилась к разгону Советов и других организаций трудящихся, расправе со всеми демократическими элементами и торжеству военной диктатуры, но еще не в силах была сразу осуществить свои замыслы. Кадеты и иже с ними надеялись на поддержку союзников. Расчеты их в этой части имели под собой реальную почву.

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 104, л. 57.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 102.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 343—346.

В авангарде контрреволюции. Нам придется теперь в отступление от хронологического принципа вернуться к июльским событиям в России, точнее к оценке их английским правительством, что позволит подойти к пониманию изменений в его русской политике. В Лондоне очень скоро пришли к заключению, что первый кабинет Керенского плохо использует выгодную ситуацию. Попытки лавировать между интересами враждебных классов, видимая связь с Советами и невключение в правительство кадетов, сама неустойчивость Временного правительства лишали его в глазах Антанты престижа той сильной власти, которой требовал момент. Никакие заверения Терещенко не могли рассеять этого впечатления. По мнению британского премьера Ллойд Джорджа, «российское правительство вело крайне нерешительную и сбивчивую политику», так что положение в России продолжало внушать «живейшую тревогу»¹.

С другой стороны, английские политики понимали, что кадетам преждевременно становиться у кормила правления, так как армия за ними не пойдет. Кроме того, осуществление контрреволюционной политики желательно было прикрыть сотрудничеством в правительстве популярных «социалистических» лидеров². Выход из положения и первый шаг к утверждению сильной власти видели в создании с участием кадетов «национального» кабинета, члены которого, значась в тех или иных партиях, оставались бы независимыми в своих поступках. Вот почему Англия активно включилась в ту атаку на правительство «спасения революции», которую повели кадеты, думцы и торгово-промышленные круги.

Всего через несколько дней после формирования правительства Керенского Бьюкенен выразил Терещенко недовольство тем, что большевистские вожди не арестованы и рабочие не разоружены. Он убеждал министра «в необходимости применения тех же самых дисциплинарных мер в тылу, какие были санкционированы на фронте», реорганизации армии, транспорта и введения обязательной трудовой повинности³.

¹ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 4, стр. 125.

² «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 154; Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 252.

³ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 251.

17 или 18 июля Бьюкенен имел новое важное объяснение с Терещенко. При этом посол передал министру записку Нокса под названием «Военное положение России». Как в заявлении Бьюкенена, так и в выдержанной в резком тоне записке подчеркивалось, что принятые русским правительством меры к восстановлению порядка и дисциплины совершенно недостаточны. Программа, набросанная в предыдущей записке Нокса, не выполнена до конца. Смертная казнь на фронте и закрытие «Правды» последовали слишком поздно, чтобы излечить болезнь. Бьюкенен и Нокс шли теперь дальше настояний, сформулированных 5 июля. Они требовали реставрировать в русской армии старые порядки путем возвращения офицерам дисциплинарных прав, восстановления старой формы приветствий, отнятия солдатских «вольностей» и ликвидации системы комитетов¹. Решительными мерами принуждения рекомендовалось возродить порядок в тылу. Только приведя народные массы в повиновение, можно будет справиться с экономической разрухой. В противном случае — пугали английские представители — Россия не выстоит новой зимней кампании, и ее ждет окончательная катастрофа².

Англия использовала в интересах нажима и свое положение кредитора и перевозчика России. В первые дни после июльских событий она сделала некоторые авансы правительству контрреволюции. Нотой английского посольства от 7 июля России фактически обещали кредит в 65 млн. ф. ст.³ 10 июля Гермониус получил извещение от Мильнера об увеличении тоннажа для русских военных перевозок из Англии на июль — сентябрь со 150 до 208 тыс. т⁴. Следует подчеркнуть, что сделанные уступки далеко не удовлетворяли потребностей России. Когда же выяснилась неудовлетворительность, с точки зрения Даунинг Стрит, контрреволюционной политики кабинета Керенского, то вместо обещанного усиления экономической поддержки последняя была сокращена.

¹ Предлагалось оставить только ротные комитеты, ограничив их функции наблюдением за питанием солдат.

² А. К о х. *With the Russian Army*, v. 2. N. Y., 1921, p. 742—745; Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 251.

³ «Экономическое положение России», ч. 2, № 660.

⁴ ЦГИА, ф. 1525, оп. 2, д. 1022, л. 30.

В июле Временное правительство получило от Англии почти вчетверо меньше кредитов, чем в июне, который в свою очередь был рекордно низким по сравнению с предыдущими месяцами¹. Британское казначейство почти не предоставляло России долларов, прекратило отпуск кредитов в кронах². 17 июля оно информировало русского финансового агента, что в августе размер займов еще уменьшится³. Вместо обещанных на июль 80 тыс. т военных грузов из Англии было доставлено лишь около 50 тыс. т⁴. Бьюкенен в беседах с русскими министрами не скрывал, что «скупость» Англии имеет политическую подкладку⁵.

Предметом политических спекуляций стало само военное взаимодействие. Как уже отмечалось, неоднократные просьбы русской Ставки о поддержке наступлением длительное время не находили отклика у союзников. Англичане ранее обещали начать активные операции 15 июля⁶, но слова своего не сдержали. Только 21 июля, когда Брусилова, не верившего в способность армии выстоять еще одну зимнюю кампанию, уже сменил Корнилов, британская армия перешла наконец в наступление. Робертсон телеграфировал Корнилову о начале англо-французских атак, обещая энергично продолжать активные действия и в будущем. Он воспользовался случаем, чтобы сказать новому главнокомандующему о расчетах союзников, связанных с его назначением: «Я надеюсь,— писал Робертсон,— что Вы всю силу своего большого авторитета употребите на восстановление твердой дисциплины в Ваших армиях... Действительное содействие со стороны Ваших войск является жизненным вопросом в нашей общей борьбе»⁷.

Англия не только сама стремилась влиять на деятельность правительства Керенского, но и координировала свои усилия с другими странами Согласия. При этом Форин-Оффис, наряду с задачей борьбы с революцией в России,

¹ ЦГИА, ф. 1524, оп. 1, д. 6, л. 33—37; ф. 1525, оп. 1, д. 196, л. 6.

² Там же, ф. 1525, оп. 1, д. 681, л. 148 и об.

³ «Экономическое положение России», ч. 2, № 661.

⁴ ЦГИА, ф. 1525, оп. 2, д. 1022, л. 29; там же, оп. 1, д. 602, л. 2; там же, д. 681, л. 200.

⁵ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 253—254.

⁶ ЦГИА, ф. 2003, оп. 2, д. 166, л. 478.

⁷ Там же, л. 431 с об.

преследовало цель не допустить выхода последней из войны. Хотя в Лондоне отдавали себе отчет в том, что восточный союзник уже внес свой вклад в кампанию 1917 г., выполнив миссию сковывания противостоящих сил врага¹, перспектива выпадения России из рядов коалиции внушала там серьезную тревогу. Не говоря уже об огромном моральном воздействии на воюющие страны, такой поворот событий мог облегчить экономическое положение Центральных держав². Между тем для английского правительства не было секретом наличие в контрреволюционном лагере России сторонников сепаратного мира.

Русский вопрос занял видное, если не центральное, место уже на Парижской конференции стран Антанты 12—13 июля, официально посвященной балканским делам. Обсуждение русского вопроса велось на частных совещаниях руководящих лиц английской, французской и итальянской делегаций за спиной представителей Временного правительства³. Было констатировано, что «Керенский и его правительство совершенно утратили контроль над общим положением»⁴. Французская делегация выступила с меморандумом, намечавшим цели и средства союзной политики в России. В нем подчеркивалось, что «союзные правительства должны пойти на все жертвы, чтобы удержать Россию в коалиции и путем предоставления ей постоянной поддержки во всех областях влить в ее правительство энергию, необходимую, чтобы любой ценой продержаться до конца». Авторы меморандума предлагали прийти на помощь Временному правительству в трех главных областях: идеологической (организация и финансирование широкой антибольшевистской пропаганды), экономической (укрепление финансов и реорганизация транспорта) и военной (содействие возрождению дисциплины, подъему боевого духа и техническому оснащению

¹ Военный корреспондент «Таймс» считал, например, что Германия не сможет до конца летней кампании снять с Восточного фронта более 12—15 дивизий из 80, и даже в самом худшем случае противнику придется держать большие силы на востоке, так что положение Западного фронта в активный сезон текущего года радикально не изменится («The Times», 25. VII 1917).

² Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 5, стр. 76.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 76, л. 52.

⁴ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 5, стр. 75.

русских вооруженных сил). При этом намечалось разграничить сферы помощи между тремя главными державами антигерманской коалиции: Англия займется военным флотом, Франция — армией, а Соединенные Штаты — транспортом. Здесь же излагалась программа содействия русской армии со стороны Франции и основные черты предполагаемого участия США в реорганизации русского транспорта, не оставлявшие сомнения в том, что «помощь» мыслилась по-империалистически и должна была сопровождаться присылкой иностранных миссий и вмешательством во внутренние дела России¹. Принятие решения о «сферах помощи» было, однако, отложено до следующей конференции. В Париже рассмотрели линию поведения на случай возможного выхода России из войны. В ряду других мер ставился вопрос о привлечении японских войск для участия в войне на русско-румынском и других восточных фронтах². Главы делегаций Англии, Франции и Италии одобрили декларацию о войне до победы над империализмом Центральных империй (последнее присоединение к ней Временного правительства³, делегат которого Севастопуло не имел полномочий принимать окончательных решений, явилось очередным подтверждением обязательства не заключать сепаратный мир).

Обсуждение положения в России было продолжено на следующей союзной конференции, открывшейся 25 июля в Лондоне. Набоков узнал о ней буквально в последний момент и едва не опоздал. Военного представителя России вообще не пригласили. Для русской делегации даже не было отведено мест⁴. Ясно, что судьбы России предпочи-

¹ «Les armées françaises dans la grande guerre», t. 5, 2e vol., annexes, 2e vol. Paris, N 769, p. 228—230.

В «Военных мемуарах» Ллойд Джорджа (т. 5, стр. 75—76) этот меморандум ошибочно приписан английской делегации.

² «Les armées françaises dans la grande guerre», t. 5, 2e vol. Paris, p. 305—308, 311—312.

Для передачи соответствующего совета в Петроград сначала использовали Набокова. Он рассказывает в своих воспоминаниях, что, по консультации с некоторыми английскими военными авторитетами, он предложил Временному правительству идею отправки на русский фронт 200-тысячной японской армии (К. Д. Набоков. Указ. соч., стр. 219).

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 76, л. 55, д. 99, т. 1, л. 165.

⁴ К. Д. Набоков. Указ. соч., стр. 106—107, 112.

тали решать в отсутствие представителей Временного правительства. Появление Набокова мало что изменило. Во всяком случае французский проект разграничения «сфер помощи» России был принят без него. Этот документ гласил: «Представители трех правительств одобрили принцип помощи административной реорганизации России всеми средствами, имеющимися в распоряжении Союзных Наций, и намерены оказать все возможное содействие, как материальное, так и личным составом, с этой целью». Далее говорилось о решении обратиться к правительству США с просьбой взять на себя ведущую роль в содействии реорганизации русских железнодорожных сообщений¹. Что касается Италии, не получившей своей особой «сферы помощи», то ей, по-видимому, было обещано в виде компенсации утверждение соглашения о выделении ей доли добычи в Малой Азии². На той же конференции Франция выдвинула идею посылки в Петроград верховного комиссара союзников.

Английская дипломатия, со своей стороны, выступила инициатором коллективного демарша держав Антанты перед Временным правительством с целью побудить его «сосредоточить всю свою энергию на реорганизации армии и на восстановлении дисциплины как на фронте, так и в тылу»³. На первом же заседании конференции Ллойд Джордж предложил обратиться к русскому правительству «с решительным протестом против усиливающихся в России анархии и разложения» и с упреками по поводу пассивности русской армии⁴. Правда, по совету других участников конференции и под влиянием известий из России, форма коллективного обращения была несколько приглажена, но содержание его осталось прежним: это было требование к Временному правительству «овладеть положением» и «восстановить жесткую дисциплину», без

¹ АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 1730, л. 259.

² Во всяком случае Соннино 28 июля телеграфировал послу в Петрограде о предстоящем в скором времени подписании Италией, Францией и Англией окончательного акта относительно раздела Малой Азии для сообщения русскому правительству («Раздел Азиатской Турции», № СССХХIV).

³ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 253.

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 77, л. 1—2; К. Д. Набоков. Указ. соч., стр. 108.

чего нельзя ни добиться целей войны, ни обеспечить «народную свободу»¹.

Англия не удовлетворена. К концу июля усилия русской контрреволюции и ее иностранных союзников принесли известные плоды. Было сформировано правительство типа испробованных в других странах Антанты «национальных» министерств. Внутри него, как сообщил за границу Терещенко, предполагалось создать узкий комитет обороны для решения важнейших вопросов. Новый кабинет обещал сконцентрировать внимание на восстановлении боеспособности армии, борьбе с анархией и продолжении войны². В Лондоне отдавали себе ясный отчет в характере происшедшей реконструкции власти. Ллойд Джордж писал в этой связи, что «в России положение вещей значительно изменилось». «...Керенский образовал коалиционное правительство, в котором Совет был только одной из представленных групп. Остальные группы в некоторой мере перевешивали и сдерживали влияние Совета; 8 августа (26 июля. — А. И.) мы могли отметить на заседании военного кабинета, что «влияние Совета в России неуклонно падает»³.

Английские политики высоко оценивали выдвижение Корнилова на пост главнокомандующего и принятие правительством первых условий генерала. Так, Робертсон говорил Ллойд Джорджу, что «питает большие надежды на то, что это назначение приведет к восстановлению дисциплины и к возрождению русской армии»⁴.

Тем не менее в Англии рассматривали происшедший сдвиг лишь как первый шаг к необходимой в русских условиях единоличной диктатуре. «Наша союзница считает, — сообщал Набоков, — что, если страна объединится вокруг национального вождя, она спасется»⁵. Некоторое время оставался спорным лишь вопрос о форме диктаторской власти капиталистов и ее конкретных носителях.

Первоначально известные надежды возлагались на «демократическую диктатуру» Керенского, и сам Ллойд

¹ АВПР, ф. Секретный архив, оп. 467, д. 655/677, л. 80—81 об.; Д. Л л о й д Д ж о р д ж. Указ. соч., т. 5, стр. 81.

² «Революционное движение в России в июле 1917 г.», № 255.

³ Д. Л л о й д Д ж о р д ж. Указ. соч., т. 4, стр. 127 и 126.

⁴ Там же, т. 5, стр. 81.

⁵ «Борьба классов», 1931, № 5, стр. 87.

Джордж пытался заигрывать с ним, прельщая тщеславного адвоката ролью «национального вождя», перспективой полной координации военных усилий двух стран, а также откровенных и постоянных сношений между главами обоих кабинетов¹.

Наряду с заигрываниями Англия и в эти первые дни существования второй коалиции применяла привычные средства давления. Так, 28 июля Россия просила ее ускорить невыполненные в обещанный срок поставки тяжелой артиллерии и снарядов. Срыв поставок, как указывалось в документе, грозил ходу операций русской армии². На следующий день за завтраком у Терещенко Бьюкенен заявил Керенскому, что его страна «вряд ли согласится исполнить упомянутую просьбу, если не получит уверенности, что Корнилов будет наделен всей полнотой власти для восстановления дисциплины». Посол настаивал, чтобы столицу, в соответствии с пожеланием Корнилова, включили во фронтовую полосу, т. е. подчинили главнокомандующему и ввели в ней военное положение. Он выразил недовольство слабостью Временного правительства, не способного преодолеть партийные разногласия и поставить требования войны выше политических соображений. Уязвленный премьер запальчиво возразил, что правительство взяло задачу поддержания порядка на себя и не намерено торговаться с Англией³. Горячность Керенского оказалась, однако, вовсе несвоевременной. Буржуазная Россия не могла позволить себе роскошь полемизировать с богатой и сильной Англией. На другой же день Терещенко и управляющему Военным министерством Савинкову пришлось исправлять неловкость премьера и давать англичанам заверения, что Корнилову будет предоставлена свобода действий⁴.

Как ни старалось новое правительство Керенского, обрушив град репрессий на головы непокорных солдат, закрывая большевистские газеты и посылая карательные экспедиции, заслужить расположение союзников, как ни угодничали его министры перед заграничными толстосу-

¹ «Красный архив», 1926, т. 3 (16), стр. 37.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 99, т. 1, л. 329.

³ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 253—254.

⁴ А. Кнох. Op. cit., v. 2, p. 673—675.

мами, приняв закон о карах за оскорбление «дружественных держав», преследуя политэмигрантов-интернационалистов и посылая приветствие английскому королю Георгу, — все же в Лондоне, Нью-Йорке и Париже были недовольны. Программа восстановления «порядка» в стране выполнялась, по мнению английских политиков, слишком медленно и нерешительно. Генерал Корнилов вопреки обещанию Терещенко ¹ остался вне кабинета и не получил возможности оказывать решающее влияние на все государственные дела. Русские министры позволили себе отклонить предложение о присылке в Петроград особо уполномоченного комиссара союзных держав ². Наконец, Временное правительство не сумело ни предотвратить, ни арестовать происходившего у него под носом съезда большевистской партии. «Правительство упустило единственную возможность раз навсегда раздавить большевиков после беспорядков, происходивших в прошлом месяце», — резюмировал Бьюкенен в письме в Форин Оффис 2(15) августа, как бы вынося вотум недоверия второй коалиции ³.

Керенский, как показали первые недели его премьерства, для роли вождя не годился. Ллойд Джордж с тонкой насмешкой заметил, что он «был гениальным человеком, но не был гением действия» ⁴. А Нокс с солдатской прямоотой писал, что у Керенского от Наполеона только актерские качества ⁵.

Консервативная английская дипломатия с радостью приветствовала бы установление в России конституционной монархии и прощупывала почву в этом направлении. Однако, как признавал в одном из июльских донесений Бьюкенен, оказалось невозможным найти кандидата на царский трон, способного «привлечь на свою сторону

¹ В беседе с Бьюкененом незадолго до образования «национального» кабинета Терещенко говорил: «Генерал Корнилов должен быть допущен в правительство, а несколько членов правительства должны находиться в Ставке, чтобы быть с ним в постоянном контакте». Он уверял посла, что Керенский разделяет его взгляды. («Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 153—154).

² АВПР, ф. Секретный архив, д. 653/674, л. 10.

³ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 255.

⁴ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 5, стр. 75.

⁵ А. Кнох. *Op. cit.*, v. 2, p. 673.

симпатии русского народа»¹. Оставался вариант республиканской, предпочтительно военной, диктатуры.

Дошедшие до нас отрывки из переписки Бьюкенена и дневника Нокса свидетельствуют о лихорадочных поисках кандидата в диктаторы. Были перебраны все заметные фигуры контрреволюционного лагеря, пока выбор не остановился на новом главнокомандующем — Корнилове, которого Бьюкенен рекомендовал в качестве «единственного человека, достаточно сильного», чтобы «привести свой дом в порядок путем восстановления строгой дисциплины в армии и подавления анархии в тылу»².

Лавр Георгиевич Корнилов давно привлекал внимание английских политиков и разведчиков. Еще Самуэль Хор, возглавлявший одно время британскую военную разведку в России, вернувшись в феврале 1917 г. в Англию, рекомендовал Корнилова на роль диктатора³. Поведение генерала на посту командующего Петроградским военным округом, особенно в дни апрельского кризиса, закрепило за ним репутацию человека, способного до времени приспособиться к обстановке, а в критический момент двинуть против революционного народа пушки. Когда же в июле Корнилов прибег к кровавым репрессиям против отступавших солдат и диктаторским тоном потребовал от правительства восстановления дисциплины и порядка в стране и в армии, британские политики все чаще стали думать о нем как о деятеле, способном подавить революцию, а, быть может, и возродить былую мощь русского фронта. Генерал обладал ко всему прочему еще одним важным, с точки зрения Форин Оффис, качеством: он охотно прислушивался к советам представителей Англии и Франции, явно стремясь заручиться их поддержкой в своей борьбе за власть.

В день назначения Корнилова верховным главнокомандующим его старый знакомый, петроградский корреспондент «Таймс» Вильтон, находившийся в ставке генерала на Юго-Западном фронте, послал сообщение, которое вскоре появилось на страницах газеты. В нем повторялся

¹ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 5, стр. 79—80.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 256.

³ М. Сейерс и А. Кан. Тайная война против Советской России. Перев. с англ. М., 1947, стр. 10.

английский рецепт «наведения порядка» в России. Вильтон писал, что нельзя радикально оздоровить армию без оздоровления тыла. Восстановление смертной казни на фронте хорошо лишь как первый шаг, благотворное воздействие которого ослабнет, если не будет создано властное правительство, способное поставить интересы страны выше партийных соображений. Петроградский Совет должен быть отстранен от влияния на правительство и армию, а рабочие и крестьяне приведены в повиновение ¹.

Корнилов всячески старался показать союзникам, что они не ошиблись в своем выборе. Он начал с того, что отказался вступать в должность, пока правительство не согласится с его контрреволюционными требованиями, составленными, заметим в скобках, в духе настояний Лондона. Лишь после того, как принципиальное согласие было получено, Корнилов информировал командование Англии и других союзных держав о принятии им функций главнокомандующего ².

Еще не успев приступить к исполнению новых обязанностей, он поспешил заявить в интервью корреспонденту «Таймс», что Россия должна продолжать войну во что бы то ни стало и готовиться к кампании 1918 г. Нужно отбросить мечты об общем мире и братстве, проповедуемые Советом, так как они служат лишь планам «предателей»-большевиков. «И для этой цели,— продолжал разоткровенничавшийся генерал,— правительство, способное продолжать войну, должно занять место нынешнего режима, который продемонстрировал свою неспособность предложить конструктивную политику или защитить порядок и дисциплину. Новое правительство должно также осознать необходимость пригласить союзников помочь в реорганизации железнодорожной службы для ведения войны». В России есть 10 млн. людей, призванных в армию, но еле обученных и занимающихся митингованием, да праздным шатанием. В стране еще много прекрасного человеческого материала. «Английские и французские офицеры должны помочь обучить эти миллионы, «как они помогают сербам, румынам, грекам и американцам» ³.

¹ «The Times», 4. VIII 1917.

² ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 166, л. 425 и 426.

³ «The Times», 8. VIII 1917.

Как видим, Корнилов не только клялся в верности союзникам, но и обещал призвать их к непосредственному участию в реорганизации русских вооруженных сил и транспорта, что прямо соответствовало стремлениям западных держав. В телеграммах Хейгу и Робертсону по поводу своего назначения Корнилов уверял их, что «при посредстве восстановления твердой дисциплины» предводительствуемая им русская армия «через короткое время внесет свой полный вклад в усилия союзников достигнуть общей цели, которая их объединяет»¹. Дебют Корнилова снискал ему еще большие симпатии правящих кругов Англии, Франции и США.

В стенах английского посольства и лондонских министерских кабинетов обсуждалось и желательное окружение диктатора — люди действия, типа Колчака, Савинкова², Алексеева, и Керенский в качестве марионетки для обмана народа. Кандидатуру Колчака рекомендовал С. Хор. К нему положительно относился Нокс. В 20-х числа июля Керенский, видевший в адмирале возможного конкурента, добился отъезда того с морской миссией в США. Однако дорогой Колчак надолго застрял в Англии, высшие морские чины которой вели с ним конфиденциальные разговоры о необходимости в России военной диктатуры³. Савинкова некоторые английские политики считали даже более сильным человеком, чем Корнилова. Но ему, по мнению Нокса, недоставало военного опыта, чтобы понять необходимость полного возвращения к старым порядкам в армии⁴. Алексеева союзники прочили на пост военного представителя России за границей. Приезда его в Англию добивался сам Ллойд Джордж⁵. Керенский интересовал английских политиков как человек, способный, благодаря своему «магнетическому влиянию» на массы, «сдерживать толпу» и тем оказать существенную услугу делу удушения революции⁶. Принадлежность главы правительства к партии социалистов-революционеров мало смущала англичан,

¹ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 166, л. 425 и 426.

² Член ЦК партии социалистов-революционеров.

³ «Допрос Колчака». Л., 1925, стр. 94.

⁴ А. К п о х. О р. с и т., v. 2, p. 670—673.

⁵ «Красный архив», 1926, т. 3 (16), стр. 37.

⁶ Д. Л л о й д Ж о р д ж. Указ. соч., т. 4, стр. 126; А. К п о х. О р. с и т., v. 2, p. 673.

знавших о беспринципности Керенского и умевших играть на его тщеславии.

Английская дипломатия стала энергично поддерживать перед Временным правительством все притязания Корнилова в расчете на то, что объединенное давление сторонников генерала в самом кабинете, различных контрреволюционных организаций, Ставки и союзников заставит Керенского и иже с ним склониться перед главнокомандующим. Вариант мирной и «законной» передачи власти военщине представлялся желательным потому, что таил меньше опасности поднять на борьбу с контрреволюцией народные массы. В Лондоне, по свидетельству французского журналиста Рене Маршана, считали, что вся операция «не должна выйти за пределы смены министерства...»¹

ПОКРОВИТЕЛИ И АКТИВНЫЕ ПОМОЩНИКИ ЗАГОВОРЩИКОВ

Надежды английских политиков, что Керенский и его сторонники уступят нажиму справа и пойдут на сговор с военщиной, оправдывались. Ставка и правительство условились о едином контрреволюционном курсе. Разногласия между ними оставались главным образом в части сроков осуществления тех или иных элементов корниловской программы, да и тут кабинет Керенского постепенно сдавал позиции. Лишь в одном, правда очень важном, вопросе коса нашла на камень. Самовлюбленный премьер не желал уступить главнокомандующему роли «национального вождя».

В самом конце июля — начале августа английское посольство стало получать тревожные сигналы, что Керенский подумывает, как избавиться от соперника, а Корнилов в свою очередь готовит военный переворот. После дополнительной разведки, подтвердившей эти сведения, решено было усилить давление на Временное правительство, добиваясь капитуляции Керенского. В то же время кабинету Ллойд Джорджа приходилось считаться с возможностью конфликта соперничавших контрреволюционных сил в России. Симпатии английского правительства

¹ М. Л е в и д о в. К истории союзной интервенции в России, т. I. Дипломатическая подготовка. Л., 1925, стр. 8.

в случае такого столкновения определенно оказывались на стороне корниловцев. Тем не менее о военном перевороте думали пока как о менее желательном, запасном варианте, и содействие генеральскому заговору на первом этапе почти не выходило за рамки моральной поддержки.

За кулисами Государственного совещания. Решительный демарш в пользу Корнилова был приурочен английской дипломатией к самому кануну Государственного совещания, созванного Временным правительством с целью сплочения сил контрреволюции. Английские политики знали, что на совещании вспыхнет борьба за гегемонию между сторонниками «демократической диктатуры» Керенского и корниловцами, и стремились помочь успеху последних.

11 августа Бьюкенен в резкой форме выразил Терещенко недовольство деятельностью Временного правительства, заявив, что «едва ли хоть одна из задуманных дисциплинарных мер была применена на деле» и правительство кажется ему «более слабым, чем когда-либо». Посол обвинял лично Керенского в излишней склонности поддаваться влиянию внутривластных соображений и добивался ответа, согласен ли тот с важнейшим настоянием Корнилова — ввести военные суды и смертную казнь в тылу. Бьюкенен требовал, не теряя времени, принять намеченные Корниловым «энергичные меры» к подавлению большевиков. В противном случае посол предрекал контрреволюцию, многозначительно сравнив свое пророчество с предупреждением, которое он сделал Николаю II незадолго до свержения. Терещенко не стал очень защищать свое правительство, признав, что оно «не настолько сильно, как это было бы ему желательно...». Министр возложил надежды на Государственное совещание, где Корнилов провозгласит свою программу¹. Он, таким образом, признался, что является сторонником капитуляции правительства перед Корниловым, ареной для которой избран предстоящий съезд в Москве.

Вмешательство Англии не ограничилось дипломатическим давлением на Временное правительство. Были приняты меры, чтобы поощрить корниловцев добиваться

¹ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 153—154; Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 256—257.

власти. 2 августа из Англии приехал беспринципный карьерист А. Ф. Аладьин¹, снабженный английским правительством деньгами² и инструкциями для Корнилова. Как позднее выяснилось, — об этом поведал миру осведомленный Керенский — Аладьин привез генералу письмо от самого лорда Мильнера, «выражавшего свое одобрение военной диктатуре в России и дававшего благословение предприятию»³. Уже 3 августа Аладьин встретился с Корниловым и быстро стал одним из его ближайших политических советников⁴. Нокс, которого даже буржуазный историк согласен рассматривать «почти как участника заговора, настолько подозрительна была его деятельность в пользу генерала»⁵, распорядился отпечатать на средства английской военной миссии и доставить к совещанию в Москву в своем вагоне листовки с восхвалением «народного героя» Корнилова⁶.

Английская консервативная пресса, заранее предвкусывая успех, выбалтывала в сообщениях из России планы контрреволюции. Корреспондент «Морнинг Пост» в Петрограде Марсден передавал 5 августа, что ряд признаков, «о которых лучше поменьше говорить», указывает на возможность в скором времени резких перемен в стране⁷. Осведомленная «Таймс» в номере от 8(21) августа писала,

¹ Член I Государственной думы, трудовик, в годы войны крайний шовинист, жил в эмиграции в Англии.

² M. P h. P r i c e. My Reminiscences of the Russian Revolution, London, 1921, p. 69, 76, 79.

³ A. F. K e r e n s k y. The Catastrophe. New York—London, 1927, p. 315.

⁴ К. Д. Набоков уже после провала корниловщины пытался отрицать, что Аладьин являлся агентом Англии, но сделал это весьма неловко. Отрицая связь Аладьина с Форин Оффис, Набоков в то же время сам признавал, что тот использовался английским Бюро пропаганды, а перед отъездом в Россию имел свидание с начальником Генерального штаба Робертсоном (АВПР, ф. Секретный архив, д. 685/726, л. 81). Попавший нам в руки документ из личной переписки Набокова свидетельствует, что Форин Оффис еще в июне запрашивало мнение поверенного в делах о посылке Аладьина на 3—4 недели в Россию якобы для организации лучшего осведомления об английском фронте (АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 1690, л. 8).

⁵ R. W a r t h. The Allies and the Russian Revolution. Durham, 1954, p. 123.

⁶ A. F. K e r e n s k y. Op. cit., p. 315.

⁷ АВПР, ф. Отдел печати, д. 552, л. 161 об.

что в Москве «одна или другая сторона должна будет полностью капитулировать», «сохранение коалиционного правительства окажется невозможным, Россия либо станет управляться единой нераздельной властью, либо утратит даже ту видимость правительственной власти, которая существует в настоящий момент». Полуофициоз Форин Оффис, со своей стороны, поддерживал корниловскую программу как «единственный возможный путь»¹, а самого генерала представлял «тем сильным человеком, от которого нация и армия ждут спасения от полной катастрофы»².

Торжество военной диктатуры в России сочеталось в планах международной империалистической реакции с кровавой расправой над пролетарским авангардом страны. Временное правительство сообщило английским представителям о вероятности в связи с Государственным совещанием «нового восстания», которое будет подавлено верными частями³. Корниловцы, помимо того, готовили «хирургическое вмешательство» и на случай, если Керенский и соглашатели не уступят добровольно. Чтобы оправдать предстоявшее палачество контрреволюционеров, «Таймс» выступила в роли распространителя провокационных слухов о подготовке большевиками покушения на Корнилова и беспорядков в Москве⁴. Слухи о возможности антиправительственных выступлений передавали и другие английские газеты — «Дейли Кроникл», «Дейли Телеграф», «Обзервер»⁵.

Сначала все, как будто, протекало в соответствии с расчетами корниловцев. Представлять Англию на совещании в Москве явились Бартер и Локкарт. Керенский произнес бесцветную речь, которая никого не удовлетворила. Корнилов торжественно въехал в старую столицу и вопреки просьбе Керенского выступил на совещании с контрреволюционным заявлением, о содержании которого Вильтон заранее проявил подозрительную осведомленность⁶. Генерала шумно приветствовало все правое большинство. Восхищенный Бартер воскликнул: «Вот дикта-

¹ «The Times», 21. VIII 1917.

² «The Times», 25. VIII 1917.

³ А. К о х. *Op. cit.*, v. 2, p. 674.

⁴ «The Times», 27. VIII 1917.

⁵ АВПР, ф. Отдел печати, д. 552, л. 167 об.—169.

⁶ «The Times», 29. VIII 1917.

тор!»¹. На улицах города появились привезенные англичанами листовки «Корнилов — народный герой». Пузырь заговора раздулся, заиграл цветами радуги и... лопнул.

План переворота сорвали не Керенский вкупе с Верховским, хотя строптивость последнего и подпортила игру корниловцам. Его опрокинули организованные выступления пролетариата страны и прежде всего самой Москвы, на «консервативность» которой рассчитывали контрреволюционеры. По призыву большевиков — единственной партии, выступившей против Государственного совещания, рабочий класс России провел столь внушительные забастовки и митинги протеста, что кадеты не решились санкционировать осуществление переворота. Недаром московская забастовка вызвала такое раздражение «Таймс»².

Реакции пришлось пока ограничиться тем сплочением контрреволюционных сил, которое дало Государственное совещание. Между прочим, в Москве Корнилов имел длительное свидание с Аладыным. Последний, по сообщению Вильтона, представил главнокомандующему «обширный доклад о положении в Англии и Франции». Перед отъездом в Ставку Корнилов принял Бартера³. Вильтон встретился в Москве с Калединым и другими посланцами казачьей верхушки Донского войска, просившими передать королевскому правительству, что в России предстоит большевистское восстание, к которому союзники должны быть готовы⁴.

Английские политики не могли скрыть разочарования итогами Московского совещания. То, что должно было явиться финалом, на деле стало лишь шагом к желанной цели. Терещенко, правда, пытался уверить союзников, что результаты совещания «весьма благоприятны» для правительства, но тут же сам признавал, что «они не являются победой»⁵. Даже официальный оптимизм по поводу совещания не шел в Англии дальше условных оборотов — если выдвинутые Корниловым и его сторонниками рекомендации будут быстро претворены в жизнь.

¹ М. Л е в и д о в. Указ. соч., стр. 8.

² «The Times», 28. VIII 1917.

³ «The Times», 30. VIII 1917.

⁴ R. W i l t o n. Russia's Agony. N. Y., 1919, p. 329, 351.

⁵ «Революционное движение в России в августе 1917 г.», № 370, стр. 371.

«Единственные конкретные результаты, насколько я могу судить, — с горечью доносил в Лондон Бьюкенен, — заключаются в том, что после очень подробных заявлений министров нация узнала правду об отчаянном положении страны, тогда как правительство познакомилось со взглядами различных партий и промышленных организаций. Что касается до установления национального единства, то Совещание послужило лишь к обострению партийных разногласий». Посол предсказывал, что «не пройдет и нескольких недель, как мы окажемся перед новым кризисом»¹. Еще большим пессимизмом проникнута оценка Вильтона: «Ничто из того, что говорилось на конференции, не дает нам достаточной уверенности, что реформы, предложенные генералом Корниловым и поддержанные генералом Алексеевым и генералом Калединым, будут быстро одобрены в полном размере. Полумеры послужат лишь к обострению нынешней дезорганизации»².

Отношение Англии к корниловской аванюре. Оставалось использовать незначительный положительный баланс съезда контрреволюции в интересах лучшей подготовки переворота. В том, что такая подготовка продолжается и принимает все больший размах, у английских политиков сомнений не было: они получали информацию из первоисточника. 18 августа Корнилов и его окружение провели в Ставке совещание, принявшее решение о военном походе на Петроград и установлении генеральской диктатуры. Бьюкенен сразу же узнал об этом от Бартера и передал в Лондон³. Сходное сообщение получил посол 21 августа, на другой день после заседания ЦК кадетской партии, где буржуазные политики благословили заговор⁴. Дальнейшие сигналы лишь подтверждали и конкретизировали эти сведения.

Бьюкенен в мемуарах пытается представить дело так, словно он только платонически симпатизировал Корнилову, но не верил в успех заговора и даже «все время старался изо всех сил бороться с идеей военного переворота, так как наилучшую надежду на спасение России дало бы

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 259 и 257.

² «The Times», 31. VIII 1917.

³ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 260—261.

⁴ Там же, стр. 259.

тесное сотрудничество между Корниловым и Керенским»¹. Это утверждение представляет собой явную передержку, призванную задним числом оправдать провалившегося заговорщика в дипломатическом мундире.

Правда, опасения за успех генеральского предприятия у английских политиков были. Неудача планов, связанных с Государственным совещанием, чему-то их научила. Но, как свидетельствуют факты, урок, извлеченный ими, заключался не в отказе покровительствовать антинародной аванюре, а в необходимости тщательней подготовить военно-техническую сторону дела.

Верно и то, что наилучшим выходом в глазах англичан по-прежнему оставалась «мирная» сдача власти военщине и даже сохранение некоторых фигур из старого правительства, включая самого Керенского. К достижению такого результата британская дипломатия продолжала прилагать немалые усилия. Но это отнюдь не исключало содействия задуманному корниловцами походу на Петроград, ибо, с одной стороны, военная сила в руках заговорщиков давала больше всего шансов, что «правительство и Совет капитулируют без борьбы»², а с другой, — и это главное — именно вооруженная расправа над пролетарским и солдатским авангардом являлась важнейшей составной частью переворота.

В беседе с Керенским 18 августа Бьюкенен потребовал «достаточных гарантий поддержания порядка в тылу, а также в отношении продовольственного вопроса и транспорта». Он особо подчеркнул нетерпимость положения в столице, где солдаты отличаются распущенностью и активно действует германская агентура. Под последней Бьюкенен, следуя клеветнической версии буржуазии, подразумевал большевиков. Словесные заверения Керенского отнюдь не удовлетворили посла, хотя первый и обещал ввести смертную казнь в тылу за государственную измену³. Английское посольство по договоренности с Савинковым решило предложить своему правительству обусловить дальнейшие поставки военного снаряжения в Россию передачей его исключительно частям, согласившимся

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 267.

² Там же, стр. 261—262.

³ Там же, стр. 258—259, 261.

войти в состав формируемой корниловцами «Всероссийской добровольческой революционной армии»¹.

Нажим корниловцев, прибегших к предательству на фронте (сдача Риги), и грубое давление союзников оказали свое действие. Керенский направил Савинкова договариваться с Корниловым о посылке в Петроград надежных казачьих частей для подавления якобы ожидавшегося большевистского выступления и о передаче Петроградского военного округа, за исключением самого города, в ведение главнокомандующего. Терещенко поспешил телеграфно информировать об этом союзников². Еще откровенней раскрыл он карты правительства при встрече 23 августа с Бьюкененом: «Петроградский округ будет непосредственно подчинен главнокомандующему... Последние части гарнизона должны быть отправлены на фронт, а в город, который будет объявлен на военном положении, будут присланы три дивизии казаков»³. На следующий день Терещенко передал английскому послу, что сговор с Корниловым состоялся и «с фронта вызваны три кавалерийских дивизии для предотвращения большевистского восстания...»⁴ Сообщение министра было важно для Бьюкенена как свидетельство того, что кабинет Керенского не намерен сопротивляться Корнилову. Об организации самого заговора английское посольство и представляемое им правительство знали больше Терещенко, и не просто знали, но и принимали непосредственное участие в его подготовке.

Сдача корниловцами Риги была осуществлена с ведома британского союзника. Русское Министерство иностранных дел еще 18 августа получило сообщение из нейтрального источника, что англичане ожидают прорыва немцами рижского фронта⁵. А когда «предвидение» стало фактом, агентство Рейтер передало: «В осведомленных британских кругах падению Риги не приписывают важного значения, которое придается ему некоторыми лицами. Возможность падения Риги учитывалась»⁶. Газета «Морнинг Пост»,

¹ В. Рагес. *Op. cit.*, p. 476—477.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 104, л. 59—60.

³ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 157—158.

⁴ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 262.

⁵ АВПР, ф. Секретный архив, д. 593/635, л. 93.

⁶ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 191, л. 22.

комментируя реакцию Сити на падение Риги, писала, что биржа не проявила склонности «к необоснованно-пессимистическому взгляду на вещи. Был не только принят во внимание тот факт, что немцы далеко от Петрограда, но и выражена общая надежда, что реальная угроза их столице может пробудить истинный дух русских...»¹ Правая печать Англии вслед за контрреволюционерами в России использовала немецкий успех для новой серии нападок на русские Советы и комитеты.

Сдача Риги послужила для корниловцев и их союзников сигналом к действиям. Согласно сообщению газеты «Слово», днем 24 августа Бьюкенен и французский посол Нуланс имели продолжительное совещание, касавшееся последних событий на рижском фронте. О результатах совещания был поставлен в известность «один из крупнейших общественных деятелей России», связанный личной дружбой со многими представителями английской миссии. Последний немедленно созвал некоторых видных членов Государственной думы, известных своими давними симпатиями к Франции и Англии. После короткой беседы эта группа общественных деятелей направилась в одно из посольств, где оставалась до глубокой ночи². Приведенная корреспонденция не только показывает, как заработал механизм заговора в столице, но и иллюстрирует активную роль иностранных посольств.

Насколько английские представители были посвящены в тайны начинавшегося выступления, показывает тот факт, что именно Бартер подсказал корниловцам предлог для вызова в Ставку нескольких сот надежных офицеров, которых намеревались использовать для организации похода на Петроград и действий в самой столице³.

Союзные представители при Ставке еще до начала путча обещали мятежному главнокомандующему благожелательное отношение их правительств⁴.

Корниловцы постарались заручиться также и материально-технической поддержкой дружественных держав.

¹ АВПР, ф. Отдел печати, д. 346, л. 41.

² АВПР, ф. Отдел печати, д. 283, л. 132.

³ ЦГАОР, ф. 683, оп. 1, д. 24, л. 224 с об.; «Революционное движение в России в августе 1917 г.», № 417.

⁴ А. Е. Иоффе. Русско-французские отношения в 1917 г., М., 1958, стр. 216.

Правая рука генерала — В. С. Завойко показал на следствии, что, по поручению главнокомандующего, он вместе с членом ЦК кадетской партии полковником Голицыным посетил английскую и французскую военные миссии в Петрограде и просил их о содействии. Планы заговорщиков встретили полное сочувствие, и посланцам Корнилова обещали в помощь английский бронедивизион, тяжелую артиллерию и авиационное имущество ¹. Данное обещание было, насколько позволили обстоятельства, выполнено.

Заговорщики смогли использовать британский бронедивизион. Незадолго до выступления командир этой части полковник О. Локер-Лампсон получил секретные инструкции от прибывшего из Ставки английского офицера. Бронедивизион был снят с Юго-Западного фронта. Основные его контингенты, по приказу Ставки, проследовали в дни мятежа через Киев на Бровары. Часть броневиков с английской прислугой оказалась в составе корниловских войск, направлявшихся на Петроград ².

По ходатайству Бартера, из Курска в Лугу якобы для оснащения школы траншейных мортир были переброшены 25 тяжелых орудий английской системы, вывезенных британским бронедивизионом при отступлении Юго-Западного фронта ³. Эта артиллерия явно предназначалась для сосредотачиваемой на подступах к столице карательной армии генерала Крымова.

Мятежники получили согласие союзников на использование в целях переворота чехословацкого и польского корпусов, а также сербских контингентов. Последние вместо отправки в Месопотамию намечалось продвинуть к столице ⁴.

25 августа Корнилов бросил войска Крымова на Петроград. Хотя Ставка с самого начала нарушила некоторые

¹ А. Е. Иоффе. Указ. соч., стр. 216—217.

² «Революционное движение в России в августе 1917 г.», № 463; «Большевистские организации Украины в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции», Киев, 1957. № 688; «Октябрьская революция перед судом американских сенаторов». М., 1927, стр. 143.

³ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 166, л. 387.

⁴ А. Е. Иоффе. Отношение Франции, Англии и США к заговору Корнилова. «Доклады и сообщения Института истории», вып. 10. М., 1956, стр. 69—70.

пункты своей договоренности с правительством, последнее в течение двух суток не решалось на разрыв с мятежниками и «честно» играло отведенную ему в заговоре роль. Такой линии всячески содействовали союзники. В день корниловского выступления английский военный кабинет собрался, чтобы обсудить положение в России с точки зрения целесообразности дальнейших поставок вооружения для русской армии. Вызванный для доклада в Англию, Нокс указал на опасность выпадения союзника из рядов воюющих стран, предотвратить которую может только диктатура Корнилова. Он настоятельно рекомендовал, чтобы державы Антанты «обратились с объединенным представлением к русскому правительству, советуя ввиду отчаянного положения России и угрозы демократии оказать генералу Корнилову полную поддержку в тех мероприятиях, которые он хотел провести для восстановления дисциплины на фронте, железных дорогах и в Петрограде»¹. Предложение Нокса отвечало задаче сохранения единого фронта контрреволюционных заговорщиков в России. Реализовать его, как увидим ниже, не успели, но оно важно как показатель настроений и намерений английских правящих кругов.

В этот же день (25-го) Ллойд Джордж выступил с речью, в которой пугал, что выход России из войны будет стоить ей потери значительных территорий и приведет к дискредитации демократического правительства². Набоков сообщал об усилении в Англии пессимистической в отношении России пропаганды и предупреждал, что Ллойд Джорджу как стороннику верности русскому союзнику придется бороться «с некоторыми весьма сильными течениями и в общественном мнении и в среде самого Правительства...»³

Нажим Англии не остался безрезультатным. Во время встречи с Бьюкененом 26 августа Терещенко сообщил ему, что все идет по плану. Накануне Совет министров принял указ о введении в Петрограде военного положения. Меры по обороне столицы и наведению в ней и в окрест-

¹ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 5, стр. 82—83; А. К п о х. Op. cit., v. 2, p. 677.

² «Речь», 27. VIII 1917.

³ АВПР, ф. Канцелярия, «Война», д. 198, л. 188—189.

ностях порядка находятся в стадии, близкой к осуществлению. Остающиеся в городе ненадежные части будут выведены и заменены другими. Предстоит реорганизация кабинета. Ненавистный буржуазии Чернов уйдет, зато вступит представитель крупных московских промышленников. Верьте нам, все, что мы обещали, выполняется — таков был лейтмотив заявления Терещенко, повторенного им на другой день в осведомительной телеграмме в столицы союзных государств ¹.

Немного успокоенный, Бьюкенен выехал провести конец недели в Мурино. Старого дипломата тянуло из столицы не одно желание отдохнуть. По сведениям, которыми он располагал, в городе вот-вот должна была начаться резня и избиение большевиков. Заодно могли пострадать и «демократы» из правительства, при котором посол состоял и которое он не предупредил. До понедельника Бьюкенен, однако, не дотерпел. Гонимый желанием поскорей увидеть картину торжествующей контрреволюции, он воскресным вечером 27 августа вернулся в Петроград. Его встретил настороженный, мобилизующийся город, поднятый известиями о мятеже Корнилова.

В посольстве Бьюкенен нашел телефонограмму от Терещенко, который просил его тотчас по возвращении зайти к нему. У министра английский дипломат застал Нуланса. Терещенко подтвердил им факт разрыва правительства с Корниловым ². О содержании дальнейшего разговора можно только догадываться. Но, по-видимому, упреки и угрозы, посыпавшиеся на голову министра, возымели свое действие. Поздно ночью 27 августа Терещенко заявил иностранным корреспондентам, что, как выясняется, конфликт правительства с Корниловым явился результатом недоразумения ³.

Случайно поссорившиеся корниловцы в правительстве и Ставке предпринимали лихорадочные попытки к примирению. Сговору помешал возглавленный большевиками революционный народ, который настолько единодушно выступил против кадетско-генеральской авантюры, что

¹ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 158—159; «Революционное движение в России в августе 1917 г.», № 167.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 262.

³ «Речь», 28 VIII 1917 (экстренный выпуск).

вынудил соглашателей и часть правительства во главе с Керенским под угрозой изоляции отмежеваться от Корнилова.

Утром 28 августа Терещенко с сожалением сообщил Бьюкенену, что гражданская война уже началась, и дальнейшие переговоры с бывшим главнокомандующим невозможны. Министр посоветовал дипломатическому корпусу на время покинуть столицу, перебравшись в Москву или Финляндию. В ответ посол резко возразил, что «должен настаивать перед правительством на необходимости примирения с верховным главнокомандующим и на командировании генерала Алексева в качестве посредника для выработки соглашения с ним». Он обещал передать совет Терещенко дипломатическому корпусу, но сразу предупредил, что сам никуда из столицы не поедет. Собеседники расстались недовольные друг другом. Министр, хотя не очень верил в победу над Корниловым и боялся ее, не видел надежды на примирение. Раздосадованный Бьюкенен утешал себя мыслью, что «Корнилов окажется достаточно сильным, чтобы преодолеть всякое сопротивление в течение нескольких дней»¹.

Сидеть сложа руки посол, однако, не собирался, да и не мог бы этого сделать, если бы и хотел. Дело в том, что в правящих кругах Англии вести о неожиданном конфликте Корнилова с правительством вызвали плохо скрытое раздражение. Буржуазная пресса всех направлений сходилась на том, что ситуация в России в результате этого столкновения ухудшилась². Представителю Временного правительства в Лондоне нетрудно было определить, что симпатии Форин Оффис целиком на стороне генерала³. Полуофициоз английского Министерства иностранных дел в передовой утверждал, что борьба в России идет не между правительством и главнокомандующим, а между узурпировавшими власть безответственными Советами и комитетами с одной стороны, и Корниловым как представителем порядка, — с другой. Оправдывая генерала, «Таймс» в то же время сокрушалась по поводу его столкновения с Керенским, осложнившего борьбу в России. Теперь даже

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 265.

² АВПР, ф. Отдел печати, д. 585, л. 65.

³ К. Д. Набоков. Указ. соч., стр. 142.

в самом благоприятном случае возрождение боеспособности русской армии будет замедлено ¹. «Шефы» требовали от опростоволосившегося Бьюкенена энергичных действий, и подстегиваемый ими посол пытался выправить положение.

После полудня 28 августа в английском посольстве собрались главы всех дипломатических миссий. По предложению Бьюкенена как старейшины, они единодушно решили отклонить совет Терещенко и остаться в столице «для защиты соотечественников». Большинство из них, включая хозяина, с нетерпением ждали прихода корниловских войск и боялись, как бы их отъезд из Петрограда не был истолкован неблагоприятно для главнокомандующего. Но когда французский посол (Нуланс и Бьюкенен, как видно, поделили роли) выдвинул идею посредничества между правительством и Корниловым, дипломаты некоторых нейтральных стран стали возражать против столь открытого проявления симпатий к мятежнику. Тогда Бьюкенен распустил общее заседание и оставил одних глав миссий стран Антанты, которые и проштемповали заранее подготовленную Бьюкененом и Нулансом резолюцию ².

Вечером английский посол вручил Терещенко отрицательный ответ дипломатического корпуса на предложение покинуть столицу и декларацию союзных представителей о необходимости «единения всех сил России в целях победоносного окончания войны». Дипломаты Антанты предлагали свои добрые услуги для примирения правительства с верховным главнокомандующим ³.

Министр поблагодарил Бьюкенена и обещал передать это предложение Керенскому. Он не скрыл, однако, что смотрит на положение мрачно. Эсеры и Керенский стоят за решение конфликта силой оружия. Кадеты добиваются ухода правительства и передачи всей власти Корнилову. Сам Терещенко видел больше шансов на успех в компромиссной комбинации — уходе как Керенского, так и Корнилова и сформировании нового правительства из предста-

¹ «The Times», 11. IX 1917.

² «Papers...», 1918. Russia», v. 1, p. 187—188; Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 265.

³ «Речь», 31. VIII 1917.

вителей умеренных партий и без участия Совета ¹. Откровенная информация Терещенко свидетельствовала о колебаниях Временного правительства, которое под нажимом кадетов и союзников не преминуло бы склонить голову перед корниловцами.

К счастью, судьбу России определяла не горстка растерявшихся министров, не господствующие классы, а взявшийся за дубину его величество народ. Ведущую роль в мобилизации масс на борьбу с корниловщиной сыграли большевики. Уже 29-го стало очевидно, что генеральская авантюра терпит провал. Солдаты Крымова братались с революционными отрядами, ставшими на защиту столицы. Страна и армия не поддержали самозванного спасителя отечества.

Союзники увидели, что привести Корнилова к власти на этот раз не удастся, но все еще пытались выручить своего протеже и сохранить за ним позиции для возобновления борьбы в будущем. Поскольку осмелевший Керенский отклонил добрые услуги дипломатов Антанты, попробовали использовать влияние союзных военных властей. Представители армий Согласия при русской Ставке, в свое время приветствовавшие начало корниловского похода ², 29 августа официально предложили генералу свое посредничество для примирения с правительством. Корнилов с благодарностью ухватился за протянутую руку помощи. Однако правительство Керенского не рискнуло пойти на мировую с ненавистным народу мятежником ³.

Тогда в Лондоне решили бросить на спасение неудачливого кандидата в диктаторы весь свой авторитет лидера коалиции. Военный кабинет Англии 30 августа вознамерился обратиться к Керенскому и преподать ему настоятельный совет «прийти к соглашению с генералом Корниловым не только в интересах самой России, но и в интересах союзников» ⁴. Раньше, чем соответствующий документ

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 266.

² По словам Деникина, «в особенно трогательной форме это делал британский представитель» («Мятеж Корнилова. Из белых мемуаров». Л., 1928, стр. 179).

³ А. Е. Иоффе. Русско-французские отношения в 1917 г., стр. 217; «Papers...», 1918, Russia, v. 1, p. 188.

⁴ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 5, стр. 83.

был заготовлен и передан по назначению, пришло сообщение от Бьюкенена об окончательном провале корниловского путча, аресте Крымова и новых назначениях, не оставлявших места для подопечного Даунинг-Стрит¹. Два дня спустя Корнилов был арестован. Заговорщики и их иностранные покровители очутились у «разбитого корыта».

Русская контрреволюция наглядно продемонстрировала свое бессилие. Действия организаторов заговора были, по словам Бьюкенена, отмечены «почти детской неспособностью»². Расчет на пассивность народных масс оказался построенным на песке.

Вместе с путчистами сели в калошу союзники России, конфуз которых был тем большим, что, полагаясь на победу Корнилова, они в дни мятежа не очень старались скрывать свои привязанности. В Англии газеты правящего блока либо выражали симпатии мятежному главковерху («Таймс», «Морнинг Пост»), либо занимали двусмысленную, фактически тоже прокорниловскую позицию («Дейли Экспресс», «Вестминстер Газетте», «Дейли Кроникл»). Органы либералов центра считали желательным примирение Керенского с Корниловым. Комиссар Временного правительства за границей Сватиков с полным основанием писал в секретном докладе, что «попытка» генерала Корнилова встретила «самое глубокое сочувствие»³.

Теперь наступило горькое похмелье. Социалисты, лейбористы и левые либералы критиковали, хотя и с разных позиций, правительство за его линию в дни русского кризиса.

Еженедельник Британской социалистической партии «Колл» подчеркивал, что контрреволюционное течение в России «насчитывало среди своих сторонников... и английских реакционеров», и обвинял державы Антанты в стремлении реставрировать русскую монархию⁴. Газета стремилась в этой связи мобилизовать английский пролетариат на более активную борьбу за демократический мир. Она призывала рабочих страны извлечь уроки из

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 267.

² Там же.

³ «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», № 5. Пг., 1918, № 61, стр. 194—195.

⁴ «The Call», 13. IX 1917.

событий в России и покончить с реакционерами, с «Корниловыми» в самой Англии: «...Если мы не избавимся от них теперь, завтра может быть поздно»¹.

Подчас резки и язвительны бывали критики из либерального лагеря. Так, «Манчестер Гардиан» писала, что, если взгляды «Таймс» действительно отражают мнение Форин Оффис, это «означает, что во главе английской внешней политики находятся люди, которые не в состоянии критически отнестись к событиям, затрагивающим одну из главнейших союзных стран»². Но партийные соперники никогда не забывали о классовой солидарности.

Правая печать стремилась задним числом принять позу нейтрального наблюдателя за схваткой в России, готового приветствовать любую сильную власть, кроме диктатуры Советов³.

Сами английские дипломаты и государственные деятели глядели в будущее чрезвычайно мрачно. Бьюкенен писал: «Неудача корниловской попытки государственного переворота... разрушила мои последние надежды на улучшение положения как на фронте, так и в тылу и лишила офицеров того небольшого авторитета, которым они пользовались раньше, восстановив в то же время падавшее влияние Совета»⁴. Ему вторил под узким углом зрения военного специалиста Нокс: «Открытое столкновение между Керенским и Корниловым разрушило все надежды на возобновление эффективного сотрудничества русской армии с союзниками»⁵. Того же мнения придерживался премьер-министр: «Было ясно, что Россия как боеспособная сила распадалась на части»⁶.

Оставалось сделать необходимые выводы. Поворот в европейском революционном движении; обозначившийся осенью 1917 г., серьезно повлиял на дальнейшее развитие международных и, в частности, русско-английских отношений.

¹ «The Call», 20. IX 1917.

² Цит. по газете «Речь» от 5. IX 1917.

³ «The Times», 13. IX 1917; 19. IX 1917.

⁴ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 268—269.

⁵ А. Кнох. Op. cit., v. 2, p. 687.

⁶ Д. Ллойд Джордж. Указ. соч., т. 5, стр. 84.

Глава шестая

В ПРЕДДВЕРИИ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

СООБЩНИКИ В МЕЖДУНАРОДНОМ СГОВОРЕ

Развитие событий в России в сентябре — октябре подтверждало худшие опасения английского правительства. Корниловщина послужила для народа предметным уроком классовой борьбы. Пролетариат и его союзники вопреки уговорам соглашателей не собирались больше ждать, пока буржуазия и помещики ввергнут страну в экономическую катастрофу и вновь развяжут гражданскую войну.

Изменились размах и формы борьбы всех антиимпериалистических сил. Стачные бои в промышленности и на транспорте по числу участников оставили позади канун Февральской революции. Экономические забастовки переплетались с политическими и перерастали в них. Рабочие все чаще переходили от контроля над производством к управлению предприятиями. Пролетарское движение вплотную подошло к штурму власти капиталистов. В деревне заметался пожар крестьянского восстания. Армия выходила из повиновения командованию и правительству. Все громче раздавалось требование мира. Угнетенные народы России отказывались доверять русской буржуазии и местным буржуазно-националистическим организациям и с помощью российского пролетариата поднимались на открытую борьбу за право на самоопределение. Россия вступила в полосу общенационального кризиса.

Одновременно происходил перелом в политических симпатиях массы рабочих и солдат в пользу партии Ленина. Развернулась большевизация Советов и комитетов. В числе первых пошли за большевиками Советы Петрограда и Москвы.

Английское правительство располагало подробнейшей информацией обо всем, что делалось в доме восточного союзника. Она поступала от многочисленных дипломатических и военных представителей, корреспондентов бри-

танских газет, добровольных осведомителей из буржуазных и помещичьих кругов и прямых агентов Интеллидженс Сервис.

Суммируя поступавшие сведения, Ллойд Джордж приходил к выводу, что положение в России «быстро ухудшалось». Временное правительство, несмотря на все его заверения, не внушало доверия. «Поведение Керенского казалось достойным сожаления и давало мало надежды на его успех»¹.

Наряду с событиями в России большое впечатление на английскую буржуазию произвели революционные выступления в некоторых других странах и прежде всего в такой цитадели военного «порядка», как Германия. В августе вспыхнуло восстание в германском военноморском флоте на базе в Киле. Моряки требовали мира без аннексий и контрибуций. Они создали по примеру русских братьев свои выборные организации — комитеты. Образцом для движения, согласно донесению командования эскадрой, считалась «русская революция с солдатским Советом»². Хотя выступление сумели подавить, оно было настолько внушительным, что замолчать его не удалось. Отзвуки восстания в самой Германии имели место еще длительное время. Слухи о нем проникли в мировую печать.

В союзной с Англией Италии в том же августе всеобщая забастовка рабочих Турина переросла в баррикадные бои с правительственными войсками. Во Франции в сентябре еще продолжалось начавшееся весной антивоенное солдатское движение, и отмечались случаи коллективного неповиновения воинских частей. Если раньше можно было утешать себя надеждой, что происшедшее в отсталой России не повторится в других странах, то теперь даже не грозный призрак, а революция во плоти и крови стучала в двери некоторых развитых государств Европы.

Неспокойно было и в самой Англии. Несмотря на маневры правительства, поддержанные лейбористской и профсоюзной верхушкой, количество стачек осенью возрастало из месяца в месяц. В октябре-ноябре (по западно-

¹ Д. Ллойд Джордж. Военные мемуары, т. 5, стр. 84.

² «Die Auswirkungen der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution auf Deutschland», Bd. 2. Berlin, 1959, S. 698.

европейскому стилю) бастовало почти 330 тыс. человек, т. е. около 38% общего числа участников стачечной борьбы в 1917 г.¹ Советское движение, хотя и подорванное усилиями центристско-оппортунистического большинства в руководстве, еще заявляло о себе декларациями о целях борьбы и призывами к демократическому миру². В социалистические газеты проникали сведения об интернационалистских настроениях солдат британской армии во Франции³. Известия о классовых конфликтах поступали из Индии (бомбейские забастовки, студенческие волнения), Южно-Африканского союза, Австралии, Новой Зеландии⁴. Консервативная «Таймс» в серии статей о «ферменте революции» в Англии настойчиво обращала внимание правящего класса на серьезную опасность, которую таит для него революционное течение внутри тред-юнионизма и неофициальное забастовочное движение. «Если мы не образумимся своевременно, — была тревогу газета, — то можем увидеть у себя завтра то, что сегодня имеет место в России»⁵.

Страх перед распространением социального пожара на другие страны Европы побудил английскую буржуазию и правительство предпринять шаги к объединению расколотых войной сил международного империализма. Подобная реакция на перелом в мировом революционном движении была общей для империалистических государств. Роль Англии в осуществлении тенденции к контрреволюционному антирусскому сговору воюющих держав определялась ее положением лидера Антанты.

Поиски мира за счет России. Перед империалистами лежало два пути, каждый из которых был сопряжен со своими препятствиями. Первый — заключить мир за счет России и высвободить войска, а затем организовать совместную интервенцию. Трудность заключалась в том,

¹ М. М. Карлинер. Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны. М., 1961, стр. 319, 321, 356.

² «The Call», 25. X 1917.

³ «The Call», 1. XI 1917.

⁴ А. В. Игнатьев и А. Е. Иоффе. Международная обстановка накануне Октября. «Вопросы истории», 1962, № 11, стр. 63.

⁵ «The Times», 25, 26, 27. IX и 4, 5, 9. X 1917, цит. газета от 27. IX 1917.

что державы слишком увязли в кровавом болоте войны, слишком велико было их взаимное недоверие, слишком глубокие противоречия раздирали не только воюющих, но и членов одной группировки. Имелись также основания опасаться, что антирусский мир ускорит революционный взрыв в России. Второй вариант — раздавить русскую революцию, не прекращая войны или заключив лишь фактическое перемирие. В этом случае, не говоря о внутривнутриполитических опасностях, сложнее было выделить силы для интервенции и согласовать их действия.

Впрочем, коренной противоположности между двумя путями не было. Оба они вели к единой цели. Более того, шаги в одном направлении не мешали, а скорее помогали усилиям в другом. Действительно, наметив взаимоприемлемые контуры передела мира, воюющие державы могли с меньшей подозрительностью отнестись к интервенционистским действиям друг друга в России. В то же время совместное подавление русской революции могло послужить как бы взаимной проверкой двух коалиций, проложить мостки к восстановлению доверия между ними и создать материальную базу для того же империалистического мира. Поэтому державы Антанты и Четверного союза предпринимали усилия сразу в обоих направлениях.

Тенденция к продолжению войны, победившая весной 1917 г., не ликвидировала действия подспудных сил, толкавших к империалистическому миру. Хотя военно-экономический потенциал Антанты был подкреплен присоединением новых стран, в первую голову США, помощь последних пришлось купить тяжелой ценой зависимости от Америки. Центральные же державы и их союзники растрчивали силы без какой-либо компенсации. Чрезвычайно велик был урон в людях¹. Истощение ресурсов и экономическая зависимость от заокеанского партнера сказывались на прибылях европейских капиталистов.

Военная обстановка, по крайней мере внешне, все еще оставалась неопределенной. Расчеты Антанты добиться в 1917 г. победы или хотя бы решающего перелома в

¹ Только на Западном фронте противники потеряли в 1917 г. около 2,5 млн. человек убитыми, ранеными и пленными. Английская армия, ставшая в эту кампанию главной ударной силой коалиции, лишилась во Франции свыше 800 тыс. бойцов («Мировая война в цифрах». М.—Л., 1934. Табл. 12, стр. 23).

ходе войны не осуществились. Положение Германии и Австро-Венгрии на Восточном фронте, казалось, облегчилось. Неограниченная подводная война хотя и не поставила Англию на колени, но причинила жестокий урон ее морскому могуществу¹. В октябре-ноябре Германия и Австро-Венгрия нанесли тяжелое поражение Италии. Эти видимые успехи германского блока заставляли государственных деятелей Англии внимательней отнестись к возможности закончить войну компромиссом. С другой стороны, военные руководители и правительство Германии слишком хорошо знали о внутренней немощи Четверного союза, чтобы обольщаться достижениями германского оружия, тем более что на главном в 1917 г. Западном фронте инициатива неизменно принадлежала Антанте.

И когда к этим факторам осенью прибавился страх перед пролетарской революцией в Европе, в стане буржуазии произошел новый сдвиг к «полюбовной» сделке. Международный империализм, по словам В. И. Ленина, «заколебался между войной до победы и сепаратным миром против России»².

Одним из проявлений этих колебаний явилась борьба вокруг названной дилеммы внутри господствующих классов великих держав. Происходила она и в Англии.

Правда, официально правительство Ллойд Джорджа категорически отвергало возможность сепаратного мира. На протяжении сентября-октября оно несколько раз заверяло Временное правительство в нерушимости союза с ним. 13(26) октября Р. Сесиль в Парламенте опроверг слухи о сепаратном мире как неприятельские инсинуации:

¹ За февраль — август 1917 г. Германия, согласно позднейшим английским данным, потопила работавшие на Антанту суда, общим водоизмещением около 4,3 млн. т, в том числе почти 2,7 млн. т. приходилось на собственно британский флот. В сентябре-октябре потери стран Согласия на море немного уменьшились, но все еще оставались очень чувствительными (Р. Гибсон и М. Пендергаст. Германская подводная война 1914—1918 гг. Перев. с англ. М., 1935, стр. 293). Вследствие понесенного урона Антанта не могла рассчитывать своими силами справиться в будущем году даже с перевозками объема 1917 г. Между тем, неурожай во Франции и Италии требовал только для их продовольственного снабжения дополнительных судов водоизмещением в 750 тыс. т (S. F a u l e. Seaborne Trade, v. 3, p. 241—244).

² В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 243.

«Британское правительство,— сказал он,— твердо решило бороться вместе с союзной Россией и помогать ей укреплять новозавоеванную свободу»¹.

Временное правительство, в свою очередь, делало вид, будто верит этим обещаниям, и неоднократно выступало с опровержениями слухов о сепаратных переговорах союзников с противником, стремясь усыпить бдительность народных масс и поддержать в их глазах подорванный престиж Антанты².

В действительности политика Англии отнюдь не была столь непорочной, как ее пытались представить британские дипломаты и их добровольные адвокаты в России. Влиятельные круги буржуазии и часть военщины считали нужным попытаться заключить «достойный мир» с Германией, направленный против русской революции. Набоков, близко наблюдавший политическую жизнь Англии, сообщил 12 октября министру иностранных дел: «За последнее время здесь происходила несомненно борьба двух течений: или, отчаявшись в возможности возрождения России как мощной великой державы в Союзе, предоставить ее самой себе, или же продолжать оказывать ей материальную и нравственную поддержку»³.

О настроениях в пользу «достойного» мира пишет в дневнике такой осведомленный в политической кухне своей страны свидетель, как британский посол в Париже Берти. По его показаниям, сторонником скорейшего империалистического мира являлось, в частности, морское командование Англии⁴. Пессимизм адмиралов был, очевидно, связан с успехами германской подводной войны.

Отголоски отмеченной борьбы можно было проследить и в прессе. Консервативная «Морнинг Пост» писала в конце сентября (по старому стилю): «Нарушение обязательств одним из союзников предоставляет остальным свободу действий. Если мы можем найти удовлетворительный выход, не нарушая существенным образом интересов

¹ «Речь», 14. X 1917.

² «Речь», 9 и 12. IX 1917.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 6, л. 39.

⁴ Ф. Л. Б е р т и. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914—1919. Перев. с англ. М.—Л., 1927, стр. 152, 156.

России, то для этого должны быть использованы все средства. Сейчас не время для донкихотства»¹. Как видим, влиятельная газета допускала возможность измены русскому союзнику, заранее выискивая оправдания такому повороту в политике.

В противоположность этому «Дейли Ньюз» решительно отвергала сепаратный мир за счет России и заявляла, что в Англии о подобном исходе никто и не думает, кроме крайних реакционеров, да желтых газет². Орган либералов, однако, явно приукрашивал действительное положение.

Серьезность колебания к империалистическому миру подтверждается тем обстоятельством, что в попытке сговора включились сами хозяева буржуазного общества — представители финансовой олигархии.

Еще в августе в Швейцарии начались переговоры об условиях мира между финансистами Англии и Франции с одной стороны, Германии и Австро-Венгрии — с другой, причем определенно наметилась тенденция искать соглашения за счет России³. В связи с проникновением слухов об этих переговорах в печать и беспокойством Временного правительства, получившего подтверждение факта переговоров от заграничной разведки, кабинет Ллойд Джорджа 3(16) сентября официально заявил, что никаких сведений о съезде финансистов не имеет и паспортов для этой цели английским подданным не выдавал⁴. Какова была цена этому опровержению и искренности английского правительства, видно из нижеследующего.

2 сентября в Женеву приехал главный директор английского «Ллойд банка» Бэль, с пребыванием которого в Швейцарии связан заключительный этап переговоров финансистов четырех воюющих держав⁵. В итоге женевских встреч, как это представлялось Временному правительству в начале сентября, хотя определенного решения о России не последовало, было высказано предположение, что Центральные державы могут получить за

¹ «The Morning Post», 10. X 1917.

² АВПР, ф. Отдел печати, д. 283, л. 232.

³ А. Е. Иоффе. Русско-французские отношения в 1917 г М., 1958, стр. 326—327.

⁴ «Речь», 5. IX 1917.

⁵ АВПР, ф. Секретный архив, д. 618/637, л. 2.

уступки на западе некоторые компенсации на востоке¹. Впрочем в тот момент ни русским дипломатам, ни разведчикам не удалось вскрыть истинных размеров угрозы, нависшей над Россией.

Прошло больше месяца, и бездействие британского флота во время Моонзундской операции уже подтвердило наличие сговора Англии и Германии, когда журналисту В. П. Сватковскому, осведомителю русского посланника в Швейцарии А. М. Ону, посчастливилось откровенно побеседовать с одним влиятельным английским финансистом — участником переговоров в Женеве. Последний рассказал ему, что немецкие финансисты выступили там с планом расчленения России на малые государства, надеясь включить их в свою экономическую сферу. Английская сторона ответила, что *«выделение из России нескольких малых государств для нее приемлемо, тем более что в случае ослабления России Англия получит свободу рук в Азии»* (курсив мой. — А. И.). Из слов англичанина Сватковский сделал заключение, что «именно эти предположения были основой обмена мнений с немцами на конференции в августе и сентябре. Можно допустить, — резюмировал он, — что между² англо-французской и германской ветвями международной финансовой клики заключено также политическое соглашение в этом смысле»³.

Еще на Лондонской конференции союзники России договорились между собой о дележе ее на сферы «помощи».

Во время женевских встреч представителей финансовой олигархии Лондона, Парижа, Берлина и Вены наметился сговор между лидерами коалиций — Англией и Германией, предусматривавший расчленение России и раздел ее на сферы влияния. Аппетиты Англии простирались прежде всего на азиатские владения союзника. Все участники совещаний сходились на том, что Германия должна получить компенсации за счет России.

Однако достигнуть окончательного соглашения в Женеве так и не удалось; судьбы колоний, проблемы франко-германской границы, вопрос о Бельгии остались нерешен-

¹ Там же, л. 11; «Революция 1917 года (Хроника событий)», т. 4. Сост. В. Владимирова. Л., 1924, прилож. № 47.

² В тексте телеграммы явно ошибочно вместо «между» стоит «с».

³ АВПР, ф. Секретный архив, д. 618/637, л. 15—16, цит. л. 15.

ными. Кроме того, намеченный план раздела России противоречил интересам США, рассчитывавших на права кредитора и сильнейшей союзной державы подчинить себе весь русский рынок, и Франции, нуждавшейся в сильном континентальном союзнике.

Вопросы, о которых не сумели договориться финансисты, пытались решить дипломаты и политические деятели. В сентябре продолжались англо-германские отдельные переговоры при посредничестве Ватикана. Англия дала понять, что ее больше всего интересуют проблемы урегулирования отношений между западными державами. Германская дипломатия сначала надеялась использовать бельгийский вопрос как средство расколоть Антанту путем сговора с Англией. Однако на Коронном совете в Берлине 29 августа (11 сентября) победили сторонники широкой завоевательной программы, требовавшие не только аннексий на востоке, но и возвращения Германии ее колоний или замены их равноценными, сохранения за ней Лотарингского бассейна, временной оккупации немецкими войсками Бельгии, аннексии части ее, широких преимуществ там для немецкого капитала и, наконец, признания Балканского полуострова германской сферой влияния ¹. При таких аппетитах договориться с Англией было очень трудно. Переданный Ватикану для Англии и Бельгии 11(24) сентября ответ Германии на «мирные» предложения папы был составлен в самых общих выражениях и не удовлетворил английских политиков. Россия узнала о германском ответе задним числом сначала от Италии и Франции и лишь в последнюю очередь — 24 сентября — от самой Англии ².

Одновременно с контактом через посредство Ватикана германская дипломатия попыталась договориться с Францией в расчете на то, что истощенный союзник Англии окажется уступчивей и, быть может, воздействует на лидера Антанты. Франция информировала Англию о германских предложениях. По свидетельству командующего английскими войсками во Франции Хейга, немцы

¹ Э. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Перев. с нем., т. 2. М., 1924, стр. 96—100.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 35, л. 544; д. 78, л. 65; ф. Посольство в Лондоне, д. 1649, л. 212.

на этот раз пошли навстречу западным державам в эльзаслотарингском, бельгийском и некоторых других вопросах¹. Русский поверенный в делах в Париже Севастопуло позднее писал о характере предполагавшейся сделки, что «Бриан не мог иметь в виду ничего иного, как мира за наш счет»². Достигнуть договоренности опять-таки не удалось, в частности, из-за выдвинутых французским правительством претензий на левый берег Рейна.

Поиски сепаратного мира на этом не кончились. В конце сентября Германия через испанское правительство запросила Англию, на каких условиях та согласилась бы приступить к мирным переговорам. Немцы снова намекали, что можно сторговаться за счет России. Англия информировала союзников, что отклонила немецкие предложения об отдельных переговорах³.

Однако всего несколько дней спустя Временному правительству пришлось убедиться в продолжении англогерманских контактов. По полученным им сведениям, голландский министр иностранных дел передал английскому представителю в Гааге, что германское правительство готово ответить утвердительно на вопрос об очищении Бельгии, если он будет задан⁴. Когда Набоков попытался проверить это сообщение в разговоре с Бальфуrom, последний не стал отрицать его достоверности, хотя уверял, что Англия совершенно не считается с такого рода косвенными заявлениями немцев⁵.

Около середины октября Германия предприняла мирный зондаж в Швейцарии, опять предлагая Англии и Франции в качестве основы сделки уступки на западе взамен компенсаций на востоке⁶. По сведениям кадетской «Речи» имелось в виду «расчленив Россию, отняв у нее громадную территорию»⁷.

¹ D. H a i g. The Private Papers of Duglas Haig. London, 1952, p. 262—263.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 70, т. 2, л. 912.

³ Там же, д. 141, л. 1096; К. Д. Н а б о к о в. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921, стр. 143—145.

⁴ АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 1649, л. 213.

⁵ «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», № 3; изд. 2, № 43.

⁶ А. Е. И о ф ф е. Указ. соч., стр. 326.

⁷ «Речь», 10. X 1917.

Сепаратные маневры сентября-октября 1917 г. не исчерпываются отмеченными попытками. Основное направление всех этих дипломатических интриг и причины их неудачи достаточно ясно вскрываются уже рассмотренными фактами. Заключить мир, чтобы объединенными силами расправиться с русской революцией, помешала воюющим державам глубокая рознь империалистических интересов и взаимное недоверие. Для них самый мир был приемлем лишь при условии, что он создавал благоприятную обстановку для войны в будущем.

Выяснившаяся неспособность заключить сепаратный мир не означала, разумеется, отказа империалистов от борьбы против русской революции. В ходе прошедших переговоров обнаружилось единство контрреволюционных устремлений двух группировок, а Германия и Англия даже наметили взаимоприемлемый проект дележа России. В октябре на первый план выступил фактический сговор воюющих коалиций по объединившему их вопросу.

Пособничество военному вмешательству извне. Вариант расправы с русской революцией в условиях продолжения войны оказался более приемлемым для империалистов потому, что не требовал от них ни предварительного мирного урегулирования, ни восстановления взаимного доверия. Поскольку контуры будущего дележа России между лидерами коалиций и наиболее сильными в военном отношении державами—Англией и Германией—уже были намечены, главной проблемой становилось высвободить силы для вооруженной интервенции.

Самыми большими возможностями в этом плане обладали Центральные державы и в особенности Германия, имевшая на русском фронте значительные вооруженные силы, расположенные на путях к главным пролетарским и политическим центрам России¹. Но решиться на крупные операции на востоке Германия могла лишь при пособничестве Англии и Франции, которые, пользуясь значительным превосходством на суше и на море, способны были сорвать немецкое наступление. Действительно,

¹ В октябре 1917 г. на русском фронте находилось 80 германских дивизий. В конце месяца 6 из них были сняты в связи с немецким наступлением в Италии. (А. М. Зайончковский. *Мировая война 1914—1918 гг.*, т. 2. М., 1938; см. прилож.).

Англия и Франция в октябре 1917 г. имели на Западном фронте 181 дивизию против 140 германских ¹. Они значительно превосходили противника также в количестве боевой техники. Английский надводный флот был сильнее германского по меньшей мере в полтора раза.

Среди стран Антанты крупной свободной армией располагала одна Япония. Англия могла выделить для действий в России лишь некоторое количество военных кораблей, да незначительные десантные отряды. Империалисты готовились использовать все имевшиеся возможности.

С весны 1917 г. в Белом море находилась британская эскадра под командованием командора (затем контр-адмирала) Т. В. Кемпа. Она включала броненосец «Глори», 2 крейсера и около 30 более мелких судов, главным образом тральщиков ². В качестве предлога для присылки крупных военных кораблей английское Адмиралтейство использовало просьбу Временного правительства о выделении миноносцев для борьбы с подводными лодками противника. На самом деле в британской эскадре не было ни одного миноносца. Истинная цель прибытия броненосца и крейсеров заключалась не в уничтожении немецких подводных лодок — к этому они не были приспособлены, и не в противодействии надводным судам противника — таковых в данном районе вообще не было, а в охране «британских интересов» на русском Севере. Осенью эскадра приобрела для Англии и ее союзников новое значение как потенциальное орудие интервенции.

Дополнительный свет на расчеты, которые Адмиралтейство связывало с эскадрой Кемпа, проливают взаимоотношения ее с русскими морскими властями. Как уже упоминалось, в 1917 г. в нарушение прежней договоренности британская эскадра отказалась подчиняться командованию русской флотилии Северного Ледовитого океана и лишь согласовывала с ним свои действия. Более того, английские офицеры прибирали к рукам русские подразделения. Для укрепления независимого положения английских морских сил в Петроград прибыл в сентябре контр-адмирал Стенли, который официально занял пост посредника между русскими властями и всеми английскими

¹ Там же.

² ЦГАВМФ, ф. 378, оп. 1, д. 1, л. 47—48, 136—137.

морскими частями в России ¹. Почувствовать себя хозяином на русском Севере мешали Кемпу не столько представители местных властей, сколько революционно настроенные организованные массы. В голове предприимчивого колонизатора зрел план вытребовать из Англии отряд войск «для защиты Временного правительства» ².

На юге России ядром интервенционистских войск должна была стать, по расчетам Франции и Англии, румынская армия. Предполагалось довести число дивизий в ней до 15, перебросить туда дивизию, сформированную из южных славян, и чехословацкие части ³.

Готовилась интервенция и на Дальнем Востоке. В русскую печать проникли сведения, что в сентябре во Владивостоке состоялось совещание консулов Англии и США, которые выработали проект «охраны иностранцев города» ⁴. А воспоминания Дж. Уорда позволяют предположить, что имелась в виду возможность отправки во Владивосток английского отряда из Гонконга ⁵.

Большое место в планах империалистических заговорщиков занимало использование японских вооруженных сил. Англия как давний союзник Японии намеревалась сыграть активную роль в этом деле. Характерную карикатуру поместил сентябрьский номер английского журнала «Каррант Хистори». Измученный русский солдат прислонился к дереву. Джон Буль с большой зубастой обезьяной на поводу обращается к нему со словами: «Эй! Россия! Смотри, если ты больше не любишь меня, я спущу на тебя мою японку» ⁶.

Англия и Франция думали осуществить японскую интервенцию при содействии Временного правительства под видом посылки союзной армии на русский фронт. Однако сложное переплетение империалистических интересов затрудняло осуществление англо-французского проекта. Временное правительство не без оснований

¹ ЦГАВМФ, ф. 378, оп. 1, д. 1, л. 120.

² Т. W. К е м п. A Reminiscence of Russia. «National Review». 1920, v. 1, p. 63.

³ V. S. M a m a t e y. The United States and East Central Europe. 1914—1918, Princeton, 1957, p. 218.

⁴ «Русское слово», 12. IX 1917.

⁵ Джон У о р д. Союзная интервенция в Сибири. 1918—1919 гг. М.—Пг., 1923, стр. 29.

⁶ АВПР, ф. Отдел печати, д. 36, л. 104.

боялось, что за японскую «помощь» придется расплачиваться дальневосточными владениями. США также опасались, как бы под видом посылки войск на русский фронт Япония не проглотила Приморье и Сибирь. Сама Япония не особенно стремилась уводить войска с Дальнего Востока, где, пользуясь европейской схваткой, хотела занять господствующие позиции. Сомнения в целесообразности замысла существовали и у части английской буржуазии. Так, либеральная «Манчестер Гардиан» в редакционной статье отвергала его, аргументируя тем, что, если Россия решит сосредоточить все усилия на ведении войны, у нее хватит собственных людских ресурсов, а в противном случае она никогда не пригласит Японию¹.

Определенные надежды возлагались в Лондоне на происходившие в сентябре переговоры между Лансингом и японским дипломатом Исии, в результате которых, по предположению английского телеграфного агентства, Япония должна была «заступить в войне место России»². В октябре Франция информировала США о намерении совместно с Англией обратиться к Японии с просьбой послать войска на русский фронт и просила американское правительство дать согласие на осуществление этого плана³. Англия со своей стороны передала в Вашингтон, что приветствовала бы отправку японских войск в Россию, хотя и не надеется на положительное отношение правительства Японии⁴. Соединенные Штаты ответили, что договорятся непосредственно с Японией, но решение вопроса затянулось.

Неудача японского варианта побудила Англию выступить инициатором использования для интервенции в России американских войск. Примерно за неделю до Октябрьского вооруженного восстания Ллойд Джордж передал правительству США, что посылка в Россию американских частей имела бы «величайшую ценность»⁵. Идею английской дипломатии подхватил Френсис: «Что бы вы сказали о посылке нами двух или более армейских дивизий через Владивосток или Швецию ей (России.—

¹ Там же, д. 265, л. 66.

² «Речь», 14. IX 1917.

³ А. Е. Иоффе. Указ. соч., стр. 328—329.

⁴ «Papers... 1918. Russia», v. 2, p. 1—2.

⁵ Ibidem.

А. И.) на помощь, если бы я мог получить согласие на это русского правительства или даже склонить правительство обратиться с такой просьбой?» — запрашивал он Лансинга 24 октября (6 ноября)¹. Есть основания думать, что именно этому сюжету посвящена телеграмма Бальфура Бьюкенену от 25 октября (7 ноября), дешифрованная в русском Министерстве иностранных дел. Ссылаясь на свою телеграмму в Вашингтон, Бальфур инструктировал посла: «В случае, если ваш американский коллега не получит в течение ближайших дней предписания содействовать вам, вы должны будете приступить к переговорам самостоятельно. Американцы смогут присоединиться позже, если они, на что я надеюсь, будут содействовать нашей политике»². Речь, по всей видимости, шла о получении от Временного правительства той самой «просьбы» о присылке американских частей, о которой писал Френсис. Проект интервенции при помощи американской армии не обеспечивал, однако, решения проблемы как в силу необходимости дальних перевозок, так и недостаточной численности войск, которые можно было переправить в Россию в тот момент.

Вот почему империалистам Антанты пришлось возложить главные надежды на использование германских вооруженных сил. Германия, не сумев в августе-сентябре склонить к сепаратному миру ни западных противников, ни Россию, решила нанести комбинированный удар силами армии и флота на северном фланге русского фронта. В случае удачи можно было развить операцию в направлении Петрограда, захватить остальную часть Прибалтики и задушить русскую революцию в ее колыбели.

Замысел противника не представлял секрета ни для России, ни для ее союзников. В частности, Англия еще в августе информировала Временное правительство о вероятности в ближайшее время германского наступления на северном участке русского фронта, поддержанного флотом, который может «атаковать с моря Ригу и другие еще более важные пункты». В сентябре сообщения от английского Адмиралтейства, подтверждавшие подготовку немцами указанной операции, поступали неоднократно,

¹ «Papers... 1918. Russia», v. 1, p. 121.

² «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 162.

причем содержали довольно точные сведения о выделенных противником морских силах и сроках начала боевых действий¹. Они совпадали с данными русской разведки. Но практических выводов из этой тревожной информации ни Россией, ни Англией умышленно не делалось.

Недостаточная активность англо-французских войск на Западном фронте позволила германскому командованию в целях создания ударного кулака перебросить оттуда на восток несколько дивизий.

Чрезвычайно важную роль в планируемом захвате Моонзундских островов и дальнейших действиях Германия отводила флоту. Посылая в восточную часть Балтики главные силы своего «Флота открытого моря»², она, казалось, шла на большой риск, обнажая северо-западное побережье для ударов английского «Гренд флита» и предоставляя ему благоприятную возможность для прорыва в Балтийское море. В действительности же германское командование имело основания рассчитывать, что Англия не станет мешать операции, успешное развитие которой должно было привести к гибели русскую революцию. Командующий германским флотом адмирал Шеер писал: «Отвлечение столь значительных морских сил от главного театра войны и их длительное пребывание на Балтийском море должно было категорически выяснять для нас, насколько в намерение английского флота входит стремление помешать этой операции или использовать ослабление наших главных сил для крупного выступления в Северном море... Английский флот не проявил активности ни в том, ни в другом направлениях и не пытался отвлечь нас от завоевания островов»³.

Моонзундская операция протекала при очевидном попустительстве как Великобритании, так и ведущего «корниловского» ядра в правительстве и командовании России. Первый морской лорд Англии адмирал Дж. Джеллико рассказывает в своих воспоминаниях, что, по полу-

¹ А. М. Косинский. Моонзундская операция Балтийского флота 1917 года. Л., 1928, стр. 55—56, цит. стр. 55.

² В операции участвовало вместе с транспортом свыше 300 кораблей, в том числе 1 линейный крейсер, 10 новых линкоров, 9 крейсеров, 68 эсминцев и миноносцев, 6 подводных лодок и другие суда.

³ Фон Шеер. Операция овладения островами Моонзунда в октябре 1917 г. «Морской сборник», 1920, № 10—11, стр. 37—38.

чении достоверных известий о предстоящей немецкой операции, британский Морской штаб тотчас рассмотрел вопрос о возможности прийти на помощь союзнику. Английские стратеги понимали, что единственной эффективной поддержкой явился бы прорыв на Балтику мощной эскадры, способной померяться силами с немецким флотом. Подобная операция представлялась им, по словам Джеллико, «не невозможной». Однако рекомендовать ее правительству Морской штаб не стал. Джеллико объясняет это двумя главными мотивами: первое, что на содействие русского флота и даже на получение горючего в русских портах рассчитывать не приходилось; второе, трудностями и риском, сопряженными со столь сложным походом ¹.

В аргументации адмирала кроется серьезное противоречие. Считать союзника неспособным противостоять германскому удару и в то же время отказаться от риска ради его спасения было нерасчетливо, если, конечно, не руководствоваться задней мыслью об удушении русской революции руками немцев. Во всяком случае остается фактом, что английский Морской штаб, а за ним и правительство заранее решили в этот критический момент бросить Россию на произвол судьбы.

Еще более парадоксальна на первый взгляд позиция Временного правительства и русского командования. Знать наперед, чем грозит успех немецкого удара ², и не позаботиться о том, чтобы обеспечить помощь британского флота, можно было лишь желая военной катастрофы на севере и сдачи столицы.

«Пораженческая», а точнее контрреволюционная линия продолжалась Россией и Англией в ходе Моонзундского сражения. Русское морское командование не предприняло мер ни к реальной защите позиции с помощью главных сил флота, ни к своевременному уклонению от боя, предо-

¹ J. R. Jellicoe. The Crisis of the Naval War. London—New York, 1920, p. 249—250.

² О целях немцев командующий Балтийским флотом Развозов получил накануне операции следующую информацию: «Ближайшей задачей германского флота будет занятие островов Эзеля и группы Оландских для обеспечения выхода в Рижский и Финский заливы и обеспечения дальнейшей операции на Петроград с тем, чтобы прекратить беспорядки и вывести Россию из войны» (ЦГАВМФ, ф. Р-95, оп. 1, д. 63, л. 16).

ставив противнику возможность бить Балтийский флот по частям. Английский «Гренд Флит» не двинулся с места, чтобы помочь истекавшему кровью союзнику.

Особо следует остановиться на роли, которую сыграли в Моонзундском сражении английские подводные лодки. К моменту немецкой операции в Балтийском море их насчитывалось 8 (4 больших и 4 малых). Эти суда, хотя и принадлежали к устаревшим типам¹, рассматривались русскими адмиралами как наиболее боеспособные единицы флота на том основании, что не были «заражены революционной бациллой» и беспрекословно выполняли приказы корниловцев в морских мундирах.

Подводные лодки могли бы многое сделать для отражения германского десанта или во всяком случае нанести противнику тяжелые потери. Корниловское командование Балтийским флотом, располагая 27 подводными лодками, выделило для участия в боях при Моонзунде только 8—все английские. Из них 3 малых находились в Рижском заливе, а остальные 5 базировались на Ганге и могли принять участие в боях с некоторым опозданием. В ходе сражения 2 больших подводных лодки вообще не покидали Ганге, 2 других, хотя и вышли в море, но в соприкосновение с противником так и не вступили. Атаковать немецкие суда сумели лишь две подводные лодки. В результате был подорван один вражеский транспорт. Одна английская подводная лодка села на мель. Команда, взорвав ее, благополучно вернулась на свою базу². Из сказанного видно, что английские подводные лодки при Моонзунде действовали малоактивно и еще менее результативно и не послужили сколько-нибудь серьезным препятствием для осуществления немецкого удара.

Бездействие английского флота в период боев за Эзель и Даго вызвало возмущение в России. Большевики разъяснили рабочим и солдатам, что налицо не просто эгоизм союзника, а контрреволюционный сговор империалистов обеих коалиций. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, в котором большевики к тому времени имели преобладание, в резолюции о текущем моменте от

¹ J. R. Jellісое. Op. cit., p. 251.

² А. М. Косинский. Указ. соч., стр. 33, 111, 147; ЦГАВМФ, ф. 479, оп. 1, д. 983, л. 188—194 и ф. 418, оп. 1, т. 3, д. 4630, л. 139.

9 октября заявлял: «Вместе с буржуазией Керенский готовится сдать немцам Петроград, главную крепость революции. Союзные империалисты явно попустительствуют движению Вильгельма на Петроград»¹. Даже соглашатели в эти дни говорили и писали, что союзники бросают Россию на произвол судьбы, склоняясь к миру за ее счет. У британского посольства прошли демонстрации протеста².

Разоблачение международного заговора подрывало шансы на его успех. Окончательная дискредитация внешней политики Временного правительства, базировавшейся на верности союзникам, могла облегчить штурм власти буржуазии. В таких условиях кабинет корниловца Керенского предпринял шаги с целью замаскировать политическую игру мирового империализма, поддержать свой престиж и обелить линию Англии. 5 октября, когда Моонзундская операция фактически уже закончилась победой немцев, русское Министерство иностранных дел и Морской генштаб обратились к Англии с просьбами о помощи. В обращении говорилось, что отсутствие какой-либо поддержки союзников в момент, когда немецкий флот находится в Балтийском море, подавляюще действует на настроение моряков и общественное мнение России. В соответствии с этим Временное правительство просило не о прорыве «Гренд Флита» на Балтику, а о производстве диверсии, т. е. о демонстративной операции³. Как позднее объяснял Бьюкенену Терещенко, жест со стороны Англии нужен был ему для заявления в Совете республики, что союзники не покинули Россию в тяжелый момент⁴.

Английские власти с полуслова поняли своих коллег по заговору. Когда русский морской агент в Лондоне Волков и представитель при «Гренд Флите» Шульц явились к Джеллико и стали убеждать его предпринять что-либо внушительное, адмирал возразил им, будто

¹ «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. 5 июля — 5 ноября 1917 г.» Сборник документов. М., 1957, стр. 150.

² ЦГВИА, ф. 2144, оп. 1, д. 786, л. 311.

³ АВПр, ф. Секретный архив, д. 652/674, л. 158; Г. Шульц. С английским флотом в мировую войну. «Морской сборник», 1929, № 8-9, стр. 220.

⁴ Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. Изд. 2. М., [б. г.], стр. 274.

сведения России о силах немцев на Балтике преувеличены в несколько раз. К тому же он уже распорядился отправить в Каттегат для демонстрации все свободные крейсера, эсминцы и подлодки. (Как выяснилось, это распоряжение выполнено не было). Напрасно Шульц и Волков пытались доказать важность посылки линейных кораблей для демонстрации и распространения операции на район датских проливов. Джеллико заявил, что, не говоря о трудностях такой операции, он не видит стратегической необходимости для английского флота проникнуть в Балтийское море. Вопрос Шульца о возможности послать через датские проливы хотя бы подводные лодки остался без ответа. Предложение бомбардировать немецкое побережье было отклонено со ссылкой на минные заграждения. «Из всей беседы я вынес впечатление,— рассказывает Шульц,— что английский флот, несмотря на все обещания, не предпримет серьезной операции, нельзя поэтому рассчитывать, чтоб силы немецкого флота были оттянуты из восточной части Балтийского моря»¹.

Тем не менее в Петроград, по совету Набокова, полетела телеграмма, где вопреки истине утверждалось, будто бы несколько отрядов английского флота крейсируют в море с целью привлечения неприятеля, но обширные минные поля и бурная погода мешают им приблизиться к немецким берегам². Это было как раз то, что требовалось Временному правительству для обмана общественного мнения. Действительность же вполне оправдала пессимистический прогноз Шульца. Правда, два дня спустя после встречи его и Волкова с Джеллико британское Адмиралтейство организовало морскую демонстрацию против немцев, но послало столь небольшие силы и действовало так нерешительно, что практического значения в плане помощи России эта операция не имела³. Зато «добрая воля» Англии была проявлена. Содействуя обману, русский Морской генштаб выступил с заявлением для печати, смысл которого сводился к тому, что английский флот при всем желании не мог бы прорваться на Балтику и, следовательно, сделал все, что в его силах⁴.

¹ Г. Шульц. Указ. соч., стр. 220—222, цит. стр. 221.

² ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 24664, л. 38.

³ Г. Шульц. Указ. соч., стр. 221.

⁴ J. R. Jellicoe. Op. cit., p. 250—251.

6 октября русское командование получило достоверные сведения о прекращении немецкой операции, подтвержденные английским Адмиралтейством ¹. Временное правительство со страхом увидело, что остается лицом к лицу с революционным Балтийским флотом, только что неожиданно для него продемонстрировавшим высокие боевые качества. В поисках спасительного выхода правительственные корниловцы натолкнулись на мысль «образумить» моряков жерлами английских дредноутов. Правда, надежд на поддержку Англии было ничтожно мало, но утопающий, как известно, хватается и за соломинку.

9 октября Набоков получил инструкции вновь просить о поддержке со стороны английского флота. «Укажите при этом, — говорилось в телеграмме, — на всю серьезность положения, созданного операцией немцев, которая является прямой угрозой не только для Ревеля, но и для Петрограда, и может повлечь за собою, в случае ее удачи, неисчислимые последствия» ². В объяснении с Бьюкененом Терещенко намекнул послу на истинный мотив просьбы, указав, что «ему дало смелость сделать этот шаг блестящее сопротивление, которое оказал русский флот гораздо более сильному врагу» ³.

Вторичное обращение Временного правительства за помощью натолкнулось на решительный отказ Англии, сделанный к тому же в грубой и оскорбительной форме. Судя по записи Нокса, Форин Оффис прислало 10 октября телеграмму, в которой отказывалось иметь что-либо общее с «балтийской авантюрой» и выражало возмущение тем, что народ, забывший свой первый национальный долг — защищать родную землю и отступающий перед численно слабейшим противником, просит союзника предпринять неосуществимую военно-морскую операцию для его спасения ⁴. Бьюкенен заявил Терещенко, что «Россия едва ли может ожидать, что мы (англичане. — А. И.) рискуем принести в жертву наш флот, пока ее армия, численно превосходящая силы противника, оказывает лишь слабое сопротивление продвижению германцев» ⁵. Адмирал Стен-

¹ А. М. Косинский. Указ. соч., стр. 142.

² АВПР, ф. Секретный архив, д. 652/674, л. 158.

³ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 273.

⁴ А. Кпox. With the Russian Army, v. 2. N. Y., 1921, p. 700.

⁵ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 273.

ли сообщил начальнику русского Морского генштаба, что английский флот не может войти в Балтийское море, не рискуя оказаться в ловушке ¹.

По-видимому в Лондоне рассчитывали на продолжение немецкой операции и во всех случаях не хотели рисковать судьбой «Гренд Флита».

Временному правительству ничего не оставалось, как примириться с отказом. Керенский, правда, не скрывал своего разочарования, но дальше словесной фронды не пошел.

Исход Моонзундской операции резко менял стратегическую обстановку на Балтийском море и северной части русского фронта в пользу Германии. Было очевидно также, что, если немцы предпримут теперь поход на Петроград, они не встретят противодействия со стороны союзников России.

В. И. Ленин в письме Питерской городской конференции 7(20) октября указывал на крайнюю серьезность политического положения: «Не доказывает ли,— писал он,— полное бездействие английского флота вообще, а также английских подводных лодок при взятии Эзеля немцами в связи с планом правительства переселиться из Питера в Москву, что между русскими и английскими империалистами, между Керенским и англо-французскими капиталистами заключен *заговор* об отдаче Питера немцам и об удушении русской революции *таким путем*? Я думаю, что доказывает» ².

Развитие германской операции было временно отложено. Немцев остановило стойкое сопротивление революционных моряков Балтийского флота, нанесших противнику серьезные потери. Кроме того, Германии требовалось срочно поддержать австрийского союзника на итальянском фронте. Тем не менее смертельная угроза нависла над революционным Петроградом, над пролетарской революцией в России. Германские и австрийские политики на секретных совещаниях уже перекраивали карту восточного соседа. Разгром революции неминуемо повлек бы за собой расчленение страны, раздел ее на сферы влияния между иностранными державами. Лучше оценить

¹ Там же, стр. 274.

² В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 347.

размеры грозившей катастрофы поможет выяснение экономических отношений России с Англией в это критическое время, чему посвящен следующий раздел.

В ТИСКАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ

В. И. Ленин писал в одной из предоктябрьских статей, что «финансовая поддержка союзников», обогащая банкиров, «поддерживает» русских рабочих и крестьян только так, как веревка поддерживает повешенного»¹. Антинародный характер экономической «помощи» России со стороны партнеров по коалиции, пожалуй, никогда не проявлялся ярче, чем осенью 1917 г.

Материальная поддержка Англией российской контрреволюции. В русско-английских экономических связях этого периода наблюдается парадоксальное на первый взгляд явление. Последние кабинеты Керенского, к способности которых подавить революцию в Лондоне относились скептически, и чей престиж в глазах британского союзника был поэтому крайне низок, пользовались сравнительно значительной финансово-экономической поддержкой Англии. В самом деле, в сентябре-октябре Россия получила займы от Великобритании на оплату заграничных заказов 147,1 млн. руб., т. е. почти на 70% больше, чем в мае-июне при первой коалиции и в 7 с лишним раз больше, чем в июле-августе во время подготовки корниловского мятежа². В сентябре в Архангельск было доставлено военных грузов больше, чем в любой другой месяц летней навигации 1917 г. по Белому морю³.

Линия Англии не представляла исключения. В сентябре-октябре открыли новые кредиты Временному правительству США и Япония, велись переговоры об увеличении ежемесячной нормы французских кредитов⁴.

Неожиданная «щедрость»⁵ союзников объяснялась возросшим значением, придаваемым теперь ими удушению русской революции, и той готовностью, с которой Ди-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 233.

² ЦГИА, ф. 1524, оп. 1, д. 6, л. 33—40.

³ «Экономическое положение России», ч. 2, № 641.

⁴ А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960, стр. 483, 496—499, 502—503.

⁵ О несоответствии оказываемой помощи потребностям русского союзника мы скажем ниже.

ректория Керенского, а затем третья коалиция приняли на себя роль, отведенную им в международном контрреволюционном заговоре более сильными державами.

Важное значение для Англии имела также безусловная верность последних кабинетов Керенского Соглашению. Она позволяла рассчитывать, что русский союзник не пойдет на прямой сговор с Германией, и что международные последствия планировавшегося подавления революции в России окажутся максимально благоприятными для Антанты.

Цель, которую преследовали союзники экономической помощью России, до цинизма грубо выразили они сами в коллективной ноте Временному правительству от 26 сентября. В ней говорилось: «...общественное мнение в союзных странах может потребовать от своих правительств отчета за материальную помощь, оказанную ими России. Для того чтобы дать союзным правительствам возможность успокоить общественное мнение и внушить ему вновь доверие, русскому правительству надлежит доказать на деле свою решимость применить все средства в целях восстановления дисциплины и истинного воинского духа в армии, а равно обеспечить правильное функционирование правительственного аппарата как на фронте, так и в тылу»¹.

Временное правительство прекрасно понимало, за что его финансируют и снабжают из-за рубежа. Не случайно в письме к Ллойд Джорджу от 12 октября Керенский обстоятельно отчитывался в том, что сделано и делается для восстановления боевой мощи армии и продолжения войны². Итак, экономическая поддержка Антанты была обусловлена обязательством Временного правительства тянуть упряжку войны и, не останавливаясь перед крайними средствами, утвердить диктатуру буржуазии по всей стране.

Одна из отличительных черт момента состояла в том, что союзники, не полагаясь больше на организаторские способности русской контрреволюции, стремились сами принять участие в планировании ее действий и влиять

¹ «Экономическое положение России», ч. 2, № 623, стр. 513—514.

² «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания». Документы и материалы. М., 1962, №173.

на их осуществление. Они использовали с этой целью, в частности, экономические рычаги.

Обещая предоставить России на ноябрь очередной свободный кредит в 2 млн. ф. ст., Англия выдвинула новое условие: чтобы половина его была обеспечена рублями, вносимыми на счет английского посла в Петрограде¹. Правительство Ллойд Джорджа, очевидно, хотело, чтобы его представители в России располагали крупными средствами в русской валюте для финансирования контрреволюционных сил по своему выбору.

Близкими мотивами руководствовалась Англия, проявляя особую заботу о снабжении и финансировании румынских войск. На Лондонской межсоюзнической конференции по тоннажу в октябре 1917 г. союзники постановили, что из предоставленного России на зиму навигацию тоннажа целая четверть должна пойти румынской армии², хотя по количеству дивизий последняя составляла едва 1/16 сил, противостоящих врагу на Восточном фронте. Англия и Франция явно ценили ее как боевую силу, а главное как орудие в предстоящей схватке с русской революцией, несравненно выше русских войск. Собравшаяся в конце октября (по старому стилю) межсоюзническая конференция по оказанию финансовой помощи Румынии обязала Россию принять меры для обеспечения румынского правительства транспортными и иными средствами, необходимыми для реализации союзных кредитов, причем деятельность русских властей по снабжению Румынии ставилась под контроль специально создаваемого комитета послов Англии, США и Франции в Петрограде³.

Существенной стороной деятельности буржуазной реакции в России осенью 1917 г. являлась так называемая экономическая корниловщина, выражавшаяся в стремлении удушить революцию костлявой рукой голода, для чего капиталисты умышленно закрывали фабрики и заводы, прятали сырье и продовольствие. Напомним, что довольно значительная часть российских предприятий

¹ АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 1730, л. 162.

² «Экономическое положение России», ч. 2, № 643.

³ АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 1730, л. 190—194.

принадлежала британским хозяевам. Английские предприниматели в России шли в едином строю с русскими локаутчиками, пользуясь при этом особым покровительством дипломатии своих стран и Временного правительства. Так, на заседании Петроградского межсоюзнического комитета снабжения 12 октября обсуждался вопрос об остановке фабрик на юге России — важнейшем топливно-металлургическом центре страны, где большую роль играли французский и английский капитал. Союзные представители потребовали от русских властей принятия необходимых технических мер для обеспечения сохранности коксовых печей на период бездействия и получили необходимые заверения¹. В октябре, по ходатайству капиталистов союзных стран, Министерство внутренних дел распорядилось принять энергичные шаги к охране предприятий и личной безопасности иностранных подданных, стремясь не допустить перехода заводов локаутчиков в рабочее управление и оградить их от справедливого гнева пролетариата².

Английские (и французские) миссии возобновили осенью 1917 г. требования «скорейшего» вывоза из России сельскохозяйственных продуктов — хлеба, льна и других, способствуя созданию безтоварья и голода³.

Характеристика экономической политики Англии по отношению к России была бы все же однобокой и не вполне убедительной, если бы мы пренебрегли сравнением экономической помощи, оказываемой Великобританией Временному правительству, с действительными нуждами русского союзника.

Дефицит по английскому кредиту, т. е. разница между принятыми Россией обязательствами по заказам и перевозкам и предоставленными ей займами, даже если отнести в актив Временного правительства все остатки по займам 1915 и 1916 гг., составлял в конце октября свыше 1 млрд. руб.⁴ Поскольку, однако, английское Министерство финансов признавало за Россией право

¹ ЦГИА, ф. 1525, оп. 1, д. 38, л. 55—56.

² «Экономическое положение России», ч. 2, № 584.

³ А. Е. Иоффе. Указ. соч., стр. 301.

⁴ ЦГИА, ф. 1525, оп. 1, д. 475, л. 9; там же, ф. 1524, оп. 1, д. 6, л. 40.

лишь на часть остатков по займам¹, а решающее слово принадлежало, конечно, кредитору, а не должнику, действительный дефицит был вдвое большим.

Просить Англию о новых крупных займах правительство Керенского не без основания считало в то время безнадежным делом². Попытки его уменьшить дефицит по английскому кредиту за счет перенесения платежей Великобритании по моргановским контрактам, произведенных с июня 1917 г. (165 млн. долл.), на американский кредит так и не увенчались успехом. Переговоры с США затянулись и были прерваны Октябрьской революцией.

Международное финансовое положение России осложнялось не только нехваткой иностранных кредитов для выполнения принятых обязательств, но и быстрым падением курса рубля. В сентябре-октябре Временное правительство добивалось от Великобритании свободного кредита для скупки рублей в самой Англии (4 млн. ф. ст. в месяц), в США (1,5 млн. ф. ст.) и в Персии (2 млн. ф. ст.). Из этих ходатайств было удовлетворено лишь третье, да и то с запозданием и не в той форме, в какой просили русские власти³. «Податливость» английского кредитора объяснялась в данном случае заинтересованностью его в содействии русских войск операциям в Месопотамии и борьбе с национально-освободительным движением в Персии. Поддерживать курс рубля в Америке Великобритания категорически отказалась. Наконец, в самой Англии на интервенцию (скупку рублей) предоставлялось вдвое меньше средств, чем просило Временное правительство. Под влиянием всех неблагоприятных обстоятельств курс рубля на Лондонской бирже, составлявший в начале сентября 1/3 довоенного, упал в конце октября до 1/4⁴.

¹ Министерство финансов Англии определяло размер этой части на конец июня в 65 млн. ф. ст., в то время как остатки по займам 1915 и 1916 гг. на ту же дату превышали 150 млн. ф. ст.

² АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 1542, л. 73—75.

³ На нужды русских войск предоставлялось 13,5 млн. кран (250 тыс. ф. ст.) одновременно и 15,6 млн. кран (290 тыс. ф. ст.) ежемесячно (АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 104, л. 217). Английский Шахиншахский банк в Персии должен был скупать рубли в размере 20 млн. в месяц (АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 8, л. 49).

⁴ «Экономическое положение России», ч. 2, № 544.

Состояние русско-английских финансовых отношений чрезвычайно осложняло для Временного правительства проблему расплаты по старым заказам и в особенности производство новых иностранных заказов. Это обстоятельство побуждало его стараться сократить заграничное снабжение, хотя необходимость в последнем вследствие разрухи в России возрастала. По заявлению председателя Главзаграна Михельсона на заседании Петроградского межсоюзнического комитета снабжения 28 сентября, русские заказы в то время систематически пересматривались «при ближайшем участии союзников» и, в случае возможности, безотлагательно аннулировались¹.

Нередко инициаторами сокращения русских заказов выступали союзные правительства и, в частности, кабинет Ллойд Джорджа, исходившие из собственных интересов. Так, в начале сентября английское правительство сообщило через Бьюкенена о желании задержать у себя до весны 50 изготовленных для России самолетов, в которых остро нуждалась русская армия². В сентябре же британское Министерство снабжения отказалось в будущем выполнять крупный заказ России на ружейные патроны, рекомендуя Временному правительству передать его США или принять на себя затраты по заказу в долларах³.

Новые заказы, даже сравнительно мелкие, нужно было проводить сначала через Петроградский межсоюзнический комитет снабжения, а затем через компетентные органы английского правительства. Последнее крайне неохотно шло навстречу ходатайствам небоеспособного союзника. В начале октября Временное правительство попыталось апеллировать к другим державам Антанты, поставив на заседание Межсоюзнического комитета снабжения вопрос «о некоторых затруднениях в производстве в Англии платежей и о порядке новых заказов там»⁴. Однако обсуждение этого пункта было отложено и в конечном итоге не состоялось.

Заграничное снабжение России лимитировалось не только проблемой получения иностранной валюты и разрешительной системой, но и нехваткой тоннажа, выделяв-

¹ «Исторический архив», 1955, № 3, стр. 177.

² ЦГИА, ф. 1525, оп. 1, д. 38, л. 27.

³ Там же, д. 120, л. 120, с об.; д. 38, л. 53—54.

⁴ Там же, д. 38, л. 45—46.

шегося Англией для доставки русских грузов. Правда, в результате увеличения перевозок в сентябре залежи грузов для России в самой Англии были фактически ликвидированы. Но во Франции и особенно в Америке они оставались очень большими — там на складах и в портах лежало 540 тыс. т военного имущества¹.

Из обещанных англичанами на Петроградской конференции 3,4 млн. т грузов по Белому морю было доставлено к концу октября лишь около 2 млн. т, т. е. примерно 60%². Во Владивосток британский и контролируемый англичанами флот доставил и того меньше — 1/3 первоначальной программы (440 тыс. т)³. Довольно значительная часть посланных в Россию судов с военными материалами и углем была потоплена немецкими подводными лодками⁴.

Просьбы Временного правительства об усилении охраны северного морского пути осенью 1917 г., как и раньше, оставались безрезультатными. Не помогла и межсоюзническая конференция по военно-морским вопросам, состоявшаяся в Лондоне в начале сентября. Джеллико парировал все аргументы русского представителя категорическим заявлением, что увеличение числа английских судов на севере в данный момент непосильно Адмиралтейству⁵.

Перспективы на будущее были чрезвычайно неблагоприятны. Вопреки просьбам и увещаниям русских властей, апеллировавших как прямо к Англии, так и к Межсоюзническому комитету снабжения, кабинет Ллойд Джорджа категорически отказался посылать суда в Белое море после 1 октября, ссылаясь на риск обледенения⁶.

На Мурман, согласно постановлению межсоюзнической Лондонской конференции по перевозкам, предполагалось

¹ ЦГИА, ф. 1525, оп. 1, д. 44, л. 31—32: «Экономическое положение России», ч. 2, № 639.

² ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 5, д. 214, л. 51 и 120.

³ С. Е. Фауле. *Seaborne Trade*, v. 3. London, 1924, p. 239.

⁴ Потери составили около 8% от всех посланных грузов (С. Е. Фауле. *Op. cit.*, v. 3, p. 239); среди погибших судов насчитывалось 28 русских водоизмещением в 75 тыс. т (ЦГИА, ф. 1525, оп. 1, д. 681, л. 199).

⁵ Г. Шульц. Указ. соч., стр. 213—214.

⁶ ЦГИА, ф. 1525, оп. 1, д. 542, л. 13, д. 38, л. 36, д. 39, л. 2; «Экономическое положение России», ч. 2, № 639.

отправить в зимнюю навигацию всего 270 тыс. т грузов ¹. Для сравнения напомним, что зимняя программа предшествующего года составляла 432 тыс. т.

На более длительный период — до 1 июля 1918 г. — Англия обещала предоставить России около 800 тыс. т. Этого было недостаточно даже, чтобы вывезти поступления по старым заказам. Между тем довольствующие ведомства Временного правительства считали необходимым сделать новые заказы, для перевозки которых на первую половину 1918 г. требовалось 3,5 млн. т. тоннажа ².

Приведенные цифры рельефно показывают, что Россия не могла в предстоящем году продолжать войны, и что сами союзники на ее содействие серьезно не рассчитывали. В доказательство последней мысли можно привести и другие факты. В сентябре-октябре Англия и Франция добивались от США кредитов на снабжение греческой армии (6—9 дивизий) в сумме 735 млн. фр. ³, в то время как просьба России о предоставлении ей 235 млн. долл. рассматривалась союзниками как чрезмерная. В английской печати открыто дебатировалось, сколько дивизий сумеют перебросить немцы за зиму с Восточного фронта на Западный, причем «Таймс» считала минимальной цифрой 30—40 дивизий ⁴. Уже после Октябрьского вооруженного восстания журнал «Экономист», объясняя сравнительно спокойную реакцию Лондонской биржи на это историческое событие, писал, что биржа привыкла к мысли, что «при нынешнем ходе вещей Россию, с точки зрения практической политики, не следует принимать во внимание как активный фактор помощи союзному делу» ⁵.

Возникает вопрос, почему же в этом случае Англия и другие державы Согласия продолжали оказывать хотя и минимальную материальную помощь России и требовали от Временного правительства тянуть лямку войны. Ссылки буржуазных ученых на союзнический долг и верность договорам, в свете известных читателю фактов сепаратных переговоров с противником и нарушения обязательств военной и экономической поддержки русского партнера,

¹ «Экономическое положение России», ч. 2, № 643.

² Там же, № 640; «Исторический архив», 1955, № 3, стр. 175.

³ «Экономическое положение России», ч. 2, № 669.

⁴ «The Times», 2. X 1917.

⁵ «The Economist», 10. XI 1917, N 3872, p. 772.

не могут быть приняты всерьез. Н. Л. Рубинштейн в свое время высказал мнение, что союзники стремились отсрочить час неизбежного окончательного разгрома России и выхода ее из схватки, исходя из собственных военных расчетов¹. Доля истины в таком объяснении есть, но оно не охватывает другой важной стороны проблемы.

Союзники стремились затянуть участие России в войне уже не столько по военным соображениям, сколько в иных целях. Продолжение операций на Восточном фронте позволяло надеяться на подавление русской революции руками германской армии. Кроме того, затягивание войны, как прекрасно знали союзники, должно было скоро привести Россию к хозяйственному краху, который входил в планы русских «корниловцев» и их зарубежных партнеров и открывал перед экономически могущественными державами Антанты соблазнительную перспективу закабаления России.

Рост экономической зависимости России от Англии. Обратной стороной материальной поддержки России союзниками являлся рост ее хозяйственной зависимости. Убедительное доказательство этому — пример отношений с Англией.

Осенью 1917 г. последняя еще оставалась главным ростовщиком России, хотя и не занимала прежнего исключительного положения вследствие возрастания роли США². Финансовые взаимосвязи Англии и России строились в этот период не на нормальной договорной основе, а на ежемесячных подачках Лондона, размер и валютная форма которых целиком зависели от его усмотрения. Такое положение крайне затрудняло для Временного правительства задачу выполнения заграничных денежных обязательств. Дело было не только в недостаточных размерах английских кредитов, но и в том, что Великобритания теперь совсем не отпускала русскому союзнику иен, почти не давала долларов, значительно сократила

¹ «Очерки по истории Октябрьской революции», т. 2. М., 1927, стр. 437.

² По размеру открытых в сентябре-октябре кредитов (175 млн. долл.) США даже превзошли Англию. Нужно учесть, однако, что последний американский заем в 125 млн. долл. был предоставлен всего за несколько дней до победы восстания в Петрограде и позднее аннулирован.

кредит в кронах ¹. Фактически она все время держала Россию на грани банкротства.

Маленький эпизод покажет, насколько легко могла Англия превратить Временное правительство в несостоятельного должника. В начале сентября Бьюкенен передал ноту об отказе его страны впредь оплачивать купоны русских государственных и гарантированных ценных бумаг в Голландии. Временное правительство сильно встревожилось. Управляющий Министерством финансов М. В. Бернацкий писал Терещенко, что осуществление английской угрозы при невозможности для России заключить заем в Голландии или доставить туда золото вынудит прекратить оплату займов в этой стране, что дискредитирует русский государственный кредит вообще. По настоятельной просьбе Временного правительства английское Казначейство согласилось в начале октября на время взять свое предложение назад. Однако за два дня до Октябрьского вооруженного восстания Англия вновь вернулась к этому вопросу, сообщив, что вследствие эмбарго на ввоз британских товаров в Голландию ей нечем оплачивать там русские купоны. Кабинет Ллойд Джорджа соглашался продолжать платежи по русским займам в Голландии лишь при условии доставки из России в Англию их золотого эквивалента ².

Если в предшествующие военные годы Россия хотя бы по отношению к малым союзным странам выступала в сфере финансов как великая держава, что выражалось в равном с Англией и Францией участии в их кредитовании, то осенью 1917 г. положение изменилось, и, когда собралась конференция по оказанию финансовой помощи Румынии, предоставление ей займов взяли на себя США, Англия и Франция, а на Россию возложили вспомогательные функции.

Англия имела возможность оказывать влияние не только на международное, но и на внутреннее финансовое положение России. В июле Временное правительство, по требованию Англии, вывезло для нее очередную партию золота на сумму 187,1 млн. руб. (20 млн. ф. ст.),

¹ ЦГИА, ф. 1525, оп. 1, д. 196, л. 6.

² АВПР, ф. II Департамент, 1—5, «Война», оп. 448, д. 192, л. 535—536 с об., 546, 550—551.

В результате чего золотой запас русского Государственного банка снизился почти на 13%¹. Большевицкий «Пролетарий» писал по этому поводу, что «Россия продолжает быть связанной крепкими нитями не только грабительских военных договоров, но и путами чисто финансовых мер, обескровливающих ее в финансовом отношении, делающих игрушкой в руках англо-франко-американского капитала»². В августе Временное правительство, махнув рукой на соображения престижа, решило выяснить, не возьмутся ли союзные державы, в том числе Англия, помочь в печатании бумажных денег³ — собственные учреждения с этим уже не справлялись.

В сентябре-октябре на смену обычному кредиту в отношениях между Россией и Англией все чаще приходят требования своеобразного «обеспечения» займов: поставлять за них контингенты солдат (Персия), передать в распоряжение английского посольства соответствующие суммы в рублях, принять обязательство первоочередного снабжения Румынии и т. д.

Еще более тяжелая, чем в сфере финансов, зависимость от Англии сложилась в области морских перевозок. Великобритания прямо или косвенно контролировала все заграничные поставки в Россию морским путем. Это положение ярко обрисовал в рапорте начальнику Главзагран военный агент во Франции А. А. Игнатьев под впечатлением личного участия в октябрьской межсоюзнической конференции по тоннажу. Игнатьев писал, что в результате поездки в Лондон убедился в первенствующей роли, которая выпала на долю Англии как в распределении тоннажа, так и в вопросе установления движения пароходов на всем земном шаре. Из этой зависимости не вырвешься, так как у англичан на счету каждый пароход любого флага, и если бы даже России удалось купить суда, Англия соответственно уменьшила бы собственный тоннаж, предоставляемый ей. Для получения от владычицы морей тоннажа необходимо предоставлять ей ведомости грузов с самым подробным документальным обосно-

¹ В. В. И к о н н и к о в и др. Денежное обращение и кредит в СССР. Изд. 2. М., 1954, стр. 10.

² «Экономическое положение России», ч. 1, № 97, стр. 233.

³ Там же, ч. 2, № 538, стр. 377.

ванием, сообщать об усовершенствованиях северных портов и пропускной способности северных дорог, предоставлять реальные доказательства всемерного использования собственной промышленности, особенно сырьевой, доставлять в северные порты необходимое союзникам сырье для обратных рейсов¹.

Не будучи связана какими-либо твердыми обязательствами на 1917 г., Англия произвольно меняла свои обещания в зависимости от положения в России и наличия судов, причем, как правило, держала русского союзника на голодном пайке.

Английское Адмиралтейство придирчиво контролировало отправляемые в Россию грузы с точки зрения их важности, особенно неохотно выделяя тоннаж для выполнения заказов частных русских фирм и для предметов, не являвшихся военными в узком смысле слова. В сентябре Временное правительство возбудило перед Англией вопрос о своем праве использовать для перевозок частных грузов в Россию нейтральные и нереквизированные союзные суда, включая парусные. Речь, очевидно, шла преимущественно о мелких судах. Однако Адмиралтейство не пожелало даже в небольшой части поступиться своей монополией. В результате длительных переговоров 23 октября последовал категорический отказ Англии с указанием, что все нейтральные суда используются самым лучшим образом в интересах союзников, в том числе косвенно и России, позволяя высвободить для русских перевозок часть британского тоннажа².

Дошло до того, что Временное правительство стало невластным распоряжаться русскими судами, выполнявшими под руководством британского Адмиралтейства беломорскую программу. Решение Адмиралтейства о прекращении навигации на Архангельск после 1 октября, вопреки желанию правительства Керенского, почти сразу же распространилось и на русские суда. 3 октября из Англии в Белое море отплыл последний русский пароход³. Исход конфликта ясно показывал, кто становится фактическим распорядителем кораблей Добровольного флота.

¹ АВПР, ф. Посольство в Лондоне, д. 1730, л. 24—27 с об.

² ЦГИА, ф. 1525, оп. 1, д. 38, л. 32—33 и д. 45, л. 40.

³ С. Е. F a u l e. Op. cit., v. 3, p. 238.

Боеспособность русской армии и флота во многом зависели от английских поставок вооружения (особенно тяжелой артиллерии и самолетов) и каменного угля (для флота), а состояние промышленности России — от привоза британского оборудования, цветных металлов и других предметов. Контроль Англии над перевозочными средствами и сохранение за ней позиции главного кредитора России привело к тому, что в 1917 г. она вновь вышла на первое место в русском импорте. За этот год, по данным отечественной статистики, было ввезено из-за границы товаров на 2448,8 млн. руб., в том числе из Англии — на 797,7 млн. руб. (32,6%), а из США — на 486,3 млн. руб. (около 20%)¹. Судя по американским источникам, доля США была несколько выше, но все же заметно уступала английской².

Неравноправное положение двух сторон позволяло Англии легко нарушать свои обязательства в целях давления на Временное правительство или увеличения собственной военной мощи.

Представление о срыве англичанами поставок важнейших видов вооружения дают следующие сведения³.

Оружие	Обещано Англией на 1917 г.	Доставлено к концу года	В том числе до 1. VII 1917 г.
Гаубицы			
9,2-дюймовые	44	4	4
8 " 	96	8	8
6 " 	196	88	88
Самолеты	180	158	80
Станковые пулеметы	200	110	110

Таким образом, основная масса вооружения из Англии прибыла в первой половине года в связи с июньским насплнением, после чего поставки резко сократились.

¹ «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, табл. LV, стр. 242.

² В. В. Лебедев. Русско-американские экономические отношения (1900—1917 гг.). М., 1964, стр. 241—242.

³ ЦГИА, ф. 1525, оп. 1, д. 681, л. 42 с об.— 44.

Невыполнение Англией взятых обязательств привело и к уменьшению снабжения углем Балтийского флота, что, по признанию Морского министерства, отрицательно влияло на его боеспособность¹.

Поставки оборудования фактически сошли на нет.

Нужно ли говорить, что положение более сильной стороны по-прежнему использовалось Англией для извлечения коммерческих выгод из торговли с союзником. На британских островах вмешательство государственных органов в распределение русских заказов, официально призванное способствовать снижению контрактных цен, в действительности вело к прямо противоположным результатам. Достаточно сослаться на пример с закупкой станков, где английская посредническая организация Бекос получала комиссионное вознаграждение в размере 15% стоимости заказа².

Англия осенью 1917 г. энергично добивалась от России расширения экспорта леса, льна, зерна, поташа, причем отдельные британские фирмы получали от своих властей монопольное право на скупку тех или иных русских предметов вывоза и могли диктовать свои цены и условия. Успех ходатайств этих фирм обеспечивался тем, что их адресовали в те самые учреждения, от которых зависела судьба военных поставок для России, — Межсоюзнический комитет снабжения и миссию генерала Пуля. Вывоз из России в Англию увеличился в 1917 г. по сравнению с предыдущим годом со 179,3 млн. руб. до 236,7 млн. руб., а доля Англии в русском экспорте поднялась за то же время с 35,7% до 48,5%. Удельный вес следующей после Англии державы-покупщика — Франции составлял только 10%³. Великобритания прямо-таки монополизировала русский вывоз. Но, пожалуй, ничто так красноречиво не говорило о падении хозяйственной самостоятельности России, как все более беззастенчивое вмешательство союзников в ее внутриэкономическую жизнь. Английские представители в России уже давно присвоили себе право контролировать судьбу доставленных из-за границы грузов, и эта практика, разумеется, продолжалась в описы-

¹ Это уменьшение составило в среднем 14% по сравнению с 1916 г. (ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 5, д. 494, л. 4).

² «Экономическое положение России», ч. 2, № 604.

³ «Народное хозяйство в 1916 г.», вып. VII, табл. LV, стр. 242.

ваемые месяцы. Сошлемся на представленную англичанами в октябре программу улучшения работы Владивостокского порта ¹ или властное вмешательство генерала Пуля в вопросы транспортировки грузов, ввозимых через Скандинавию в финляндские порты ².

Но английские представители не ограничивались так сказать повторением пройденного. Осенью 1917 г. группа британских специалистов во главе с генералом Декандолом обследовала состояние железных дорог Украины. Другая группа была направлена британской миссией снабжения для осмотра железных дорог по маршруту Пермь — Екатеринбург — Златоуст — Пенза — Тула — Петроград. Суммируя итоги обследования, Декандол 11 октября представил министру путей сообщения А. В. Ливеровскому записку, содержащую подробные рекомендации по увеличению провозоспособности железных дорог.

В предложениях Декандоля показательны два момента: они были рассчитаны на кратковременный эффект без необходимости производства больших работ и предусматривали расширение контроля союзников над русским железнодорожным транспортом. Для этого предлагалось учредить при Министерстве путей сообщения специальный орган связи с союзными державами во главе с представителем одной из них. Этот орган контролировал бы не только заграничные железнодорожные заказы России, но и ход осуществления рекомендаций Декандоля внутри страны и ведал бы приглашением иностранных специалистов ³.

Члены английской миссии снабжения обследовали также состояние уральских заводов, опять-таки внося свои рекомендации, направленные к усилению зависимости экономики этого района от Англии и к подавлению рабочего движения ⁴.

Временное правительство не пресекало подобной активности союзников и даже проявляло предупредительность, с готовностью принимая большинство советов, так как видело в заинтересованности Англии и других союзных держав в русских делах известную гарантию

¹ ЦГИА, ф. 1525, оп. 1, д. 1074, л. 46—47.

² Там же, д. 1101, л. 1—2, 5, 8—9.

³ «Экономическое положение России», ч. 2, № 449.

⁴ ЦГИА, ф. 1525, оп. 1, д. 1074, л. 50—52.

того, что они не намерены отвернуться от России. Подобное отношение поощряло иностранных империалистов к дальнейшему вмешательству и разжигало их аппетиты.

Обращая взоры в будущее, английская буржуазия надеялась закрепить свои успехи на русском рынке, достигнутые в годы войны, и тем уравновесить неудачи в конкурентной борьбе с США и Японией в некоторых других районах мира. Рупор финансистов и крупных предпринимателей «Файненшиал Таймс» еще летом 1917 г. писала, что, по мнению деловых кругов Великобритании, экономические отношения между Россией и Англией имеют большие перспективы. Потребности России после войны сильно возрастут и, поскольку к немцам с их приемами коммерческой деятельности (имелось в виду государственное покровительство внешней торговле.— А. И.) будут относиться с недоверием, русские нужды станут покрываться в первую очередь из английских источников¹.

В том же духе высказывалась в сентябре консервативная «Морнинг Пост»: «После войны будет огромная торговля с Россией, и сейчас пора принять необходимые меры, чтобы обеспечить ее основную массу за нами»². А «Таймс» позднее, в мае 1919 г., поставила все точки над «и»: «В течение войны,— писала газета,— Соединенное Королевство уступило рынки Америке и Японии. Русский рынок является, вероятно, единственным крупным мировым рынком, в отношении которого Великобритания расположена благоприятно для обеспечения его за собой, и который может легко компенсировать ее за потерянные рынки и более того»³.

Само собой разумеется, что экономические связи с Россией мыслились как отношения между развитой и отсталой странами, между кредитором и должником, между сильным и слабым в империалистическом мире. И хотя эти расчеты пытались прикрыть фразами, что, мол, Англия не стремится к экономической эксплуатации России, действительные цели не представляли большого секрета. Газета «Таймс» еще в 1915 г. провозгласила:

¹ Излагается по «Торгово-промышленной газете» от 15. VI 1917.

² АВПР, ф. Отдел печати, д. 265, л. 75.

³ Цит. по кн.: J. T. W. Newbold. Bankers, bondholders and Bolshevics. London, 1919, p. 5.

«Мы являемся промышленной страной. Мы ставим себе целью посылать в Россию именно продукты промышленности в обмен на ее сырье, и развитие русской обрабатывающей промышленности может, по всей видимости, идти в ущерб нашим интересам, так же как и интересам Германии»¹.

То, о чем писал орган Сити, английские представители в России старались воплощать в жизнь. Недаром П. И. Пальчинский на одном из экономических совещаний, обосновывая предпочтительность привлечения в страну американского капитала, указывал, что Англия вообще опасается конкуренции русской обрабатывающей промышленности².

В экономической экспансии в России были прямо заинтересованы могущественные британские монополии — «большая пятерка» банков, нефтяной трест «Ройал Датч Шелл», военно-промышленный концерн «Виккерс» и некоторые другие. Владельцами акций и участниками правлений действовавших в России компаний являлись такие представители финансовой олигархии Англии, как Г. Детердинг, Л. Уркварт, Л. Ротшильд, министры правительства Ллойд Джорджа — А. Бальфур, О. Чемберлен, Э. Геддес, В. Лонг, видные деятели консервативной и либеральной партий, парламентарии и владельцы газет³.

Планы Англии, казалось, имели под собой реальную основу. За время войны Россия задолжала ей свыше 5 млрд. руб. — в несколько раз больше, чем Франции, и в 11 раз больше, чем Соединенным Штатам⁴. По общей сумме довоенных и военных займов России Англия также обогнала Францию, выйдя на первое место среди держав мира. Великобритания занимала доминирующее положение в русской внешней торговле, причем ее торговля с Россией, в отличие от американской, имела широкую довоенную базу. Владычица морей играла исключительную роль во внешнеторговых перевозках России. Наконец,

¹ «The Times Russian Supplement», N 15, 17. XII 1915.

² «Экономическое положение России», ч. 2, № 576.

³ J. T. W. Newbold. Op. cit., p. 3—4, 9, 13—16; А. Леонидов. Заговор душителей Революции. «Новый мир», 1957, № 10, стр. 199 и 205.

⁴ А. Л. Сидоров. Указ. соч., стр. 525.

английский капитал занимал важные позиции в русском народном хозяйстве, уступая в этом отношении только Франции¹.

Единственное, чего недоучитывали английские империалисты, как, впрочем, и империалисты всех других держав, имевших виды на русский рынок,— это возможности избавления России от всякого капиталистического рабства. Затягивая петлю на шею трудящихся масс России, они против своей воли способствовали приближению *социалистической* революции.

Если буржуазная Англия проявляла классовую ограниченность, то внешнеэкономическая политика Временного правительства была просто близорукой. Доведя страну до положения, начинавшего напоминать полукOLONиальное, буквально накануне хозяйственного краха, оно продемонстрировало неспособность осмыслить нависшую угрозу и наметить пути борьбы с ней.

Это не означает, что Временное правительство вообще не ставило задачи ограждения экономической самостоятельности России. Сошлемся на программную речь Терещенко в комиссии по иностранным делам Предпарламента 12 октября, где обеспечение экономической независимости было выдвинуто в качестве одной из главных целей внешней политики страны при будущем мирном урегулировании². Предвидя возражения, что слова Терещенко могли быть продиктованы демагогическими мотивами, приведем и другой документ, уже совершенно деловой, внутриведомственный — отношение Министерства иностранных дел министру торговли и промышленности Коновалову от 30 сентября 1917 г. № 541. В нем говорится по существу то же самое, а именно — каков бы ни был исход войны, «России придется немедленно после заключения мира чрезвычайно дорожить всякими остающимися в ее руках средствами ограждения возможности

¹ Мы используем для оценки наиболее обстоятельные, хотя и явно завышенные по абсолютным размерам подсчеты П. В. Оля, но берем их лишь в относительном значении. Накануне Октябрьской революции доля Франции в иностранном капитале в России составляла 32,6%, а доля Англии — 22,6% (П. В. О л ь. Иностранные капиталы в России. Пг., 1922, стр. 290—291).

² «Былое», 1918, № 12, стр. 15.

самостоятельного финансово-экономического восстановления»¹.

Но, во-первых, буржуазное Временное правительство видело в иностранной зависимости зло лишь в той части, в какой это отражалось на прибылях русских капиталистов. Поэтому и задача обеспечения экономической самостоятельности ставилась им крайне узко, сводилась главным образом к государственному покровительству внешней торговле. Не случайно Временное правительство в октябре заявило, наконец, Англии о денонсации торгового договора с ней 1858 г., который русские капиталисты считали недостаточно выгодным². В то же время правительство буржуазии готовилось как никогда широко распахнуть двери перед иностранным капиталом, сотрудничество с которым было прибыльно для русских «Колупаевых» и «Разуваевых». С этой целью оно еще в июле облегчило условия допуска иностранных компаний к деятельности в России³. В циркулярной телеграмме Министерства иностранных дел российским представителям в Париже, Лондоне и Вашингтоне от 18 августа говорилось о намерении расширить предоставление иностранцам концессий. Та же телеграмма и последующая переписка свидетельствуют, что Временное правительство предполагало в еще большей мере использовать заграничные займы, обращая их не только на производство заграничных платежей, но и удовлетворение потребностей внутри страны⁴.

Единственной заботой Временного правительства в деле привлечения иностранного капитала с точки зрения экономической «независимости» было избегнуть слишком большого преобладания какой-либо одной могущественной державы в хозяйстве России. Отсюда особые симпатии к американскому капиталу как «чисто деловому», «аполитичному» в противоположность английскому и французскому, уже захватившим очень сильные позиции в русской

¹ Н. Л. Рубинштейн. Внешняя политика керенщины. «Очерки по истории Октябрьской революции», т. 2. М., 1927, стр. 448.

² АВПР, ф. Пóсольство в Лондоне, д. 1677, л. 397.

³ «Экономическое положение России», ч. 2, № 578.

⁴ Там же, № 538.

экономике¹. В таком лавировании не заключалось ничего принципиально нового. Его «премудрость» была прекрасно известна еще царизму. Но оно позволяет понять другую отличительную черту внешнеэкономической политики правительства буржуазии. Последнее и не мечтало о полной самостоятельности России, а лишь выбирало более выгодную в данный момент ориентацию. Подобная постановка вопроса отчетливо звучит в упоминавшейся речи Терещенко 12 октября: «Третьим важнейшим условием мира является обеспечение нашей экономической независимости. Рассуждая трезво, надо взвесить, что является в данном отношении выгоднее: экономическое сближение с Германией или с союзниками»².

Еще одна характерная черта подхода Временного правительства к проблеме экономической независимости состояла в том, что борьба за нее отодвигалась на послевоенный период. Недаром и в речи Терещенко от 12 октября и в упоминавшемся письме МИД Коновалову об отстаивании экономической самостоятельности говорилось как об одной из задач мирного урегулирования или периода сразу после заключения мира. А пока шла война, которую нельзя было вести без поддержки союзников, пока грозила революция, для удушения которой требовалась помощь извне, Временное правительство готово было жертвовать хозяйственной самостоятельностью.

Об этом лучше всего свидетельствует телеграмма Терещенко русским представителям при союзных державах от 17 сентября, в которой министр в связи с планами Англии, Франции и США поделить Россию на сферы «содействия» выражал готовность Временного правительства «пойти навстречу союзникам, взяв на себя почин предложения им более активного, нежели до сих пор, участия в организации нашей промышленности и транспорта»³.

Правда, и здесь Временное правительство пыталось лавировать между державами. Прослышав, например, что передача всего русского железнодорожного транспорта в сферу «содействия» американцев не вполне удовлетворяет Англию и Францию, русские власти предложили первой

¹ Там же, № 1576.

² «Былое», 1918, № 12, стр. 15.

³ «Экономическое положение России», ч. 2, № 621, стр. 512.

из них взять на себя контроль за эксплуатацией полевых железных дорог России¹. Но подобная игра на противоречиях мало что могла изменить.

Слишком уж глубоко увязла страна в болоте зависимости от более сильных держав. Временное правительство не хотело, да и не могло порвать с войной, а продолжение войны неминуемо влекло за собой экономическую катастрофу со всеми ее последствиями в области международных отношений. Россия поистине стояла перед выбором — «погибнуть или на всех парах устремиться вперед»².

АНГЛИЯ И «ВТОРАЯ КОРНИЛОВЩИНА»

Неудавшийся Кавеньяк— Корнилов и его ближайшие помощники еще не были арестованы, а Директория Керенского не провозглашена, когда Терещенко поспешил информировать союзников о планах нового правительства. Секретная телеграмма министра в Париж, Лондон, Токио и Вашингтон от 31 августа фактически представляла собой программу Директории, изложенную тем более откровенно, что она не предназначалась для опубликования.

Терещенко как бы извинялся перед союзниками за столкновение между правительством и Ставкой, уверяя, что «во всем этом деле значительную роль сыграло взаимное непонимание и недоразумение...» Он старался в максимально выгодном свете представить состав нового правительства, подчеркивая вхождение военных, и пояснял, что назначение Керенского главнокомандующим носит декоративный характер, нужный для успокоения демократии и солдат, а фактически армией будет руководить генерал Алексеев.

Основные направления деятельности формируемой власти определялись в телеграмме следующим образом: а) продолжать войну «во что бы то ни стало», «не отвлекаясь внутренними междуусобиями и распрями»; б) самыми энергичными мерами оздоровить армию, предупредив всякие волнения и конфликты на почве недоверия к командному составу; в) восстановить порядок в тылу,

¹ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 6127, л. 55 об.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 198.

прежде всего в Петрограде и Москве, объявленных на военном положении; г) повести «самую энергичную борьбу против большевизма», усилившегося — это приходилось признать — в связи с делом Корнилова ¹.

Коротко послание Терещенко можно было бы передать в следующих словах: «Мы разошлись с Корниловым по недоразумению и обещаем выполнить его программу сами».

Контрреволюция консолидируется. Правительство Директории получило поддержку как буржуазных партий, так и меньшевиков и эсеров.

Одобрение или согласие названных сил получила, в частности, внешнеполитическая программа Директории, точнее унаследованная ею программа второй коалиции. Когда Терещенко на совещании по вопросу о реорганизации правительства 31 августа заявил, что вносить в международную политику последних месяцев «какие бы то ни было изменения он не считает возможным», кадетский оратор поддержал его, указав, что «направление внешней политики Терещенко за последнее время никаких упреков вызвать не может». Лидеры меньшевиков и эсеров также не потребовали от министра пересмотра проводимого курса ².

Говоря о кадетях, меньшевиках и эсерах, мы имеем в виду преобладающее направление в этих партиях, линию их руководства. Между тем, в кризисные осенние месяцы внутри самих буржуазных и мелкобуржуазных партий обострилась борьба, затрагивавшая и область внешней политики. В кадетской партии усилилось течение сторонников империалистического мира с Германией (Б. Нольде, В. Набоков, А. Добровольский, В. Маклаков). Левые эсеры и меньшевики-интернационалисты требовали, чтобы правительство повело, наконец, энергичную борьбу за скорейший мир без аннексий и контрибуций, не понимая, однако, необходимости для такого поворота свергнуть власть буржуазии. Противоречия в правительственных партиях, не ускользавшие от внимания союзников, отнюдь

¹ «Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел», № 3, изд. 2, № 46, стр. 115—117.

² «Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общественно-национальный кризис». М., 1961, № 175, стр. 216.

не способствовали укреплению в глазах последних престижа Директории.

В Англии к желанию нового правительства Керенского взять на себя роль избавителя страны от большевизма отнеслись скептически. Бьюкенен, не церемонясь, говорил Терещенко и писал в Форин Оффис, что Петроградский Совет «стал господином положения, а правительство он только терпит вплоть до того момента, когда он решит взять власть в свои руки». В донесении от 8 сентября Бьюкенен давал отрицательную характеристику Керенскому и пессимистически оценивал перспективы его усилий¹. В тот же день посол телеграфировал Бальфуру, что тяжелые последствия выступления Корнилова и постоянная смена высшего состава, подорвав доверие солдат к своим вождям, сделают «для России очень трудным доведение войны до конца»². Английские корреспонденты в России сообщали о росте большевистского влияния и опасном усилении Советов, а откровенный реакционер Марсден из консервативной «Морнинг Пост» сравнивал положение со «смутным временем» XVII в. и прямо делал вывод о необходимости «призвания варягов». Выбалтывая планы контрреволюции, он писал, что падение «гнилого» Петрограда не было бы таким уж большим несчастьем для России и ее союзников³.

Возлагая надежды на империалистический мир за счет России, а затем на вооруженную интервенцию, Англия в то же время считала необходимым сплочение всех русских контрреволюционных сил, которым в международном заговоре отводилось свое место. В отсутствии такого сплочения английская пресса видела источник слабости Временного правительства. Замаскированная коалиция соглашателей с буржуазией в виде Директории, хотя и признавалась полезной как переходная форма власти, не удовлетворяла Англию⁴.

Недоверие Лондона чрезвычайно тревожило Директорию. Дипломатия Терещенко лезла из кожи вон, чтобы, говоря словами самого министра, «побороть обуявшее

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 268—269.

² «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 159.

³ АВПР, ф. Отдел печати, д. 552, л. 201а, 201б, 202, 209, 219 с об.

⁴ Там же, д. 265, л. 67, 73; д. 552, л. 203 об., 210 об.

наших союзников разочарование и убедить их, что, несмотря на всю тяжесть испытаний, Россия будет вести до конца общую борьбу с врагом»¹.

3 сентября Терещенко предписал русским дипломатам в Париже, Лондоне, Вашингтоне и Риме поставить вопрос о желательности *как можно скорей* собрать конференцию стран Антанты, где «надлежало бы обсудить общее положение и выяснить способы оказания взаимной поддержки в деле дальнейшего ведения войны и в частности в предстоящей зимней кампании»². 7 сентября он инструктировал представителей в союзных странах передать, что русская армия в состоянии удержать на своем фронте силы противника, а в течение зимы, пока активные операции будут невозможны, последует реорганизация, которая приведет к воссозданию боеспособности вооруженных сил³.

Военный министр Верховский встречался с Ноксом и Бьюкененом, успокаивая их, что начатая при Корнилове реорганизация армии будет доведена до конца, и вся власть в армии сосредоточится «в руках офицеров, а не комитетов»⁴.

Специальные меры принимались для воздействия на общественное мнение союзников. Так, 6(19) сентября в английской печати было опубликовано заявление Набокова, в котором излагалась официальная версия корниловщины и содержались успокоительные заверения, что вследствие быстрого провала заговора русская армия мало пострадала, и все нужные меры для ее оздоровления принимаются⁵. Немного позднее Ставка подготовила для союзников фактическую справку о роли русского фронта в 1917 г., где доказывалось, что силы противника здесь не только не уменьшились, но даже увеличились. Этот документ также был опубликован в английской печати⁶.

Директория пыталась завоевать благорасположение партнеров по коалиции также демонстрацией решитель-

¹ Там же, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 100, л. 44.

² Там же, ф. Секретный архив, д. 685/726, л. 76.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 104, л. 93.

⁴ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 159—160.

⁵ «The Times», 19. IX 1917.

⁶ «The Times», 4. X 1917.

ных мер во внутренней политике. Расширилась подготовка специальных военных формирований, которые предполагалось использовать в контрреволюционных целях. Власти закрыли центральный орган большевистской партии газету «Рабочий» (как тогда называлась «Правда»), привлекли к судебной ответственности редакцию газеты московских большевиков «Социал-демократ» «за оскорбление посла дружественной державы» Бьюкенена. Керенский издал ряд «грозных» приказов, направленных против «неповиновения» солдат, против крестьянского движения, и потребовал роспуска организаций, созданных с целью борьбы с корниловским мятежом.

Потуги Директории выставить себя перед союзниками достойной преемницей Корнилова, способной осуществить программу генерала, не имели успеха, так как парализовались неблагоприятной информацией, шедшей от иностранных представителей в России и добровольных осведомителей из буржуазно-помещичьего лагеря.

Не сумев преодолеть скептицизма партнеров по Антанте, Керенский и его коллеги не нашли ничего лучшего, как следовать в хвосте более сильных держав, рассчитывая послушанием заслужить их поддержку. Подобная линия отвечала настроением русских буржуазных и помещичьих кругов, среди которых получили широкое распространение неверие в собственные силы и надежды на «призвание варягов».

Читатель уже знаком с тем, как Директория содействовала международному империалистическому заговору, выступая с опровержением «слухов» о сепаратных переговорах союзников с противником. Одновременно она всячески подчеркивала свою верность Антанте.

14 сентября Терещенко сделал заявление представителям русской прессы об ответе Германии и Австро-Венгрии на мирную инициативу Ватикана. Он категорически отверг возможность договориться с Центральными державами, добивавшимися мира на основе «карты войны»¹. Сам глава правительства дал интервью корреспонденту французской буржуазной газеты «Фигаро», в котором клялся в верности союзникам и обещал, что Россия ни-

¹ «Речь», 15. IX 1917. Под этим понималось разграничение в примерном соответствии с линиями фронтов.

когда не заключит сепаратного мира. Заявление Керенского обошло антантовскую прессу. «Таймс» перепечатала его под заголовком: «Премьер возобновляет обязательство»¹. И это были не только слова. Хотя Директория знала об опасности антирусского сговора, она, со своей стороны, не предпринимала шагов к сепаратному миру с Германией, ограничиваясь попытками отколоть от последней ее союзников².

Накануне Моонзундской операции правительство Керенского, как уже говорилось, не только ничего не делало для предотвращения германского удара, но и инспирировало успокоительное газетное сообщение, будто слухи о германском десанте безосновательны и нет никаких данных об ухудшении положения России на Балтийском море³.

Предпринимались меры к объединению сил внутренней контрреволюции. Керенский, не без влияния союзников, отказался от мысли сформировать новое правительство накануне созыва фальсифицированного совещания «демократии». Терещенко сообщил в союзные столицы, что в случае ожидаемого образования на Демократическом совещании умеренного большинства, «на которое возможно будет опереться, не меняя курса политики, несомненно, представится целесообразным войти в соглашение с его (умеренного большинства. — А. И.) лидерами»⁴.

В Англии с пристальным вниманием следили за всеми перипетиями открывшегося 14 сентября Демократического совещания, быстро переходя от радужных ожиданий коалиции с кадетами к глубокому пессимизму, когда последнюю надежду видели в появлении нового Корнилова. Исход недельных словопрений и «парламентских» махинаций в Александринском театре сначала разочаровал английскую буржуазию. Тем отрадней для нее явилось образование при содействии «героев подлога» — меньшевиков и эсеров третьей коалиции с участием кадетов.

Английские газеты рассматривали полученное известие как «луч солнца в октябрьское туманное утро». Коррес-

¹ «The Times», 27. IX 1917.

² А. Ф. Керенский. The Catastrophe. New York—London, 1927, p. 323.

³ «Речь», 15. IX 1917.

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 104, л. 104.

понтент либеральной «Дейли Ньюз» Ренсом писал, что это очень сильное, если не самое сильное, из всех бывших до сих пор министерств¹. Тем не менее, английские представители в России подходили к оценке перспектив с большой осторожностью. Воздавая должное «здравомыслию» Чхеидзе и Скобелевых, они в то же время не могли не видеть, что умеренные лидеры все больше теряют контроль над массами. Не требовалось также быть пророком, чтобы предвидеть неизбежность конфликта правительства с большевиками и созываемым Съездом Советов. Бьюкенен писал: «если правительство не будет достаточно сильно, чтобы раздавить большевиков силой, рискуя раздавить вместе с ними и Совет, то единственной возможностью будет большевистское правительство»². Между тем, «умеренные вожди революционной демократии», к великому огорчению британского посла, все еще не решались санкционировать преследования большевиков как партии.

В новом правительстве преобладали посланцы кадетской партии, промышленники и военщина. С ними сотрудничали представители правого крыла меньшевиков и эсеров. Программа третьей коалиции, как сообщал за границу Терещенко, сводилась к трем главным пунктам: 1) поднять боеспособность армии в интересах продолжения войны; 2) поддерживать элементарный порядок и 3) бороться с экономической разрухой³.

Отсюда видно, что обещания официальной декларации нового правительства развивать «действенную внешнюю политику в духе демократических начал, провозглашенных русской революцией», стремиться к соглашению с союзниками на почве этих принципов и добиваться всеобщего ненасильственного мира⁴ носили в большой мере демагогический характер.

В то же время за словами декларации скрывалось известное реальное содержание. Последнее правительство буржуазии уже не верило в решительную победу над внешним врагом, во всяком случае в свою способность

¹ АВПР, ф. Отдел печати, д. 552, л. 242 и 241 с об.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 270.

³ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 104, л. 134—135.

⁴ «Революционное движение в России в сентябре 1917 г.», № 195, стр. 234.

удержаться у власти до такой победы. Исходя из этого и стремясь обыграть антианнекционистские настроения масс, ведомство Терещенко намеревалось сформулировать империалистическую программу-минимум, без реализации которой нельзя заключать мира. Затем следовало вступить в торг с союзниками о пересмотре старых договоров, чтобы отказ России от части своей доли не носил одностороннего характера. Ревизию тайных соглашений Терещенко предполагал провести, прикрываясь популярной формулой самоопределения народностей, допускавшей, по словам министра, «весьма разнообразное конкретное применение к действительности»¹. Параллельно с этим не мешало прощупать, на каких условиях соглашается мириться противник как в случае общего урегулирования, так и сепаратных сделок с отдельными участниками враждебной коалиции².

Для понимания курса последнего Временного правительства в международных делах многое дает программное выступление Терещенко перед внешнеполитической комиссией Предпарламента 11 октября.

В нем министр, по его собственным словам, задался целью дать «трезвую и откровенную» характеристику международного положения России и сплотить общественное мнение «на почве защиты русских национальных интересов». Терещенко признал, что «реальная обстановка не позволяет рассчитывать на полную победу», но предостерег против стремления к немедленному миру, так как в этом случае «наиболее ослабленные войной страны и, в особенности, Россия потерпели бы наибольший ущерб». Он определил минимум самых существенных условий, «без которых мир заключен быть не может»: 1) сохранение доступа к Балтийскому морю (т. е. прибалтийских владений России); 2) обеспечение сношений с южными морями (претензия на контроль над проливами) и 3) обеспечение экономической независимости (о содержании, вкладывав-

¹ «Былое», 1918, № 12, стр. 23.

² Общий зондаж могли с успехом провести соглашатели при встречах с социал-шовинистами и центристами враждебных стран. Отсюда попытка Керенского оживить проект Стокгольмской конференции (см. обращение его к главе французского правительства Пенлеве — АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 70, т. 2, л. 945—946). Контакты с целью выяснения возможности сепаратных сделок устанавливались с Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией.

шемся в это понятие, подробно говорилось выше). Самосильное средство борьбы за намеченный компромиссный мир Терещенко видел «в активности армии». А пока это не удается, оставалось успокаивать союзников и идти за ними на предстоявшей конференции в Париже¹. Как видим, и программа и средства ее выполнения были явно империалистическими, хотя побитый русский империализм устами Терещенко и сокращал прежние притязания.

Что касается общей ориентации Временного правительства, то первостепенное значение, придаваемое осуществлению международного контрреволюционного заговора, наряду с существующими экономическими связями и расчетами кое-что получить при переделе мира предопределяли равнение на старых союзников — Англию и Францию. Верность им стремились продемонстрировать словом и делом. 2 октября Терещенко выступил на торжестве в память Костюшко с заявлением от лица держав Антанты, что «создание Польши, независимой и нераздельной, является одним из условий прочного и справедливого мира и правопорядка в Европе»². Слова Терещенко означали не только полную капитуляцию русских империалистов перед Англией и Францией в польском вопросе, но и повторное обязательство Временного правительства продолжать войну до освобождения польских земель, входивших в состав Германии и Австро-Венгрии, т. е. до победы над Центральными державами.

Ставка решила организовать ко времени Парижской конференции набег на Анатолийское побережье Турции, имевший целью содействовать британскому наступлению в Двуречье³.

Деятельность российской контрреволюции никогда еще так тесно не согласовывалась с союзниками, как при третьей коалиции. Министры последнего кабинета Керенского информировали правительства держав Антанты о каждом сколько-нибудь важном шаге в борьбе против большевизма и «анархии». Союзники, осуществляя соглашение о разделе России на «сферы содействия», прислали в сентябре специальные миссии. В частности, из Англии около 20 сентября прибыл контр-адмирал В. А.

¹ «Былое», 1918, № 12, стр. 14—17, 20—21.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 141, л. 110; д. 104, л. 174.

³ ЦГАВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 39, л. 25.

Стенли, возглавивший британскую морскую миссию¹. Временное правительство предприняло очередную попытку заменить непопулярного в английских правых кругах Набокова, предложив этот пост дипломату царской школы послу в Риме М. Н. Гирсу². Шла подготовка к конференции стран Антанты в Париже.

* *Активизация «корниловцев второго призыва».* Новое правительство значительно активизировало попытки осуществить то, на чем сломал шею Корнилов. Одновременно оно содействовало реализации плана расправы с русской революцией путем интервенции извне. Временное правительство сдало немцам Моонзундские острова, открыв подступы к Петрограду. Командование Балтийским флотом все больше передоверяло руководство строительством береговых укреплений и минированием Финского залива английским морским офицерам³. В то же время на головы действительных организаторов защиты столицы обрушивались репрессии. Обращение к Англии с просьбой прислать королевский флот на Балтику было продолжением той же линии на «призвание варягов» в условиях отсрочки немецкого удара.

Менее удовлетворяла английских империалистов контрреволюционная активность третьей коалиции на внутреннем фронте. 27 сентября Керенский в сопровождении Терещенко, военного и морского министров прибыл в Ставку, где состоялось совещание с участием нового наштаверха Н. Н. Духонина, генерала Алексеева, нового посла в Париже Маклакова и военных представителей союзных держав⁴. Обсуждалось военное и международное положение России в связи с предстоявшей союзнической конференцией. На совещании столкнулись две программы. Ставка, поддержанная Алексеевым, предложила план «оздоровления» армии и страны по-корниловски. Военный министр А. И. Верховский выдвинул свой проект, столь

¹ ЦГАВМФ, ф. 378, оп. 1, д. 1, л. 120.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 100, л. 317.

Назначение Гирса в Лондон состоялось буквально накануне Октябрьского вооруженного восстания и практически реализовано не было («Речь», 24. X 1917 г.).

³ ЦГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 28, л. 130 с об.; Фон Ч и в ш и ц. Захват Балтийских островов Германией в 1917 г. Перев. с нем. М., 1937, стр. 21.

⁴ «Речь», 30. IX 1917.

же контрреволюционный по направленности, но более гибкий по методам осуществления. Он предусматривал сочетание мер подавления с моральным воздействием на массы и использование в этих целях остатков влияния соглашателей. Верховский, в частности, считал желательным в целях морального воздействия на армию, чтобы страны Антанты предложили Германии «демократический» мир на условиях, которые заведомо были бы отвергнуты Центральными державами¹.

Точка зрения Верховского, к неудовольствию союзных представителей при Ставке, победила. Но борьба сторонников двух контрреволюционных программ на этом не кончилась. Ставка 4 октября по телеграфу сообщила Англии, Франции и Италии свой план поднятия боеспособности армии в расчете на поддержку его союзниками².

Представители другой программы также стремились заручиться расположением держав Антанты. 2 октября Верховский беседовал с Ноксом и американским атташе, убеждая их, что его проект обеспечит восстановление боеспособности армии к весне. 5 октября Верховский собрал у себя союзных военных представителей и подробно развил перед ними свою программу³. Тот же план защищал Керенский в письме к Ллойд Джорджу от 12 октября⁴.

Столкновением двух отмеченных внутриправительственных течений борьба в правящем классе не исчерпывалась. Как раз в это время активизировалась группа сторонников компромиссного империалистического мира.⁵

¹ АВПР, ф. Секретный архив, д. 613/625, ч. 2, л. 312—318; А. К п о х. With the Russian army, v. 2, p. 695—696.

² И. И. С а л а д к о в. Большевики Белоруссии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Минск, 1957, стр. 227—228.

³ А. К п о х. Op. cit., v. 2, p. 695—698.

⁴ «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания», № 173.

⁵ В конце сентября состоялось два совещания буржуазных, преимущественно кадетских, политических деятелей по этому вопросу: у бывшего директора дипломатической канцелярии при Ставке князя Г. Н. Трубецкого и в ЦК кадетской партии. 1 октября Трубецкой представил Терещенко записку, в которой подробно излагал аргументы за скорейший мир и намечал тактику его достижения (АВПР, ф. Секретный архив, д. 613/625, ч. 2, л. 312—318).

Ее члены считали, что настроения масс и состояние армии не позволяют России продолжать войну. Они предлагали откровенно объясниться с союзниками и вместе с ними попытаться сторговаться с противником, отстояв минимум наиболее важных интересов России, пока еще не наступил крах. Некоторые из них доходили в своих выводах до необходимости в случае отказа союзников пойти и на сепаратный мир.

С требованием немедленного предложения демократического мира от лица власти Советов выступали большевики и левые эсеры. При этом большевики, в отличие от левых эсеров, понимали неизбежность насильственного устранения власти буржуазии «помимо и против соглашателей, изменивших делу революции»¹.

Естественно, что империалистическая Англия поддерживала Временное правительство в борьбе с его политическими противниками. Что касается отношения к двум внутривластным группировкам, то симпатии кабинета Ллойд Джорджа определенно лежали на стороне генеральско-кадетской клики.

Англия выступила инициатором совместного демарша союзников в Петрограде, который должен был побудить правительство Керенского отбросить всякие колебания в борьбе с большевиками и революцией.

22 сентября «Таймс», опережая события, сообщила, будто союзные державы предприняли энергичные шаги с целью выяснить намерения петроградского правительства и «революционных комитетов», чтобы составить ясное представление не только о будущем отношении России к союзникам, но и о мерах, которые предполагается принять для борьбы с угрожающей дезорганизацией страны и армии. Союзники, резюмировала «Таймс», готовы принести большие жертвы для реорганизации русской армии и пополнения ее вооружений, но при условии полного единства действий в будущем².

Четыре дня спустя предсказанный осведомленной газетой демарш стал фактом. Английский, французский и

¹ «Рабочий путь», 27. IX 1917; см. также резолюцию, внесенную большевиками на заседании ЦИК 5 октября 1917 г. «Революция 1917 года (Хроника событий)», т. V. Сост. К. Рябинский. Прилож. № 17.

² «The Times», 5. X 1917.

итальянский послы вручили Керенскому уже известное читателю коллективное требование навести порядок в стране и армии под угрозой прекращения материальной помощи. Таким тоном и в такой форме в империалистическом мире говорили только с правительствами слабых и зависимых стран.

Форин Оффис не ограничилось организацией коллективного представления держав Антанты. Нокс при встречах с Верховским и Терещенко 2 и 5 октября резко критиковал те стороны проекта реформ первого, в которых проявлялась попытка более гибкого подхода, и противопоставлял им корниловскую идею расстрела агитаторов как панацею от всех зол¹. Английское правительство сначала в дипломатических переговорах, а затем и публично со всей категоричностью выступило против заигрывания Временного правительства с соглашателями, выразившегося в обещании включить в состав делегации на Парижскую конференцию представителя «демократии»². Маневры кабинета Керенского подвергались нападкам консервативной печати.

Политика давления на Временное правительство получила вскоре новый импульс. Вследствие германо-австрийского наступления в Италии развитие немецкой операции на Петроград откладывалось и, как сообщал Нокс в ответ на запрос Форин Оффис, могло по климатическим условиям оттянуться до кампании будущего года³. Но революция в России не ждала. Уход большевиков из Предпарламента был не без основания расценен в Англии как объявление войны правительству и признак их намерения захватить власть⁴. В свете этих событий возрастала роль, отводимая в международном заговоре контрреволюционными силами самой России.

8 октября, т. е. на другой же день после ухода большевиков из Совета Республики, Бьюкенен посетил Керенского и имел с ним длительную беседу. Сведения о ее содержании крайне скудны. Газеты сообщили, что посол ка-

¹ А. К п о х. *Op. cit.*, v. 2, p. 695—699.

² АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 70, т. 2, л. 219; д. 78, л. 90, д. 8, л. 80; К. Д. Н а б о к о в. *Указ. соч.*, стр. 143; R. W a r t h. *Op. cit.*, p. 149—151.

³ А. К п о х. *Op. cit.*, v. 2, p. 701.

⁴ АВПР, ф. Отдел печати, д. 552, д. 257 и 262.

сался не только внешних, но и внутренних вопросов России¹. Бьюкенен в мемуарах отмечает, что в последних разговорах с Керенским, к которым относится и данный, глава правительства хвастливо обещал раздавить большевиков — лишь бы они вышли на улицу².

12 октября министр-председатель и посол встретились вновь, и эта вторая их беседа была подробно «запротоколрована» Бьюкененом в его дневнике. Разговор начался с объяснения послом причин невозможности для Англии направить флот в Балтийское море. Далее собеседники коснулись толков о возможности мира за счет России. Бьюкенен заявил, что его страна никогда не покинет Россию, «если сама она не отречется первая от себя...» Как видим, заявление посла содержало едва скрытую угрозу. Затем он уже прямо указал, что Англия не станет доставлять в Россию много военного снаряжения, «пока мы не будем иметь некоторые гарантии того, что русская армия использует его целесообразно». Угрозы посла возымели действие, и Керенский стал расспрашивать, почему в Англии недовольны его правительством. Окончание беседы точности ради приведем в дословной передаче Бьюкенена, тем более что она достаточно красноречива: «Я сказал, что мы высоко оцениваем усилия, которые он делает для того, чтобы вдохнуть жизнь в армию, и я верю, что он может еще добиться успеха. Однако уже не остается времени для полумер, и железная дисциплина, о которой он так часто говорил, должна быть установлена во что бы то ни стало. Большевизм является источником всех зол, от которых страдает Россия, и если бы он только вырвал его с корнем, то он перешел бы в историю не только в качестве вождя революции, но и в качестве спасителя своей страны», — к угрозам присоединилась игра на тщеславии. Посол знал, с кем имеет дело. — «Керенский признал справедливость высказанного мною, но заявил, что он может это сделать только в том случае, если большевики сами вызовут вмешательство правительства путем вооруженного восстания. Так как он прибавил, что они, вероятно, устроят восстание в течение ближайших пяти недель,

¹ «Великая Октябрьская социалистическая революция. Хроника событий», т. 4. М., 1961, стр. 382.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 277—278.

то я выразил надежду, что он на этот раз не упустит случая, как это он сделал в июле»¹. Матерый консерватор и злобный враг русской революции Бьюкенен и «демократ», «социалист» Керенский нашли общий язык. Оказалось, что глава русского правительства не прочь сменить скромный костюм лидера «демократии» на кровавую тогу «спасителя отечества».

Не ограничиваясь постановкой задачи, Англия подсказывала и способы ее решения. Так, 9 октября генерал Бартер передал русской Ставке рекомендацию Робертсона перевести магометанские части с Кавказского на какой-либо другой фронт, заменив их армянскими соединениями². Опытные колонизаторы советовали сыграть на национальной разобщенности трудящихся России и использовать более отсталые, часто не знавшие русского языка горские народы в контрреволюционных целях.

Английские представители в России поддерживали контакт со всеми противниками большевистского направления — от соглашательских лидеров до монархистов и членов царской фамилии³. Но, пожалуй, наибольшим их вниманием, помимо правительства, пользовалась казачья верхушка. Надежды на казачество особенно возросли в Англии после того, как мятежный сподвижник Корнилова атаман Войска Донского Каледин остался безнаказанным и сохранил в своих руках власть. Консервативная печать называла казаков «лучшим элементом порядка и дисциплины» и считала их прямым антиподом большевизму⁴. В умах союзных представителей зрел план создания ударного кулака контрреволюции на юго-востоке Европейской части страны из соседних казачьих войск и румынской армии, которую предполагалось отвести на Дон. Глубоким тылом этого объединения должна была стать английская армия в Месопотамии⁵.

В сентябре-октябре при активном участии кадетов возник Юго-Восточный союз в составе казачьих войск Дона, Кубани и Терека. 15 октября делегация союза была принята Бьюкененом и от имени «свободного казачьего на-

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 274—275.

² ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1246, л. 33—36.

³ «Красный архив», 1927, т. 5 (24), стр. 161—162.

⁴ АВПР, ф. Отдел печати, д. 552, л. 235^б об., 212 об.— 213

⁵ V. M a t a t e y. Op. cit., p. 128.

рода» приветствовала в его лице союзные России страны. Посол в ответ заявил, что «Англия высоко ценит заслуги казачества»¹. Это был наглядный урок правительству Керенского.

Хотя зависимость Временного правительства от союзников в осенние месяцы 1917 г. особенно возросла, было бы упрощением представлять его действия, как движения марионетки, подергиваемой за веревочки державами Антанты. Проведения корниловского курса во внутренней и внешней политике добивались в эти дни буржуазные и помещичьи партии самой России.

На совещании «общественных деятелей» в Москве 12 октября Родзянко цинично заявил, что от взятия немцами Петрограда ничего, кроме хорошего, не произойдет. 10 съезд кадетской партии принял предложенную Милюковым программу, которая требовала от правительства: во внешней политике — войны до победного конца в согласии с союзниками и отказа от каких бы то ни было антианнексионистских заявлений, хотя бы в духе «наказа» соглашателей их предполагаемому делегату на Парижскую конференцию Скобелеву; во внутренней политике — создания сильной власти военного характера, независимой от Советов, и восстановления боеспособности армии². Черносотенное «Живое слово» заклиняло призвать в Россию японскую армию³.

Таким образом, линии иностранной и русской контрреволюции в основном совпадали.

В последние дни. Под сильным давлением справа сторонники более гибкого курса в третьем коалиционном кабинете и прежде всего Керенский быстро сдали позиции. 16 октября председатель правительства утвердил разработанный Ставкой по подсказке Корнилова и его ближайших помощников план создания на развалинах старой армии отборной так называемой Русской народной армии. Реализовать проект намечалось при участии американцев и англичан, от которых ожидали в первую очередь широкой финансовой поддержки⁴.

¹ Джон Р и д. Десять дней, которые потрясли мир. Перев. с англ. М., 1957, стр. 44; «Речь», 17. X 1917.

² «Речь», 17. X 1917.

³ АВПР, ф. Отдел печати, д. 283, л. 214.

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 141, л. 124—126 об.

Реорганизация армии по генеральским наметкам являлась ядром более широкого плана восстановления «порядка» в стране. В нем предусматривалось использование в контрреволюционных целях и иностранных военных формирований. Одним из них являлся британский бронедивизион Локера-Лампсона, который английское правительство, по личной просьбе Керенского, согласилось оставить в России до конца войны¹. Это подразделение Корнилов рекомендовал Духонину держать на линии Орша—Могилев — Жлобин, т. е. под рукой у Ставки². Керенский и компания примирились с казачьей верхушкой, поддержавшей незадолго до того мятеж Корнилова, и получили возможность двинуть казачьи части в Донбасс и другие важные районы.

Особое место в подготовке заговора отводилось революционной столице. Временное правительство и командование в полном соответствии с пожеланиями союзников стремилось инспирировать удар немцев на Петроград. С этой целью командующий Северным фронтом Черемисов отдал авантюристический приказ о подготовке всех армий к наступлению³. В качестве «страховки» Временное правительство и военщина энергично готовили кровавую бойню в Петрограде. Бьюкенен, как свидетельствует его телеграмма Бальфуру от 16 октября, учитывал вероятность сдачи русской столицы. Собираясь на несколько недель покинуть Россию, хозяйственный посол запрашивал, как поступить с государственным столовым серебром, безопасность которого беспокоила его куда больше, чем судьба Петрограда⁴.

Тем временем дипломатия Терещенко поспешно сбрасывала с себя «демократические» одежды. Уже в выступлении в комиссии Предпарламента 12 октября министр нанес удар по соглашателям, указав, что на союзной конференции в Париже главное место займут вопросы обороны, и она отнюдь не явится непосредственной подготовкой к миру⁵. 16 октября Терещенко телеграфировал в Лон-

¹ АВПР, ф. Отдел печати, д. 346, л. 73.

² А. И. Д е н и к и н. Очерки русской смуты, т. 2. Париж, 1922, стр. 138.

³ «Красный архив», 1927, т. 6 (25), стр. 47.

⁴ Там же, т. 5 (24), стр. 162.

⁵ «Былое», 1918, № 12, стр. 14—17, 20—21.

дон, что его понимание целей конференции совпадает с английским, и, если в состав русской делегации и войдет доверенное лицо демократии, то лишь в роли молчаливого наблюдателя, так как говорить от имени делегации будет один министр иностранных дел ¹. В тот же день, выступая в Предпарламенте, Терещенко осудил претензии ЦИК Советов иметь особого представителя на конференции и подверг резкой критике разработанный соглашателями «наказ» Скобелеву.

Еще одним признаком торжества воинствующих контрреволюционеров в правительстве явилось изгнание Верховского. Последний на заседании кабинета 18 октября признал провал задуманных им реформ в армии и невозможность продолжения войны. Он предложил ввиду угрозы революции немедленно возбудить вопрос о заключении мира, выбив этот решающий козырь из рук большевиков. Верховский не допускал и мысли о разрыве с союзниками, но полагал, что такие факторы, как роль русского фронта и размер внешней задолженности России, побудят другие державы Антанты согласиться на прекращение войны. Военного министра не поддержали, и отставка его была предрешена. Попытки Верховского апеллировать к союзным военным атташе и к сторонникам империалистического мира в ЦК кадетской партии успеха не имели ².

Между тем стрелка барометра общественной жизни России указывала на приближение новой социальной бури. Как раз 18 числа «Новая жизнь» опубликовала штрейкбрехерское заявление Каменева, подтверждавшее намерение большевиков повести пролетариат на штурм власти буржуазии. Взгляд английских правящих кругов на положение в России хорошо передал Марсен, телеграфировавший 18 октября, что ее друзья и союзники должны поспешить, если желают спасти хотя бы остатки пылающего корабля ³.

Надежды на немецкую интервенцию не были окончательно оставлены. Поскольку, однако, германская пожарная команда запаздывала, правительство Ллойд Джорджа

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 104, л. 204.

² А. И. Верховский. На трудном перевале. М., 1959, стр. 383, 385—387.

³ АВПР, ф. Отдел печати, д. 552, л. 279 об.

видело наиболее эффективные средства борьбы с бедствием в усилении союзного вмешательства и учреждении диктаторской власти в России. Левые либералы и лейбористы еще твердили, что Англия должна помочь русской демократии добиться на Парижской конференции пересмотра целей войны, без чего невозможно возобновление военных усилий России, но их не слушали. Даже советы Бьюкенена найти видимость компромисса с готовыми на все уступки соглашателями в вопросе о союзнической конференции оставлялись без внимания ¹.

Кабинет Ллойд Джорджа принял решение послать в Петроград чрезвычайную миссию во главе с министром вооружений Уинстоном Черчиллем ². Если лейборист Гендерсон ездил в свое время для приручения соглашателей, то перед ненавистником русской революции, каким являлся Черчилль, стояла задача твердой рукой направлять действия реакционных сил России.

Этим же, не дожидаясь прибытия подкрепления, энергично занялось английское посольство. Особую активность развил военный атташе Нокс. В беседе с Верховским 18 или 19 октября он прямо заявил, что для оздоровления русской армии и продолжения войны необходимо последовать примеру французского командования, которое окружало бунтовавшие полки пулеметами и расстреливало каждого десятого. «С револьвером в руке такие вопросы решаются гораздо проще, чем путем разговоров», — цинично бросил британский генерал ³.

19 октября Нокс встретился с Терещенко, который раскрыл перед ним замысел буржуазных министров — «вытолкнуть» Керенского из правительства и «нокаутировать» Советы. Была намечена дата разгрома большевиков (25 октября). В тот же день Терещенко выехал в Ставку согласовать планы с командованием и союзными представителями. Нокс полностью солидаризировался с заговорщиками. «Если бы только они оказались достаточно сильны!» — записал он в дневнике ⁴.

¹ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 276—278.

² М. М. Карлинер. Февральская революция в России и английское рабочее движение. «Вопросы истории», 1957, № 3, стр. 134.

³ А. И. Верховский. Указ. соч., стр. 387.

⁴ А. Кпox. Op. cit., v. 2, p. 702.

Сам Нокс давно убедился в непригодности Керенского и подыскивал ему волевого преемника. В этой связи обращают внимание октябрьские встречи британского атташе с бывшими сподвижниками Корнилова — Савинковым и Филоненко, одна из которых произошла 20-го числа ¹. Савинкова, который в тот момент порвал с эсеровской партией и демонстративно перешел в казачье сословие, в Англии ценили. Некоторые политики, как, например, Черчилль, считали его даже более сильным человеком, чем Корнилов ². Личная диктатура являлась в эти последние дни буржуазной власти в России навязчивой идеей как правящего класса, так и английских представителей. «Россия, — провозглашал Марсен, — ждет решительного человека, который смотрел бы правде в глаза и действовал» ³.

Линия Англии столкнулась с более гибкой тактикой, которую предлагали некоторые американские представители в России. В ночь на 21 октября у главы американской миссии Красного Креста финансиста Томпсона собрались военные атташе Англии, Франции и США, коллега хозяина полковник Робинс, а также генерал Неслуковский и личный секретарь Керенского Соскис. Томпсон и Робинс, указав на силу большевиков, предложили в качестве последнего шанса на спасение Временного правительства объявить о передаче земли крестьянам (условия компенсации помещикам установить позднее) и согласиться с формальной подотчетностью кабинета меньшевистско-эсеровскому ЦИК Советов. Они сообщили, что Керенский в ходе предварительных переговоров выразил готовность сделать шаги в указанном направлении при условии согласия и сотрудничества союзных держав.

Нокс категорически отверг идею Томпсона—Робинса, откровенно высказав опасения английских лордов, что русский пример окажется заразительным: «Распределите землю в России сегодня, и через два года ее будут распределять в Англии». Он обрушился на Временное правительство, обвинив его в некомпетентности, бессилии и непригодности. Нокса поддержал военный атташе

¹ Ibid., p. 690, 703.

² В. Черчилль, Мировой кризис. Перев. с англ. М., 1932, стр. 41.

³ АВРП, ф. Отдел печати, д. 552, л. 288 об.

Франции генерал Ниссель, разразившийся грубой бранью в адрес русских солдат. После этого даже не слишком щепетильные посланцы Керенского не выдержали и покинули заседание, а союзные представители, оставшись без посторонних свидетелей, еще больше разоткровенничались.

Нокс заявил, что не верит в Керенского и не заинтересован в укреплении его положения. Русские нуждаются в кнуте, и единственным решением вопроса явится военная диктатура. На возражение Робинса о вероятности при столь негибком подходе успеха другой диктатуры — большевиков — Нокс хвастливо бросил, что военные люди знают, как поступить с ними: «Мы поставим их к стенке и расстреляем»¹. Договориться о более гибком курсе не удалось.

После совещания у Томпсона Нокс в сопровождении другого английского офицера выехал на Северный фронт, откуда правительство намеревалось вызвать надежные части в столицу. В отсутствие атташе контакт с заговорщиками в Петрограде поддерживал Бьюкенен. 23 октября он пригласил к себе на завтрак министров-капиталистов Терещенко, Коновалова и Третьякова. Посол иронизировал над слабостью Временного правительства и требовал ареста большевистских лидеров Петроградского Совета. Министры уверяли его, будто «правительство имеет за собой достаточную силу, чтобы справиться с положением», и обещали послу «большие перемены» еще раньше, чем он выедет в Англию². Все они нападали на Керенского, обвиняя его в колебаниях и неспособности подавить анархию. Бьюкенен не стал защищать опереточного Наполеона: «Если Керенский не согласится безоговорочно связать свою судьбу с теми из своих коллег, которые защищают твердую последовательную политику, то чем скорее он уйдет, тем будет лучше»³.

Керенский предпочел первое. Ранним утром 24 октября контрреволюция в Петрограде попыталась перейти в на-

¹ «Революционное движение в России в августе 1917», № 480, стр. 472; R. W a r t h. The Allies and the Russian Revolution. Durham, 1954, p. 147—149.

² Отъезд Бьюкенена для участия в Парижской конференции предполагался 26 октября.

³ Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 279.

ступление. Бьюкенен получил полную информацию о действиях и планах правительства от Терещенко¹. Возвратившийся с фронта Нокс немедленно направился в штаб округа удостовериться, располагают ли власти достаточным количеством надежных войск. Багратуни заверил его, что сил довольно². Само английское посольство уже несколько дней охранялось юнкерами.

Утром 25-го оптимистическое настроение британского представительства сменилось крайней тревогой: были получены сведения об успехах большевистского восстания и вероятности скорого ареста буржуазных министров. Бегство Керенского говорило об отчаянном положении Временного правительства. Подав провалившемуся премьеру совет прикрыться американским флагом, Бьюкенен попытался связаться с Терещенко. Но встретиться с министром не удалось. Тот вместе со своими коллегами оказался запертым в Зимнем дворце. Вскоре власть буржуазии перестала существовать³.

Временное правительство до последнего момента тащило на поводу у союзников, всячески стремясь угодить им. На смену сорвавшемуся замыслу наступления Северного фронта пришла идея атаковать превосходящего противника на море⁴, смысл которой состоял в том, чтобы погубить революционный флот и открыть немцам путь на Петроград. Предполагалось, что подобная катастрофа будет способствовать созданию «действительно сильной центральной государственной власти», т. е. контрреволюционной диктатуры⁵.

Армия разваливалась, а генералы и министры обещали союзникам активизацию Юго-Западного и Румынского фронтов в целях оказания помощи Италии и готовили набег на Синоп⁶. Правительство и Ставка не верили в победу, сознавали, что затягивание войны невыгодно

¹ Там же, стр. 280.

² А. К по х. Op. cit., v. 2, p. 705.

³ К. Д. Н а б о к о в. Указ. соч., стр. 167; А. Ф. К е г е н с к у. The Catastrophe, p. 336—337; Дж. Б ь ю к е н е н. Указ. соч., стр. 280.

⁴ «Красный архив», 1927, т. 6 (25), стр. 38, 40; «Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции», М.—Л., 1957, № 272.

⁵ ЦГАВМФ, ф. 716, оп. 2, д. 134, л. 457.

⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1917 г., д. 100, л. 434, 442.

России, и тем не менее, как свидетельствуют инструкции русскому военному представителю на Парижскую конференцию, тужились везти колесницу Марса, пока союзники не скоман্দуют «Тпру!» Когда буквально за несколько часов до победы восстания в Петрограде блок соглашателей в Предпарламенте предложил Временному правительству немедленно выступить перед союзниками с инициативой прекращения военных действий и открытия переговоров о всеобщем мире, Керенский в грубой форме отверг их совет¹.

Вдохновителями такой политики являлись кадеты, которые в своих последних внешнеполитических декларациях провозглашали, что «единственный способ достижения мира есть напряжение всех народных сил для продолжения борьбы в тесном единении с нашими союзниками», и решительно отвергали маневры соглашателей как бессильные и способные лишь повредить национальным интересам России². Кадетов поддерживали более правые партии и группировки, взывавшие к союзникам о присылке войск в Россию и втайне вздыхавшие по немецким штыкам.

В то время как буржуазия и помещики, стремясь любой ценой сохранить свое классовое господство, вели политику, граничившую с национальной изменой, лидеры соглашателей обивали пороги Министерства иностранных дел и союзных посольств, уговаривая допустить Скобелева на Парижскую конференцию, хотя бы не в качестве официального члена делегации. В беседах с Терещенко и Бьюкененом они поясняли, что наказ Скобелеву — не требование, а лишь пожелание, которое оставляет «открытой возможность всяких соглашений после обмена мнений с союзниками»³.

Не сумев на этот раз ничего выторговать у империалистов, меньшевики и эсеры покатались еще ниже. 24 октября в газете «День» появилась внешнеполитическая формула соглашательского «левого центра» Предпарламента,

¹ Н. Л. Рубинштейн. Указ. соч., стр. 446.

² ЦГАОР, ф. 579, оп. 1, д. 2281, л. 1—2; «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания», № 193.

³ «Речь», 21 октября 1917 г.; «Былое», 1918, № 12, стр. 24; Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 278.

которая уже прямо повторяла зады империалистической дипломатии — потребовать от Центральных держав отказа от захватнических целей войны и от экономической эксплуатации других стран и в случае их несогласия — продолжать войну «до последней возможности»¹. Таким образом, в критические для судеб народов России дни мелкобуржуазные «Митрофанушки» оказались невольными пособниками международного контрреволюционного сговора.

Единственной партией, указавшей трудящимся нашей страны путь к спасению от национальной катастрофы и бесстрашно поведшей их по этому трудному и неизведанному пути, была партия большевиков.

Тщательный анализ международной обстановки, наряду с глубокой оценкой внутреннего положения, позволил ленинской партии выбрать наиболее благоприятный момент для вооруженного восстания и тем способствовал успеху Великого Октября.

Дезертируя из Петрограда, Керенский передал союзным послам просьбу не признавать большевистское правительство. Он обещал через несколько дней вернуться с войсками и восстановить положение². В английских правительственных кругах, по свидетельству Набокова, также «преобладало убеждение, что переворот есть явление кратковременное, что удержаться у власти Ленин... не сможет»³. На берегах Темзы, как и на берегах Невы, буржуазные политики еще не отдавали себе отчета в последствиях случившегося. Между тем, в истории русско-английских отношений открывалась совершенно новая глава, когда в одной из стран на смену империалистической политике пришла принципиально отличная внешняя политика пролетарского государства.

¹ «Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания», № 193.

² Дж. Бьюкенен. Указ. соч., стр. 281.

³ К. Д. Набоков. Указ. соч., стр. 168.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проследили историю империалистического союза между правительствами России и Англии в критический период его существования: с начала 1917 г. до падения Временного правительства. Военно-политическому блоку этих держав, являвшемуся важным звеном Антанты, угрожала опасность с двух сторон. В России назревала революция, в числе главных задач которой было принести демократический мир измученной войной стране и избавить ее от чужеземной зависимости. В то же время в международной политике наметился поворот к империалистическому миру. Едва ли не больше всех колебалось между продолжением войны и сепаратной сделкой с противником царское правительство, интересы которого остро сталкивались не только с Германией, но и с союзной Англией.

Февральский переворот не дал и не мог дать мира и независимости, необходимых для спасения страны от грозившей катастрофы, для быстрого и самостоятельного развития России. Он лишь поставил эти вопросы во весь рост, передав их решение следующему этапу революции. В международной политике временно победила тенденция к затягиванию войны. Но не прошло и полугода, как положение изменилось: Россия оказалась в преддверии пролетарской революции. Буревестники стали реять по всему земному шару, включая и Англию. Мировой империализм опять заколебался между продолжением схватки и объединением сил против революции. Октябрьское вооруженное восстание предотвратило угрозу антирусского мира или иной сделки воевавших держав, направленной против революционного движения в России.

Если союз империалистических правительств России и Англии переживал в рассматриваемое время острый кризис, то, с другой стороны, этот же период стал важ-

ной вехой в укреплении дружественных связей между народами двух государств. Английский пролетариат и трудящиеся классы России почувствовали, что являются соратниками в борьбе против империалистической войны, эксплуатации, ущемления политических прав народа. Передовая часть английского рабочего класса, хотя и не сразу, смогла подняться до понимания ошибочности тактики соглашателей и правильности линии большевиков. Русский пример оказал революционизирующее влияние на пролетариат Англии, борьба которого в свою очередь стала составной частью благоприятных факторов международной обстановки накануне и в период Великого Октября. Симпатии английских рабочих к русской революции и временами накал классовой борьбы в Великобритании были настолько сильны, что в известной мере сдерживали правительство Ллойд Джорджа, вынуждали его действовать в отношении России более осторожно и маскировать свою политику внешней благосклонностью к обновленной стране.

Партия большевиков, организовав восстание с целью свержения власти буржуазии, имела основания рассчитывать на сочувствие и поддержку английского рабочего класса, как и пролетариата других европейских и не только европейских стран.

Русско-английские отношения в 1917 г. (до 25 октября) проходят в своем развитии два периода. Первый из них охватывает время подготовки и осуществления Февральской революции и заканчивается признанием Англией Временного правительства. Второй включает отношения с Великобританией с момента признания до свержения власти буржуазии. В нем в свою очередь можно наметить несколько «подпериодов», грани между которыми примерно совпадают с поворотами в ходе классовой борьбы в России — апрельским кризисом и образованием коалиции, наступлением 18 июня и июльским кризисом, провалом корниловщины. Объяснение такой периодизации лежит прежде всего в органической связи внутренней и внешней политики, включая в последнюю и вопросы ведения войны. Дипломатия первого Временного правительства, направляемая откровенными империалистами, заметно отличалась от дипломатии коалиционного кабинета Львова. Иностранная политика русской буржуазии после ликви-

разумеется, дипломатической разведки мирных условий противника, одним из инструментов которой фактически становились меньшевики и эсеры, стремившиеся согласовать программы мира социал-шовинистов и центристов разных стран. Зондажем условий мира занимались в 1917 г. все воюющие державы, включая и Англию.

Это не мешало британским политикам с ревнивой подозрительностью следить за любыми признаками возможности «измены» Временного правительства и предпринимать свои контрмеры — от получения новых заверений Петрограда в верности Антанте до угроз японской интервенцией. Вступив в смертельную схватку за сохранение и укрепление мировых позиций, Англия не хотела лишаться поддержки такой значительной военной величины, как русская армия, все еще сковывавшей в 1917 г. около 35% дивизий противника. Россия представляла далее важный источник сырья и продовольствия, которым в случае ее сепаратного мира с врагом могла бы воспользоваться Германия. Выпадение ее из войны явилось бы серьезным морально-политическим ударом по Антанте. Наконец, английские империалисты, как и господствующие классы России, считали, что именно война создает наилучшие условия для борьбы с развитием русской революции.

Правительства России и Англии сближало общее стремление к удушению этой революции, которая могла превратиться в непосредственное выступление против войны и империализма и вовлечь в него пролетариат других стран. Впрочем, английские государственные деятели не сразу оценили масштабы грозившей опасности. Лишь после предметных уроков Лидса и антиправительственных выступлений в других европейских странах контрреволюционные устремления стали выдвигаться на первый план в ряду мотивов русской политики Англии.

Сначала в Лондоне надеялись, что сменившая царизм у кормила правления либерально-империалистическая буржуазия, пользуясь моральной поддержкой союзников и следуя их рекомендациям, сумеет сравнительно быстро оттеснить «самозванный» Петроградский Совет и восстановить порядок и дисциплину. Отсюда поддержка Временного правительства признанием, организация общественного мнения против Советов и в пользу сохранения монархии в России, преследования русских эмигрантов-

интернационалистов и, наконец, благословение и известное содействие апрельскому заговору буржуазии. На следующем этапе борьбы главной надеждой контрреволюции становится подготовляемое с помощью соглашателей наступление русской армии. Оно имело для союзников России также серьезное политическое и в меньшей степени военное значение. В соответствии с этим британская дипломатия, с одной стороны, прибегает к заигрыванию с меньшевиками и эсерами (миссия Гендерсона, перефразировка целей войны), а с другой — оказывает сильный, хотя и замаскированный, нажим на коалиционное правительство в пользу наступления. После июльских дней империалистическая Англия делает ставку на утверждение в России контрреволюционной военной диктатуры, прибегает к грубому давлению на Временное правительство, добиваясь капитуляции его перед Корниловым, а затем оказывает помощь генеральско-кадетскому путчу. Провал корниловщины, общенациональный кризис в России и революционный подъем в Европе открывают новый этап в политике Англии, когда от расчетов почти исключительно или главным образом на внутреннюю российскую реакцию там переходят к пособничеству вооруженному вмешательству извне при содействии корниловцев изнутри.

Англия не только сама активно боролась против русской революции, но и стремилась согласовывать свои действия с другими державами, сначала в рамках Антанты, лидером которой она являлась, с растущим претендентом на мировое господство — США, а затем, примерно с августа, и в мировом масштабе.

Положение главного перевозчика, заграничного ростовщика и арсенала России позволяло Англии успешно применять в своих целях средства экономического давления. Вот почему русская политика Форин Оффис в ряде случаев выглядела менее грубой, чем, скажем, политика Франции, хотя по существу была такой же жесткой. Направляли ее консерваторы и близкие к ним либералы-империалисты, так что отдельные либеральные маневры кабинета Ллойд Джорджа имели только подчиненное значение. Лейбористская партия не имела самостоятельной внешнеполитической линии и шла в хвосте у либералов, фактически помогая буржуазии осуществлять империалистическую политику в отношении России.

Серьезное влияние на русско-английские отношения оказывало прогрессирующее падение самостоятельной роли российского империализма. В основе этого процесса лежало изменение соотношения сил империалистических держав, ослабление военной мощи России, усиление ее экономической зависимости от стран Антанты и США. Престиж Временного правительства в глазах союзников подрывало также существование наряду с ним Советов и развитие революционного движения в стране.

Быстрый рост экономической зависимости России от Англии — и в этом одна из особенностей периода — происходил на фоне срыва программы помощи, обещанной на Петроградской конференции, а в области финансов — и значительного сокращения ее абсолютных размеров. Английское правительство при этом руководствовалось не только ограниченностью средств и эгоистически понятыми соображениями военной целесообразности. Дозировка помощи служила в его руках сильным орудием давления на Временное правительство. Известную роль играли также далеко идущие планы закабаления России, которые тем легче было осуществить, чем более тяжелым оказалось бы хозяйственное положение союзницы к концу войны. Политика Англии способствовала росту разрухи в России, приближению страны к экономической катастрофе.

Для финансовых отношений России с Англией при Временном правительстве характерно, что на смену пусть тяжелым по своим условиям, но вполне конкретным и рассчитанным на сравнительно длительный срок договорам о займах приходит практика ежемесячных ссуд-подачек, сопровождаемая мелочной опекой британских учреждений и возрастающими требованиями «материального» обеспечения кредитов. Сходная практика сложилась и в области морских внешнеторговых перевозок России, руководство которыми в еще большей мере, чем при царизме, было передано в руки Англии. Последняя создала специальные учреждения для контроля над заграничным снабжением России как в своей стране (комитет Мильнера), так и на месте (миссия Пуля), бесцеремонно вмешивалась в вопросы использования доставленных из-за границы грузов. Не ограничиваясь этим, Англия индивидуально и совместно с другими союзниками стремилась контролировать работу на оборону промышленности и ра-

боту транспорта самой России. Временное правительство чем дальше, тем больше шло навстречу указанным домогательствам, хотя рекомендации иностранных представителей часто были не выполнимы в русских условиях и их вмешательство лишь усугубляло общую неразбериху. Налицо была, как правильно отметил А. Л. Сидоров, качественно новая ступень экономической зависимости¹.

Падение международного престижа Временного правительства вело ко все большему игнорированию союзными державами интересов российского империализма. Это проявлялось в фактическом (проливы), а то и формальном (Малая Азия) пересмотре тайных договоров в ущерб России, при организации военного взаимодействия, в делах восточной политики, при решении греческого, албанского и других вопросов. Англия, как и Франция, скорей склонна была в 1917 г. считаться с пожеланиями Италии, чем России. Нужно ли говорить, что собственные, даже сравнительно мелкие, интересы ставились в Лондоне выше самых существенных притязаний русского союзника.

Россия при Временном правительстве на деле утратила положение великой державы и превращалась во второстепенного партнера. Если еще при царизме в конце 1916—начале 1917 г. голос русских представителей на межсоюзных совещаниях потерял прежний вес, то теперь Россию сплошь и рядом либо вовсе не приглашали на конференции, либо, пригласив, все же решали важные вопросы за ее спиной. Получили дальнейшее развитие и начавшиеся при Николае II попытки вмешательства союзников во внутренние дела России. Английское посольство неоднократно в требовательном тоне предлагало Временному правительству свои программы контрреволюционных мероприятий. Обозначилась тенденция к учреждению опеки над Временным правительством (проекты постоянного совещания послов союзных держав в Петрограде, назначения верховного комиссара союзников в России, посылки чрезвычайной миссии Черчилля).

Из субъекта империалистических сделок Россия посте-

¹ А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960, стр. 509.

пенно становилась объектом их. Этот процесс шел по двум линиям. Союзники, стремясь продлить участие России в войне и укрепить позиции Временного правительства в борьбе с революцией, договорились о разделе ее на «сферы помощи», при котором Англии достался военный флот и отчасти железнодорожный транспорт. Осуществляемая по-империалистически «помощь» открывала иностранным державам новые пути к вмешательству во внутренние дела страны. В зондирующих переговорах с противником конца лета — осени 1917 г. намечалось и прямое расчленение России, в ходе чего определились притязания Англии на «свободу рук» в азиатских владениях русского империализма.

Ущемление Великобританией империалистических интересов России не могло не охлаждать русско-английских отношений. Поскольку господствующие классы России считали все же более выгодным оставаться в рядах антигерманской коалиции, их недовольство политикой Англии и стремление ослабить тиски зависимости нашли выход в попытках сближения с новым могущественным союзником — США. Наметившаяся летом 1917 г. переориентация внешней политики Временного правительства не получила, однако, своего завершения. США не пошли на риск оказания широкой экономической помощи Временному правительству, хотя роль их в финансировании России и возросла. Америка постепенно втягивалась в общее русло политики держав Антанты в России. Противодействие русско-американскому сближению оказывала Англия. Наконец, само Временное правительство проявляло нерешительность, отчасти в силу зависимости от Англии, отчасти вследствие надежд хоть в какой-то мере реализовать свое закрепленное в тайных договорах «право» на долю в добыче.

Русская буржуазия не только оказалась бессильной решить задачу освобождения России от иностранной зависимости, но за восемь месяцев своего господства привела страну на грань национальной катастрофы, попыток расчленения и разграбления ее империалистическими державами.

Ответственность за критическое положение, в которое попала Россия, разделяли мелкобуржуазные партии, сотрудничавшие с капиталистами в правительстве и убаюки-

вавшие народные массы иллюзиями демократического мира без революции.

Только пролетарская революция, возглавленная большевистской партией, смогла вырвать Россию из империалистической бойни, спасти страну от национальной катастрофы, избавить народы России от угрозы порабощения иностранными империалистами.

Великая Октябрьская социалистическая революция, положив конец империалистическому союзу правительств России и Англии, одновременно создала предпосылки для равноправных и взаимовыгодных отношений между двумя странами и открыла новые возможности для укрепления братской солидарности между английским пролетариатом и первым в мире отечеством рабочих.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

Архив внешней политики России (АВПР).

Фонды: Канцелярия Министерства иностранных дел, 1916 г., 1917 г., «Война»; Секретный архив министра иностранных дел; Посольство в Лондоне; Отдел печати и осведомления; II Департамент, 1—5, «Война»; Дипломатическая канцелярия при Ставке.

Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА).

Фонды: Штаб Верховного главнокомандующего (ф. 2003); Кабинет военного министра (ф. 366); Главное управление Генерального штаба (ф. 2000); Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (ф. 369).

Центральный государственный архив военно-морского флота (ЦГАВМФ).

Фонды: Морской Генеральный штаб (ф. 418, Р-342); Главный морской штаб (ф. 716); Канцелярия Морского министерства (ф. 410); Штаб командующего флотом Балтийского моря (ф. 479); Флотилия Северного Ледовитого океана (ф. 378); Штаб командующего флотом Черного моря (ф. 609).

Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА).

Фонды: Главное управление пограничному снабжению (ф. 1525); Комиссия по учету и распределению иностранной валюты (ф. 1524); Общая канцелярия министра финансов (ф. 560); Особенная канцелярия по кредитной части (ф. 583); Министерство торговли и промышленности (ф. 23); Государственная Дума (ф. 1278); Совет министров (ф. 1276); Петроградское телеграфное агентство (ф. 1358).

Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР).

Фонды: Канцелярия Временного правительства (ф. 6); Канцелярия министра-председателя (ф. 3); Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов — ВЦИК первого созыва (ф. 6978); Николай II (ф. 601); П. Н. Милюков (ф. 579); в. кн. Николай Михайлович (ф. 670).

Государственный архив Октябрьской революции Ленинградской области (ГАОР ЛО).

Фонд: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (ф. 7384).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ¹

- БСП — Британская социалистическая партия
Главзагран — Главное управление по заграничному снабжению
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
МОЭИ — Международные отношения в эпоху империализма (серия документов)
НРП — Независимая рабочая партия
РУССКО — Русский Правительственный комитет (в Лондоне)
ЦИК — Центральный Исполнительный Комитет

¹ Сокращенное обозначение архивов см. в перечне использованных архивных фондов.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авксентьев Н. Д. 179
 Аладьин А. Ф. 301, 303
 Александра Федоровна 37, 38, 86
 Алексеев М. В. 150, 190, 195, 198, 199, 201, 202, 298, 304, 311, 358, 367
 Алексинский Г. А. 183
 Апплетон В. 187
 Арнот П. Р. 11
 Асквит Г. Г. 30, 38, 56, 93, 170, 256

 Бабичев Д. С. 17
 Багратуни А. К. 379
 Бальфур А. Дж. 56, 90, 98, 102, 123, 127, 158, 162—164, 180, 207, 247, 279, 280, 325, 330, 354, 360, 374
 Барк П. Л. 41, 61, 67, 110
 Бартер Ч. 231, 247, 302—304, 307, 308, 372
 Барышников А. А. 266
 Бахметьев Б. А. 206, 217, 218, 269, 270, 274
 Беллами А. 138
 Беляев М. А. 65, 66, 87, 97
 Бенедикт XV 273
 Бенкендорф А. К. 33, 39, 50, 51, 80, 90, 99
 Берзин Я. А. 136
 Беринджер 241
 Берн Ф. Т. 224
 Бернацкий М. В. 347
 Берти Ф. Л. 39, 321
 Бетман-Гольвег 203
 Бобринский А. А. 111
 Бозелли П. 160, 161
 Бонар Лоу Э. 126, 131, 173, 282
 Боткин П. С. 39

 Брейлсфорд Х. 167
 Бриан А. 325
 Бриан Дж. 167
 Брусилов А. А. 289
 Бубликов А. А. 68
 Булацель П. 47
 Бьюкенен Дж. Ж. 28, 39, 48, 50, 52, 84, 89, 95, 99—102, 118—120, 122—125, 127, 128, 130, 152, 153, 158, 159, 164, 174, 176, 181—183, 191, 193—195, 198—201, 203, 207, 209, 214, 220, 227, 235, 236, 240, 242, 243, 246, 247, 250, 252, 254, 255, 279, 287—289, 294—296, 300, 304—307, 309—312, 314, 315, 330, 334, 336, 343, 347, 360—362, 364, 370—372, 374, 376, 378—380
 Бэль 322
 Бэрнс Дж. 132
 Бэрнс Э. 12, 138, 262
 Бюлов Б. 88

 Вандервельде Э. 238, 239
 Варбург Ф. 40, 41, 48
 Васюков В. С. 19
 Вензелос Э. 31, 99, 219
 Верден А. 80
 Верховский А. И. 117, 121, 303, 361, 367, 368, 370, 375, 376
 Видяни Р. 162
 Видясов Ф. К. 19
 Вильсон В. 57, 213, 270, 271
 Вильсон Г. 105, 106
 Вильтон Р. 8, 129, 195, 198, 199, 296, 297, 303, 304
 Вильямс Г. 147, 249
 Вильямс Р. 138
 Волков Н. А. 334, 335

- Волобуев П. В. 18
 Вордль Дж. Дж. 277
 Ворф Р. Д. 9
 Вреде 48
- Гайндман Г. 185
 Галлахер У. 12, 133, 168
 Гарстин 235
 Геддес Э. 354
 Гендерсон А. 26, 130, 183, 211,
 217, 234—241, 250, 252, 277,
 279, 281, 282, 285, 376, 387
 Георг V. 25, 41, 42, 111, 112
 Гермониус Э. К. 96, 97, 154—
 157, 227, 228, 288
 Гиндин И. Ф. 14
 Гирс М. Н. 367
 Голицын Н. Д. 87, 111, 120
 Голованов Н. И. 19
 Гольденберг И. П. 276
 Грановский Е. Л. 14
 Граубард С. Р. 8
 Грей Э. 33, 40, 48, 50, 73
 Гренфелл Г. 195, 235
 Гримм Р. 244
 Грушевский М. С. 223
 Гулькевич К. Н. 87, 88
 Гурко В. И. 59, 105—107
 Гучков А. И. 90, 101, 129, 146,
 147, 150, 180, 188—190, 195—
 198, 201, 202
- Данилов Ю. Н. 59
 Дейч Л. Г. 179
 Декандоль 352
 Десино 150
 Детердинг Г. 354
 Желлико Дж. 331, 332, 334,
 335, 344
 Джеррам 107
 Джоует Ф. 211
 Дикинсон 235
 Добровольский А. 359
 Драгомиров А. М. 191
 Духонин Н. Н. 367, 374
 Дэвис Д. 118
- Емец В. А. 27
 Ермолаев С. С. 96
 Ефремов И. А. 266
- Завойко В. С. 308
- Залюбовский А. П. 155
 Зиллиакус К. 11
- Игнатъев А. А. 348
 Игнатъев П. Н. 86
 Инкпин А. 12
 Иоффе А. Е. 18, 19, 27
 Исидзаки 222
 Исии К. 329
 Имперали 98
- Каледин А. М. 303, 304, 372
 Камбон П. 98
 Каменев Л. Б. 375
 Капнист А. П. 165
 Карлинер М. М. 18, 19, 27,
 258, 261
 Карр Э. Г. 9
 Кастельно Э. 105, 106
 Квелч Т. 167, 258, 262
 Кемп Т. В. 165, 222, 327, 328
 Кербер 71
 Керенский А. Ф. 10, 11, 125,
 128, 132, 146, 147, 152, 158,
 167, 174, 180, 196, 201, 203,
 208, 213, 242, 248, 249, 255,
 264, 268, 269, 272, 273, 278,
 283—285, 287, 288, 290, 293—
 295, 298—303, 305, 306, 311—
 313, 315, 317, 334, 337—339,
 342, 349, 358, 360, 362, 363,
 366—374, 376—381
- Керженцев П. М. (В.) 136
 Китченер Г. Г. 38, 39, 74
 Клерк Дж. 117
 Кобургская 120
 Кокошкин Ф. Ф. 101
 Коллонтай А. М. 177
 Колчак А. В. 196, 198, 298
 Коновалов А. И. 90, 92, 355,
 357, 378
 Константин 99, 162, 219, 220
 Корнилов Л. Г. 188, 195, 196,
 198—200, 266, 286, 289, 293—
 306, 308—315, 358—360, 362,
 363, 367, 372—374, 377, 387
- Кропоткин П. А. 177
 Крымов А. И. 121, 308, 313, 314
 Куропаткин А. Н. 161
- Лансинг Р. 22, 270, 329, 330
 Лебедев В. В. 27

- Лендсдаун Г. 55, 56
 Ленин В. И. 13, 32, 37, 43—45,
 55, 176—177, 180—182, 188,
 193, 200, 243, 250, 256, 257,
 262, 286, 316, 320, 337, 338,
 358, 381
 Леопольд Баварский 191
 Ливер Х. 163
 Ливеровский А. В. 352
 Линдлей Ф. 130
 Литвинов М. М. 135, 177, 179
 Лозовский А. 16
 Локкарт Р. Г. 101, 193, 302
 Локер-Лампсон О. 308, 374
 Лонг В. 57, 354
 Луначарский А. В. 177
 Ллойд Джордж Д. 10, 18, 54—
 57, 61, 62, 67, 76, 78, 91, 92,
 102, 103, 113, 118, 128—130,
 138, 140, 153, 154, 156, 159—
 161, 166, 172, 174, 177—179,
 191, 192, 198, 210, 211, 228,
 235, 236, 240, 248, 256, 258,
 278—282, 287, 292—295, 298,
 299, 309, 317, 320, 322, 329,
 339, 340, 343, 344, 347, 354,
 368, 369, 375, 376, 383, 387
 Львов Г. Е. 25, 90, 91, 101, 113,
 116, 126, 129—131, 145, 180,
 191, 193, 194, 238, 248, 251,
 254, 255, 383
- Майский И. М. 135, 179
 Мак-Аду У. Г. 270
 Макдональд Р. 211, 262
 Мак-Кена Р. 65, 77
 Маклаков В. А. 101, 359, 367
 Маклин Дж. 169, 258
 Макманус А. 12, 168
 Макс Баденский 120
 Манасевич-Мануйлов И. Ф. 48
 Мануйлов А. А. 101, 254
 Мария Федоровна 173
 Марков 2-й Н. Е. 31
 Мартов Ю. О. 177
 Марсден 301, 360, 375, 377
 Маршан Р. 299
 Мильнер А. 96, 104, 109—111,
 113—119, 152—155, 227, 228,
 288, 301, 388
 Милюков П. Н. 7, 25, 27, 49,
 85, 100, 101, 126—131, 141—
 147, 149, 151, 158, 160, 162,
 173, 176, 178, 181, 189—191,
 193, 196—198, 200—206, 212,
 235, 250, 266, 267, 273, 373
 Минорский В. 144, 221
 Минц И. И. 4, 14
 Михаил Александрович 90, 124,
 125, 172, 174
 Михельсон А. А. 65, 77, 96,
 97, 223, 343
 Мод Ф. С. 221, 272
 Мортон А. Л. 12, 13
 Морган 225
 Морумо 99
 Мотоно И. 32
- Набоков В. Д. 161, 359
 Набоков К. Д. 27, 98, 113, 120,
 122, 126, 127, 151—153, 159,
 179, 182, 193, 215, 217, 220,
 221, 229, 279, 280, 282, 283,
 291—293, 321, 325, 335, 336,
 361, 381
 Неклюдов А. В. 87, 88, 176
 Некрасов Н. В. 146, 147, 152,
 206, 249
 Нератов А. А. 28, 39, 120
 Нивель Р. Ж. 190, 231, 232
 Николай II 25, 28, 41—43, 50,
 52, 63, 82, 85, 86, 90, 95,
 100, 101, 104, 110, 111, 113—
 115, 118, 119, 121, 124, 125,
 129, 132, 172, 173, 384, 389
 Николай Михайлович 101
 Николай Николаевич 125, 127
 Ниссель 378
 Нокс А. 35, 38, 127, 128, 131,
 147, 189, 195, 214, 242, 243,
 245, 252, 254, 255, 288, 295,
 296, 298, 301, 309, 315, 336,
 361, 368, 370, 376—379
 Нольде Б. 359
 Нуланс Ж. 307, 310, 312
- О'Греди 132, 183, 185, 187, 237
 Ону А. М. 323
 Остроградский А. С. 158
 Оуфвейт Р. 170
- Палеолог М. Ж. 28
 Палицын Ф. Ф. 97
 Пальчинский П. И. 354

- Панкхерст С. 235
 Пеарз Б. 202, 223, 235
 Перен К. Л. 89
 Пестковский С. С. 136
 Петерс Я. Х. 136
 Пико Ж. 31
 Пиранг Р. Ю. 86
 Плеханов Г. В. 177
 Покровский М. Н. 14, 15
 Покровский Н. Н. 52, 86—89, 98, 110, 115, 123
 Половцев П. А. 253
 Попов А. Л. 22
 Прайс Ф. 11
 Протопопов А. Д. 40, 41, 48, 86—88, 89, 96, 119—121
 Пуль Ф. С. 154, 155, 223, 224, 230, 351, 352, 388
 Пуришкевич В. М. 96

 Радев С. 88
 Распутин Г. Е. 39, 48, 85, 95
 Ревельсток Дж. 109, 110
 Ренсом 364
 Рибо А. 61, 160, 161, 250
 Рид Дж. 12
 Ризов Д. 87, 88, 120
 Робертсон В. Р. 38, 190, 232, 248, 289, 293, 298, 372
 Робинс Р. 377, 378
 Родзянко М. В. 52, 67, 68, 93, 99, 100, 101, 120, 123, 124, 235, 245, 246, 373
 Родичев Ф. И. 146
 Розанов В. Н. 275
 Ротшильд Л. 354
 Ротштейн Ф. А. 136
 Рощаковский Н. 165
 Рубинштейн Н. Л. 14—16, 270, 346
 Рузский Н. В. 249
 Русанов Н. С. 275, 276
 Рут Э. 206, 252

 Савенко А. И. 38
 Савинков Б. В. 177, 179, 267, 294, 298, 305, 306, 377
 Сазонов С. Д. 28, 30, 32—34, 39, 72, 98, 112, 113
 Сайкс М. 31
 Сайкс П. 159
 Сандерс В. С. 183—186, 237

 Саррайль М. 115, 162, 220, 272
 Сватиков С. Г. 152, 314
 Сватковский В. П. 323
 Севастопуло М. М. 291, 325
 Сергей Михайлович 77
 Сесиль Р. 170, 174, 211, 220, 236, 320
 Сиверс Р. Ф. 242
 Сидоров А. Л. 14, 16—18, 66, 73, 389
 Скобелев М. И. 209, 373, 375, 380
 Смаили Р. 138
 Смирнов А. Н. 276
 Смит С. Дж. 8
 Сноуден Ф. 170
 Соколов Н. Д. 127, 128
 Соннино Д. С. 219
 Сталин И. В. 15, 16
 Стенли В. А. 222, 327, 336—337, 367
 Стивенс Д. 206
 Струве П. Б. 116
 Сухомлинов В. А. 87

 Тейт Дж. 12, 13
 Терещенко М. И. 90, 102, 146, 147, 152, 159, 201, 203—208, 210, 212—215, 217—221, 225, 227, 229, 234, 242, 243, 246, 249, 251, 254, 255, 268, 269, 271, 273, 274, 280, 283—285, 287, 288, 293—295, 300, 303, 306, 309—313, 334, 336, 347, 355, 357—363, 365—367, 370, 374—376, 378—380
 Тома А. 201, 203, 216, 220, 236, 238, 239
 Томсон В. 377, 378
 Торн Б. 132, 183, 185, 237, 256
 Торнхилл 102, 195, 235
 Трепов А. Ф. 52, 86, 87, 89, 94, 111
 Третьяков С. Н. 378
 Трукан Г. А. 27

 Уайттекер 62
 Уллман Р. Г. 10
 Уорд Дж. 328
 Уорф Р. Д. 9
 Уркварт Л. 354
 Уэллс Г. 170
 Уэст Ю. 235

- Файнберг Дж. 12, 262
Фарбман М. С. 11
Феачайлд Е. 211, 262
Филоненко М. М. 377
Франц-Иосиф 49
Френсис Д. 130, 199, 329, 330
Фридлянд Ц. 13
- Хауз Э. 164
Хаустов Ф. П. 242
Хейг Д. 160, 190, 196, 232,
248, 298, 324
Хёрт 222
Хиворт Г. 57
Ходж Дж. 132
Хор С. Дж. 94, 95, 116, 296, 298
Хэнбери-Вильямс Дж. 125, 127,
173
- Церетели И. Г. 147, 209, 267
- Челноков М. В. 101, 116
- Чемберлен О. 354
Чернин О. 120, 160
Чернов В. М. 177, 179, 209, 310
Черчилль У. 376, 377, 389
Чичерин Г. В. 136, 179
Чхеидзе Н. С. 125, 132, 239
- Шаховской В. Н. 70
Шаховской Д. И. 254
Шеер Г. 331
Шингарев А. И. 46, 158, 227, 254
Шляпников А. Г. 14
Штюрмер Б. В. 34, 39, 40, 48,
50, 52, 88, 94
Шуваев Д. С. 87
Шульц Г. 27, 334, 335
- Эрлих Г. М. 276
Эрицбергер М. 190, 191, 203
Этгер Н. С. 222
- Якубович Г. А. 233, 242

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава первая. Русско-английский союз к концу 1916 г.	28
Первые трещины в фундаменте союза	28
Русско-английские противоречия. Кризис <u>доверия</u> .	
Русско-английский союз и поворот к империалистическому миру	42
Продолжать ли войну? Царизм колеблется. Англия и поворот в мировой политике. Модус вивенди.	
Экономические отношения двух стран	60
Смена главного ростовщика. Передача морских перевозок в английские руки. Англия и иностранные заказы царизма. Перспективы на послевоенный период.	
Глава вторая. Накануне и в дни Февральской революции.	85
Попытки предотвратить революцию	85
Внешнеполитический аспект замыслов царизма. Прогрессивный блок и Англия. <u>Цели и средства</u> английской политики.	
Петроградская конференция	102
Цели сторон. Обсуждение вопросов ведения войны и союзной помощи России. Союзники ставят условия. Английская делегация и думская оппозиция.	
Враги и друзья русской революции	122
Английская дипломатия в февральские дни. Первые отклики на Февраль в Англии.	
Глава третья. Соучастники контрреволюционного похода	141
Падение роли русского империализма в мировой политике	141
Несостоятельные расчеты. Пересмотр ценности русского союзника. Помощь сокращается — контроль усиливается. Ущемление интересов русского империализма. Рост влияния русской революции.	
Единым фронтом	171
Монархические происки, травля Советов и партии большевиков. Преследования эмигрантов-интернационалистов. «Шубная делегация».	
Апрельский кризис и Англия	188
Внешнеполитический аспект подготовки переворота. Отношение Англии к подготовке переворота. В дни кризиса.	
Глава четвертая. Союзники в борьбе за русское наступление	204
Отношения с Англией при первой коалиции	204
Буржуазия меняет тактику. Беспочвенные обещания. Профанация борьбы за демократический мир. Новые поражения российского империализма. Сокращение экономической помощи России.	

Англия и подготовка июньского наступления	228
<i>Методы давления Англии. Идеологическая обработка русской армии. Миссия Гендерсона. Подготовка наступления реакции.</i>	
Кровавая жатва	248
<i>Оценка наступления в Англии и России. Неудача наступления и июльский кризис. Обострение классово-борьбы в Англии.</i>	
Глава пятая. Англия и корниловщина	264
Значение отношений с Англией во внешней политике керенщины	264
<i>Эволюция внешнеполитических программ русских буржуазных партий. В прежней колеснице. Провал Стокгольмской затеи соглашателей.</i>	
Англия берет курс на военную диктатуру в России	286
<i>В авангарде контрреволюции. Англия не удовлетворена.</i>	
Покровители и активные помощники заговорщиков	299
<i>За кулисами Государственного совещания. Отношение Англии к корниловской аванюре.</i>	
Глава шестая. В преддверии Великого Октября	316
Сообщники в международном сговоре	316
<i>Понски мира за счет России. Пособничество военному вмешательству извне.</i>	
В тисках экономической зависимости	338
<i>Материальная поддержка Англией российской контрреволюции. Рост экономической зависимости России от Англии.</i>	
Англия и «вторая корниловщина»	358
<i>Контрреволюция консолидируется. Активизация «корниловцев второго призыва». В последние дни.</i>	
Заключение	382
Перечень использованных архивных фондов	392
Список сокращений	393
Именной указатель	394

Анатолий Венедиктович Игнатьев
Русско-английские отношения в 1917 г.

Утверждено к печати

*Научным Советом АН СССР по комплексной проблеме
«История Великой Октябрьской социалистической революции»*

Редактор издательства *Е. Б. Зомбе*. Технический редактор *Г. Н. Шевченко*

Сдано в набор 10/II-1966 г. Подписано к печати 2/IV-1966 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 12,5. Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 21,4.

Тираж 1800. Изд. № 734/66. Тип. зак. 954. Т-03608.

Цена 1 р. 55 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

Набрано в Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете
Министров СССР. Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Отпечатано во 2-й тип. изд-ва «Наука». Москва Г-99,
Шубинский пер., 10

1 р 55 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»